

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

учпедгиз
1953

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
В.В. СТРУВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Р И М

УТВЕРЖДЕНО
МИНИСТЕРСТВОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ
РСФСР

МОСКВА
1953

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Третий том хрестоматии по истории древнего мира — «Древний Рим» — содержит, главным образом, документы по социально-экономической и политической истории Рима. В третий том включено значительное количество литературных и эпиграфических источников, публикуемых на русском языке впервые. В настоящем издании, в отличие от предыдущих, имеется раздел по истории Северного Причерноморья. Методические введения, предваряющие отдельные главы хрестоматии, имеют целью облегчить пользование рядом документов.

Хрестоматия предназначена для семинарских занятий студентов исторических факультетов вузов и преподавателей истории в средней школе.

Н. А. Машкин и Е. С. Голубцова

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА ЭПОХА РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ

Древний Рим, одно из могущественнейших рабовладельческих государств Средиземноморского мира, прошел длительный и сложный путь развития на протяжении своего существования. Вопрос о том, какие причины способствовали возвышению Рима, интересовал историков, начиная с древнейших времен. Античные авторы Страбон и Полибий искали объяснения могущества Рима в его выгодном географическом положении (документ № 1, 2). Характеристику древнейшего, «доримского» населения Италии и в первую очередь этрусков дает материал, сообщаемый Дионисием Галикарнасским (док. № 3). В дополнение к литературным источникам важно привлечь и данные археологии, воссоздающие яркие картины жизни и быта этрусков, начиная с их появления в Италии (в VIII в. до н. э.). К. Маркс подчеркивает общие черты развития этрусков с другими народами древности: «В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.» (К. Маркс, Капитал, т. I, 1951, стр. 340).

Литературные данные о возникновении Рима легендарны и противоречивы. Это отмечают сами античные авторы. Так, например, Дионисий Галикарнасский (док. № 4) говорит, что «существует много разногласий как по вопросу о времени основания города Рима, так и о личности его основателя». Наиболее распространена была версия, которую приводит Ливий (док. № 5): основателем Рима был потомок троянца Энея, приехавшего в Италию.

События раннего периода истории Рима нужно изучать в свете указаний Ф. Энгельса в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В том же плане должен быть освещен и вопрос о реформе Сервия Туллия, в результате которой осуществился переход от родового строя к государственной организации (док. № 6). Через всю эпоху ранней республики красной нитью проходит борьба богатых и бедных, полноправных и бесправных, патрициев и плебеев; об этом сообщают нам источники с самых ранних времен существования Римского государства.

Об успехах плебеев в этой борьбе свидетельствует, например, учреждение должностей народных трибунов для охраны их (плебеев) интересов (док. № 7). Законопроект Спурия Кассия предлагал для улучшения положения плебеев разделить между ними все земли, приобретенные римлянами во время войн.

Древнейшим эпиграфическим памятником римской истории являются законы XII таблиц (док. № 8). Появление подобного законодательства также свидетельствует о некоторых успехах плебеев в борьбе с патрициями. Надо учитывать, что наши сведения о законах XII таблиц не точны и иногда искажены при передаче их позднейшими авторами.

Основная часть статей кодекса посвящена охране собственности. Тяжелым наказаниям подвергаются должники. Отец семьи пользуется правом неограниченного владения, он может продавать своих детей в рабство. По законам XII таблиц собственность охраняется римским законом. За кражу по этим законам полагается большой штраф и даже смертная казнь. Установлен был обряд приобретения собственности — манципация. Специальная глава в законах XII таблиц посвящена вопросу о наследовании.

Значительным успехом плебеев в борьбе с патрициями было то, что по законам Лициния и Секстия один из консулов должен был избираться из плебеев.

События внутренней истории раннего Рима необходимо излагать в тесной связи с его агрессивной внешней политикой: борьбой с этрусками, войнами с латинами, самнитами и другими народами. Римляне захватывают одни за другими земли, прилегающие к их владениям, в результате чего в первый период республики Рим из незначительного города Лация становится крупнейшим центром Италии.

Излагая историю ранней республики, следует учитывать, что наши источники — Ливий, Плутарх и другие — не всегда достоверно передают события, излагают их тенденциозно, преувеличивая силы Римского государства. С этой точки зрения очень характерно тенденциозное описание Ливием событий в Кавдинском ущелье (док. № 9), когда римляне потерпели решительное поражение в борьбе с самнитами. После поражения в Кавдинском ущелье римская армия была реорганизована, и лишь с большим трудом римляне одержали победу над самнитами уже значительно позднее, в третьей самнитской войне.

Краткий очерк политики Рима в эту эпоху дает Полибий (док. № 10). Завоевав земли, принадлежавшие самнитам, римляне оказались непосредственными соседями южноиталийских греческих городов и, в первую очередь, Тарента.

Южноиталийские города были колониями, выведенными в VII—VI вв. до н. э. греками; они упорно отстаивали свою государственную независимость. Важнейший из них, Тарент — колония, выведенная Спартой, — вступил в союз с эпирским царем Пирром для борьбы против Рима. Изложив события времен пирровой войны, нужно подчеркнуть, почему римлянам удалось победить, остановиться на римской военной тактике и экспедиции Пирра, которая была, по существу, авантюрой. Завершением войны с Пирром закончился первый период завоеваний Рима — покорение Италии.

№ 1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ИТАЛИИ

(Страбон, География, II, 5, 27; IV, 4, 1)

Страбон, уроженец Амасии Понтийской, родился в середине 60-х годов до н. э., умер в 24 г. н. э. Происходил из богатой семьи и получил хорошее образование — он изучал философию Аристотеля и стоиков. Большое внимание посвятил знакомству с историей и географией. Страбон много путешествовал, предпринял ряд экспедиций: на запад — до Сардинии и на юг — до границ Эфиопии. Он хорошо изучил географические условия и быт народов Малой Азии, Греции и Италии. Со времени установления принципа Страбон переехал в Рим, где и прожил до конца своей жизни. В 24 г. до н. э. Страбон посетил Египет, который изъездил от дельты Нила вплоть до его южной границы.

Сочинение Страбона «География» состоит из 17 книг. Там содержится большое количество сведений не только по географии, но и по истории Рима. Страбона называют отцом исторической географии. В его сочинениях критически используются труды предшественников и в первую очередь Эратосфена.

Материал «Географии» Страбона подразделяется по территориальному принципу. Книги 3—10 — Европа (3 — Иберия, 4 — Галлия, 5 и 6 — Италия, 7 — Север и Восток, 8, 9, 10 — Эллада), 11—16 — Азия, 17 — Африка.

Большое внимание уделяет Страбон описанию нравов и обычаев народов. Для нас особенно ценны сведения, которые сообщает Страбон о Северном Причерноморье — о природных условиях и населении, в частности племенах роксолан, скифов и др. Большую ценность представляют и данные Страбона по истории Северного Причерноморья, о чем мы часто не находим ни слова у других античных историков.

Страбон является также автором исторического труда в шести книгах, из которого до нас дошли только отрывки.

Италия начинается равнинами, которые расположены у подножья Альп и тянутся до Адриатического моря и прилегающих к нему местностей. За этими равнинами Италия представляет длинный, узкий и заканчивающийся мысами полуостров, во всю длину которого тянутся Апеннинские горы на семь тысяч стадий¹. Ширина их не везде одинакова. Полуостровом делают Италию моря: Тирренское, Авзонское и Адриатическое.

Теперь обозначим самые важные условия, благодаря которым римляне в настоящее время поднялись до такой высоты. Первое из этих условий состоит в том, что Италия, наподобие острова, окружена, как верною оградой, морями, за исключением только немногих частей, которые в свою очередь защищены трудно проходимыми горами. Второе условие то, что хотя большая часть ее берегов не имеет гаваней, зато существующие гавани обширны и весьма удобны... В-третьих, Италия расположена в различных климатических зонах, соответственно которым там имеются разнообразные животные, растения и вообще все необходимые для человека предметы. В длину Италия тянется большею частью от севера к югу; значительная по длине и по ширине Сицилия присоединяется к Италии, как часть ее... Почти во всю длину ее тянутся Апеннинские горы, имеющие по обеим сторонам равнины и плодородные холмы, так что нет такой части Италии, на долю которой не выпадали бы удобства гор и равнины. Ко всему этому нужно прибавить большие размеры и

множество рек и озер, а также во многих местах теплые и холодные источники, благодетельные для здоровья. Кроме того, имеется множество всякого рода металлов, строительного материала, пищи для человека и для домашних животных, так что невозможно выразить словами всего изобилия и высоких достоинств плодов, здесь произрастающих. Наконец, будучи расположена среди самых многочисленных народов Эллады и лучших частей Либии², она, с одной стороны, превосходит своими достоинствами и размерами окружающие ее страны, чем облегчается господство ее над ними; с другой стороны, благодаря близости к ним, она может с легкостью удерживать свою власть над этими областями.

Перев. Ф. Г. Мищенко.

¹ Стадий — мера длины. Римский стадий равнялся 185 м, аттический — 178 м.

² Либия (Ливия) — Северное побережье Африки (расположена между Нумидией и Киренаикой), земли ее славилась плодородием.

№ 2. ОПИСАНИЕ ИТАЛИИ

(Полибий, II, 14, 15)

Полибий родился в Аркадии на рубеже III и II вв. до н.э., умер в 20-х годах II в. Происходил он из богатой семьи. В период борьбы Рима с Персеем он открыто придерживался антиримских позиций и после поражения последнего был отправлен в качестве заложника в Рим. За время пребывания в столице могущественного государства (Полибий прожил там с перерывами 16 лет), его политические взгляды значительно изменились. Он познакомился с представителями правящей верхушки римского общества и стал поклонником римского государственного строя.

В течение своей жизни Полибий много путешествовал, так как считал, что историк должен «больше доверять своим глазам, чем ушам». Он побывал в Африке и Испании — был очевидцем разрушения Карфагена и осады Нуманции, посетил Египет, Галлию, превосходно знал Грецию.

Основным трудом Полибия является «Всемирная история» в 40 книгах, из которых целиком до нас дошло только 5 книг, некоторые сохранились в отрывках. Там излагаются события 264—146 гг. до н.э. Цель труда Полибия, по словам самого автора, показать, как и почему римляне подчинили своей власти большинство окружающих их племен и народов.

Идеальным политическим устройством, по мнению Полибия, являлось сочетание аристократических, монархических и демократических начал — смешанная форма правления, осуществление которой нашло свое выражение в Римском государстве.

Преклонение Полибия перед мощью Рима настолько велико, что он оправдывает даже покорение им своей родины — Греции.

Полибий более критично относится к своим источникам, чем другие историки древности, в его сочинениях сравнительно мало легендарного. Благодаря этому, сведения Полибия о событиях средиземноморской истории конца III — начала II в. в большей части можно считать достоверными.

Вся Италия представляет подобие треугольника, одну сторону которого, обращенную к востоку, омывают Ионийское море и примыкающий к нему Адриатический залив, другую сторону, обращенную к югу и западу, омывают Сицилийское и Тирренское

моря. Сближаясь между собою, стороны эти образуют в вершине южный мыс Италии, именуемый Кокином и разделяющий моря Ионийское и Сицилийское. Третью сторону, идущую на север по материку, образует во всю длину Альпийский хребет, который начинается от Массалии¹ и земель, лежащих над Сардинским морем, и тянется непрерывно до наиболее углубленной части Адриатики; лишь на небольшом расстоянии от моря хребет оканчивается. Южный край названного хребта следует принимать как бы за основание треугольника; к югу от нее простираются равнины, занимающие самую крайнюю северную часть Италии, о которых и идет теперь речь; по плодородию и обширности они превосходят остальные известные нам равнины Европы. Общий наружный вид этих равнин — также треугольник; вершину его образует соединение так называемых Апеннинских и Альпийских гор недалеко от Сардинского моря над Массалией. На северной стороне равнины тянутся, как сказано выше, Альпы на две тысячи двести стадий, а вдоль южной стороны тянутся Апеннины на пространстве трех тысяч шестисот стадий. Линией основания всей фигуры служит побережье Адриатического залива; длина основания от города Сены² до углубления залива более двух тысяч пятисот стадий, так что объем упомянутых выше равнин составляет немного меньше десяти тысяч стадий.

Нелегко перечислить все достоинства этой земли. Так, она изобилует хлебом в такой степени, что в наше время нередко сицилийский медимн³ пшеницы стоит четыре обола⁴, медимн ячменя два обола, столько же стоит метрет⁵ вина; гречиха и просо рождаются у них в невероятном изобилии. Как много растет желудей на этих равнинах в дубовых лесах, раскинутых на некотором расстоянии один от другого, всякий может заключить лучше всего из следующего: в Италии убивают огромное количество свиней частью для домашнего употребления, частью для продовольствия войск, и животных привозят главным образом с этих равнин. О дешевизне и обилии различных съестных припасов можно судить вернее всего по тому, что путешествующие в этой стране, заходя в таверну, не расспрашивают о стоимости отдельных предметов потребления, но платят столько, сколько возьмет хозяин с человека. Обыкновенно содержатели таверн, давая часто всего вдоволь, берут за это пол-асса, что составляет четвертую часть обола; лишь в редких случаях взимается более высокая плата.

С обеих сторон Альп, как с той, которая обращена к реке Родану⁶, так и с другой, спускающейся к названным выше равнинам, холмистые и низменные местности густо заселены: лежащие по направлению к Родану и к северу заняты галатами, которые называются трансальпинами, а обращенные к равнинам заселены таврисками, агонами и многими другими варварскими народами. Трансальпинами галаты называются не по своему происхождению, но по месту жительства, ибо слово trans значит

«по ту сторону», и римляне называют трансальпинами тех галатов, которые живут по ту сторону Альп. Вершины гор вследствие скудности почвы и скопления на них вечных снегов совершенно необитаемы.

Перев. Ф. Г. Мищенко.

¹ *Массалия* — колония, основанная жителями Фокеи на Лигурийском побережье Галлии на рубеже VII—VI вв. до н. э.

² *Сена* — город в Умбрии на берегу Адриатического моря.

³ *Медимн* — греческая мера сыпучих тел, равная 51,84 литра.

⁴ *Обол* — мелкая монета в Греции, равна 4—5 копейкам.

⁵ *Метрет* — мера жидкостей в Афинах, равная 39 литрам.

⁶ Река *Родан* — римское название Роны.

№ 3. ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ИТАЛИИ

(Дионисий Галикарнасский, Римские древности, I, 26, 30)

Дошедшие до нас биографические данные о Дионисии Галикарнасском крайне скудны. Известно лишь, что он приехал в Рим в последний период гражданских войн и прожил там свыше 20 лет.

Сочинение, явившееся плодом всей его жизни, носит название «Римская древняя история» в 20 книгах. Она охватывает события с самых древнейших периодов существования Италии до начала пунических войн. От труда Дионисия сохранились лишь первые 9 книг, а остальные дошли до нас в отрывках. Дионисий старается доказать единое происхождение греков и римлян, чтобы, как он говорил, «таким образом сделать для греков более сносным их подчинение римлянам». Большое значение он придает управлению богов судьбами народов. Дионисий нередко переносит политическую атмосферу современной ему эпохи на ранний период истории Рима, поэтому данные его нужно воспринимать критически.

...Одни считают тирренцев исконными жителями Италии, другие считают их пришельцами. Про их название те, кто считает их туземным народом, говорят, что оно им дано от того вида укреплений, которые они первые из живущих в той стране стали у себя воздвигать: у тирренцев, как и у эллинов, окруженные стенами и хорошо прикрытые строения — башни — называются тирсами или тиррами; одни полагают, что их название дано им из-за того, что у них имеются такие постройки, подобно тому, как и мосинойки, живущие в Азии, названы так из-за того, что живут за высокими деревянными частоколами, словно в башнях, которые у них называются мосинами.

Другие, которые считают их переселенцами, говорят, что вождем переселенцев был Тиррен и что от него получили свое название и тирренцы. А сам он был по происхождению лидиец из земли, ранее называвшейся Меонией... У Атиса... родились два сына: Лид и Тиррен. Из них Лид, оставшийся на родине, унаследовал власть отца, и по его имени и земля стала называться Лидией; Тиррен же, став во главе уехавших для поселения, основал большую колонию в Италии и всем участникам предприятия присвоил название, происходящее от его имени.

Гелланик Лесбосский¹ говорит, что тирренцев раньше называли пеласгами²; когда же они поселились в Италии, то приняли название, которое имели в его время... Пеласги были изгнаны эллинами, они оставили свои корабли у реки Спинеты в Ионическом заливе, захватили город Кротон³ на перешейке и, двинувшись оттуда, основали город, называемый теперь Тирсений...

Мне же кажется, что ошибаются все, считающие тирренцев и пеласгов за один народ; что они могли заимствовать друг у друга название, не вызывает удивления, так как нечто подобное происходило и у некоторых других народов, как эллинских, так и варварских, как, например, у троянцев⁴ и фригийцев⁵, живших поблизости друг от друга (ведь у многих народов происхождение считается общим, и такие народы отличаются между собой только по названию, а не по своей природе). Не меньше чем в других местах, где происходило смешение названий у народов, такое же явление наблюдалось и среди народов Италии. Было же такое время, когда эллины называли латинов, умбров и авзон⁶ и многие другие народы тирренцами. Ведь продолжительное соседство народов делает затруднительным для отдаленных жителей их точное различие. Многие историки предполагали, что и город Рим — тирренский город. Я соглашаюсь с тем, что у народов происходит перемена названия, а потом перемена в образе жизни, но я не признаю, чтобы два народа могли обмениваться своим происхождением; я опираюсь в данном случае на то, что они при этом отличаются друг от друга во многих отношениях, особенно же речью, причем ни одна не сохраняет в себе никакого сходства с другой. «Ведь кротонцы, — как говорит Геродот⁷, — не говорят на одном языке ни с кем из живущих по соседству с ними, ни плакийцы не имеют общего с ними языка. Ясно, что они принесли с собой особенности языка, переселяясь в эту страну, и оберегают свой язык». Разве покажется кому-нибудь удивительным, что кротонцы говорят на том же диалекте, как и плакийцы, живущие в Геллеспонте, раз те и другие первоначально были пеласгами, и что язык кротонцев не похож на язык тирренцев, живущих с ними в близком соседстве...

Опираясь на такое доказательство, я и думаю, что тирренцы и пеласги разные народы. Не думаю я также, что тирренцы выходцы из Лидии⁸, ведь говорят они не на одинаковом языке, и даже нельзя про них сказать, что если они говорят и не на одинаковом языке, то все же сохраняют некоторые обороты речи родной земли. Они и сами полагают, что и боги у лидийцев не такие же, как у них, и законы, и образ жизни совсем неодинаковые, но во всем этом они больше отличаются от лидийцев, чем даже от пеласгов. Ближе к истине находятся те, кто утверждает, что это ни откуда не прибывший, но туземного происхождения народ, поскольку к тому же обнаруживается, что это очень древний народ, не имеющий ни общего языка, ни образа

жизни с каким-либо другим племенем. Эллинам же ничто не мешает обозначать его таким названием как бы из-за постройки башен для жилья, или как бы по имени их родоначальника. Римляне же обозначают их другими названиями, а именно: по имени Этрурии⁹, земли, в которой проживают, они и самих людей называют этрусками. А за их опыт в исполнении священнослужений в храмах, которым они отличаются от всех других народов, римляне называют их теперь менее понятным названием тусков, раньше же называли, уточняя это название по греческому его значению, тиосками (от греческого глагола *θύω* — приношу жертву); сами же они себя называют точно так же (как и в других случаях) по имени одного из своих вождей расеннами...

Фила¹⁰ же пеласгов, которая не погибла, рассеялась по другим колониям и в небольшом числе из прежнего большого своего состава, смешавшись в политическом отношении с аборигенами, оставалась в тех местах, где со временем их потомки вместе с другими основали город Рим...

Перев. В. С. Соколова.

¹ *Гелланик Лесбосский* — греческий автор, так называемый «логограф», жил в V в. до н. э., писал о ранних эпохах происхождения народов; в сочинениях его много мифического.

² *Пеласги* — догреческие обитатели Греции, которые, по традиции, переселились в Среднюю Италию и заняли Этрурию и Лациум.

³ *Кротон* — греческая колония на юге Италии.

⁴ *Троянцы* — жители города Трои, находившегося в северо-западной части Малой Азии.

⁵ *Фригийцы* — жители Фригии, страны, расположенной в западной части Малоазиатского полуострова.

⁶ *Латины, умбры и авзоны* — племена, населявшие области Средней Италии.

⁷ *Геродот* — первый крупный греческий историк, жил в V в. до н. э. Получил название «отца истории» (Цицерон).

⁸ *Лидия* — страна в Малой Азии.

⁹ *Этрурия* — область, расположенная на западном побережье Италии, ограничена Апенниннами и рекой Тибром.

¹⁰ *Фила* — название племени у греков, подразделялась на фратрии и роды.

№ 4. ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ РИМА

(Дионисий, Римские древности, I, 72—73)

Ввиду того, что существует много разногласий как по вопросу о времени основания (города Рима), так и о личности его основателя, я и сам думал, что совсем не нужно, чтобы, как это всеми признано, основатели его явились под видом враждебного нашествия. Очень древний историк Кефал Гергитий¹ говорит, что город был основан вторым поколением после Троянской войны², людьми, спасшимися из Илиона вместе с Энеем³, основателем же города называет предводителя колонии, Рома, который был одним из сыновей Энея. Он говорит, что у Энея роди-

лись четыре сына: Асканий, Еврилеонт, Ромул и Рем. То же время и тот же основатель города указываются и Дематором, и Агатиллом, и некоторыми другими...

Хотя я мог бы указать еще много других греческих писателей, которые по-разному говорят об основателях города Рима, я, чтобы не показаться многословным, обращусь к римским историкам. Древних историков или логографов⁴ у римлян нет ни одного. Каждый (кто об этом писал) заимствовал что-нибудь из сказаний, сохранившихся от древности в священных таблицах. Некоторые из таких историков передают, что основатели города Ромул и Рем были сыновьями Энея, другие — что они были сыновьями дочери Энея, а от какого отца, не указывают. Они будто бы были даны Энеем в заложники царю аборигенов Латину, когда заключался договор дружбы между местными жителями и пришельцами. Латин приветливо их встретил и окружил всякими заботами, и так как он не имел потомства мужского пола, он сделал их после своей смерти наследниками части своего царства. Другие говорят, что после смерти Энея Асканий унаследовал все царство Латина и разделил его со своими братьями Ромулом и Ремом на три части. Сам он основал Альбу⁵ и некоторые другие города, Рем же дал названия Капуе по имени пра-родителя Каписа, Анхизе по имени деда Анхиза, Энейе, позднее названной Яникулом, по имени отца Энея; по своему же имени назвал город Рим. После того как некоторое время Рим оставался незаселенным, туда пришли еще другие колонисты, посланные из Альбы под предводительством Ромула и Рема, и захватили прежде основанный город. Первый раз этот город был основан вскоре после Троянской войны, а во второй раз на 15 поколений позже. Если же кто-нибудь захочет заглянуть глубже в прошлое, то обнаружится, что существовал еще третий Рим, раньше двух последующих, основанный до прибытия Энея и троянцев в Италию. И написано это не у какого-нибудь случайного историка, или из новых, а у Антиоха Сиракузского, о котором я упоминал и раньше. Он пишет, что когда в Италии царствовал Моргет (а Италией называлась тогда приморская земля от Тарента до Посейдонии), пришел к нему беглец из Рима. Именно он говорит: «Когда Итал состарился, воцарился Моргет; к нему пришел какой-то человек, беглец из Рима, по имени Сикел». Согласно этому Сиракузскому историку, обнаруживается, следовательно, какой-то древний Рим, существовавший еще раньше троянских времен. Однако находился ли он на том самом месте, на котором стоит великий город в настоящее время, или существовало какое-либо другое место с таким же названием, это он оставляет невыясненным, и я сам не могу этого разрешить.

Перев. В. С. Соколова.

¹ Кефал Герейтий — кроме сообщения Дионисия, никаких больше сведений о нем не имеется.

² *Троянская война* — война, которую вели ахейские войска против Трои (Илиона) — города, находившегося в северо-западной части Малой Азии. Лишь после долгой осады Троя была захвачена. Эти события имели место в конце XII в. до н. э.

³ *Эней* — легендарный царь дарданов, одного из племен Малой Азии, по преданию, после разрушения города Трои бежал в Италию и стал «родоначальником» римского народа.

⁴ *Логографами* называли в Греции авторов первых прозаических произведений (VI—V вв. до н. э.).

⁵ *Альба* — один из древнейших городов Средней Италии.

№ 5. ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ РИМА

(Тит Ливий, I, 3—7).

Тит Ливий — римский историк времен становления империи. Родился он в 59 г. до н. э. в итальянском городе Патавии (современная Падуя), умер в 17 г. н. э. Ливий является автором монументального труда в 142 книгах, который называется «Римская история от основания города» (то-есть Рима). Из этих книг дошло до нас лишь 35: с первой по десятую и с двадцать первой по сорок пятую. В первых десяти книгах содержатся события от основания Рима и до 293 г. до н. э., в книгах двадцать первой — сорок пятой — дается описание событий 218—168 гг. до н. э. Содержание остальных книг известно по кратким аннотациям, так называемым эпитомам, составленным в IV в. н. э. Труд Ливия оказал значительное влияние на всю последующую римскую историографию и имел много подражателей.

По своим политическим взглядам Ливий в значительной мере являлся идеологом правящих классов времен принципата. Лозунг *Pax Romana* (римский мир), официально провозглашенный Августом, послучил в его «Римской истории» широкое отражение. Ценность первых десяти книг «Римской истории» сравнительно невелика, там имеется много фантастического, большое значение Ливий придает приметам, предсказаниям оракулов и пр.

Более достоверны сведения, сообщаемые им в книгах двадцать первой — сорок пятой, где дается описание пунических войн и международной обстановки того времени.

На все сочинение Ливия наложила отпечаток тенденция, с которой оно было написано: в предисловии говорится, что целью труда является описание тех качеств и достоинств римского народа, которые помогли ему достичь такой силы и могущества. Благодаря этой «романоцентристской» позиции из поля зрения автора выпадает большое количество событий, имевших важное значение в истории Средиземноморья.

Очень часто в сочинениях Ливия проглядывают политические взгляды тех историков, произведениями которых он пользовался совершенно некритически. Все эти замечания необходимо учитывать, пользуясь «Римской историей» Тита Ливия как историческим источником.

Сын Энея Асканий не достиг еще того возраста, чтобы вступить во власть, но эта власть благополучно сохранилась за ним до периода его вожужалости; в течение такого продолжительного времени латинское государство, царство его деда и отца, уцелело у мальчика благодаря женской охране — такой способной женщиной была мать Аскания Лавиния. Этот-то Асканий вследствие избытка населения в городе Лавинии, названном так его отцом в честь жены, предоставил своей матери цветущий по тогдашнему времени и богатый город, а сам основал у подошвы

Албанской горы новый, который назвал Длинной (Лонга) Альбой, так как он по своему положению растянулся по горному хребту. Между основанием Лавинии и колонии Альбы Лонги прошло почти тридцать лет, когда могущество государства возросло до того, что ни после смерти Энея, ни во время правления женщины, ни даже в первые годы царствования юноши ни вождь этрусков Мезенций, ни другие соседи не рискнули поднять оружия. По мирному договору границей между этрусками и латинянами стала река Альбула, именуемая теперь Тибром.

Затем царствовал сын Аскания Сильвий, названный так потому, что родился в лесу. У него был сын Эней Сильвий, а у этого — Латин Сильвий. Он основал несколько колоний. По его имени получили свое название древние латиняне. Затем за всеми царями Альбы осталось прозвище Сильвиев. Далее, после ряда других царей, правил Прока. У него были сыновья Нумитор и Амулий. Старинное царство Сильвиев завещано было Нумитору, как старшему сыну. Но сила оказалась выше воли отца и права старшинства: прогнав брата, воцарился Амулий; к одному злодеянию он присоединил другое, умертвив сына брата; дочь же брата — Рею Сильвию — он лишил надежды на потомство, сделав ее под видом почести весталкой.

Но, я полагаю, столь сильный город и государство, уступающее лишь могуществу богов, обязано было своим возникновением предопределению судьбы. Когда весталка родила близнецов, она объявила отцом этого неизвестного потомства бога войны Марса или потому, что верила в это, или потому, что считала более почетным выставить бога виновником своего преступления. Однако ни боги, ни люди не в силах были защитить ее и детей от жестокости царя: жрица в оковах была ввергнута в тюрьму, а детей приказано было выбросить в реку. Но случайно, или по воле богов, Тибр выступил из берегов и образовал спокойно стоящую воду, так что нигде нельзя было подойти к настоящему руслу его; вместе с тем посланные надеялись, что дети потонут даже и в такой воде. Итак, считая себя исполнившими повеление царя, они выбросили детей в ближайшую лужу, где теперь находится Руминальская смоковница (говорят, что она называлась Ромуловой). В тех местах была тогда обширная пустыня. Существует предание, что когда плавающее корыто, в котором были выброшены мальчики, после спада воды осталось на сухом месте, волчица, шедшая из окрестных гор напиться, направилась на плач детей; она с такой кропотливостью стала кормить их грудью, что главный царский пастух, по имени Фаустул, нашел ее лижущей детей. Он принес их домой и отдал на воспитание жене своей Ларенции. Так родились они и так воспитались; когда же подросли, то, не оставаясь без дела в хижине пастуха или около стад, они, охотясь, бродили по лесам. Укрепившись среди таких занятий телом и духом,

они не только преследовали зверей, но нападали и на разбойников, обремененных добычею, делили награбленное ими среди пастухов и с этой со дня на день увеличивавшейся дружиной занимались и делом и шутками.

Уже в то время существовало празднество Луперкалий. Оно состояло в том, что нагие юноши состязались в беге, сопровождаемая шутками и весельем поклонение богу Пану. Этот праздник стал известным; и вот, когда Ромул и Рем предавались играм, разбойники, раздраженные потерей добычи, устроили им засаду; Ромул отбился, а Рем был захвачен и вдобавок представлен царю Амулию как обвиняемый. Главная их вина состояла в том, что они нападали на поля Нумитора и с шайкой юношей угоняли оттуда скот, точно неприятели. Вследствие этого Рем был передан Нумитору на казнь. Уже с самого начала Фаустул подзревал, что у него воспитываются царские дети; он знал, что они выброшены по повелению царя; совпадало и время, когда он нашел их; но, не уверившись окончательно, он не хотел открывать этого, разве выпадет случай или принудит необходимость. Необходимость явилась раньше. И вот, под влиянием страха он открывает все Ромулу. Случайно и у Нумитора, когда он содержал под стражею Рема и прослышал про братьев-близнецов, мелькнула мысль о внуках при сопоставлении их возраста и характера пленника, вовсе не похожего на раба. Путем расспросов он пришел к тому же результату и почти признал Рема. Таким образом царю со всех сторон куются козни. Ромул, не считая себя сильным для действия открытого, не нападает на царя с шайкой юношей, а приказывает каждому пастуху прибыть своей дорогой в определенное время к дворцу. Со стороны жилища Нумитора является на площадь Рем, приготовивший другой отряд.

Так они убивают царя. Нумитор в начале суматохи, заявляя, что неприятели вторглись в город и напали на дворец, отозвал альбанскую молодежь для защиты крепости; когда же увидал, что братья, умертвив царя, идут к нему с приветствием, он тотчас созывает собрание, представляет на вид преступление брата против него, указывает на происхождение, рождение и воспитание внуков, говорит, как были узнаны, как непосредственно затем был убит тиран, и объявляет, что он виновник этого. Юноши, выступив затем на середину собрания, приветствовали деда царем, а последовавшие единодушные восклицания толпы закрепили за ним царское имя и власть. Предоставив таким образом Альбанское царство Нумитору, Ромул и Рем пожелали основать город в тех местах, где были найдены и воспитаны. К тому же альбанского и латинского населения был избыток; к ним присоединились пастухи, все это подавало надежду на то, что и Альба и Лавиний будут малы в сравнении с тем городом, который они собирались основать. Но к этим расчетам примешалось вредное влияние дедовского зла — страсти к цар-

ской власти, следствием чего был позорный бой, возникший из-за маловажного обстоятельства. Так как братья были близнецы и нельзя было решить дела на основании первенства по рождению, то Ромул избирает Палатинский, а Рем — Авентинский холм для гадания, чтобы боги, покровители тех мест, указали знамениями, кому дать имя городу и кому управлять им.

Рассказывают, что знамение — 6 коршунов — явилось ранее Рему, и оно уже было возведено, когда Ромулу явилось их двойное число, и вот того и другого толпа приверженцев приветствовала царем: одни требовали царской власти для своего вождя, основываясь на преимуществе времени, другие — на числе птиц. Поднялась брань, а вызванное ею раздражение привело к драке, во время которой в свалке был убит Рем.

Более распространено, однако, предание, что Рем, смеясь над братом, перепрыгнул через стены нового города; разгневанный этим Ромул убил его, сказав: «Так будет со всяким, кто перепрыгнет через мои стены». Таким образом, Ромул один завладел царством, а город был назван именем основателя.

Перев. А. Клеванова.

№ 6. РЕФОРМА СЕРВИЯ ТУЛЛИЯ

(Дионисий, Римские древности, IV, 15—18)

Он (Сервий Туллий) приказал всем римлянам записаться и оценить свое имущество на серебро, скрепляя показания обычной клятвой, что сведения справедливы и что имущество оценено полностью и по самой высокой расценке, объявить, от какого отца кто происходит, указать свой возраст, назвать своих жен и детей и к какой филе города каждый приписан или к какому округу сельской местности. Тому, кто не даст такой оценки, он грозил лишением имущества, телесным наказанием и продажей в рабство. Закон этот просуществовал у римлян очень долгое время.

Когда все произвели оценку, он взял записи и, ознакомившись с их большим числом и с величиной имущества, ввел наилучшее из всех политическое устройство, как это показала действительность, источник величайших благ для римлян. Это политическое устройство было таково: в первый разряд он выделил из общего числа тех, у кого была наибольшая оценка имущества, не менее как в сто мин¹ [у каждого]. Разделив этих граждан на 80 центурий² [лохов], он приказал им иметь полное вооружение: арголийские щиты, копья, медные шлемы, панцири, поножи и мечи. Их он в свою очередь разделил на две части: 40 центурий он заполнил молодыми людьми, которым поручил военные действия в открытом поле, и 40 — более пожилыми людьми, которым надлежало, в случае ухода молодежи, оста-

ваться в городе и охранять его стены изнутри. Таков был первый разряд. На войне он занимал первые места в строю фаланги.

Далее, во второй разряд он выделил из остальных тех, у кого было имущества менее чем на десять тысяч драхм³ или не менее чем на семьдесят пять мин [у каждого]. Разделив их на 20 центурий, он приказал им иметь такое же вооружение, как и первым, только панцирей им не дал и вместо аргонийских щитов дал им продолговатые четырехугольные щиты [scutum]. Выделив и среди них людей старше сорока пяти лет от людей призывного возраста, он образовал из них 10 центурий молодых воинов, которые должны были сражаться перед стенами города, и 10 центурий старшего возраста, которым он указал охранять стены. Таков был второй разряд, в строю они становились среди передовых бойцов.

Третий разряд он составил из тех, среди остальных, у которых было имущества менее чем на семь тысяч пятьсот драхм или не менее чем на пятьдесят мин [у каждого]. Вооружение этих центурий он уменьшил не только в отношении панцирей, которых не дал и второму разряду, но и в отношении поножий. Он разделил и этот разряд на 20 центурий и таким же образом, как и первые два разряда, распределил их по возрасту и предоставил 10 центурий молодым воинам и 10 центурий более пожилым. Место этих центурий в битве было позади командиров передовых бойцов.

Затем отобрав опять из оставшихся тех, кто имел имущества менее чем на пять драхм, но не менее чем на двадцать пять мин [у каждого], он образовал из них четвертый разряд. И их он разделил на 20 центурий, из которых 10 заполнил людьми в расцвете сил и 10 других более пожилыми, подобно тому как поступил с предыдущими разрядами. В качестве оружия он приказал им иметь продолговатые щиты, мечи и копья и занимать последнее место в строю.

Пятый разряд людей, имеющих имущества менее чем на двадцать пять мин, но не менее чем на двенадцать с половиной мин, он разделил на 30 центурий, но и их заполнил по возрастному признаку: 15 из этих центурий он предоставил пожилым людям и 15 — молодым. Им он предписал вооружиться металлическими копьями и пращами и сражаться вне строя. Четверым центуриям, не имеющим никакого оружия, он предписал сопровождать вооруженных. Из этих четырех центурий две состояли из ружейников и плотников и других мастеров, изготавливающих все необходимое для военного дела; две других — из трубачей и горнистов и умеющих на других инструментах возглашать военные сигналы.

Центурии, составленные из ремесленников, сопровождали воинов из второго разряда, причем тоже были разделены по

возрасту и одна центурия сопровождала молодых, а другая пожилых; трубачи же и горнисты находились при центуриях четвертого разряда. И из них одна центурия состояла из молодых, другая — из пожилых. Центурионы [лохаги], избиравшиеся из самых благородных, обучали каждый свою центурию исполнять все военные команды.

Таково было устройство пешего войска: фаланги⁴ и легковооруженных отрядов. Всю же конницу он [Сервий Туллий] составил из людей, имеющих наибольшее имущество и наиболее видных по своему происхождению. Он их разделил на 18 центурий и присоединил их к первым восьмидесяти центуриям фалангистов. Начальниками конных центурий [лохов] были тоже самые видные и знатные люди.

Всех же остальных граждан, имеющих имущества меньше чем на двенадцать с половиной мин, численностью превышавших всех выше названных, он поместил в одну центурию, освободил от военной службы и от уплаты налогов.

Всего центурий во всех разрядах вместе было 193. Первый класс составляли вместе с всадниками 98 центурий; второй класс — 22 центурии, считая две центурии ремесленников; третий класс — 20 центурий; четвертый — опять 22 центурии вместе с трубачами и горнистами; пятый же класс — 30 центурий; шестой класс, поставленный после всех, — всего одна центурия людей малоимущих.

Перев. В. С. Соколова.

¹ *Мина* — денежная единица в Греции, равная приблизительно 450 г; одна золотая мина равна пяти серебряным.

² *Центурия* (цензовая) — подразделение граждан по имущественному признаку. По конституции Сервия Туллия таких центурий было 193.

³ *Драхма* — аттическая серебряная монета, равная 35 коп. золотом.

⁴ *Фаланга* — отряд войска, сражающийся в пешем сомкнутом строю.

№ 7. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРИБУНАТА

(Тит Ливий, II, 23, 24, 27—33)

Грозил война с вольсками¹, а внутри самого государства шли раздоры, так как плебеи пылали ненавистью к патрициям главным образом из-за тех, кто шел в кабалу за долги. Недовольные между плебеями роптали, что, сражаясь за пределами родины в защиту свободы и власти, дома они находятся в плену и угнетении у сограждан, что свобода плебеев подвержена большей безопасности во время войны, чем во время мира, и больше среди врагов, чем среди сограждан. Эту ненависть, уже готовую прорваться, разожгло бедственное положение одного видного человека. Он в преклонных годах бросился на форум², указывая на знаки всех своих несчастий. Одежда его была по-

крыта грязью, еще более гнусный вид имело его тело, истощенное от бледности и худобы; сверх того, отросшие борода и волосы придавали его лицу дикий вид. Однако, несмотря на такое безобразие, его можно было узнать; говорили, что он был центурионом³; упоминали с состраданием и о других его военных отличиях; сам он показывал в нескольких местах рубцы на груди, свидетельствовавшие об его доблестных боях. На вопросы толпы, окружившей его наподобие народного собрания, откуда этот вид, откуда такое безобразие, он ответил, что, служа в Сабинскую войну⁴, он задолжал, так как вследствие опустошения поля не только лишился урожаев, но дом его был подожжен, все было разграблено, скот был угнан; как раз в это тяжелое время на него была наложена военная подать. Выросший от процентов долг сначала лишил его отцовской и дедовской земли, потом остального имущества и, наконец, точно чахотка, добрался до тела; кредитор не только взял его в рабство, но посадил в подземелье и застенки. Затем он показал спину, обезображенную следами свежих ударов. Видя и слыша это, народ поднял сильный крик. Шум не ограничивается форумом, но раздается по всему городу. Должники в оковах и без оков со всех сторон бросаются на улицу, умоляя квиритов⁵ о защите. Везде находятся такие, кто охотно примыкает к восставшим; со всех сторон многочисленные толпы по всем дорогам с криком бегут на форум. Те сенаторы, которые были тогда случайно на форуме, с большою опасностью для себя попали в эту толпу, и она дала бы волю рукам, если бы консулы Публий Сервилий и Аппий Клавдий не вмешались поспешно в дело подавления восстания. Но толпа, обратившись к ним, стала показывать свои оковы. Она говорила: вот награда за ее службу. Каждый с упреком говорил о своих ратных подвигах в различных местах. Скорее с угрозой, чем покорно, плебеи требуют созыва сената и окружают курию, желая сами собраться и руководить решением общественного собрания. Консулы с трудом нашли лишь очень немногих случайно подвернувшихся сенаторов; прочие побоялись показаться не только в курии, но даже и на форуме, и по малолетству сенат не мог устроить никакого совещания. Тогда толпа решает, что над ней издеваются и умышленно затягивают дело, что отсутствующие сенаторы поступают так не случайно, не из страха, а из желания затормозить дело, что колеблются и сами консулы и, несомненно, несчастье народа служит только предметом насмешки. Дело было уже близко к тому, что даже и власть консула не могла обуздать раздраженной толпы, когда, наконец, собираются опоздавшие сенаторы, не зная, что рискованнее — медлить или идти. Когда курия уже наполнилась, то полного согласия не было не только между сенаторами, но и между самими консулами. Аппий, человек крутого нрава, полагал, что дело надо повести консульскою властью — схватить одного, другого, тогда остальные

успокоятся; более склонный к мягким мерам Сервилий полагал, что возбужденное настроение легче успокоить, чем переломить насильственно.

Перев. А. Клеванова.

¹ *Вольски* — одно из древнейших племен Италии, обитало в Лации по берегам реки Лирис до впадения ее в море. Римляне вели с вольсками длительную борьбу, которая закончилась покорением последних.

² *Форум* — центральная часть города Рима, расположенная на восточной стороне Капитолийского и северной части Палатинского холмов, где происходили народные собрания, заключались различные сделки и т. д.

³ *Центурион* — командующий центурией, отрядом солдат, состоявшим первоначально из 100 человек (а в более позднее время из 60).

⁴ *Сабинская война* — война римлян с племенем сабинян, занимавшим области на северо-восток от Рима.

⁵ *Квириды* — почетное название римских граждан.

№ 8. ЗАКОНЫ XII ТАБЛИЦ

Известный под именем «XII таблиц» (или, по более поздней терминологии, «Законов XII таблиц») памятник древнеримского права приписывается обыкновенно децемвирам и датируется 451—450 гг. до н. э. (Ливий, III, 34—37. Диодор, XII, 23—26). До наших дней он сохранился только в скудных, подчас очень темных по своему смыслу отрывках, которые мы находим у позднейших латинских авторов. Кроме того, нередко случаи, когда наши сведения о постановлениях, содержащихся в XII таблицах, ограничиваются сообщениями какого-либо писателя или юриста о том, что будто бы еще в этом памятнике предусматривалось регулирование в определенном направлении тех или иных социальных отношений; при этом точной цитаты этого постановления авторы обыкновенно не дают. Таким образом, у исследователя, занимавшегося восстановлением текста этого памятника, получался двоякого рода материал: с одной стороны, сохранившиеся в литературных источниках (далеко не безупречные с точки зрения полноты и точности) извлечения из этого так называемого «кодекса децемвиров», а с другой — глухие, порой, быть может, даже неправильно приписываемые XII таблицам сообщения о каких-то юридических нормах, которые действовали в раннюю эпоху Римской республики и которые впоследствии считалось бесполезным реставрировать для защиты интересов консервативных групп правящего класса позднего Рима. Такая двойственность материала вызвала необходимость выделения этой второй группы имевшихся в нашем распоряжении данных о памятнике; такого рода сообщения приводятся, с указанием их автора, в круглых скобках. Наряду с этим для уяснения смысла переводимого текста нам представлялось целесообразным отказаться от лаконизма, присущего памятнику, и дополнить некоторые постановления отдельными словами и даже целыми фразами. Такие дополнения введены в текст в квадратных скобках.

ТАБЛИЦА I

1. Если вызывают [кого-нибудь] на судоговорение, пусть [вызванный] идет. Если [он] не идет, пусть [тот, кто вызвал], подтвердит [свой вызов] при свидетелях, а потом вэдет его насильно.

2. Если [вызванный] измышляет отговорки [для неявки] или пытается скрыться, пусть [тот, кто его вызвал] наложит на него руку.

3. Если препятствием [для явки вызванного на судоговорение] будет его болезнь или старость, пусть [сделавший вызов] даст ему вьючное животное [jumentum]. Повозки [arcega], если не захочет, представлять не обязан¹.

4. Пусть поручителем [на судоговорении] за живущего своим хозяйством будет [только] тот, кто имеет свое хозяйство. За бесхозяйного гражданина поручителем будет тот, кто пожелает.

5. Nex... foreti, sanates².

6. На чем договорятся, о том пусть [истец] и просит [на судоговорении]³.

7. Если [тяжущиеся стороны] не приходят к соглашению, пусть [они] до полудня сойдутся для тяжбы на форуме или на комиции⁴. Пусть обе присутствующие стороны по очереди защищают [свое дело].

8. После полудня [магистрат] утвердит требование той стороны, которая присутствует [при судоговорении].

9. Если [на судоговорении] присутствуют обе стороны, пусть заход солнца будет крайним сроком [судоговорения].

ТАБЛИЦА II

1. (Г а й, Институции, IV, 14: по искам в 1000 и более ассов⁵ взыскивался [в кассу понтификов] судебный залог [в сумме 500 ассов], по искам на меньшую сумму — 50 ассов, так было установлено законом XII таблиц. Если спор шел о свободе какого-нибудь человека, то хотя бы его цена была наивысшей, однако, тем же законом предписывалось, чтобы тяжба шла о залоге [за человека, свобода которого оспаривалась] [всего лишь] в размере 50 ассов).

2. Если одна из таких причин, как... тяжкая болезнь, или [совпадение дня судебного разбирательства] с днем, положенным для обвинения [кого-либо] в измене⁶, [будет препятствовать] судье, третейскому посреднику или тяжущейся стороне [явиться на судебное разбирательство], то [таковое] должно быть перенесено на другой день.

3. Пусть [тяжущийся], которому недостает свидетельских показаний, идет к воротам дома [неявившегося на разбирательство свидетеля] и в течение трех дней во всеуслышание вызывает [к нему].

ТАБЛИЦА III

1. Пусть будут [даны должнику] 30 льготных дней после признания [им] долга или после постановления [против него] судебного решения.

2. [По истечении указанного срока] пусть [истец] наложит руку [на должника]. Пусть ведет его на судоговорение [для исполнения решения].

3. Если [должник] не выполнил [добровольно] судебного решения и никто не освободил его от ответственности при судоговорении, пусть [истец] уведет его к себе и наложит на него колдовки или оковы весом не менее, а, если пожелает, то и более 15 фунтов.

4. [Во время пребывания в заточении должник], если хочет, пусть кормится за свой собственный счет. Если же он не находится на своем содержании, то пусть [тот, кто держит его в заточении], выдает ему по фунту муки в день, а при желании может давать и больше.

5. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 1, 46: Тем временем [пока должник находился в заточении] он имел право помириться [с истцом], но если [стороны] не мирились, то [такие должники] оставались в заточении 60 дней. В течение этого срока их три раза подряд в базарные дни приводили к претору на комиции и [при этом] объявлялась присужденная с них сумма денег. В третий базарный день они предавались смертной казни или поступали в продажу за границу, за Тибр⁷⁾).

6. В третий базарный день пусть разрубят должника на части. Если отсекут больше или меньше, то пусть это не будет вменено им [в вину]⁸⁾.

7. Пусть сохраняет [свою] силу навеки иск против изменника⁹⁾.

ТАБЛИЦА IV

1. (Цицерон, О законах, III, 8, 19: ...С такой же легкостью был лишен жизни, как по XII таблицам, младенец [оглиचाщий] исключительным уродством).

2. Если отец трижды продаст сына, то пусть сын будет свободен [от власти] отца.

3. (Цицерон, Филиппики, II, 28, 69; [Пользуясь] постановлением XII таблиц, приказал своей жене взять принадлежащие ей вещи и, отняв [у нее] ключ, изгнал [ее]).

4. (Авл Геллий, Аттические ночи, III, 16, 12: Мне известно, что [когда] женщина... родила на одиннадцатом месяце после смерти мужа, то [из этого] возникло дело, будто бы она зачала после того, как умер ее муж, ибо децемвиры написали, что человек рождается на десятом, а не на одиннадцатом месяце).

ТАБЛИЦА V

1. (Гай, Институции, I, 144—145: Предки [наши] утверждали, что даже совершеннолетние женщины вследствие присутствия им легкомыслия должны состоять под опекою... Исключение допускалось только для дев-весталок, которых древние римляне в уважение к их жреческому сану освобождали от опеки. Так было постановлено законом XII таблиц).

2. (Г а й, Институции, II, 47: Законом XII таблиц было определено, что *res mancipi*¹⁰, принадлежащие женщине, находившейся под опекою агнатов¹¹, не подлежали давности за исключением лишь того случая, когда сама женщина передавала эти вещи с согласия опекуна).

3. Как кто распорядится на случай своей смерти относительно своего домашнего имущества или относительно опеки [над подвластными ему лицами], так пусть то и будет ненарушимым.

4. Если кто-нибудь, у кого нет подвластных ему лиц, умрет, не оставив распоряжений о наследнике, то пусть его хозяйство возьмет себе [его] ближайший агнат.

5. Если [у умершего] нет агнатов, пусть [оставшееся после него] хозяйство возьмут [его] сородичи.

6. (Г а й, Институции, I, 155: По закону XII таблиц опекунами над лицами, которым не было назначено опекуна по завещанию, являются их агнаты).

7а. Если человек впал в безумие, то пусть власть над ним самим и над его имуществом возьмут его агнаты или его сородичи.

7б. (У л ь п и а н, I, 1, fr. D., XXVII, 10: Согласно закону XII таблиц, расточителю воспрещалось управление принадлежащим ему имуществом.) (У л ь п и а н, Lib. sing. regularum XII 2: Закон XII таблиц повелевает безумному и расточителю, на имущество которых наложено запрещение, состоять на попечении их агнатов).

8а. (У л ь п и а н, Lib. sing. regularum, XXXX, 1: Закон XII таблиц передавал патрону наследство после римского гражданина из вольноотпущенников в том случае, если последний, не имея подвластных ему лиц, умирал, не оставив завещания).

8б. (У л ь п и а н, I, 195, § 1, D., L. 16: Говоря [об отношениях между патроном и вольноотпущенником], закон [XII таблиц] указывает, что имущество вольноотпущенника переходит из той семьи в эту семью, [причем в данном случае] закон говорит [о семье, как совокупности] отдельных лиц¹²).

9а. (Г о р д и а н, I, 6, с. III, 36: По закону XII таблиц имущество, состоящее в долговых требованиях [умершего к другим лицам], непосредственно [т. е. без выполнения каких-либо юридических формальностей] распределяется между сонаследниками в соответствии с их наследственными долями).

9б. (Д и о к л е т и а н, I, 26, с. II, 3: Согласно закону XII таблиц, долги умершего непосредственно разделяются [между его наследниками] соразмерно полученным [ими] долям наследства).

10. (Г а й, I, 1, fr. D., X, 2: Иск [о разделе наследства] основывается на постановлении закона XII таблиц).

ТАБЛИЦА VI

1. Если кто заключает сделку самозаклада¹³ или отчуждения вещи [в присутствии 5 свидетелей и весовщика], то пусть слова, которые произносятся при этом, почитаются ненарушими.

2. (Цицерон, Об обязанностях, III, 16: По XII таблицам считалось достаточным представить доказательства того, что было произнесено [при заключении сделки], и отказывавшийся от своих слов подлежал штрафу вдвое).

3. (Цицерон, Тор., IV, 23: Давность владения в отношении земельного участка [устанавливалась] в два года, в отношении всех других вещей — в один год).

4. (Гай, Институции, I, 3: Законом XII таблиц было определено, что женщина, не желавшая установления над собой власти мужа [фактом давностного с нею сожительства], должна была ежегодно отлучаться из своего дома на три ночи и таким образом прерывать годичное давностное владение [ею]).

5а. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 17, 7, 8: Собственноручно отстоять [свою вещь] при суждении... это значит наложить руку на ту вещь, о которой идет спор при суждении, [т. е. иными словами] состязаясь с противником, ухватиться рукой за спорную вещь и в торжественных выражениях отстаивать право на нее. Наложение руки на вещь производилось в определенном месте в присутствии претора на основании XII таблиц, где было написано: «Если кто-нибудь собственноручно отстаивает свою вещь при суждении»).

5б. (Павел, *Fragm. Vat.*, 50: Закон XII таблиц утвердил [отчуждение вещи] путем сделки, совершавшейся в присутствии 5 свидетелей и весовщика, а также путем отказа от права собственности на эту вещь при суждении перед претором).

6. (Тит Ливий, III, 44: Защитники [Вергинии] требуют, чтобы [Аппий Клавдий], согласно закону, им же самим проведенному, дал предварительное распоряжение относительно девушки в благоприятном для ее свободы смысле).

7. Пусть [собственник] не трогает и не отнимает [принадлежащего ему] бревна [или жердей], использованных [другим человеком] на постройку здания или для посадки виноградника.

8. (Ульпиан, I, 1, пр. D., XLVII, 3: Закон XII таблиц не позволял ни отнимать, ни требовать как свою собственность украденные бревна и жерди, употребленные на постройку или для посадки виноградника, но предоставлял при этом иск в двойном размере [стоимости этих материалов] против того, кто обвинялся в использовании их).

9. Когда же виноград будет срезан, пока [жерди] не убраны¹⁴...

ТАБЛИЦА VII

1. (Фест, *De verborum significatione*, 4: Обход, [т. е. незастроенное место] вокруг здания, должен быть шириною два с половиной фута).

2. (Гай, I, 13, D., X, 1: Нужно заметить, что при иске о размежевании границ необходимо соблюдать указание закона [XII таблиц], установленное как бы по примеру следующего законодательного распоряжения, которое, как говорят, было проведено в Афинах Солоном: если вдоль соседнего участка выкапывался ров, то нельзя было переступать границы, если [ставить] забор, то нужно отступать [от соседнего участка] на один фут, если — дом для жилья, то отступить на два фута, если копают яму или могилу, отступить настолько, насколько глубоко выкопана яма, если колодец — отступить на 6 футов, если сажают оливу или смоковницу, отступить от соседнего участка на девять футов, а прочие деревья — на 5 футов).

3. (Плиний, *Естественная история*, 19, 4, 50: В XII таблицах не употреблялось совершенно слово «хутор» [villa], а для обозначения его [пользовались] часто словом hortus [отгороженное место], [придавая этому значение] отцовского имущества).

4. (Цицерон, *О законах*, I, 21, 55: XII таблиц запрещали приобретение по давности межи шириною в 5 футов).

5. (Цицерон, *О законах*, I, 21, 55: Согласно постановлению XII таблиц, когда возникает спор о границах, то мы производим размежевание с участием 3 посредников).

6. (Гай, I, 8, D., VIII, 3: По закону XII таблиц ширина дороги по прямому направлению определялась в 8 футов, а на поворотах — в 16 футов).

7. Пусть [собственники придорожных участков] огораживают дорогу, если они не убивают ее камнем, пусть едет на выючном животном, где пожелает.

8а. Если дождевая вода причиняет вред...

8б. (Павел, I, 5, D., XLIII, 8: Если протекающий по общественной земле ручей или водопровод причинял ущерб частному владению, то собственнику [последнего] давался иск на основании закона XII таблиц о возмещении убытков).

9а. (Ульпиан, I, 1, § 8, D., XLIII, 27: Закон XII таблиц приказывал принимать меры к тому, чтобы деревья на высоте 15 футов кругом подрезались для того, чтобы их тень не причиняла вреда соседнему участку).

9б. (Помпоний, I, 2, D., XLIII, 27: Если дерево с соседнего участка склонилось ветром на твой участок, ты на основании закона XII таблиц можешь предъявить иск об уборке его).

10. (Плиний, *Естественная история*, XVI, 5, 15: Законом XII таблиц разрешалось собирать жолуди, падающие с соседнего участка).

11. (Юстиниан, I, 41; I, II, 1: Проданные и переданные вещи становятся собственностью покупателя лишь в том случае,

если он уплатит продавцу покупную цену или обеспечит ему каким-либо образом удовлетворение [его требования], например, представит поручителя или даст что-либо в виде залога. Так было постановлено законом XII таблиц).

12. (Ульпиан, *Lib. sing. regularum*, II, 4: Если [наследователь] делал следующее распоряжение: [отпускаю раба на волю под условием], что он уплатит моему наследнику 10 000 сестерциев, то хотя бы этот раб был отчужден от наследника, он все-таки должен получить свободу при уплате покупателю указанной суммы. Так было постановлено в законе XII таблиц).

ТАБЛИЦА VIII

1а. Кто злую песню распевает ¹⁵.

1б. (Цицерон, *О республике*, IV, 10, 12: XII таблиц установили смертную казнь за небольшое число преступных деяний и в том числе считали необходимым применение ее в том случае, когда кто-нибудь сложит или будет распевать песню, которая содержит в себе клевету или опозорение другого).

2. Если причинит членовредительство и не помирится с [потерпевшим], то пусть и ему самому будет причинено то же самое.

3. Если рукой или палкой переломит кость свободному человеку, пусть заплатит штраф в 300 ассов, если рабу — 150 ассов

4. Если причинит обиду, пусть штраф будет 25.

5. ...Сломает, пусть возместит.

6. (Ульпиан, I, 1, *рг. D.*, IX, 1: Если кто пожалуется, что домашнее животное причинило ущерб, то закон XII таблиц повелевал или выдать [потерпевшему] животное, причинившее вред, или возместить стоимость нанесенного ущерба).

7. (Ульпиан, I, 14, § 3, *D.*, XIX, 5: Если жолуди с твоего дерева упадут на мой участок, а я, выгнав скотину, скормлю их ей, то по закону XII таблиц ты не мог предъявить иска ни о потраве, ибо не на твоем участке паслась скотина, ни о вреде, причиненном животным, ни об убытках, нанесенных неправомерным деянием).

8а. Кто заворожит посевы...

8б. Пусть не переманивает [на свой участок] чужого урожая.

9. (Плиний, *Естественная история*, 18, 3, 12: По XII таблицам смертным грехом для взрослого было потравить или сжать в ночное время урожай с обработанного плугом поля. [XII таблиц] предписывали [такого] обреченного [богине] Церере человека предать смерти. Несовершеннолетнего [виновного в подобном преступлении] по усмотрению претора или подвергали бичеванию, или присуждали к возмещению причиненного вреда в двойном размере).

10. (Гай, *Институции*, I, 9, *D.*, XLVII, 9: [Законы XII таблиц] повелевали заключить в оковы и после бичевания пре-

дать смерти того, кто поджигал строения или сложенные около дома скирды хлеба, если [виновный] совершил это преднамеренно. [Если пожар произошел] случайно, т. е. по неосторожности, то закон предписывал, [чтобы виновный] возместил ущерб, а при его несостоятельности был подвергнут более легкому наказанию).

11. (П л и н и й, Естественная история, 17, 1, 7: В XII таблицах было предписано, чтобы за злостную порубку чужих деревьев виновный уплачивал по 25 ассов за каждое дерево).

12. Если совершавший в ночное время кражу убит [на месте], то пусть убийство [его] будет считаться правомерным.

13. При свете дня... если сопротивляется с оружием [в руках], сзови народ.

14. (А в л Г е л л и й, Аттические ночи, XI, 18, 8: Децемвиры предписывали свободных людей, пойманных в краже с поличным, подвергать телесному наказанию и выдавать [головой] тому, у кого совершена кража, рабов же наказывать кнутом и сбрасывать со скалы; но [в ютношении несовершеннолетних] было постановлено или подвергать их по усмотрению претора телесному наказанию, или взыскивать с них возмещение убытков).

15а. (Г а й, III, 191: По закону XII таблиц был установлен штраф в размере тройной стоимости вещей в том случае, когда вещь отыскивалась у кого-либо при формальном обыске или когда она была принесена к укрывателю и найдена у него).

15б. (Г а й, Институции, III, 192: Закон XII таблиц предписывает, чтобы при производстве обыска [обыскивающий] не имел никакой одежды, кроме полотняной повязки, и держал в руках чашу).

16. Если предъявлялся иск о краже, [при которой вор не был пойман с поличным], пусть [суд] решает спор [присуждением] двойной стоимости вещи.

17. (Г а й, Институции, II, 45: Законом XII таблиц запрещается приобретение краденой вещи по давности).

18а. (Т а ц и т, Анналы, VI, 16: Впервые XII таблицами было постановлено, чтобы никто не брал более одного процента [в месяц], тогда как до этого бралось по прихоти богатых).

18б. (К а т о н, О земледелии, Предисловие, 1: Предки наши имели [обыкновение] и положили в законах присуждать вора к уплате двойной стоимости [украденной вещи], ростовщика к [взысканию] в четырехкратном размере [полученных процентов]).

19. (П а в е л, Libri V sentiarum, II, 12 11: По закону XII таблиц за вещь, сданную на хранение, дается иск в двойном размере стоимости этой вещи).

20а. (У л ь п и а н, I, I, § 2, D., XXVI, 10: Следует заметить, что обвинение [опекуна в недобросовестном отправлении своих обязанностей] вытекает из закона XII таблиц).

206. (Трифониан, I, I, 1, § 55, D., XXVI, 7: В случае расхищения опекунами имущества их подопечного, следует установить, не допустим ли в отношении каждого из этих опекунов в отдельности тот иск в двойном размере, который был установлен в XII таблицах против опекунов).

21. Пусть будет предан богам подземным, [т. е. проклятию], тот патрон, который причиняет вред [своему] клиенту.

22. Если [кто-либо] участвовал [при совершении сделки] в качестве свидетеля или весовщика, [а затем] отказывается это засвидетельствовать, то пусть [он будет признан] бесчестным и утратит право быть свидетелем.

23. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 1, 53: По XII таблицам, уличенный в лжесвидетельстве сбрасывался с Тарпейской скалы).

24а. Если брошенное рукой копье полетит дальше, чем целил, пусть принесет [в жертву] барана.

24б. (Плиний, Естественная история, XVIII, 3, 12; 8—9: По XII таблицам, за тайное истребление урожая [назначалась] смертная казнь... более тяжкая, чем за убийство человека).

25. (Гай, I, 236, pr. D., L, 16: Если кто-нибудь говорит о яде, то должен добавить, вреден ли он или полезен для здоровья, ибо и лекарства являются ядом).

26. (Порций, Lampo. Decl. in Catil, 19: Как мы знаем, в XII таблицах предписывалось, чтобы никто не устраивал в городе ночных сборищ).

27. (Гай, I, 4, D., XLVII, 22: Закон XII таблиц предоставлял членам коллегий [сообществ] право заключить между собою любые соглашения, лишь бы этим они не нарушали какого-нибудь постановления, касающегося общественного порядка. Закон этот, новидимому, был заимствован из законодательства Солона).

ТАБЛИЦА IX

1—2. (Цицерон, О законах, III, 4, 11, 19, 44: Привилегий, [т. е. отступлений в свою пользу от закона], пусть не испрашивают. Приговоров о смертной казни римского гражданина пусть не выносят, иначе как в цензуриатных комициях... Преславные законы XII таблиц содержали два постановления, из которых одно уничтожало всякие отступления от закона в пользу отдельных лиц, а другое запрещало выносить приговоры о смертной казни римского гражданина, иначе как в цензуриатных комициях).

3. (Авл Геллий, Аттические ночи, XX, 17: Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертною казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении [для разбирательства дела] и были уличены в том, что приняли денежную мзду по [этому] делу?)

4. Помпоний, 1, 2, § 23, D., 1, 2: Квесторы, присутствовавшие при исполнении смертных приговоров, именовались уголовными квесторами, о них упоминалось даже в законе XII таблиц).

5. (Марциан, I, 3, D., XLVIII, 4: Закон XII таблиц повелевает предавать смертной казни того, кто подстрекает врага [римского народа к нападению на римское государство] или того, кто предает врагу римского гражданина).

6. (Сальвиан, О правлении божьем, VIII, 5: Постановления XII таблиц запрещали лишать жизни без суда какого бы то ни было человека).

ТАБЛИЦА X

1. Пусть мертвеца не хоронят и не сжигают в городе.

2. Свыше этого пусть не делают. Дров для [погребального костра] пусть топором не обтесывают.

3. (Цицерон, О законах, II, 23, 59: Ограничив расходы [на погребение] тремя саванами, одной пурпуровой туникою и десятью флейтистами, закон XII таблиц воспретил также и причитания [по умершим]).

4. Пусть [на похоронах] женщины щек не царапают и по умершим не причитают.

5. Пусть костей мертвеца не собирают, чтобы впоследствии совершить погребение (Цицерон, О законах, II, 23, 59: за исключением лишь того случая, когда смерть постигла на поле битвы или на чужбине).

6а. (Цицерон, О законах, II, 23, 59: Кроме того, в законах устанавливаются еще следующие [правила]: отменяется бальзамирование [умаживание] рабов и питье круговой чаши. «Без пышного окропления, без длинных тирлянд, без курильниц»).

6б. (Фест, De verb. signif., 154: В XII таблицах постановлено не ставить перед умершими напитков с миррою).

7. (Если кто-нибудь был награжден венком или сам лично, или за своих лошадей и рабов, [выступавших на играх], или если венок был дан ему за его доблесть, то при его смерти не возбранялось возложить венок на умершего как у него дома, так и на форуме, равным образом его родным дозволялось присутствовать на похоронах в венках).

8. А также золота с покойником пусть не кладут. Но если у умершего зубы были скреплены золотом, то не возбраняется похоронить или сжечь его с этим золотом.

9. (Цицерон, О законах, II, 24, 61: Закон запрещает без согласия собственника устраивать погребальный костер или могилу на расстоянии ближе чем 60 футов от принадлежащего ему здания).

10. (Цицерон, О законах, II, 24, 61: Закон запрещает приобретать по давности место захоронения, а равно и место сожжения трупа).

ТАБЛИЦА XI

1. (Цицерон, О республике, II, 36, 36: Децемвиры второго призыва], прибавив две таблицы лицепрятных законов, [между прочим] санкционировали самым бесчеловечным законом запрещение браков между плебеями и патрициями).

2. (Макробий, Sat., I, 13, 21: Децемвиры, которые прибавили две таблицы, предлагали народу утвердить исправление календаря).

ТАБЛИЦА XII

1. (Гай, Институции, IV, 28: Законом был введен захват вещи в целях обеспечения долга, и по закону XII таблиц это было допущено против того, кто приобрел животное для принесения жертвы, не уплатил за него покупной цены, а также и против того, кто не представит вознаграждения за оданное ему в наем вьючное животное, с тем условием, чтобы плата за пользование была употреблена им на жертвенный пир).

2а. Если раб совершит кражу или причинит вред.

2б. (Гай, Институции, IV, 75, 76: Преступления, совершенные подвластными лицами или рабами, порождали иски об ущербе, по которым домовладыке или собственнику раба предоставлялось или возместить стоимость причиненного вреда, или выдать головою виновного... [Эти] иски установлены или законами, или эдиктом претора. К искам, установленным законами, [принадлежит], например, иск о воровстве, созданный законом XII таблиц).

3. (Фест, De verb. signif., 174: Если приносит [на судоговорение] поддельную вещь или отрицает [самый факт] судоговорения, пусть претор назначит трех посредников и по их решению пусть возместит ущерб в размере двойного дохода [от спорной вещи]).

4. (Гай, 3, D., XLIV, 6: Законом XII таблиц было запрещено жертвовать храмам ту вещь, которая является предметом судебного разбирательства; в противном случае мы подвергаемся штрафу в размере двойной стоимости вещи, но нигде не выяснено, должен ли этот штраф уплачиваться государству или тому лицу, которое заявило притязание на данную вещь).

5. (Ливий, VII, 17, 12: В XII таблицах имелось постановление о том, что впредь всякое решение народного собрания должно иметь силу закона).

¹ Ср. А. Геллий, Аттические ночи. «Может быть ты думаешь, что под словом *jumentum* следует разуместь выючное животное и поэтому находишь бесчеловечным тащить в суд на животном больного человека, который лежал у себя дома в постели. Но это вовсе не так... *Jumentum* имело не только то значение, какое придают ему в наше время, [оно] употреблялось для названия телеги, двигавшейся с помощью запряженных в нее животных. Всегда же называли прочную деревенскую повозку, которая была со всех сторон закрыта и устлана подстилкой и которой имели обыкновение пользоваться для перевозки тяжело больных и престарелых людей» (XVI, 26, 28, 29).

² Источники не содержат данных для восстановления смысла отрывка.

³ Как указывал Гай в его комментариях к XII таблицам, вызванный на суд подлежал освобождению, если по дороге к магистрату заключал мировую с тем, кто предъявлял к нему исковое требование (1, 22, 1. D., II, 4).

⁴ *Комиций* — место на форуме, где происходили народные собрания, отправлялось правосудие и приводились в исполнение приговоры.

⁵ *Асс* — римская монета, которая за время существования Римского государства несколько раз меняла свою стоимость. Позднейший асс равнялся по своей стоимости приблизительно 3 коп. и был в 6 раз дешевле старинного асса. Некоторые исследователи справедливо высказывают сомнения в том, что в эпоху XII таблиц Рим мог уже иметь чеканную монету.

⁶ *Status dies cum hoste* — эта фраза, по мнению исследователей и переводчиков XII таблиц, указывает, что, согласно XII таблицам, законным поводом для отсрочки разбирательства искового требования являлось совпадение дня, назначенного для тяжбы, с днем, установленным для суда над чужестранцем. Действительно, у Цицерона можно прочесть указание на то, что *hostis* употребляется древними римлянами для обозначения чужеземца (*peregrinus*). (Цицерон, Об обязанностях, I, 12, 37).

Просматривая другие источники, легко заметить, что в этот термин римляне вносили оттенок враждебности по отношению к данному чужеземцу. *Hostis*, следовательно, был не только чужестранец, но враг, с которым Рим вел борьбу. Поэтому данный термин употреблялся для обозначения не только внешнего, но также и внутреннего врага. По указанию юриста Павла, «к врагам причислялись те, кого сенат или закон признавал таковыми» (1, 5, § 1; D. IV, 5). Кроме того, трудно допустить, чтобы в эпоху XII таблиц в Риме существовало судебное регулирование отношений граждан с чужестранцами, и ввиду этого правильнее было бы, казалось, придать приведенной выше фразе XII таблиц смысл более грозной и интенсивной охраны спокойствия всей общины, всего ее господствующего класса. Когда дело шло о суде над изменником, гласит, по нашему пониманию, данное указание XII таблиц, приостанавливалось действие правил, ограждавших интересы отдельного гражданина.

⁷ Это сообщение Авла Геллия о предании должников смертной казни не отвечает показаниям других источников, которые с полной определенностью указывают, что долговое право использовалось в древнем Риме в целях эксплуатации кредиторами должников и обращения последних в рабское состояние. Ср. Дионисий Галикарнасский: «Где же те, — спрашивал Валерий, — кого за их долги обращаю в рабство?» (Аттические ночи, VI, 59. Ср. также Ливий, VI, 34).

⁸ Ср. А. Геллий, Аттические ночи, XX, 1, 48: «Если должник отдавался судом нескольким кредиторам, то децемвиры разрешали им, буде того пожелают, разрубить и разделить на части тело отданного им человека. [Но] я не читал и не слышал, чтобы в старину кто-нибудь был разрублен на части».

⁹ См. примечание 6 на стр. 32.

¹⁰ Под *res mancipi* источники разумели имущественные объекты — земля на территории Италии, рабы, выючные и упряжные животные (быки, лошади, ослы и мулы) и так называемые сельские сервитуты, т. е. права на чужую вещь, связанные с собственностью на земельный участок (право прохода, прогона скота и т. д.).

¹¹ *Агнаты* в Риме назывались лица, считавшиеся родственниками, в силу того что они состояли (или могли бы состоять) под властью одного и того же домовладыки. Поэтому, например, жена являлась агнаткой братьев своего мужа, ибо все они находились под властью отца последнего (т. е. ее свекра), если бы он был жив.

¹² Фохт высказывает предположение о том, что соответственное постановление XII таблиц гласило следующее: «Если вольноотпущенник, не имевший подвластных ему лиц, умирал без завещания, то движимое имущество из его хозяйства переходило в хозяйство его патрона».

¹³ По мнению Варрона *«пехус»* назывался свободный человек, отдававший себя в рабство за деньги, которые он был должен, до тех пор, пока не выплатит этого долга».

¹⁴ Дополняя этот отрывок следующим образом: «После уборки винограда, пока жерди не вынуты, их нельзя брать насильно», Фохт предполагал, что смысл данного постановления заключается в том, что когда после уборки винограда жерди были вытасканы из земли, собственник мог заявить на них свое право собственности.

¹⁵ В законе XII таблиц было постановлено наказывать палками за публичную брань. Сенека говорит: «И у нас в XII таблицах предписывалось не кланяться чужих плодов (т. е. урожая на деревьях)».

Перевод и примечания проф. И. И. Яковкина (взяты из «Хрестоматии по древней истории», под ред. акад. В. В. Струве, т. I, Москва, 1936).

№ 9. ПОРАЖЕНИЕ РИМЛЯН В КАВДИНСКОМ УЩЕЛЬЕ

(Тит Ливий, IX, 1—6)

Наступил год, ознаменованный поражением римлян и Кавдинским миром¹, консулами были тогда Т. Ветурий Кальвин и Сп. Постумий. Главным вождем самнитов в этом году был К. Понтий, сын Геренния... Выступив [против римлян] с войском, Понтий стал лагерем близ Кавдина, соблюдая возможную осторожность и скрытность. Зная, что вожди римлян и их войска находятся уже в Калации, [где они стояли лагерем], Понтий отправил туда десять воинов, переодетых пастухами. В разных местах, недалеко от римских постов, он велел пастухам стеречь стада, а когда они попадутся в руки неприятельских отрядов, на все расспросы отвечать одно и то же: «легионы самнитов в Апулии, всеми силами осаждают Луцерию и уже почти готовы овладеть ею». Слух этот, с умыслом распушенный, уже и прежде дошел до римлян; но они поверили ему еще больше на основании единогласных показаний пленных. Итак, со стороны римлян решено было немедленно подать помощь жителям Луцерии, как хорошим и верным союзникам. Это было необходимо: потеря Луцерии могла повлечь за собою отпадение всей Апулии. Вопрос только заключался в том, какою дорогою идти к Луцерии: одна шла ровными и безопасными местами по берегу Верхнего моря, но представляла то неудобство, что была длиннее. Другая, много короче, шла через Кавдинские Фуркулы. А местность здесь такова: два глубоких, покрытых лесом ущелья тянутся между двумя непрерывными горными хребта-

ми; посередине они расходятся, образуя довольно обширную поляну, представлявшую прекрасное пастбище; через эти-то места надобно было проходить; сначала, чтобы достигнуть поляны, нужно было идти сквозь первое ущелье; и, чтобы выйти с поляны, нужно было или вернуться опять тою же дорогою, или, если идти дальше, необходимо было проходить сквозь ущелье еще более тесное, чем первое. Римляне сошли на поляну другой дорогой по уступам скал; когда же они тотчас хотели выйти оттуда через ущелье, то нашли, что оно завалено срубленными деревьями и огромными камнями. Тогда только поняли римляне, что попали в засаду; в том они убедились еще более, когда на вершинах господствовавших над ними возвышений увидели неприятельских воинов. Римляне пытались вернуться той дорогой, которой вошли сюда, но нашли, что она загорожена засекой и вооруженными людьми. Сами собой, не дожидаясь приказания вождей, остановились наши воины.

...Уступая необходимости, римляне отправили послов просить мира на сколько-нибудь сносных условиях, а если это будет невозможно, вызвать самнитов на бой. Понтий дал послам следующий ответ: «Война уже кончилась; но если римляне, будучи побеждены и находясь в его власти, все еще не могут осознать того положения, в какое поставила их судьба, он пошлет их безоружных, в одних рубашках под ярмо². Прочие же условия мира будут равно безобидны и для победителя, и для побежденного: римские войска должны очистить землю самнитов, вывести оттуда свои поселения; отныне оба народа должны жить в дружественном союзе, каждый под своим собственным законом. На этих условиях готов он заключить мирный договор с консулами». В случае же их несогласия он запретил послам римским возвращаться к себе...

...Консулы отправились к Понтию для переговоров. Здесь, когда победитель заговорил о торжественном заключении мира, они сказали, что без согласия народа невозможно его заключить, а равно, что мир, если бы и был заключен, не будет действителен без участия фециалов³ и установленных обрядов. А потому несправедливо господствующее мнение, высказанное и историком Клавдием о том, будто мы у Кавдия заключили торжественный мирный союз, а не мирный трактат на поручительстве. Будь первое, не предстояло бы нужды ни в поручительстве, ни в заложниках, и к чему они там, где все заключается в заклинании: «Которая из двух договаривающихся сторон нарушит заключаемый договор, то да поразит его Юпитер так, как фециалы поражают жертвенную свинью»? Поручились консулы, легаты, квесторы, военные трибуны; самые имена всех поручителей дошли до нас; но если бы заключен был торжественный союзный договор, то нам известны были бы только имена двух фециалов. Так как заключение торжественного мирного договора было по необходимости отложено,

то взяты в заложники шесть сот всадников; они должны были отвечать жизнью в случае нарушения обязательства. Назначен срок, в течение которого должны были быть выданы заложники, а римское войско отпущено безоружным. Сначала приказано было им всем в одних рубашках без оружия выйти на вал; тут были выданы заложники, уведенные под военной охраной. Потом от консулов отняты ликторы⁴, и военная одежда, присвоенная их положению, снята с них...

Сначала консулы, полуобнаженные, проведены были под ярмом; за ними все прочие военные чины подверглись бесславию в том порядке, как они друг за другом следовали; наконец, простые воины по легионам. Неприятельские воины стояли кругом, осыпая римлян злыми насмешками и ругательствами и грозя мечами. Иные из наших воинов, на лицах которых ярко выражалась ненависть к врагу, были ранены и даже умерщвлены. Таким образом, все воины были проведены под ярмом на глазах неприятеля...

Перев. А. Клеванова.

¹ Во второй половине IV в. римляне вели борьбу с самнитскими племенами. С 343 по 341 г. длилась первая Самнитская война. Закончилась она полной победой Рима. Пятнадцать лет спустя началась вторая Самнитская война (327—304 гг.), в которой римские войска потерпели жестокое поражение в Кавдинском ущелье (321 г.).

² *Ярмо неприятельское* (jugum) состояло из двух копий, воткнутых в землю, и одного, лежащего на них в качестве перекладины, под которыми заставляли проходить побежденного неприятеля в знак его покорности.

³ *Фециалы* — жреческие коллегии в Риме. Они принимали участие в решении вопросов международных отношений: ведения войны, заключения мира и т. д.

⁴ В знак власти консулов сопровождало 12 ликторов, которые несли связки прутьев, называемые фасцами.

№ 10. ПОКОРЕНИЕ РИМЛЯНАМИ ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

(Полибий, I, 6)

Римляне заключили мир с кельтами¹ на условиях, предложенных последними, и сверх всякого ожидания получив обратно родной город, начали восстанавливать свои силы, а затем вести войну с соседями. Благодаря мужеству и военному счастью, римляне покорили своей власти всех жителей Лация, потом воевали с тирренами², далее с кельтами, вслед за этим с самнитами, которые живут у восточных и северных границ земли латинов. Некоторое время спустя тарентинцы³ в страхе перед римлянами, послам которых нанесли обиду, призвали на помощь Пирра⁴; случилось это за год до нашествия галатов на Элладу⁵, которые разбиты были под Дельфами и переправились морем в Азию. В это-то время римляне, покоривши уже тирренов и самнитов, одолевши во многих сражениях итальяйских кельтов, впервые обратили свои силы на остальные части Ита-

лии. В битвах с самнитами и кельтами они изощрились в военном деле и теперь собирались воевать за земли, большую часть которых почитали уже не чужим достоянием, а своею собственностью и своими владениями. Войну эту они вели доблестно и наконец выгнали из Италии Пирра с его войсками, потом приняли новые войны и сокрушили союзников Пирра. Покоривши неожиданно все эти народы, подчинивши своей власти всех жителей Италии, кроме кельтов, они затем приступили к осаде Регия ⁶.

Перев. Ф. Г. Мищенко.

¹ Имеется в виду мир, который был заключен на невыгодных для римлян условиях после того, как кельты захватили и разграбили Рим.

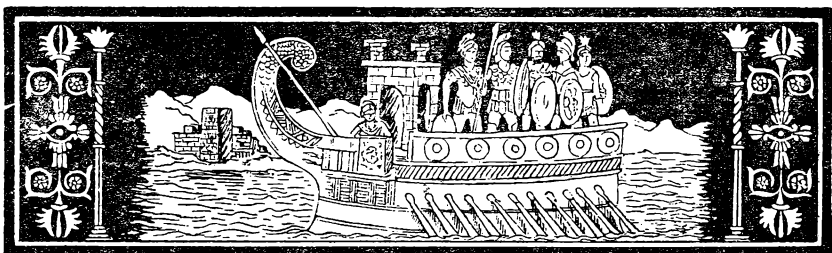
² Неизвестно, какие племена подразумевает Полибий под названием тирренов.

³ *Тарентинцы* — жители южноиталийского города Тарента, колонии, выведенной Спартой.

⁴ *Пирр* — царь Эпира, с которым жители Тарента заключили договор о помощи против Рима (281 г. до н. э.).

⁵ *Нашествие галатов на Грецию*, по данным Павсания, Страбона и других авторов, имело место в 279 г. до н. э.

⁶ *Осада Регия*, города, расположенного на южной оконечности Италии, была предпринята римлянами в 270 г. до н. э.

ПРЕВРАЩЕНИЕ РИМА В СИЛЬНЕЙШЕЕ ГОСУДАРСТВО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Изучению пунических войн нужно предпослать характеристику социально-экономического положения Карфагена, колонии Тира на северном берегу Африки. Легенду об основании Карфагена сообщает нам Юстин [док. № 11].

Основу экономики Карфагена составляла посредническая торговля и сильно развитое сельское хозяйство, в котором широко применялся труд рабов. Важен также вопрос о политическом строе Карфагена, где господствовала олигархия [совет 30], а народное собрание не играло никакой роли в решении тех или иных вопросов — и в первую очередь в вопросах ведения войны и заключения мира.

Карфаген начинает играть все большую и большую роль в торговле Средиземноморья. Античные авторы сообщают нам сведения о взаимоотношениях Карфагена с Римом, начиная с эпохи ранней республики и о договорах, которые заключались между этими двумя государствами. Например, Полибий говорит о первоначальном разграничении сфер влияния Карфагена и Рима (док. № 12).

Разделение это, по Полибию, было следующим: влияние Карфагена распространялось на Сардинию, Ливию и юго-западную часть Сицилии, а римлян — на Италию (главным образом — Лациум) и остальную часть Сицилии. Подробно излагаются у Полибия последующие договоры этих двух держав (док. № 12).

Излагая историю пунических войн, надо исходить из указания В. И. Ленина, говорившего, что «Империалистские войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной)....» (В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 135).

Нужно особо остановиться на причинах, приведших к столкновению двух сильнейших держав Средиземноморья. Выясняя роль Сицилии во взаимоотношениях Рима с Карфагеном, следует основываться на данных Полибия (док. № 13).

При изложении хода военных действий надо выделить узловые моменты борьбы Рима с Карфагеном. Важно выяснить также внутривосточные последствия первой пунической войны для обеих воюющих сторон: в Карфагене имело место восстание наемников, воевавших против Рима и не получивших денег за свою службу. К ним присоединилось значительное количество рабов (во главе с рабом Матоном). Восстание это тянулось три года и представляло серьезную угрозу для Карфагена. Об этих событиях подробно рассказывается у Полибия (док. № 17). В Риме после первой пунической войны также обострились социальные движения, так, например, была проведена реформа центриатных коммий.

При изложении основных событий второй пунической войны нужно остановиться на завоеваниях Карфагена в Испании и захвате союзного Риму города Сагунта, что послужило поводом ко второй пунической войне.

Относительно тактики Фабия Максима, командовавшего римскими войсками во второй пунической войне, подробное указание мы находим у Тита Ливия (док. № 19). Ливий отмечает, что позиция Фабия Максима, прозванного Кунктатором (Медлителем), осуждалась в Риме и что более оппозиционные круги обвиняли его даже в измене родине. Наряду с этим античный автор высказывает и другую точку зрения, которую, видимо, сам разделяет, а именно: что «наконец-то римляне выбрали полководцем человека, который рассчитывал в ведении войны более на благоразумие, чем на слепое счастье».

Особенно ярко тактика римского и карфагенского войска проявилась во время решающей битвы второй пунической войны — в битве при Каннах. Ливий дает нам подробное описание ее (док. № 20). Изложив ход сражения, приведшего к поражению римлян, нужно показать, что оно послужило причиной отпадения от Рима союзных итальянских городов и в первую очередь Капуи. Тит Ливий, рассказывая об этих событиях (док. № 21), говорит, что послы Кампании заключили мир с Ганнибалом и истребили всех римлян, находившихся в Капуе. Тем не менее положение Ганнибала в Италии было очень трудным, так как он перестал получать подкрепления из Карфагена. Это было использовано римлянами, высадившими в Африке свои войска. В битве при Заме карфагеняне потерпели решительное поражение.

В результате победы над Карфагеном во второй пунической войне неизмеримо увеличилось значение Рима. Карфаген же после этой войны стал второстепенным государством Средиземноморья.

После изучения внешнеполитических отношений Рима на западе важно остановиться и на обстановке, создавшейся в результате второй пунической войны в восточной части Средиземного моря. Египет переживал состояние экономического и политического упадка, а из всех стран восточного Средиземноморья в этот период наибольшего расцвета достигает Македония.

Царь Македонии Филипп, как сообщает Тит Ливий (док. № 22), с величайшим вниманием следил за борьбой Рима с Карфагеном и после первых побед Карфагена во второй пунической войне отправил послов, чтобы присоединиться к сильнейшему. Ливий перечисляет нам условия договора, заключенного между Карфагеном и Македонией. Последняя должна была выставить 200 судов для борьбы с Римом. Тем не менее переговоры окончились неудачно, так как послы эти были перехвачены римлянами. Тенденции Македонии к завоеваниям представляли большую угрозу для всех стран восточного Средиземноморья, которые обращаются за помощью к Риму.

В ходе переговоров с эллинистическими странами нужно особенно отметить роль римской дипломатии. После характеристики обстановки, предшествовавшей войнам Рима на востоке, необходимо изложить ход войн с Сирией и Македонией и условия мирного договора с Филиппом (док. № 23). Важно проследить последовательность завоеваний Рима на востоке — первая и вторая македонская война, Сирийская война, война с Персеем и покорение Македонии, война с Ахейским союзом.

К середине II в. до н. э. римляне в своей внешней политике добились значительных успехов как на западе, так и на востоке. В результате победы в третьей пунической войне Карфаген был разрушен и перестал представлять собой угрозу для экономики и торговли Рима на западе. По словам Энгельса «третью... Пуническую войну едва ли можно назвать войной; это было простое угнетение слабейшего противника в десять раз сильнейшим противником» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 434). На востоке были завоеваны и превращены в римские провинции Македония и Греция (док. № 24), которые отныне рассматриваются, как *praedia* *populi Romani* (поместья римского народа), и подвергаются тяжелой эксплуатации. Таким образом, к середине II в. до н. э. Рим становится крупнейшим государством Средиземноморья.

№ 11. ОСНОВАНИЕ КАРФАГЕНА

(Юстин, История, XVIII, 3—5)

В изложении Юстина (II в. н. э.) дошла до нас «Всемирная история» в 44 книгах, написанная уроженцем Галлии Трогом Помпеем, автором, жившим во времена Августа. Он писал, используя главным образом греческие источники и в первую очередь Теопомпа. Особенно подробно освещены были в этом труде вопросы о появлении и гибели «всемирных монархий».

Когда у них [финикийцев] было изобилие богатств и населения, они отправили молодежь в Африку и основали там город Утику. Между тем царь Мутгон в Тире умер, оставив своими наследниками сына Пигмалиона и дочь Элисса, девушку выдающейся красоты. Но народ передал все царство Пигмалиону, тогда еще совсем юному. Элисса вышла замуж за дядю своего Акербу, жреца Геркулеса, занимавшего второе место в государстве после царя. У него были огромные, но скрываемые им богатства; боясь царя, он свое золото хранил не в доме, а в земле; хотя люди этого и не знали, но ходила об этом молва. Раздраженный ею, Пигмалион, забыв все человеческие и божеские законы, убил своего дядю и вместе с тем зятя. Элисса долго сторонилась брата после этого убийства и под конец стала обдумывать бегство, взяв себе в союзники несколько знатных тирийцев, у которых была, по ее мнению, такая же ненависть к царю и такое же желание от него уехать... К ним присоединились подготовившиеся к бегству группы сенаторов. Захватив сокровища из храма Геркулеса, где Акерб был жрецом, они изгнанниками пустились на поиски места для поселения.

Первую высадку они сделали на острове Кипре. Там жрец Юпитера с женой и детьми, по внушению бога, присоединился к Элиссе и разделил с нею ее судьбу, выговорив себе и своему потомству наследственную жрецескую должность... Элисса, высадившись в заливе Африки, вступила в дружеские отношения с местными жителями, обрадовавшимися прибытию чужеземцев и установлению торговых связей с ними. Затем, купив столько земли, сколько можно покрыть кожей быка, чтобы дать отдых спутникам, утомленным продолжительным плаванием, пока они

туда добирались, она приказала разрезать кожу на тончайшие полоски и таким образом заняла больше места, чем сколько просила, поэтому впоследствии этому месту дали название Бирсы¹. Когда сюда стали стекаться жители соседних земель и, рассчитывая получить барыш, привозить много товара на продажу, они стали строить здесь для себя жилища, и от множества их образовалось нечто вроде города. Так же и послы из Утики принесли дары своим соотечественникам и убедили их основать город на том месте, которое им досталось по жребию. Со своей стороны и жители Африки хотели задержать у себя новых пришельцев. Таким образом с общего согласия был основан Карфаген, причем была установлена годовая плата за землю, на которой возник город. При первой закладке в земле найдена была бычья голова, что предвещало, что земля будет плодородна, но потребует много труда и что город будет в постоянном рабстве. Тогда из-за этого город был перенесен на другое место. Там найдена была лошадиная голова, что означало, что народ будет воинственный и могущественный. Это обстоятельство и определило благоприятное место для закладки города. Тогда в силу такого представления о новом городе сюда стало стекаться множество народа, и в скором времени город стал большим и многонаселенным.

Перев. В. С. Соколова.

¹ Что по-гречески означает «содрванная шкура».

№ 12. ДОГОВОРЫ РИМЛЯН С КАРФАГЕНОМ ДО НАЧАЛА ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН

(Полибий, III, 22—25)

Первый договор между римлянами и карфагенянами¹ был заключен при Люции Юнии Бруте и Марке Горации, первых консулах после упразднения царской власти, при тех самых, которыми освещен был храм Зевса Капитолийского, т. е. за двадцать восемь лет до вторжения Ксеркса в Элладу. Мы сообщаем его в переводе, сделанном с возможною точностью, ибо и у римлян нынешний язык настолько отличается от древнего, что некоторые выражения договора могут быть поняты с трудом лишь весьма сведущими и внимательными читателями. Содержание договора приблизительно следующее: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях: римлянам и союзникам римлян взбраняется плыть дальше Прекрасного мыса², разве к тому они будут вынуждены бурей или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы. В пятидневный срок он обязан удалиться. Явившиеся по торго-

вым делам не могут совершить никакой сделки иначе, как при посредстве глашатая или писца. За все то, что в присутствии этих свидетелей ни было бы продано в Ливии или в Сардинии, ручается перед продавцом государство. Если бы кто из римлян явился в подвластную карфагенянам Сицилию, то во всем он пользовался бы одинаковыми правами с карфагенянами. С другой стороны, карфагенянам возбраняется обижать народ ардеатов, анциатов, ларентинов, цирцеитов, таррацинитов³ и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой-либо народ и не подчинен римлянам, карфагенянам возбраняется нападать на их города; а если бы какой город они взяли, то обязуются возвратить его в целости римлянам. Карфагенянам возбраняется сооружать укрепления в Лации, и если бы они вторглись в страну как неприятели, им возбраняется проводить там ночь».

Карфагеняне находили нужным воспретить римлянам плавание на длинных кораблях дальше Прекрасного мыса с целью, как мне кажется, воспрепятствовать ознакомлению римлян с местностями Биссатиды и Малого Сирта⁴, которые называются у них эмпориями⁵ и отличаются высокими достоинствами. Если бы кто занесен был туда против желания бурей или [загнан] неприятелем и нуждался бы в чем-либо необходимом для жертвы или для поправки судна, карфагеняне позволяют взять это, но ничего больше и притом требуют непременно удаления приставших сюда в пятидневный срок. По торговым делам римлянам дозволяется приезжать в Карфаген и во всякий другой город Ливии по сю сторону Прекрасного мыса, а также в Сардинию и подчиненную карфагенянам часть Сицилии, причем карфагеняне обещают от имени государства обеспечить каждому это право. Из договора явствует, что карфагеняне говорят о Сардинии и Ливии, как о собственных владениях; напротив, относительно Сицилии они ясно отличают только ту часть ее, которая находится во власти карфагенян, и договариваются только о ней. Равным образом и римляне заключают договор только относительно Лация, не упоминая об остальной Италии, так как она не была тогда в их власти...

После этого договора они заключили другой⁶, в который карфагеняне включили тирян и народ Утики. К Прекрасному мысу прибавляются теперь Мастия и Тарсена⁷, и они требуют, чтобы дальше этих пунктов римляне не ходили за добычей и не основывали города. Вот каково приблизительно содержание договора: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами, тирянами, народом Утики с союзниками на следующих условиях: римлянам возбраняется плавать по ту сторону Прекрасного мыса, Мастии и Тарсена как за добычей, так и для торговли и основания города. Если бы карфагеняне овладели в Лации каким-либо городом, независимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвра-

тить. Если бы какие-либо карфагеняне взяли в плен кого-либо из народа, который заключил с римлянами писанный договор, но не находящегося под властью римлян, карфагенянам возбраняется привозить пленных в римские гавани; если же таковой будет доставлен туда и римлянин наложит на него руку, то пленный отпускается на свободу. То же самое возбраняется и римлянам. Если римлянин в стране, подвластной карфагенянам возьмет воды или съестных припасов, ему возбраняется с этими съестными припасами обижать какой-либо народ, связанный с карфагенянами договором и дружбою. То же самое возбраняется и карфагенянам. Если же случится что-нибудь подобное, обиженному запрещается мстить за себя; в противном случае деяние его будет считаться государственным преступлением. В Сардинии и Ливии никому из римлян не дозволяется ни торговать, ни основывать городов, ни приставать где-либо, разве для того только, чтобы запастись продовольствием или починить судно. Если римлянин будет занесен бурей, то обязан удалиться в пятидневный срок. В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, а также в Карфагене, римлянину наравне с гражданином предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое предоставляется и карфагенянину в Риме».

В этом договоре карфагеняне еще более определенно заявляют право собственности на Ливию и Сардинию и запрещают римлянам всякий доступ к ним; напротив, относительно Сицилии они определенно называют только подвластную им часть ее. Точно так же выражаются римляне о Лации, обязывая карфагенян не причинять обид ардеатам, анциатам, цирцеитам и таррацинитам. Это те города, которые лежат при море на границе латинской земли, в отношении которой и заключается договор.

...Последний договор до войны карфагенян за Сицилию римляне заключили во время переправы Пирра в Италию⁸. В нем подтверждается все то, что было в прежних договорах, и прибавляются следующие условия: «Если бы римляне или карфагеняне пожелали заключить письменный договор с Пирром, то оба народа обязаны выговорить себе разрешение помогать друг другу в случае вторжения неприятеля, какая бы из двух стран ни подверглась нападению. Тот или другой народ нуждался бы в помощи, карфагеняне обязаны доставить суда грузовые и военные, но жалование своим воинам каждая сторона обязана уплачивать сама. Карфагеняне обязуются помогать римлянам и на море в случае нужды; но никто не вправе понуждать команду к высадке на сушу, раз она того не желает».

Что касается клятвы, то она должна была быть такого рода: первые договоры карфагеняне утвердили клятвою во имя отеческих богов, а римляне, согласно древнему обычаю, во имя Юпитера Камня⁹, последний же договор именем Марса Эниалия¹⁰. Клятва Юпитером Камнем состоит приблизительно в следующем: утверждающий клятвою договор берет в руку камень

и, поклявшись от имени государства, произносит такие слова: «Да будут милостивы ко мне боги, если я соблюду клятву; если же помыслю или учиню что-либо противное клятве, пускай все люди невредимо пребывают на собственной родине, при собственных законах, при собственных достоинствах, святынях, гробницах, один я да буду повергнут, как этот камень». При этих словах произносящий клятву кидает камень.

Перев. Ф. Г. Мищенко.

¹ О первом договоре римлян с карфагенянами мы находим сведения только у Полибия, который относит его к 508 г. до н. э. Это свидетельство не может считаться в полной мере достоверным, тем более что дальше Полибий допускает фактическую ошибку — первыми консулами по традиции были Люций Юний Брут и Люций Тарквиний Коллатин, а не Марк Гораций.

² *Прекрасный мыс* находился недалеко от Карфагена, по направлению на север.

³ Имеются в виду жители городов Лация: Арден, Анция, Лаврента, Цирцей, Таррацины.

⁴ *Биссатида* и *Малый Сирт* — местности на северном побережье Африки, обладающие удобными гаванями.

⁵ *Эмпорий* — по-гречески торговый пункт.

⁶ Есть основание предполагать, что об этом же договоре мы находим упоминание у Ливия, датируется он 348 г. до н. э.

⁷ Города Мастия и Тарсена находятся в южной Испании, недалеко от так называемых «Геракловых столбов».

⁸ Имеется в виду договор 279 г. до н. э.

⁹ Римляне клялись именем Камня Юпитера, считая его символом божества.

¹⁰ *Эниалий* — первоначально эпитет Марса, бога войны, позднее — самостоятельное божество, именем которого клялись римляне.

№ 13. ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(Полибий, I, 10—11)

Мамертины¹ ...прежде уже потеряли помощь Регия; теперь ...и собственные силы их были сокрушены вконец². Поэтому одни из них, найдя убежища у карфагенян, передались им сами, передали и город; другая часть мамертинов отправила посольство к римлянам с предложением принять их город и с просьбою помочь им, как родственным с ними по крови. Римляне долго колебались, что предпринять, так как помощь мамертинам была бы явною непоследовательностью. Еще так недавно римляне казнили жесточайшею казнью собственных граждан за то, что они нарушили уговор с региянами, и тут же помогать мамертинам, почти в том же виноватым не только перед мессенцами, но и перед городом региян, было бы непростительною несправедливостью. Все это римляне понимали; но они видели также, что карфагеняне покорили не только Ливию, но и большую часть Иберии, что господство их простирается на все острова Сардинского и Тирренского морей, и сильно боялись, как бы не приобрести в карфагенянах, в случае покорения ими Сицилии, опас-

ных и страшных соседей, которые окружают их кольцом и будут угрожать всей Италии. Было совершенно ясно, что, если римляне откажут в помощи мамертинам, карфагеняне быстро овладеют Сицилией. Имея в своих руках Мессану, которая пердалась им сама, карфагеняне должны были занять вскоре и Сиракузы, так как почти вся Сицилия была уже в их власти. Прозревая это и находя для себя невозможным выдавать Мессану, т. е. дозволить карфагенянам как бы сооружение моста для переправы в Италию, римляне долгое время обсуждали положение дела.

По изложенным выше причинам сенат не принимал никакого решения, ибо насколько непоследовательно, настолько же и выгодно было оказать поддержку мамертинам. Однако народ, истощенный предшествовавшими войнами и жаждавший поправить свои дела каким бы то ни было способом, решил по внушению консулов оказать помощь мамертинам; в дополнение к тому, что было только что сказано о пользе войны для государства, они исчисляли выгоды войны для отдельных граждан. Когда предложение было принято народом, римляне выбрали одного из консулов Аппия Клавдия³ в военачальники и повели ему идти в Мессану на помощь. Мамертины частью угрозами, частью хитростью вытеснили уже карфагенского военачальника из кремля, призвали Аппия и передали ему город. Карфагеняне распыли своего вождя, обвинив его в выдаче кремля по безрассудству и трусости; сами же поставили флот у Пеллориады⁴, сухопутное войско — подле так называемых Син⁵ и ревностно повели осаду Мессаны. В это время Гиерон заключил союз с карфагенянами, находя настоящий момент удобным для того, чтобы совершенно очистить Сицилию от варваров, занимавших Мессану. Вслед за этим он вышел из Сиракуз и двинулся к городу, причем расположился лагерем с противоположной стороны подле горы, называемой Халкидскою, и запер выход жителям города в этом направлении. Римский военачальник ночью с большою отвагой переправился через пролив и явился перед Мессаной. Но видя, что неприятель жестоко теснит город со всех сторон, и понимая предосудительность и вместе с тем опасность осады, пока неприятель господствует на суше и на море, Аппий прежде всего обратился через послов к обеим сторонам, дабы избавить мамертинов от войны. Только после, когда ни одна из сторон не согласилась с ним, Аппий вынужден был отважиться на битву и решил начать нападение с сиракузян. Он вывел войско из лагеря и построил его в боевой порядок; царь сиракузян быстро вышел ему навстречу. После продолжительного жаркого боя Аппий одолел неприятеля и прогнал всех бегущих до самого вала. Снявши доспехи с убитых, он возвратился в Мессану, а Гиерон в страхе за свою власть с наступлением ночи поспешно удалился в Сиракузы.

Перев. Ф. Г. Мищенко.

¹ *Мамертины* — кампанские наемники, называвшие себя «сыновьями Марса».

² Кампанские наемники мамертины захватили сицилийский город Мессану, на помощь которому выступил тиран Гиерон II. Тогда одна часть мамертинов обратилась за помощью в Карфаген, а другая — в Рим.

³ Один из консулов 264 г. до н. э.

⁴ *Мыс Пелориада* (или Пелор) — северо-восточная оконечность Сицилии.

⁵ *Синны* — видимо, какое-то поселение недалеко от Мессаны — в других источниках не упоминается.

№ 14. ЗАХВАТ АГРИГЕНТА

(Полибий, I, 17—19)

Карфагеняне, видя, что Гиерон стал врагом их, а римляне все сильнее вмешиваются в дела Сицилии, сочли необходимым усилить свои военные средства, чтобы иметь возможность бороться с врагом и удержаться за собой сицилийские владения. Поэтому они набрали большое число наемников из лигистинов¹, кельтов и особенно иберов, и всех их отправили в Сицилию. Они видели, что для этих вооружений лучше всего приспособлен самой природой город акрагантян² и что он значительнее всех городов этой области, а потому собрали туда войска и запасы, решив сделать его опорным пунктом военных действий.

Что касается римлян, то консулы, заключившие договор с Гиероном, возвратились домой, а назначенные после них Луций Постумий и Квинт Мамий прибыли в Сицилию со своими легионами. Они поняли замыслы карфагенян, узнали о военных приготовлениях в Акраганте и нашли нужным вести дело решительнее. Консулы приостановили военные действия в прочих частях Сицилии и обратили все силы против одного Акраганта, разбили лагери на расстоянии восьми стадий от города и заперли карфагенян внутри стен. Так как наступила пора жатвы, а осада обещала затянуться надолго, то солдаты устремились собирать хлеб с большей поспешностью, чем следовало. Лишь только карфагеняне увидели, как неприятели рассеялись по полям, они сделали вылазку и напали на убивавших хлеб, быстро обратили их в бегство, затем одни бросились грабить лагерь, другие ударили по сторожевым постам. Как случалось не раз и прежде, превосходство в дисциплине спасло римлян, ибо смертью наказывается у них каждый, кто покинет свое место или совсем убежит с поста. Поэтому и теперь римляне оказали мужественное сопротивление неприятелю, во много раз превосходившему их численностью, и хотя много потеряли своих, еще больше истребили врагов. Наконец они окружили кольцом тех карфагенян, которые почти уже прорвали валы, часть их истребили, а остальных, тесня и избивая, загнали в город.

После этого карфагеняне делали вылазки не так смело, а римляне выходили за продовольствием с большей осторожностью. Так как карфагеняне не выходили против римлян и довольствовались мелкими стычками, то римские военачальники разделили

свое войско на две части: одна оставалась на месте перед городом у святилища Асклепия³, другая расположилась лагерем с той стороны города, которая спускается к Гераклею⁴. Пространство между двумя лагерями по обеим сторонам города они оградили канавами. Одну канаву, внутреннюю, римляне провели против города для того, чтобы обеспечить себя на случай вылазки неприятеля; другая, наружная, шла кольцом и предназначалась к ограждению от нападений извне и для того, чтобы препятствовать подвозу припасов и вступлению кого-либо в город, как бывает обыкновенно с городами осажденными. На промежуточном пространстве между канавами и лагерями поставлены были сторожевые отряды, а удобные пункты на некотором расстоянии один от другого были укреплены. Продовольствие и вообще все нужное собирали и доставляли в Гербес⁵ все союзники римлян, а из этого города, недалеко отстоявшего от лагеря, римляне сами непрерывно подвозили и переносили к себе припасы, так что имели все нужное в изобилии. Месяцев пять дела оставались в неизменном положении; решительного перевеса не имела ни одна сторона, и между противниками происходили только легкие схватки. Так как в городе заперто было много людей, не меньше пятидесяти тысяч, то карфагеняне стали терпеть голод. Ганнибал, начальник находившихся в городе войск, и прежде уже обеспокоенный таким положением дел, отправлял в Карфаген посла за послом с вестями о нужде и с просьбою о помощи. Карфагеняне поместили на корабли воинов и слонов столько, сколько могли собрать, и отправили их в Сицилию другому военачальнику, Ганнону. Ганнон стянул в Гераклею войско, собрал там средства вооружения и хитростью овладел городом гербесян, благодаря чему лишил неприятельские стоянки съестных припасов и всего нужного. Поэтому римляне оказались столько же осаждающими, сколько осажденными, ибо нужда в хлебе и в прочих предметах первой необходимости угнетала их так, что они не раз помышляли о снятии осады и наконец сделали бы это, если бы Гиерон не действовал с большою ревностью и старанием и не доставил войскам самых нужных припасов, хоть в умеренном количестве.

Упомянутый выше Ганнон видел, что римляне живут в зараженном чумою воздухе, что болезнь и нужда ослабили их, напротив, свои войска считал достаточно сильными для битвы. Тогда он взял с собою около пятидесяти слонов и все войско и поспешно выступил из Гераклеи, при этом отдал приказ нумидийской коннице идти вперед, и, приблизившись к неприятельскому валу, он стал дразнить и вызывать на бой неприятельскую конницу, а затем и отступать до тех пор, пока не соединятся с ним, [Ганноном]. Нумидийцы исполнили приказание и бросились на один из неприятельских лагерей; римская конница тотчас устремилась на нумидийцев и стала жестоко теснить их. Согласно данному приказанию, ливийцы отступили, пока не достигли вой-

ска Ганнона; тут они обернулись лицом к неприятелю и ударили на него со всех сторон, многих убили, остальных преследовали до самого вала. После этого войска Ганнона разбили лагери на виду у римлян, заняв так называемый холм Тор, стадиях в десяти от неприятеля. В продолжение двух месяцев обе стороны оставались в одном и том же положении, не предпринимая ничего важного, если не считать ежедневных легких стычек. Так как Ганнибал посредством сигнальных огней и вестников из города не переставал уведомлять Ганнона, что голод становится невыносимым для массы населения и что многие из нужды перебегают к неприятелю, то военачальник карфагенян решил попытать счастья в битве, чего по объясненным выше причинам не меньше Ганнона желали и римляне. Противники вывели войска на разделявшее лагери пространство и ударили друг на друга. Сражение длилось долго, пока наконец римляне не обратили в бегство карфагенских наемников, сражавшихся в первых рядах. Когда бежавшие устремились на слонов и на задние ряды, все войско финикиян пришло в смятение. Бегство сделалось всеобщим, большинство карфагенян было истреблено, и лишь немногие спаслись в Гераклею; римляне захватили большую часть слонов и весь обоз. С наступлением ночи, когда римляне от радости по случаю победы и вследствие усталости были менее бдительны на своих постах, Ганнибал, отчаявшийся было в успехе, решил, что теперь наступил удобный момент спасти остаток войска, и в полночь вышел из города с наемными войсками. Наполнив канавы плетенками, набитыми мякиной, он тайком от неприятеля увел свое войско. Римляне узнали о случившемся на рассвете, сделали легкое нападение на задние ряды войска Ганнибала, а затем все устремились к городским воротам. Не встретив здесь никакого сопротивления, они ворвались в город, разграбили его, захватили большое число пленных и множество всякой добычи.

Перев. Ф. Г. Мищенко.

¹ *Лигистины* (латинское их название *лигуры*) — племена, жившие главным образом в Северной Италии, а отчасти и в Галлии.

² *Город акрагантян* (Акрагант или Агригент) — расположен на южном берегу Сицилии.

³ *Кульг Асклепия* — божества, врачующего болезни, от греков перешел к римлянам под именем культа Эскулапа.

⁴ *Гераклея* — город на юго-западном побережье Сицилии в устье реки Галина.

⁵ *Гермес* — сицилийский город, расположенный недалеко от Акраганта.

№ 15. НАДПИСЬ НА КОЛОННЕ ДУИЛИЯ¹ (CIL, VI, 1300)

...он освободил от осады жителей Сегесты, и все карфагенские легионы и их наивысшие магистраты через девять дней бежали из лагерей при дневном свете; и он взял в бою город Мачелу; и исполняя ту же магистратуру, он совершил, первый из римских консулов, великие дела на море на кораблях. Он первый

приготовил и вооружил морские войска и корабли, и с помощью этих кораблей он победил в бою весь карфагенский флот и величайшее пунийское войско в присутствии диктатора Ганнибала в высоком море, и он захватил корабли с экипажем, одну сентерему, и квинкверем, и трирем 30, и 13 он потопил. И он захватил золота 3700 монет, серебра он захватил добычи..., всего захвачено денег более 200 000... Он первый раздавал народу морскую добычу и первый вел в триумфальном шествии свободорожденных карфагенян.

Перев. *Е. М. Штаерман.*

¹ Консул Гай Дуилий в 260 г. до н. э. одержал блестящую победу над карфагенским флотом в битве при Милах. В знак этой победы была воздвигнута колонна, содержащая текст приводимой здесь надписи.

№ 16. МИРНЫЙ ДОГОВОР РИМА С КАРФАГЕНОМ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(Полибий, I, 62, 63)

Карфагеняне, хотя сверх всякого ожидания потерпели поражение, обнаруживали прежнюю готовность к борьбе, прежний воинственный дух и рвение, но затруднялись в способах вести ее. Море было теперь во власти неприятеля, и они не могли уже доставлять продовольствие своему войску в Сицилию, а отказавшись от надежд на то войско и как бы даже выдавши его неприятелю, карфагеняне не знали, откуда добыть для войны и солдат, и вождей. Поэтому они немедленно отправили гонцов к Барке и дали ему неограниченные полномочия. Барка исполнил долг военачальника честно и разумно, именно: до тех пор пока положение дел допускало какую-нибудь надежду на успех, он не останавливался ни перед какими усилиями и опасностями и, как подобает военачальнику, испытал все средства, обещавшие победу. Но когда положение ухудшилось и у него не оставалось более никакой надежды на спасение вверенных ему воинов, Барка сознательно и благоразумно покорился обстоятельствам и отправил к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключении мира. От вождя требуется, чтобы он умел одинаково верно определять моменты как для победы, так и для отступления. Лутаций с радостью принял предложение Барки, ибо ему известно было, что сами римляне истощены войною и тяготеют к ней; поэтому войне положен был конец на таких приблизительно условиях: «На нижеследующих условиях, если они угодны будут и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра»¹.

Когда условия эти были доставлены в Рим, народ не принял их и отправил десять граждан в Сицилию для расследования дела. По прибытии на место уполномоченные оставили неизменным существо договора, лишь некоторые обязательства карфагенян усилили, именно: срок уплаты они сократили наполовину, прибавили еще тысячу талантов и обязали карфагенян очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией.

Перев. Ф. Г. Мищенко.

¹ Эвбейский талант весил 26,2 кг, отличаясь от эгинского (37 кг) и аттического (26 кг).

№ 17. ВОССТАНИЕ НАЕМНИКОВ В КАРФАГЕНЕ

(Полибий, I, 65—70)

...У карфагенян была война с наемниками, нумидянами, а также и с отложившимися ливиянами, война немаловажная и трудная, в которой они претерпели много серьезных опасностей и под конец вынуждены были бороться не только за свою землю, но даже за существование свое и своей родины. Война эта заслуживает упоминания по многим причинам, но, согласно нашему первоначальному плану, мы расскажем о ней в немногих словах лишь существенное...

Коль скоро заключен был упомянутый выше мир, Барка увел стоявшее у Эрикса войско к Лилибею¹ и вслед за тем сложил с себя звание главнокомандующего; переправой войска занялся начальник города Гискон. Предвидя беспорядки, он нарочно отправлял войско на кораблях по частям и самую отправку производил с промежутками. Этим он желал дать время карфагенянам, по мере прибытия наемников и уплаты им остающегося жалования, отпускать их заблаговременно из Карфагена на родину прежде, чем принимать новый отряд, переправляющийся вслед за ними. Вот что имел он в виду, когда в таком порядке производил отправку войска из Лилибея. С другой стороны, карфагеняне, перед этим понесшие большие расходы, нуждались в деньгах и полагали, что им удастся склонить наемников к отказу от полагающейся им части жалованья, если все они соберутся в Карфагене; надеясь на это, юни задерживали прибывших воинов и оставляли их в городе. Однако из-за весьма частых преступлений, совершаемых ночью и днем, карфагеняне стали опасаться проявлений буйства в толпе и прежде всего потребовали от вождей, чтобы те, пока не будет собрано жалованье до прибытия остального войска, отвели всех наемников в город, именуемый Сиккой², причем каждый из них получил золото на необходимые нужды. Радостно выслушали наемники весть о выступлении из города и только желали оставить в нем свои пожитки, что делали они и вначале, так как им предстояло очень скоро возвратиться в город за получением жалованья. Карфагеняне были сильно озабочены тем, что некоторые из наемников,

давно уже возвратившиеся в город, из-за тоски по детям и женам или не пожелают уходить вовсе, или после ухода возвратятся снова к своим пожиткам, и таким образом город ничуть не избавится от беспорядков. Вследствие этой тревоги карфагеняне, невзирая на отказ, беспощадно принуждали наемников забирать пожитки с собою. Между тем, собравшись в Сикке, наемники предавались разгулу: после долгих трудов они жили теперь вольной и праздною жизнью... К ним явился Ганнон, тогдашний начальник карфагенской Ливии; он не только не удовлетворил их ожиданий и не исполнил прежних обещаний, но еще, ссылаясь на тягость налогов и вообще на стесненное положение государства, пытался склонить воинов к отказу от некоторой доли причитающегося им жалованья. Это не замедлило вызвать споры и волнения: наемники постоянно собирались толпами, или по племенам, или все без различия. Так как наемные войска принадлежали к разным племенам и говорили на разных языках, то люди не понимали друг друга, и в лагере царил шум и смятение. Дело в том, что карфагеняне постоянно имели у себя на службе наемников различных стран и, составляя войско из многих народностей, с трудом и нескоро добивались того, чтобы наемники столковывались между собою, повиновались начальникам и не были для них опасны; но карфагеняне попадали в гораздо большее затруднение, когда им приходилось увещевать, успокаивать и разубеждать наемников в случае их раздражения, гнева и волнений... Войска состояли частью из иберов и кельтов, частью из лигистинов и балеарян, и лишь немного было полуэллинов³, большею частью перебежчики и рабы; самую многочисленную долю наемников составляли ливийцы. Не придя к соглашению с Ганноном и питая недоверие к начальникам отдельных частей, наемные войска в гнев на карфагенян направились к их городу и в числе двадцати тысяч с лишним расположились лагерем у так называемого Тунета, стадиях в ста двадцати от Карфагена.

...Устрашенные близостью неприятельской стоянки, карфагеняне соглашались на все... лишь бы смирить их гнев. Они отправили из города обильные запасы различных предметов первой необходимости и продавали их там по той цене, как хотели и какую назначали мятежники; кроме того, посылали к ним одного сенатора за другим с обещанием исполнить по мере возможности всякое их требование. Однако наемные войска каждый день измышляли что-нибудь новое, становились все наглее, потому что видели тревогу и упадок духа в карфагенянах. К тому же, вспоминая сражения свои в Сицилии против римских легионов, они преисполнились уверенностью в том, что не только карфагенянам, но и всякому иному народу трудно бороться с ними. Поэтому лишь только карфагеняне сделали им уступку в жалованье, они тотчас пошли дальше и потребовали вознаграждения за павших лошадей. Когда и это было принято, войска поставили

новое требование, чтобы за тот хлеб, который должны были им уже давно, карфагеняне заплатили по наивысшей цене, до какой поднималась она в военное время.

...Побеждаемый в небольших стычках, происходивших у города, именуемого Лептином, и у некоторых других, Мафос⁴ наконец отважился решить дело в большом сражении, чего желали и сами карфагеняне. Принявши такое решение, противники призывали к битве всех своих союзников, стягивали из городов свои войска, как бы собираясь покончить все одним ударом. Когда с обеих сторон все было готово к нападению, противники выстроились в боевой порядок и разом бросились друг на друга. Победа была на стороне карфагенян, и большинство ливиян пало в самой битве; прочие бежали в какой-то город и вслед за тем сдались; сам Мафос попал в плен. После этой битвы остальные части Ливии не замедлили покориться карфагенянам. Упорствовали в возмущении только Гиппакриты и Утика, ибо они с самого начала лишили себя всякой надежды на пощаду и снисхождение, и потому никак не могли просить о мире... Ганнон и Барка расположились лагерями, один у одного города, другой у другого и вскоре принудили осажденных к сдаче на условиях, поставленных победителем.

Так кончилась война, причинившая было карфагенянам величайшие затруднения; теперь они не только снова завладели Ливией, но и покарали виновников возмущения. В заключение войско в триумфальном шествии через город подвергло Мафоса и его сообщников всевозможным истязаниям.

Почти три года и четыре месяца вели войну наемники с карфагенянами, из всех известных нам в истории войн самую жестокую и исполненную злодеяний.

Перев. Ф. Г. Мищенко.

¹ *Лилибей* — мыс и город того же названия на западном берегу Сицилии.

² *Сикка* — город в Африке.

³ *Полузэллины* — термин, принятый в античной историографии для обозначения людей, происходивших от браков эллинов с местным населением.

⁴ *Мафос* (Матон) — руководил восстанием наемников наряду с уроженцем Кампании Спендием. Сам он по происхождению был ливиец.

№ 18. СОСТАВ ВОЙСКА ГАННИБАЛА

(Полибий, III, 33)

Руководствуясь верным, умным расчетом, он [Ганнибал] переместил ливийские войска в Иберию, а иберийские — в Ливию и тем соединил обе части войск узамы взаимной верности. В Ливию перешли терситы, мастианы¹, кроме того, ореты и олькады². Из этих племен набрано было всего тысяча двести человек конницы и тринадцать тысяч восемьсот пятьдесят пехоты. Сверх этого числа было восемьсот семьдесят человек балеарян³. На-

стоящее имя их пращники; употребление пращи дало одинаковое название как народу, так и занимаемому им острову. Большую часть поименованных выше войск Ганнибал послал в ливийские Метагонии⁴, а некоторых назначил в самый Карфаген. Из так называемых метагонийских городов он снарядил в Карфаген еще четыре тысячи пехоты, которые должны были служить заложниками и вместе с тем подкреплением ему. В Иберии Ганнибал оставил брату Гасдрубалу пятьдесят пятипалубных кораблей командою, тридцать два корабля пятипалубных и все пять трирем. Конницы оставил он четыреста пятьдесят человек ливиифиникиян⁵ и ливиян, триста лергетов⁶, тысячу восемьсот нумидян, а именно: массолийцев, массасилийцев, маккоев и живущих при океане мавров; пехоты оставил одиннадцать тысяч восемьсот пятьдесят человек ливиян, триста лигистян, пятьсот балеарян и двадцать одного слона.

Не следует удивляться, что мы с такими подробностями перечислили распоряжения Ганнибала в Иберии, каких едва ли можно бы ожидать даже от того, кто сам делал все эти распоряжения, не следует также спешить с упреком, будто мы уподобляемся историкам, под видом истины предлагающим ложь. Дело в том, что в Лацинии мы нашли этот перечень войск на медной доске, изготовленной по приказанию Ганнибала в бытность его в Италии, и, признав, что начертанный на ней список вполне достоверен, решились воспользоваться этими показаниями.

...[Ганнибал] повел за собою пятьдесят тысяч пехоты и около девяти тысяч конницы; перевалил с ними через так называемые Пиренейские горы к месту переправы через реку, именуемую Роданом. Войско его отличалось не столько многочисленностью, сколько крепостью здоровья и было превосходно испытано в непрерывных битвах в Иберии.

Перев. Ф. Г. Мищенко.

¹ Терситы, мастианы — жители городов Тарсен и Мастия, находящихся в южной части Испании.

² Ореты и олькады — кельтиберские племена, жившие в терраконской Испании.

³ Балеаряне — жители Балеарских островов. Ливий сообщает, что балеаряне были хорошими пращниками.

⁴ Метагония — видимо, имеется в виду побережье Нумидии и Мавретании.

⁵ Ливиифиникияне — население, появившееся в результате смешанных браков жителей Северной Африки с финикийцами. Значительное количество их жило и по побережью Южной Италии.

⁶ Лергеты — одно из ливийских племен Северной Африки.

№ 19. ТАКТИКА ФАБИЯ МАКСИМА

(Тит Ливий, XXII, 15)

Фабий¹ с одинаковым вниманием следил и за неприятелем, и за расположением умов в собственном войске, непоколебим оставался он перед его требованиями. Знал он твердо, что не

только в лагере, но и в самом Риме медлительность его ставится ему в вину и поношение. Тем не менее он упорно оставался верен своим планам и остальную часть лета провел в бездействии. Ганнибал, потеряв надежду на желаемый им решительный бой, стал думать о зимних квартирах. Страна, в которой он находился, наполненная садами и виноградниками, изобиловала предметами роскоши больше, чем предметами первой необходимости. Фабию известно было через лазутчиков намерение Ганнибала, и потому он, зная, что тому предстоит проходить теснины, которыми он проник в Фалернскую область², занял небольшими отрядами Калликульскую гору и город Казин. Разделяемый пополам рекою Волтурном, город этот стоит на границе Фалернской земли и Кампании; а сам Фабий, по вершинам тех же гор, возвратился назад с войском, отправив Л. Горация Манцина с отрядом четырехсот союзных всадников для рекогносцировки. Л. Гораций принадлежал к числу молодых людей, в кругу которых часто ораторствовал предводитель всадников; сначала он шел осторожно, стараясь с безопасностью для себя следить за движениями неприятеля. Видя, что нумидийские всадники рассеялись для грабежа, Л. Гораций некоторых из них убил. Он разгорелся желанием боя и забыл спасительные предписания диктатора: тот велел ему двигаться так, чтобы, в случае встречи с неприятелем, он мог безопасно от него удалиться, не вступая в дело. Нумидийцы, то отбиваясь от римских всадников, то уходя от них бегством, заманили их почти до самого своего лагеря, изнулив их коней и людей. Тогда главный начальник неприятельской конницы Карталион бросился навстречу римлянам; те пустились бежать, не приблизившись еще к неприятелю на полет стрелы. Карталион с пятью тысячами всадников стал их неотомимо преследовать. Видя, что неприятель не отстает и что уйти от него некуда, Манцин ободрил воинов и, повернув коней, бросился с неприятелем в бой, во всех отношениях далеко не равный. Погиб он и с ним отборные всадники, а прочие рассеялись по полям; сначала они ушли в Калес, а потом по самым глухим тропинкам к диктатору в лагерь.

В этот день к диктатору пришел на соединение Минуций с войском; он ходил по приказанию диктатора прикрыть вооруженным отрядом устье, которое по берегу моря, суживаясь у Таррацины, ведет на Аппиеву дорогу³ и могло бы, в случае если бы оно было не занято, открыть неприятелю доступ в Римскую область. Соединив свои войска, диктатор и предводитель всадников расположились лагерем на самой дороге, по которой нужно было идти Ганнибалу, в двух милях от неприятеля.

...Во второе лето пунической войны ...благодаря осторожности Фабия римляне в Италии несколько отдохнули от неоднократных поражений. Ганнибал, напротив, был неприятно юзачен, что наконец-то римляне выбрали полководцем человека, который

рассчитывал в ведении войны более на благоразумие, чем на слепое счастье... Ганнибал находился в постоянном лагере перед стенами Герония; он сжег этот город, оставив нетронутыми только те здания, которые служили ему вместо житниц. Отсюда он послал две части войска для фуражировки, а с третьей находился сам в лагере, как для его защиты, так и для наблюдения за движениями других частей своего войска, чтобы в случае нужды быть им защитой.

Фабий слышал сначала крики воинов, пришедших в робость, потом издали видел, как войско пришло в смятение. Тогда, обратясь к окружающим, он сказал: «Незамедлило случиться то, чего я опасался, а именно: что судьба казнит самонадеянность. Вождь, в правах власти сравненный с Фабием, должен убедиться, что Ганнибал превосходит его и доблестью, и счастьем. Но будет еще время для упреков и обвинения друг друга, а теперь выносите знамена за лагерные окопы. Исторгнем у неприятеля победу, а у наших сограждан сознание их вины». Таким образом, когда на поле битвы воины римские одни гибли под мечом неприятеля, другие искали спасения в бегстве, вдруг является туда стройное войско Фабия, как бы помощь, посланная римлянам с неба. Еще не подошло оно к неприятелю на расстояние пущенной стрелы и не вступило в дело, а уже римляне оставили мысль о бегстве, и неприятель перестал их горячо преследовать. Воины римские, дотоле бывшие в беспорядке — ряды их расстроились, — со всех сторон стекались к стройным рядам Фабиева войска, толпы бегущих обращались снова лицом к неприятелю и, стеснясь в кружок, медленно стали отступать и даже останавливались, собираясь во все более и более значительные кучки. Вскоре побежденное войско и вновь прибывшие составили одно целое; они двинулись вперед навстречу неприятелю. Ганнибал велел играть отбой, сознавая, что, победив Минуция, он побежден Фабием ⁴.

Перев. А. Клеванова.

¹ *Квинт Фабий Максим*, по прозвищу Кунктатор (Медлитель), был назначен главнокомандующим римскими войсками во второй пунической войне, после того как римляне потерпели жестокое поражение в битве при Тразменском озере.

² *Фалернская область* расположена в средней Италии; ее разграбили войска Ганнибала, чтобы собрать продовольствие для карфагенской армии.

³ *Аппиева дорога* была сооружена римлянами в 312 г. до н. э. по предложению цензора Аппия Клавдия. Дорога эта соединяла Рим с Кампанией. В случае захвата ее неприятелем, создавалась серьезная угроза безопасности Рима.

⁴ В предыдущей главе рассказывается о том, как римляне под командой Марка Минуция во вторичном сражении с войсками Ганнибала начали терпеть поражение. Спасло их лишь то, что на помощь подоспел Фабий Максим.

№ 20. БИТВА ПРИ КАННАХ

(Тит Ливий, XXII, 45—49)

Между тем как время проходило не в благоразумных совещаниях, а в бесполезных распрях, Ганнибал провел большую часть дня, стоя в поле с войском, готовым к бою. Потом он прочие войска увел в лагерь, а нумидян послал по ту сторону реки для нападения на римлян, из меньшего лагеря ходивших за водой. Без труда нумидяне, как только переправились на тот берег, криками своими и натиском обратили в бегство нестройную толпу римлян и преследовали ее почти до самых лагерных ворот и поста, стоявшего для их прикрытия. С негодованием римляне видели, что даже нерегулярные неприятельские войска внушают им ужас, и если только римляне тотчас не перешли реку и не вступили в бой с неприятелем, то это потому, что в этот день главное распоряжение принадлежало Павлу. А потому Варрон¹ на следующий день, когда право начальства по жребию принадлежало ему, не спросив даже совета у товарища, дал знак к бою и перевел войска свои через реку. Павел последовал за ним: не одобряя действий товарища, он не мог оставить его совершенно. На той стороне реки римские военачальники взяли с собою и те войска, которые находились в меньшем лагере. Собрав таким образом все свои силы, они устроили их в боевом порядке: на правом крыле, находившемся ближе к берегу реки, они поставили римских всадников, а возле них пехоту. Союзная конница составляла крайнее левое крыло; ближе стояла союзная пехота, примыкавшая к пехоте легионов. Первую боевую линию составляли пращники вместе с другими легковооруженными войсками их союзников. На левом крыле начальствовал Теренций, а на правом Эмилий. Гемину Сервилию было поручено командование в центре боевой линии.

Ганнибал, лишь только рассвело, отправил вперед балеарян² и легковооруженных воинов, а сам перешел реку; тут он строил свои войска в боевом порядке по мере того, как они переходили реку. На левом крыле к берегу реки против римской конницы он поставил галльскую и испанскую конницу, а правое крыло составил из нумидян; центр он укрепил пехотою; таким образом оба крыла состояли из уроженцев Африки, а средину между ними наполняли галлы и испанцы. Африканцы совершенно походили наружным видом на римлян; они имели с ними одинаковое оружие, которое досталось им как военная добыча у Требии и Тразимена³. Галлы и испанцы имели щиты почти одинаковой формы; но мечи, которыми они были вооружены, далеко не походили друг на друга. У галлов были длинные и без острия наверху, а у испанцев, которые в битве привыкли более колоть, чем рубить с плеча, короткие и острые. Как галлы, так и испанцы производили на зрителя впечатление ужаса как своим наружным видом, так и особенностью их костюма: галлы были обна-

жены до пояса, а испанцы были одеты в белые одежды, вышитые красным; издали их одежды как бы блистали, из-за ослепительной белизны. По мнению современников, число сил, бывших в войске у Ганнибала, достигало сорока тысяч пехоты и десяти тысяч конницы. Левым крылом командовал Газдрубал, а правым Магарбал; центр занял сам Ганнибал с братом Магоном. Так как римляне стояли лицом к югу, а карфагеняне к северу, то свет солнечных лучей падал на них сбоку, что было для последних весьма благоприятным обстоятельством, а ветер, называемый туземцами вултурном⁴, гнал облака пыли прямо в лицо римлянам.

После первых воинских кликов вспомогательные войска двинулись вперед; в бой вступили сначала легковооруженные войска. Вслед за тем левое крыло испанских и галльских всадников вступило в бой с правым крылом римских; но сражение здесь менее всего походило на дело конницы. Всадникам можно было действовать против фронта; развернуться же и удлинить фронт было невозможно; с одной стороны была река, а с другой ряды пехоты позволяли коннице действовать только напротив себя. Лошади вынуждены были остановиться, и скоро были сжаты в происшедшей тесноте; воин хватался за противника и стаскивал его с коня. Таким образом, схватка конниц стала скоро походить более на дело пехоты. Сражение было упорное, но не продолжительное; римские всадники были отеснены. Когда дело конниц стало подходить к концу, сразились обе враждебные пехоты. Сначала ряды галлов и испанцев храбростью и силами не уступали римлянам; наконец римляне после неоднократных усиленных нападений своим густым и прямым строем сломили неприятеля, ряды которого были не очень густы и притом, что уже ослабляло им силы, выдавались вперед клином против расположения прочих войск. Когда неприятель, уступая римлянам, поспешно и в беспорядке стал отступать, римляне преследовали его по пятам и в этом натиске поспешно прошли по рядам бежавшего неприятеля, не помнившего себя от страха, через самый центр его позиции и остановились, лишь наткнувшись на резерв африканцев: они стояли в виде полукружия в обе стороны растянув свои крылья; только центр, состоящий из галлов и испанцев, выдавался вперед. Когда они потерпели поражение, в бегстве поравнявшись с фронтом африканцев, а потом вдавшись даже в глубину составленного ими полукружия, то африканцы стали растягивать крылья, и когда римляне опрометчиво зашли в середину, они обошли их кругом и с тылу преградили им возможность отступления. Таким образом бой, который римляне считали уже поконченным, оказался бесполезным, и римляне, оставив галлов и испанцев, задним рядам которых нанесли они страшное поражение, должны были начать новый бой против африканцев. Бой этот не мог быть равен: римляне должны были со всех сторон давать отпор окружавшим их врагам и притом,

утомленные прежним боем, иметь дело со свежими и нетронутыми силами неприятеля.

Уже и на левом крыле римлян, где союзная конница поставлена была против нумидян, загорелся бой, сначала он шел довольно вяло, но скоро был ознаменован коварным поступком, достойным карфагенян. Около пятисот нумидян, кроме обыкновенного оружия, припрятав под панцыри мечи, закинув щиты на плечо, прискакали в виде перебежчиков к римским рядам. Соскочив с коней, щиты свои и дротики бросили к ногам противников; их пропустили в середину строя и в самом тылу велели им спокойно дожидаться окончания боя. Они действительно не трогались с места, пока бой разгорался по разным пунктам. Когда же внимание всех было поглощено сражением, мнимые перебежчики, схватив щиты, во множестве валявшиеся в кучах мертвых тел на местах сражения, напали с тылу на ряды римлян. Поражая их в спину, они нанесли им страшный урон, но еще более причинили страху и замешательства.

Уже почти везде в рядах римлян господствовали ужас и бегство; кое-где только продолжалась еще упорная борьба, но уже почти без надежды на успех. Газдрубал, имевший в этой стороне главное начальство, вывел из середины боя нумидян, замечая, что они начинают слабеть в сражении с противниками, и послал их преследовать бегущих, а галльскую и испанскую пехоту подвинул на помощь африканцам, выбившимся из сил, не столько сражаться с неприятелями, сколько убивать их.

На другой стороне поля битвы консул Павел, еще в начале сражения тяжело раненный ударом пращи, не раз бросался в самую середину схватки с воинами Ганнибала и таким образом не раз возобновлял бой под прикрытием римских всадников. Наконец они вынуждены были сойти с коней, так как у консула не доставало более сил управлять лошадью. Говорят, что Ганнибал, когда ему донесли, что консул велел спешиться своим всадникам, сказал: «Это все равно, чтобы он мне их отдал связанными по рукам и ногам». Бой спешившихся всадников был таким, какого ожидать надобно было при видимой уже победе неприятеля. Они предпочитали умирать на своем посту, чем бежать. Победители же в негодовании на замедление победы безжалостно рубили тех, которых не могли согнать с места. Наконец удалось им обратить противников в бегство, когда их оставалось уже немного, да и те выбились из сил от утомления и ран. Тут все рассеялись, и те, которые могли, спешили снова садиться на коней, чтобы скорее бежать. Гн. Лентул, военный трибун, скакал на коне. Увидев сидевшего вблизи на камне покрытого кровью консула, он сказал ему: «Люций Эмилий! Боги должны были бы уважать в тебе человека, который один не виновен в несчастном событии нынешнего дня. Возьми моего коня: пока есть в тебе еще остаток сил, я могу

поднять тебя и защищать. Не делай этого поражения печально знаменитым смертью консула: и без того будет довольно слез и плача!» Консул на это отвечал ему: «Мужайся в доблести, Гней Корнелий! Берегись, как бы в бесплодном обо мне сожалении не истратил ты немногих минут, которые остались тебе, чтобы уйти от неприятеля. Беги, возвести всенародно сенаторам, чтобы они приняли меры к защите города и стены его снабдили защитниками прежде, чем подойдет к городу враг-победитель. От меня частным образом скажи Квинту Фабию, что Люций Эмилий всегда имел в памяти при жизни его наставления и умирает им верен. А мне не дай пережить такого страшного побоища моих воинов! Не хочу я ни снова быть обвиненным по выходе из консульства, ни обвинением товарища моего доказать свою невинность, обличив преступление другого». Пока они это говорили, нахлынула толпа беглецов, а вслед за нею и неприятелей: они осыпали стрелами консула, не зная, кто он, а Лентул в происшедшей суматохе спасся благодаря своему коню. Бегство римского войска сделалось общим. Семь тысяч воинов ушли в малый лагерь, десять в большой, а две тысячи искали убежища в самой деревне Каннах. Эти последние тотчас сделались добычею Карталиона и его всадников, так как Канны не были прикрыты никакими укреплениями. Другой консул, или случайно, или с целью, не последовал ни за одним отрядом бегущих, а с семидесятью всадниками убежал в Ветузию⁵. Говорят, что в этом сражении римляне потеряли сорок пять тысяч человек пехоты и две тысячи семьсот всадников, половина на половину граждан и союзников. В числе погибших были оба консульские квестора Л. Атилий и Л. Фурий Бибакул, двадцать один военный трибун; много бывших консулов, преторов и эдилов, в числе их Гн. Сервилий Гемин и М. Минуций, последний был в прошедшем году предводителем всадников, а за несколько лет перед тем консулом. Кроме того, погибло восемьдесят человек частью сенаторов, частью людей, отправлявших такие должности, которые дают право на вход в сенат; все они добровольно записались на службу в легионы. В плен досталось неприятелю, как говорят, до трех тысяч человек пехоты и триста всадников.

Перев. А. Клеванова.

¹ Командовали римскими войсками поочередно 2 консула 216 г.: Гай Теренций Варрон — сторонник решительных военных действий, и Люций Эмилий Павел, который придерживался тактики Фабия Максима.

² *Балеаряне* — см. прим. № 3 на стр. 52.

³ В сражениях при Требнии и Тразимене римляне потерпели решительное поражение и бежали, бросив свое оружие и боевые доспехи.

⁴ *Вултурн* — резкий юго-восточный ветер, получил свое название от горы Вултур в Кампании.

⁵ *Ветузия* — город в Самнии.

№ 21. ПЕРЕХОД КАПУИ НА СТОРОНУ КАРФАГЕНА ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ РИМА В БИТВЕ ПРИ КАННАХ

(Тит Ливий, XXIII, 3, 7)

Тогда созвал Пакувий народное собрание и сказал следующее: «Кампанцы! ваше давнишнее желание — излить месть и справедливое негодование на ваших бессовестных и ненавистных сенаторов¹ — исполнилось, и не нужно вам для этого с большой для вас опасностью брать силой дом каждого сенатора, защищенный толпою клиентов и рабов; можете вы казнить сенаторов без малейшей для вас опасности. Они в вашей власти, все заперты в здании сената, безоружные и бессильные. Об одном прошу вас: не действуйте торопливо и необдуманно. О каждом из сенаторов отдельно выскажете вы ваш приговор, и пусть каждый примет то наказание, какого вы его признаете достойным. Впрочем, давая волю негодованию вашему, не забудьте о том, чего требует ваша собственная польза и безопасность. Вы, я знаю, ненавидите теперешних сенаторов; но, конечно, не желаете вовсе не иметь сената. Одно из двух: или в вольном государстве необходимо иметь общественный совет из лучших граждан, или вам нужно будет избрать царя; но и говорить вам об этом ненавистно. А потому должны вы иметь в виду два обстоятельства: уничтожить прежний сенат и на место его выбрать новый. Я прикажу вызывать бывших сенаторов каждого поочередно и поодиночке и буду спрашивать вашего о нем мнения; с ним будет поступлено так, как вы определите; но прежде чем казнить виновного, выберите на его место человека хорошего и достойного».

Сказав это, Пакувий сел на свое место; он приказал имена сенаторов, написанные на билетиках, перемешать в урне и какое первое вынулось, того сенатора привести из места заседаний. Когда провозглашено было имя одного из сенаторов, то все граждане в один голос закричали, что человек он дурной, зловредный и достоин казни. Пакувий сказал на это: «Хорошо, вижу ваше мнение об этом сенаторе, его не будет; но вместо этого дурного и зловредного человека выберите прежде хорошего и честного». Сначала слова Пакувия встречены были общим молчанием; каждый совестился сказать; наконец кто-то, преодолев это чувство совестливости, назвал одно имя. Тут-то поднялись крики: одни говорили, что вовсе его не знают, а другие прямо укоряли его дурными поступками или низостью происхождения и глупостью занятии и ремесла. То же самое еще в большей степени случилось при выборе второго и третьего сенатора. Прежний сенатор не нравился гражданам, но кем заменить его они никак не могли согласиться между собою. Бесплезно было бы вновь называть тех, имена коих были уже отвергнуты; а те, которые вместо них были предложены, оказались принадлежащими таким людям, которые как по качествам

душевным, так и по значению их в обществе далеко были ниже первых. Таким образом, народное собрание разошлось, не сделав ничего, граждане остановились на том, что лучше переносить то зло, мера которого известна, и на этом основании велели сенаторов выпустить из заключения.

Кампанские послы, придя к Ганнибалу, заключили с ним мир на следующих условиях: ни главный вождь карфагенян и никто из сенаторов не имеет права суда над кампанским гражданином. Ни один кампанский гражданин не может быть принужден против его воли идти на военную службу. Кампанцы сохраняют свои законы и своих должностных лиц. Карфагеняне должны дать кампанцам на выбор триста человек из пленных римлян для обмена на кампанских всадников, находившихся на службе римлян в Сицилии. Таковы были условия договора; впрочем, кампанцы не замедлили решиться и на такие злодейские поступки, на которые они ничем вынуждены не были: они схватили всех римских граждан, находившихся в Кампанской области или по обязанности военной службы, или по своим частным делам, и заперли их в бани будто бы для того, чтобы держать их там под караулом; но те погибли мучительной смертью — задохлись от тесноты и жара. Этому преступлению и намерению отправить послов к Ганнибалу всеми силами сопротивлялся Деций Магий, человек, которому, чтобы играть первую роль между его соотечественниками, недоставало только того, чтобы они были в полном уме. Услыхав, что Ганнибал шлет в Капую свой гарнизон, Деций Магий во всеуслышание, пока тот не прибыл, кричал, чтобы его не принимать. Живо напоминал он надменное господство Пирра и бедственное порабощение тарентинцев². Когда же карфагенский гарнизон уже прибыл в город, то Деций уговаривал граждан или выгнать его, или загладить преступление, сделанное ими против старинных и верных союзников, связанных с ними узами крови, — поступком смелым и решительным: истребив карфагенский гарнизон, передаться снова римлянам. Все эти слова и действия Магия, каковых он и не скрывал, переданы были Ганнибалу. Он сначала послал звать Магия к себе в лагерь. Тот наотрез отказался, не признавая за Ганнибалом права суда против кампанского гражданина. Взбешенный этим, Ганнибал велел было связать Магия и притащить к себе, но, опасаясь, как бы вследствие воодушевления народа и могущего возникнуть мятежа, не открылось какой-либо опасной вспышки, последствий которой вперед и рассчитывать невозможно, Ганнибал послал гонца к претору кампанскому, Марию Блозию, предупредив его, что он, Ганнибал, на другой день сам приедет в Капую, куда тот действительно и отправился с небольшим конвоем. Марий, созвав народное собрание, приказал гражданам, чтобы они на другой день с женами и детьми вышли навстречу Ганнибалу. Приказание это было исполнено гражданами не только с большой готовностью,

но и с усердием; все они были расположены к Ганнибалу и очень хотели видеть знаменитого вождя, прославившегося столькими победами.

Деций Магий не вышел навстречу Ганнибалу, но и не оставался дома для того, чтобы не дать повода думать, будто он делает это из робости: он с сыном и немногими друзьями спокойно разгуливал по площади тогда, как все граждане суетились, спеша навстречу Ганнибалу и горя нетерпением его видеть. Ганнибал, вступив в город, тотчас было велел собрать сенат. Главные кампанские сановники просили его не заниматься в этот день важными делами, а спокойно и весело провести день, сделавшийся праздничным вследствие его прибытия. Хотя Ганнибал и не любил сдерживать гнев свой, но, не желая на первый раз огорчить знатнейших кампанцев отказом, провел большую часть дня, осматривая город.

Перев. А. Клеванова.

¹ Антиримское движение в Капуе после поражения Рима при Каннах обострилось социальными противоречиями внутри самого города; рассказы об этом и посвящены приведенные выше главы из сочинения Тита Ливия.

² Господство Пирра и порабощение тарентинцев — город Тарент в борьбе с Римом призвал эпирского царя Пирра, который в 280 г. высадился в Италии. После поражения Пирра римляне захватили Тарент; город был лишен флота, его стены были срыты.

№ 22. ПЕРЕГОВОРЫ ФИЛИППА V С ГАННИБАЛОМ О СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЕ ПРОТИВ РИМА (Тит Ливий, XXIII, 33, 34)

Все народы и цари со вниманием следили за борьбой двух сильнейших народов мира. Особенно интересовался ею царь Македонии Филипп¹ вследствие близкого соседства с Италией, отделенной от него одним проливом. Как только он узнал, что Ганнибал перешел Альпы, и с удовольствием услышал о войне, загоревшейся между римлянами и карфагенянами, но не зная сил обеих сторон, еще колебался, которой пожелать победы. Между тем уже в третьей битве победа благоприятствовала карфагенянам, а потому Филипп также склонился на ту сторону, куда и счастье, и отправил послов к Ганнибалу. Они старались как можно дальше держаться от пристаней Брундизийской и Тарентинской², где стояли сторожевые суда римлян, и вышли на берег у храма Юноны Лацинской³. Оттуда они через Апулию отправились в Капую, но дорогой попали в середину неприятельских разъездов и были отведены к претору римскому М. Валерию Левину, стоявшему лагерем около Луцерии⁴. Здесь Ксенофан, старший посол, смело солгал перед претором, будто его послал царь Филипп для заключения дружественного союза с римским народом и что он имеет от царя поручения к сенату и народу римскому. Претор весьма обрадовался, что при измене прежних союзников⁵ нашелся новый и столь знаменитый,

обласкал послов и врагов принял за дорогих гостей... Он дал им проводников, тщательно и подробно указал им дорогу и все места как занятые римскими войсками, так и находившиеся во власти карфагенян. Ксенофан благополучно пробрался через римские посты по Кампании, а оттуда прямо отправился в лагерь Ганнибала и заключил с ним дружественный союз на следующих условиях: «царь Филипп со всеми морскими силами, какие только может собрать (он мог, как полагали, выставить до 200 судов), должен двинуться к Италии и опустошать ее берега. Он должен всеми силами сражаться с римлянами на суше и на море. По окончании войны Италия вся, вместе с Римом, достанется карфагенянам, а всю военную добычу Филипп уступает Ганнибалу. Когда Италия будет завоевана, то Ганнибал перейдет в Грецию и будет вести для Филиппа войну со всеми народами, с кем он пожелает, и все прилежащие к владениям Филиппа в Македонии земли как на материке, так и на островах должны принадлежать ему, Филиппу». Таковы условия, на которых был заключен союзный договор между вождем карфагенским и послами царя македонского.

Перев. А. Клеванова.

¹ *Филипп V, царь Македонии*, в течение многих лет вел борьбу с Римом. Во время второй пунической войны стал на сторону Карфагена.

² *Брундизий и Тарент* — портовые города Южной Италии.

³ *Юнона*, согласно римской мифологии, — дочь Сатурна и Реи, жена и сестра Юпитера. Юнона Лацинская почиталась римлянами в качестве покровительницы брака.

⁴ *Луцерия* — город в северо-западной части Апулии.

⁵ Имеется в виду переход кампанских городов, и в первую очередь Капуи, на сторону Ганнибала.

№ 23. УСЛОВИЯ МИРА С ФИЛИППОМ МАКЕДОНСКИМ

(Тит Ливий, XXXIII, 30, 32)

Мир с Филиппом заключен был на следующих условиях: все греческие государства, находившиеся в Европе и Азии, должны быть свободны и пользоваться своими законами; из тех государств, которые были под властью Филиппа, он должен вывести свои гарнизоны и передать их римлянам свободными до наступления истмийских игр¹; должен вывести гарнизоны также и из городов, находящихся в Азии: Еврома, Педас, Баргилий, Яса, Мирины, Абида, Фаса и Перинфа; их также решено было сделать свободными; о решении сената относительно свободы Клиянов Квинкий² должен написать царю вифинскому в Прусу. Затем, Филипп должен был возратить римлянам пленных и перебежчиков, выдать все крытые корабли, кроме пяти и одного царского, почти негодного к употреблению по своей величине, так как его приводили в движение 16 рядов весел; не держать вооруженными более 5000 воинов и ни одного слона; не вести войн за пределами Македонии без разрешения сената; уплатить

римскому народу 1000 талантов, половину — теперь, а половину — по частям в продолжение 10 лет. Историк Валерий Анциат³ передает, что на царя была наложена дань по 4000 фунтов серебра в течение 10 лет; Клавдий⁴ — в течение 30 лет по 4200 фунтов, а немедленно теперь же 20 000 фунтов; по его же свидетельству, особо было прибавлено, чтобы Филипп не вел войну с пергамским царем Евменом, сыном Атталы — он в то время только что вступил на престол. В обеспечение этого были взяты заложники, в числе их Деметрий, сын Филиппа. Валерий Анциат прибавляет, что Атталу⁵ заочно были подарены остров Эгина и слоны, родосцам — Стратоникея и другие города Карики, которыми владел Филипп; афинянам отданы острова Лемнос, Имброс, Делос и Скирос.

Перев. П. Андрианова.

¹ *Истмийские игры* — всенародные греческие празднества, происходившие на Истме (Коринфском перешейке).

² *Квинкий* — Тит Квинкий Фламинин, консул 198 г. до н.э., командовал римскими войсками во второй Македонской войне.

³ *Валерий Анциат* — римский анналист. Жил во II в до н.э. Его произведение использовал Тит Ливий при написании своего труда.

⁴ *Квинт Клавдий Квадригарий* — младший анналист.

⁵ Царь Пергама Аттал I. Ахейский союз и Родос выступили на стороне Рима против Македонии во время второй Македонской войны, за что после победы Рима при Кеноскефалах получили часть владений Македонии.

№ 24. ПРЕВРАЩЕНИЕ ГРЕЦИИ В РИМСКУЮ ПРОВИНЦИЮ

(Тит Ливий, XXXIII, 31)

Все греческие государства одобряли этот мир, протестовали только италийцы. Это, говорили они, пустое писание, скрашенное призраком свободы; почему иные города передаются римлянам и не поименовываются, другие поименовываются и делаются свободными без передачи, как не потому, что освобождаются азиатские города, более безопасные по самой отдаленности, греческие же города, не будучи даже поименованы, захватываются, как Коринф, Халкида, Орей, Эретрия и Деметриада. Обвинение было не совсем неосновательно, ибо было сомнение относительно Коринфа, Халкиды и Деметриады, прочие же города Греции и Азии освобождались без всякого сомнения, а относительно этих трех городов приказано было уполномоченным постановить и полезное для государства, и согласное с их добросовестностью решение, какого потребуют политические обстоятельства. Причина тому заключалась в сирийском царе Антиохе, который, несомненно, переправится в Европу, как только признает свои силы достаточными; ему-то они и не желали оставлять такие удобные города, чтобы он свободно мог занять их. Квинкий с 10 уполно-

моченными отправился из Елатии в Антикиру, а оттуда переправился в Коринф. Там почти целые дни шли совещания в присутствии 10 уполномоченных о свободе Греции. Квинкий неоднократно повторял, что нужно освободить всю Грецию, если хотят связать языки итальянцам, если хотят всем внушить любовь и уважение к римскому имени, если хотят уверить, что римляне переплыли моря для освобождения Греции, а не для того, чтобы отнять власть у Филиппа и взять себе. Другие ничего не возражали относительно свободы городов, однако заявляли, что для них самих было бы безопаснее некоторое время оставаться под охраною римлян, чем взять в повелители Антиоха вместо Филиппа. Наконец, было решено так: передать Коринф ахеянам, с тем, однако, чтобы в его акрополе оставался римский гарнизон; Халкиду и Деметриаду удержать, пока не исчезнет опасность со стороны Антиоха.

Наступало обычное время празднования истмийских игр... В ту пору стекались со всех сторон не только из-за обычных дел, но и потому, что напряженно ожидали узнать, каково будет далее положение Греции, какова будет судьба каждого государства, в частности; не только втихомолку, но и открыто в своих беседах высказывали предположения о том, как поступят римляне; но едва ли кто-нибудь был убежден, что они совсем уйдут из Греции. Заняли места для того, чтобы смотреть на зрелище; глашатай с трубачом, по обычаю, выступили на середину арены, откуда обыкновенно объявлялось празднество торжественной формулой, и, водворив трубой молчание, глашатай произнес следующее:

«Римский сенат и главнокомандующий Т. Квинкий, победив царя Филиппа и македонян, приказывают, чтобы были свободны, не платили податей, имели свои законы все коринфяне, фокейцы, локрийцы, остров Эвбея, магнеты, фессалийцы, перребы и фтиотийские ахеяне». Он перечислил все племена, которые были под властью Филиппа. Когда выслушаны были слова глашатая, наступила большая радость, чем какая вообще доступна людям; каждый едва верил тому, что слышал; все с изумлением смотрели друг на друга, точно при виде призрака во сне; каждый спрашивал ближайших о том, что касается его, не веря своим ушам. Глашатай снова был позван, так как каждый желал не только слышать, но и видеть вестника своей свободы; и он снова сказал то же самое. Затем, когда радость была уже несомненна, начались громкие рукоплескания, сопровождавшиеся криками, и много раз были повторены; таким образом было вполне очевидно, что для народа из всех благ нет ничего приятнее свободы. Затем игры были окончены весьма быстро; зрелище не привлекало ни внимания, ни взоров зрителей: до такой степени одна радость заглушила восприимчивость ко всем другим удовольствиям.

Перев. П. Андрианова.

ВОССТАНИЯ РАБОВ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РИМЕ ВО II-I ВВ. ДО Н.Э

Вопросы экономической истории Рима нужно изучать в свете гениальных указаний товарища Сталина об «обязательном соответствии производственных отношений характеру производительных сил» (И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 7).

Древний Рим является страной классического рабовладения, достигшего в эту эпоху своего наивысшего расцвета. И. В. Сталин дает следующее определение рабовладельческого общества: «...здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами». (Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 594.) Жестокая классовая борьба между рабами и рабовладельцами красной нитью проходит через всю историю Рима.

Социальные противоречия особенно обостряются во II в. до н. э., когда в Италию начинается громадный приток рабов. Рабовладельческое хозяйство становится господствующим, вытесняя труд свободного производителя; разоряется большое количество мелких и средних землевладельцев, которые не в состоянии были выдержать конкуренцию более крупных земельных собственников; с другой стороны, начинается концентрация земель в руках немногих лиц, растет количество латифундий. Плантаторское хозяйство становится господствующим.

Одним из важнейших источников для изучения сельского хозяйства этого времени является трактат Катона «О земледелии» (док. № 25—28). Из этого сочинения мы узнаем о жестокой эксплуатации свободного сельского населения и рабов, которые рассматривались как «одушевленные орудия», в отличие от скота — «орудия бессловесного». Состарившегося раба

Катон советует выбрасывать, как выбрасывают сломавшийся инструмент. Рабу отводится определенное количество пищи и одежды, так как невыгодно, если раб умрет с голоду, и тем самым рабовладелец лишится рабочих рук, приносящих ему доход.

Можно напомнить слова Плутарха из биографии Катона Старшего о том, что последний «всегда достигал того, чтобы между рабами были ссоры и вражда, так как боялся в их среде согласия и опасался его».

Наряду с сельским хозяйством в данную эпоху начинает усиленно развиваться ремесло. Отдельные отрасли производства специализируются. Важно то, что и в горной промышленности широко применяется рабский труд, который эксплуатируется столь же жестоко, как и в сельском хозяйстве.

Об источниках рабства нужно говорить, учитывая указание Маркса о том, что «Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения» (К. Маркс, Капитал, т. II, 1951, стр. 480). Жестокая эксплуатация рабов и сельской бедноты приводит к тому, что во II—I вв. до н. э. вспыхивают значительные восстания, которые охватывают многие земли Средиземноморского бассейна.

Рассказывая о восстаниях рабов этого времени в Риме, надо исходить из указаний В. И. Ленина о том, что «рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов» (В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 449).

О восстаниях рабов мы находим сведения у античных авторов — Дионисия Галикарнасского, Диодора Сицилийского, Орозия и других. Одним из крупнейших восстаний рабов этого времени было так называемое первое сицилийское восстание. Диодор Сицилийский, историк эпохи Августа (док. № 29), сообщает, что в Сицилии было сконцентрировано большое количество рабов, обрабатывавших плодородные земли острова. Согласно Диодору в движении приняло участие около 200 тысяч рабов. Конечно, нет оснований буквально принимать данные Диодора о числе восставших. Тем не менее приведенная им цифра показывает, какие широкие масштабы приняло это движение, а следовательно, и какую опасность представляло оно для рабовладельцев (док. № 30).

Только страх перед восстанием рабов заставляет Диодора Сицилийского советовать гуманно обращаться с рабами.

Сравнительно скоро после подавления первого восстания, длившегося шесть лет, в Сицилии разразилось второе восстание рабов. Характеризуя это движение, нужно сказать о том, что в восстании ведущая роль принадлежала рабам, хотя примыкала к ним и свободная беднота.

Заслуживает внимания факт, что победившие рабы не сумели создать ни новых форм государства, ни новых отношений производства. Они избрали царей; рабство не было отменено.

Сицилийские восстания рабов не были одиноки, они нашли широкий отклик не только во всем Римском государстве, но и за его пределами — в Афинах, на Делосе (док. № 30). Нужно остановиться на восстании Аристоника в Пергаме (док. № 32) и Савмака в Боспорском царстве (док. № 81). Наряду с восстаниями рабов начались движения крестьян и свободной бедноты в Италии, требовавших передела земель. Движение это было возглавлено Гракхами. Античной историографией движение Гракхов рассматривалось в тесной связи с восстаниями рабов. На этот факт указывает, например, Аппиан в «Гражданских войнах» (док. № 33). «Тиберий Грахк напомнил о том, что незадолго до того в Сицилии господа страдали от рабов, сильно увеличившихся в своем числе из-за нужды в рабочих руках для земледельческих работ; как трудно и долго римлянам пришлось

бороться с этими рабами, как затянулась эта борьба и сколько разнообразных и опасных перипетий она имела».

Характеристике движения Гракхов посвящено много страниц в сочинениях античных авторов (док. № 33 и 35).

Изложив содержание реформ Тиберия и Гая Гракхов, нужно особо отметить, в интересах каких кругов они проводились. Тиберий Гракх предложил наделить крестьян землей и создать из них боеспособную армию. Кроме того, он хотел провести еще ряд демократических реформ (судебная реформа, сокращение срока военной службы), но не успел их осуществить, несмотря на поддержку крестьян. У него было много противников среди аристократов-землевладельцев, которыми он был убит во время очередных выборов в народные трибуны. Интересно, что некоторые противники этой аграрной реформы вопреки своей воле содействовали проведению ее в жизнь. Это положение можно проиллюстрировать на примере надписи Попилия Лената (док. № 36). Будучи консулом 132 г., он ставит себе в заслугу, во-первых, то, что он «первый сделал так, чтобы пастухи ушли с общественного поля в угоду землепашцам», а, во-вторых, очень характерно, — он сыскал 917 беглых рабов и вернул их господам.

Продолжатель этих реформ Гай Гракх учел ошибку своего брата. Проводимые им реформы носили тот же характер, но Гай создал себе более сильную антисенатскую партию, на которую мог опереться, — он привлек на свою сторону всадников, плебеев, союзников. В заключение необходимо остановиться на причинах неудач реформ братьев Гракхов, которые хотели основной опорой рабовладельческого общества сделать крестьянское хозяйство.

Аграрное законодательство после смерти Гая Гракха постепенно оvelo на-нет все эти реформы. Особенно это относится к закону 111 г. (док. № 37). Данный документ, дошедший до нас в форме надписи, представляет большую трудность для понимания. Нужно поэтому выделить основное — все участки земли в Италии и в провинциях по закону 111 г. закреплялись как неограниченная собственность за их владельцами.

При изложении последующих событий римской истории необходимо выделить важнейшие из них: деятельность Ливия Друза (док. № 39), союзническую войну (док. № 40, 41), войну с Югуртой, остановиться на вопросе о борьбе Марианской и Сулланской партий. Античные авторы в этой борьбе главным образом подчеркивают стремление Марии и Суллы к установлению единоличной власти. Для нас же важнее всего — выяснение социальной подоплеку этой борьбы. В ней следует усматривать проявление кризиса римского политического строя.

Следует уделить внимание социальному значению военных реформ Марии, в результате чего римская армия была превращена в наемную. При изложении этих вопросов, равно как и при рассказе о борьбе Марии и Суллы, необходимо исходить из указания Маркса о том, что внутреннюю историю до эпохи Августа «...можно целиком свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется вводя те модификации, которые обуславливаются существованием рабства» (письмо к Энгельсу, от 8 марта 1855 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 89). Изложение внутренней истории нужно связать с внешней политикой Рима того времени (док. № 42) и в первую очередь с войнами против Митридата Понтийского (док. № 43). Характеризуя эти события, надо подчеркнуть, что Митридат создал сильную антиримскую коалицию в восточной части Средиземноморья, что представляло собой серьезную угрозу для Рима.

Осложнения римлян в войнах с Митридатом усугублялись также восстаниями рабов в западных областях империи. По сравнению с предшествовавшей эпохой количество рабов значительно возросло, равно как и их концентрация в крупных латифундиях.

Крупнейшим из этих восстаний было восстание Спартака (док. № 45, 46). Классики марксизма-ленинизма высоко оценивали Спартака. Маркс говорил

о Спартаке: «Великий генерал (не Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15). Ленин считал, что «...Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казавшись бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию. В конце концов, они были перебиты, схвачены, подверглись пыткам со стороны рабовладельцев. Эти гражданские войны проходили через всю историю существования классового общества» (В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 444).

Изложив ход восстания Спартака, нужно особое внимание обратить на социальный состав восставших, отметить, что к движению примкнули свободные, главным образом разорившиеся крестьяне.

Необходимо также проанализировать причины, приведшие к поражению восстания Спартака, остановиться на причинах разногласий отдельных отрядов восставших. Нужно сказать, что, несмотря на значительные масштабы восстания, класс рабовладельцев был еще настолько силен, что мог отстоять свою власть и свое господствующее положение.

№ 25. ДОХОДЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

(Марк Порций Катон, Земледелие, 6)

Марк Порций Катон родился в 234 г. до н. э. в Тускуле. Родители его неизвестного происхождения. Он был непосредственным участником войны с Ганнибалом. В 199 г. назначен претором провинции Сардинии, а в 195 г. в качестве консула жестоко подавил восстание в Испании. Время его пребывания цензором (183 г. до н. э.) также было отмечено рядом суровых мер, главным образом против знати. Умер он в 149 г. до н. э.

В сочинении Катона «О земледелии» ярко выражены идеалы рабовладельца, который стремится путем самой жестокой эксплуатации рабов выжать из своего хозяйства возможно большую выгоду. Автор подробно излагает все мелочи ведения хозяйства, дает советы, как обращаться с рабами. В книге Катона дается подробная характеристика сельского хозяйства Италии II в. до н. э.

Помни, что с землей, как с человеком: сколько бы он ни жил, если он много проживает, то прибыли ему мало. Если ты меня спросишь, какое имение самое лучшее, то я скажу так: сто югеров¹ с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте: во-первых, с виноградником, если вино хорошее и если вина много; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с ивняком; в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебной нивой; в-седьмых, с лесом, где можно резать листья на корм скоту; в-восьмых, с виноградником, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, лес с деревьями, дающими жолуди.

Перев. М. Е. Сергеевко.

¹ Участок земли в 100 югеров равен приблизительно 25 га (1 югер равен 25,18 ара).

№ 26. ОБЯЗАННОСТИ ВИЛИКА (Марк Порций Катон, Земледелие, 5)

Вот обязанности вилика¹. Он должен завести хороший порядок, соблюдать праздники; чужого в руки не брать; свое охранять тщательно. Он разбирает споры рабов; если кто в чем провинился, он хорошенько наказывает виноватого, смотря по проступку.

Рабам не должно быть плохо: они не должны мерзнуть и голодать. У вилика они всегда в работе: так он их легче удержит от дурного и от воровства. Если вилик не захочет, чтобы рабы вели себя плохо, они себя плохо вести не будут. Если же он это будет терпеть, хозяин не должен оставлять этого безнаказанным. За заслугу он благодарит, чтобы и остальным хотелось вести себя правильно. Вилик не должен слоняться без дела; он всегда трезв и никуда не ходит на обед. Рабы у него в работе; он следит за тем, чтобы удалось то, что приказал хозяин. Пусть он не считает себя умнее хозяина. Друзей хозяина он считает друзьями себе; слушается того, кому приказано. Жертвоприношения он совершает только в Компиталии², на перекрестке или на очаге. Без приказа хозяина он никому не поверит в долг; что поверил хозяин, то он истребует. Семян для посева, съестных припасов, полбы, вина и масла он никому не одолжит. У него есть два-три хозяйства, где он может попросить, что ему нужно и которым он сам дает в долг, — но больше никого.

Он часто отчитывается перед хозяином. Работника, нанятого за деньги или за долю в урожае, он не задержит дольше одного дня. Он не смеет ничего купить без ведома хозяина и не смеет ничего скрывать от хозяина. Паразита он не держит. Он не смеет совещаться с гарусником, авгуром, предсказателем и халдеем³. Он не обманывает нивы: это к несчастью. Он постарается выучиться всякой сельской работе, и он будет часто работать — только не до усталости. Если он будет работать, он будет знать, что у рабов на уме, и они будут покладистее в работе. Если он будет так делать, ему не захочется слоняться без дела; он будет здоровее и будет лучше спать. Он первым встанет с постели и последним ляжет в постель. Сначала посмотрит, заперта ли усадьба, лежит ли каждый на своем месте и задан ли корм животным.

Перев. М. Е. Сергеевко.

¹ Вилик (раб или свободный) — управляющий виллой (имением), наблюдал за выполнением всех сельскохозяйственных работ, надзирал за рабами, подчинен был непосредственно владельцу имения.

² Компиталий — праздник в честь ларов — богов, покровителей полей, в котором принимали участие и сельскохозяйственные рабы. В этот день (3—5 января) вилик имел право совершать жертвоприношения.

³ Имеются в виду различные бродячие предсказатели, которые ходили из деревни в деревню и гадали по внутренностям животного, часто не в пользу владельца имения.

№ 27. ПИЩА И ОДЕЖДА РАБОВ

(Марк Порций Катон, Земледелие, 56, 59)

Одежда рабам. Туника¹ весом в $3\frac{1}{2}$ фунта, и плащ — через год. Всякий раз, как будешь давать тунику или плащ, возьми сначала старую одежду на лоскутные одеяла. Хорошие деревянные башмаки следует давать через год.

Паек рабам. Тем, кто работает в поле: зимой по 4 модия² пшеницы, а летом по $4\frac{1}{2}$; вилику, ключнице, смотрителю, овчару — по 3 модия. Колодникам³ зимой по 4 фунта хлеба; летом, как станут вскапывать виноградники, по 5 — до той самой поры, как появятся винные ягоды. Тогда опять вернись к 4 фунтам.

¹ *Туника* — вид одежды. Размер определялся по количеству шерсти, нужному для ее изготовления. Обычно она весила 3,5 фунта (т. е. около 1,5 кг).

² *Модий* — мера сыпучих тел, равная 8,8 литра.

³ *Колодники* — рабы, содержавшиеся в колодках в целях наказания, но тем не менее продолжавшие работать на своего господина.

Перев. и прим. М. Е. Сергеевко.

№ 28. ОБРАБОТКА ЗЕМЛИ

(Марк Порций Катон, Земледелие, 61)

Что такое хороший уход за полем? Хорошая пахота. А вторых? Пахота. А третьих? Унаваживание.

Кто в масличном саду землю очень часто и очень глубоко переворачивать будет, тот выпашет корни самые тонкие. Если будет он пахать плохо, то корни пойдут сверху, станут толстыми и силы маслины уйдут в них. Когда пашешь хлебную ниву, паши хорошо и своевременно; разными бороздами не паши. Остальное хозяйство состоит: в многочисленных посадках, в тщательной и своевременной пересадке молодых деревьев с возможно большим количеством корней и земли в них; в том, чтобы ты хорошо прикрыл корни и хорошо утоптал землю, чтобы не повредила растению вода. Если кто спросит, какое время лучше для посадки маслин, — на сухом месте — в посев, на тучном — весной.

Перев. М. Е. Сергеевко.

№ 29. ОБ ОБРАЩЕНИИ С РАБАМИ

(Диодор, XXXV, 2, 33—38)

Не только в государственном быту те, кто стоит выше, должны относиться гуманно к тем, кто стоит ниже, но и в частной жизни необходимо, чтобы здравомыслящие люди кротко относились к своим рабам. Ибо чрезмерная гордость и суровость в государствах вызывает гражданские войны среди свободных, а в частных домах — заговоры рабов против господ и приводит в государствах к страшным восстаниям. Чем больше власть обращается жестоко и незаконно, тем более и нравы подвластных

от отчаяния звереют. Ибо всякий, униженный судьбой, добровольно уступает высшим и добро, и славу; но, лишенный подобающего человеколюбия, он становится врагом своих жестоких господ.

Был некто Дамофил из Энны, весьма богатый и надменный человек. Владея большим количеством земли и многочисленными стадами, он старался превзойти живших в Сицилии римлян не только роскошью, но и числом рабов и бесчеловечной жестокостью в обращении с ними. Во время поездок по своим владениям он разъезжал на великолепных конях в четырехколесных экипажах, в сопровождении вооруженных рабов. Кроме этого, у него было большое количество красивых мальчиков, и он гордился окружающей его толпой грубых льстецов. Его городской дом и сельские виллы были наполнены серебряной художественной посудой и заморскими коврами. Он давал пышные обеды, обставленные с царской роскошью, превосходя свою расточительностью и пышностью даже персов. Грубый и невоспитанный, он обладал бесконтрольной властью и огромным богатством. Сначала он вызвал отвращение к себе, затем раздражение и, наконец, причинил гибель самому себе и великое несчастье своему отечеству. Покупая большое количество рабов, он обращался с ними жестоко, накладывая клейма раскаленным железом на тела тех, кто были рождены свободными на своей родине, но испытали плен и рабскую судьбу. Одних он отправлял скотованными на общие работы, других назначал пастухами, но не давал им ни одежды, ни достаточной пищи. Не проходило дня, когда Дамофил в своем самоуправстве и жестокости не истязал бы несколько из своих слуг за самые пустые провинности. Жена его Мегаллида, наслаждаясь изысканными наказаниями, не менее жестоко относилась к своим служанкам и представленным к ее услугам рабам. И из-за оскорблений и мучительства обоих рабы возненавидели своих господ и решили, что ничего более худшего по сравнению с тем, что они испытывают, с ними не случится...

Однажды к Дамофилу из Энны пришли несколько нагих рабов и стали просить, чтобы он выдал им одежду. Тот не пожелал разговаривать и только заметил: «Что же, разве путешественники ездят голыми по стране и не дают готового снабжения тем, которые нуждаются в одежде?» Затем он приказал привязать их к столбам и, подвергнув бичеванию, с высокомерием отослал обратно.

«Античный способ производства», № 616.

№ 30. ПЕРВОЕ СИЦИЛИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ РАБОВ

(Диодор, XXXIV—XXXV, 2, 1—23)

Диодор Сицилийский (родился в 80 г., умер в 29 г. до н. э.) является автором так называемой «Исторической библиотеки», над которой он работал 30 лет своей жизни. Она содержит обзор событий с первобытных вре-

мен до 60 г. до н. э. и разделена на 40 книг. В дошедших до нас XI—XX книгах излагается история республики.

Произведение Диодора не оригинально, он использует данные Полибия, Посидония и произведения старших анналистов. Тем не менее это почти единственный наш источник о сицилийских восстаниях рабов, которые имели широкий отклик во всех уголках Римского государства.

Диодор дает подробное описание событий в Сицилии и говорит, что восстания эти имели место вследствие жестокой эксплуатации рабов. Данные его представляют большой интерес.

После окончания [второй] пунической войны¹ дела сицилийцев в течение 60 лет шли во всех отношениях хорошо, но затем вспыхнула война с рабами по следующей причине. Богатея в течение долгого времени и приобретя крупные состояния, сицилийцы покупали множество рабов. Уводя их толпами из питомников, они тотчас налагали на них клеймо и метки. Молодых рабов они употребляли в качестве пастухов, остальных — так, как каждому было нужно. Господа обременяли их службой и очень мало заботились об их пропитании и одежде. Поэтому большая часть рабов жила грабежом, и была масса убийств, все равно как если бы разбойники, подобно армии, рассеялись по всему острову. Римские преторы пытались бороться с рабами, но не осмеливались прибегать к наказаниям благодаря силе и влиянию господ, которым принадлежали разбойники, и были вынуждены поэтому допускать ограбление провинции. Большинство рабовладельцев были римские всадники, и в качестве судей над преторами, которых обвиняли провинции, они были страшны для римских властей. Рабы, под гнетом страданий, подвергаясь часто неожиданным и унижительным наказаниям, не выдержали. Сходясь друг с другом в удобное время, они начали сговариваться об измене своим господам, пока не привели своего плана в исполнение. Был один сириец, родом из Апамеи², раб Антигона из г. Энны³, своего рода маг и чародей. Он хвастался, что может по указаниям богов, данным ему во сне, предсказать будущее и благодаря своей ловкости обманул таким образом многих. Затем он начал предсказывать не только по снам, но стал прикидываться, будто видит богов наяву и от них узнает будущее. Из всей его болтовни кое-что иногда сбывалось. А так как в несбывшемся никто его не изобличал, а на удачные предсказания все указывали, то молва о сирийце широко распространилась. Наконец, с помощью некоторого приспособления он умел в припадке «вдохновения» изрыгать огонь и таким образом пророчествовал о будущем. В пустой орех или во что-нибудь подобное, составленное из двух высверленных половинок, он вкладывал раскаленный уголь и какое-нибудь вещество, которое его там задерживало. Затем, вложив все это в рот и дую, он извлекал иногда искры, иногда пламя. Еще до восстания он говорил, что сирийская богиня является ему и предсказывает, что он будет царем. Об этом он рассказывал не только другим, но постоянно говорил и своему господину. Антигон, забавляясь ловким

обманом, ради шутки выводил Евна—так звали «чудотворца» — к гостям, спрашивал его о будущей царской власти, а также о том, как он поступит тогда с каждым из присутствующих. Евн неизменно повторял свой рассказ, ловко мороча всем головы, и прибавлял, что он поступит с господами мягко. Среди гостей поднимался смех, и некоторые из них давали ему лучшие куски со стола, приговаривая, чтобы он, когда будет царем, вспомнил об их любезности. Однако вся эта комедия окончилась тем, что Евн действительно стал царем, и та милость, о которой гости просили за столом в шутку, получена была ими не без труда. Восстание началось следующим образом. В Энне жил некто Дамофил, весьма богатый и надменный человек. Он с исключительной бесчеловечностью обращался с рабами, жена же его Мегаллида не уступала мужу в жестокости и бесчеловечности в отношении к рабам. Доведенные до крайней степени ярости и угнетения, рабы сговорились восстать и убить господ. Придя к Евну, они спросили его, дают ли боги согласие на задуманный план. Он с обычными фокусами заявил, что боги согласны, и убеждал рабов тотчас же приняться за дело. Собрав 400 сотоварищей по рабству, они, как только наступил благоприятный момент, вооружились, вторглись в Энну под предводительством изрыгавшего огонь Евна. Ворвавшись в дома, рабы принялись за массовые убийства... К ворвавшимся в Энну рабам присоединилось большое количество городских рабов, которые, расправившись сначала со своими господами, приняли затем участие в общей резне. Когда окружающие Евна рабы узнали, что Дамофил находится вместе с женой в своем парке, неподалеку от города, они послали туда людей, которые и притащили их связанными в Энну, по дороге всласть над ними надругавшись. Дочь Дамофила и Мегаллиды рабы пощадили из-за ее человеколюбия и сострадания к рабам, которым она всегда старалась помочь по мере возможности. Из этого видно, что все, содеянное рабами по отношению к господам, не было результатом жестокости их натуры, но явилось воздаянием за совершенные над ними ранние обиды. Дамофила и Мегаллиду, как мы сказали выше, посланные притащили в город и затем привели в театр, где собралось большинство восставших. Дамофил пытался что-то придумать для своего спасения, и на многих из толпы его слова начали действовать. Тогда рабы Гермий и Зевксис, смертельно его ненавидевшие, назвали его обманщиком, и, не дождавшись суда народа, один вонзил ему в бок меч, а другой разрубил топором шею. Затем выбрали Евна царем — не за его храбрость или военные таланты, но исключительно за его шарлатанство, а также потому, что он являлся зачинщиком восстания. Кроме того, думали, что его имя послужит хорошим предзнаменованием для расположения к нему подданных. Сделавшись царем в государстве восставших и созвав народное собрание, Евн приказал убить пленных жителей Энны за исключением

оружейных мастеров, которых он в оковах отправил на работу. Мегаллиду он отдал ее бывшим рабыням с тем, чтобы они поступили с ней, как хотят. Своих бывших господ, Антигона и Пифона, Евн убил собственноручно. Надев царский венец и окружив себя придворным церемониалом, он сделал царицей свою сожительницу, сириянку из Апамеи. Членами совета Евн назначил людей, которые казались наиболее выдающимися по уму. Среди них особенно отличался своей сметливостью и мужеством Ахей, родом из Ахайи. В три дня он вооружил, насколько это было возможно, более 6000 человек топорами, секирами, пращами, серпами, накаленными палками, жоварскими вертелами и прошел по всей Сицилии, предавая все разграблению. Присоединив огромное количество рабов, он осмелился вступить в борьбу с римскими военачальниками и часто одерживал над ними верх благодаря своему численному превосходству, так как имел в своем распоряжении более 10 000 вооруженных людей. В это время некий киликиец ⁴ Клеон поднял другое восстание рабов. Все были полны надежд, что восставшие начнут междоусобную войну и, истребив друг друга, освободят Сицилию от мятежа; но они против ожидания объединились. Клеон, имея у себя 5000 воинов, добровольно отдался под власть Евна, тем самым как бы пополнив недостаток у царя в полководцах. Мятеж продолжался уже около 30 дней. Вскоре после этого около 30 000 восставших разбили прибывшего из Рима претора Люция Гипсея с восьмьютысячным отрядом сицилийских войск. Скоро число мятежников дошло до 200 000. Чем больше одерживали они побед над римлянами, тем меньше сами терпели поражений. Когда молва об этом распространилась, во многих других местах также начались заговоры и восстания рабов: в Риме 150 рабов, в Аттике более 1000 [рабов], на Делосе и других местах, но все эти движения были подавлены в каждом отдельном случае или быстрыми и суровыми мерами властей, или вразумлениями и другими средствами, поскольку они оказывались пригодными при восстании. В Сицилии же зло росло, города захватывались вместе с людьми, и много военных отрядов было уничтожено повстанцами. Наконец римский консул Рупилий отбил для римлян Тавромений ⁵, тесно обложив его и доведя осажденных до невыразимой нужды и голода. Начав питаться детьми, они перешли затем к женщинам и кончили взаимным истреблением. Здесь был захвачен брат Клеона Коман, пытавшийся бежать из осажденного города. Наконец, благодаря предательству сицилийца Серапиона, Рупилию удалось взять цитадель Тавроменния и овладеть всеми беглыми рабами, находившимися в городе. После попыток их сбросили со скалы. Оттуда Рупилий направился против Энны и, обложив город, довел мятежников до отчаяния. Главнокомандующий Клеон сделал вылазку с небольшим отрядом и после героической борьбы пал, смертельно раненный. И этот город удалось взять только бла-

годаря измене, так как по своему местоположению он был совершенно недоступен вооруженной силе. Евн с тысячьо своих телохранителей трусливо укрылся в самом недоступном месте. Но его спутники, понимая ожидавшую их неизбежную участь, — Рупилий уже двинулся против них, — перерезали друг друга мечами. А фокусник и царь Евн трусливо убежал и был выгнан из какой-то пещеры вместе с четырьмя своими слугами: поваром, пекарем, банщиком и шутом, забавлявшим его при выпивках. Заключенный под стражу, Евн был изъеден вшами и окончил свою жизнь в Моргантине способом, вполне соответствующим его плутовству. Затем Рупилий прошел всю Сицилию с небольшими отборными отрядами и скорее чем кто-нибудь мог ожидать совершенно очистил ее от шаек грабителей.

«Античный способ производства», № 610.

¹ Вторая пуническая война окончилась в 201 г. до н. э.

² *Апамея Сирийская* находится на юг от Антиохии, главного города Сирии.

³ *Город Энна* находится в центральной части острова Сицилия. Там было сконцентрировано значительное количество рабов.

⁴ *Киликия* — страна, расположенная в юго-восточной части Малой Азии, граничит с Сирией.

⁵ *Тавромений* — город, расположенный в северо-восточной части Сицилии, был превращен восставшими в крепость.

№ 31. МАСШТАБЫ ПЕРВОГО СИЦИЛИЙСКОГО ВОССТАНИЯ И ЕГО ОТКЛИКИ В МАЛОЙ АЗИИ

(Диодор, XXXV, 2, 25—26)

Никогда еще не было такого восстания рабов, какое вспыхнуло в Сицилии. Вследствие этого многие города подверглись страшным бедствиям; бесчисленное количество мужчин и женщин с детьми испытало величайшие несчастья, и всему острову угрожала опасность попасть под власть беглых рабов, усматривавших в причинении крайних несчастий свободным людям конечную цель своей власти. Для большинства это явилось печальным и неожиданным; для тех же, кто мог глубоко судить о вещах, случившееся казалось вполне естественным. Благодаря изобилию богатств у тех, которые высасывали соки из прекрасного острова, почти все они стремились прежде всего к наслаждениям и обнаруживали высокомерие и наглость. Поэтому в равной мере усиливалось дурное обращение с рабами и росло отчуждение этих последних от господ, прорвавшееся в ненависть против них. Много тысяч рабов без всякого приказанья стеклось, чтобы погубить своих господ. Сходные события произошли в это время в Малой Азии, где Аристоник¹ добивался неприличествующей ему царской власти; рабы безумствовали вместе с ним благодаря притеснениям господ и повергли многие города в великие несчастья.

«Античный способ производства», № 612.

¹ *Аристоник* — вождь восстания, имевшего место в Малой Азии вскоре после первого Сицилийского восстания рабов (в 132 г. до н. э.). В движении этом большое участие принимали рабы. Лишь два года спустя с большими трудностями римлянам удалось подавить восстание.

№ 32. ВОССТАНИЕ АРИСТОНИКА

(Страбон, XIV, 646)

За Смирной—городок Левки¹. Его поднял на мятеж Аристоник после смерти Аттала Филометора². Аристоник был, кажется, царского рода и задумал присвоить себе власть. Разбитый эфесцами в морском сражении при Киме, он бежал из Левк во внутренние области страны и быстро собрал большое количество неимущих людей и рабов, которых он призвал к свободе. Своих сторонников Аристоник называл гелиополитами³. Сначала он вторгся в Тиатире, затем взял Аполлонииду⁴ и начал стремиться к захвату других укрепленных пунктов. Но недолго удалось продержаться Аристонику. Тотчас города послали против него большие силы, пришли на помощь Никомед, царь вифинский, и каппадокийские цари. Затем прибыло пять римских послов, потом явился консул Публий Красс с войском и, наконец, Марк Перперна окончил войну, взяв Аристонику живым и отослав его в Рим. Аристоник окончил жизнь в темнице, Перперна погиб от болезни, а Красс пал в битве около Левк во время какого-то нападения.

«Античный способ производства», № 624.

¹ *Смирна* — крупный приморский центр на Ионийском побережье Малой Азии; недалеко от него находится город Левки, около которого в 130 г. восставшие одержали победу над римскими войсками во главе с консулом Публием Лицинием Крассом.

² *Аттал III Филометор* — последний царь Пергама (138—133), который передал свое государство по завещанию под власть Рима.

³ *Гелиополиты* — граждане утопического города Солнца. Название это взято из романа Ямбула.

⁴ *Тиатире, Аполлонида* — города в Лидии, в Малой Азии.

№ 33. ДВИЖЕНИЕ ГРАКХОВ

(Аппиан, Гражданские войны, I, 7—27)

Аппиан, писавший по-гречески историк Рима, жил в середине II в. н. э. (родился, видимо, при Траяне). Аппиан занимает особое место среди античных историков. По словам Маркса, «...он старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн» (К. Маркс, Письмо к Энгельсу от 27 февраля 1861 г., см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15). Мнение Маркса об Аппиане разделял и Энгельс. В работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 673) мы читаем: «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и выразительно, из-за чего она велась: из-за землевладения». Отмеченное в работах Маркса и Энгельса стремление Аппиана «докопаться до материальной подкладки событий» делает его произведение особенно важными.

Биографические данные Аппиана очень скудны. Известно только, что он был уроженцем Александрии, где занимал высокое служебное положение, а затем переехал в Рим. Красной нитью через все сочинения Аппиана проходит его восхищение Римом, мощью и величием многоплеменной и разноразличной империи. Аппиан считает, что ни один народ древности, ни эллины, ни мидяне, ни македоняне, «никогда не достигал таких размеров и не имел такого длительного существования» (§ 8). По своему политическому мировоззрению Аппиан был сторонником монархического правления. Он высоко ставит Цезаря и восхищается его талантами государственного деятеля и полководца.

Аппиан боялся народных движений, не понимая их целей, и пытался изобразить их как «пустые волнения». В связи с этим стоит и его оценка «демократии, как слова красивого, но всегда бесполезного» (IV, 133). Аппиан отрицательно относится и к вождям демократических движений, особенно неодобрительно отзываясь об антиримском движении в Афинах в 88 г. до н. э.

Труд Аппиана «Римская история» состоит из 24 книг. В основу его был положен территориальный принцип распределения материала. Он охватывает историю отдельных областей Средиземноморья до окончательного завоевания их Римом. Полностью сохранились только книги Иберийская, Ганнибалова, Ливийская (кн. VI—VIII), книги XII—XVII — Гражданские войны, а остальное — в отрывках. Аппиан уделяет большое внимание движениям рабов, в частности восстанию Спартака (I, 118), хотя, конечно, отзываясь о них, как истинный рабовладелец, с опаской и пренебрежением. К своим источникам Аппиан относится не всегда критически, в его изложении встречаются фактические ошибки. Характерно, что у Аппиана почти совсем нет моралистической тенденции, так часто встречающейся у его современников, например, в трудах Плутарха, Диона Кассия и др.

Римляне, завоевывая по частям Италию, тем самым получали в свое распоряжение часть земли и либо основывали на ней новые города, или в города, уже ранее существовавшие, отбирали для поселения колонистов из своей среды. Эти колонии они рассматривали как укрепленные пункты. В завоеванной земле они возделанную часть ее всякий раз тотчас же или разделяли между поселенцами, или продавали, или сдавали в аренду; не возделываемую же вследствие войн часть земли, количество которой возрастало в большом размере, они не имели уже времени распределять, но от имени государства предлагали возделывать ее всем желающим на условии сдачи государству ежегодного урожая в таком размере: одну десятую часть посева, одну пятую часть насаждений. Определена была также плата и за пастбища для крупного и мелкого скота. Римляне делали все это с целью увеличения народонаселения италийского племени, на которое они смотрели, как на племя в высокой степени трудолюбивое и из среды которого они желали набрать себе союзников. Но результат получился противоположный. Дело в том, что богатые, захватив себе большую часть не разделенной на участки земли, с течением времени пришли к уверенности, что никто ее никогда у них не отнимет. Расположенные поблизости от принадлежащих им участков небольшие участки бедняков богатые отчасти покупали у них с их же согласия, отчасти отнимали силою. Таким образом богатые стали возделывать обширные пространства земли на равнинах, заменившие таким образом участки, входившие в состав их поместий. При этом бога-

тые пользовались как рабочей силою покупными рабами в качестве земледельцев и пастухов, с тем чтобы не отвлекать земледельческими работами свободнорожденных от несения военной службы. К тому же обладание рабами приносило богатым и большую выгоду: у свободных от военной службы рабов беспрерывственно увеличивалось потомство. Все это приводило к чрезмерному обогащению богатых, а вместе с тем к увеличению в стране количества рабов. Напротив, число италийцев уменьшалось, среди них шла на убыль энергия, так как их угнетали бедность, налоги, военная служба. Если даже они бывали и свободны от нее, все же они продолжали оставаться бездеятельными: ведь землю владели богатые, и для земледельческих работ они пользовались рабами, а не свободнорожденными.

С неудовольствием смотрел на все это народ. Он боялся, что из Италии не будет уже больше притекать к нему союзников в достаточном числе, да и самое господствующее положение его станет опасным из-за такой массы рабов. Как поправить создавшееся положение, они не могли придумать. Это было и нелегко, и не во всех отношениях справедливо: нельзя же было такое количество людей, владевших столь долго своим достоянием, лишить принадлежавших им насаждений, строений, всего оборудования. Нёкогда с трудом, по предложению, внесенному народными трибунами, народ постановил, что никто не может владеть из общественной земли более чем 500 югерами и заниматься пастбища более чем 100 югеров для крупного скота и 500 — для мелкого¹. Для наблюдения за этим народ назначил определенное число лиц из свободнорожденных, которые должны были сообщать о нарушении изданного постановления. Они принесли присягу, что будут верно соблюдать постановление, ставшее законом, определили наказание за его нарушения, имея в виду остальную землю распределить беднякам небольшими участками. Но на деле оказалось, что они вовсе не заботились о соблюдении ни закона, ни клятвы. А те из них, которые, казалось, заботились, распределили, для отвода глаз, земли между своими домохозяевами, большинство же относилось к соблюдению закона с пренебрежением.

Так продолжалось до тех пор, пока Тиберий Семпроний Гракх, человек знатного происхождения², очень честолюбивый, превосходный оратор, благодаря всем этим качествам очень хорошо всем известный, стал народным трибуном и произнес пышную речь. Он говорил об италийском племени, об его блестящей храбрости, об его родственных отношениях к римлянам, о том, как это племя мало-помалу очутилось в бедственном положении, стало малолюдным и не видит никакой надежды поправить свое положение. С негодованием говорил Гракх о массе рабов, непригодных для военной службы, всегда неверных по отношению к своим господам. Он напомнил о том, как незадолго до того в Сицилии господа пострадали от рабов, сильно увеличившихся в

своем числе из-за нужды в рабочих руках для земледельческих работ; как трудно и долго римлянам пришлось бороться с этими рабами; как затянулась эта борьба и сколько разнообразных и опасных перипетий она имела. После своей речи Тиберий возобновил действие закона, в силу которого никто не должен был иметь более 500 югеров общественной земли. К этому закону Тиберий сделал еще прибавку, что сыновьям полагается иметь половину этого количества югеров. Всю остальную землю должны распределить между бедными трое выборных лиц, сменяющихся ежегодно.

Последнее всего более досаждало богатым. Они не имели уже теперь возможности, как раньше, относиться с пренебрежением к закону, так как для раздела земли назначены были особые должностные лица, да и покупать участки у владельцев их было нельзя: Гракх, предвидя это, запретил продавать землю. Богатые объединились частично между собою, стали выражать свои сетования, указывали бедным на сделанные ими, богатыми, в давние еще времена насаждения, на возведенные ими постройки. Некоторые из них говорили: мы заплатили за наши участки соседям; неужели мы должны лишиться вместе с этою землею и уплаченных нами денег? Другие говорили: на этой земле могилы наших отцов; поэтому разделенные в свое время участки являются наследственными. Третьи указывали на то, что на приобретение своих участков они израсходовали приданое своих жен, что свои земли они отдали в приданое своим дочерям. Наконец, некоторые приводили и то, что земля их принадлежит кредиторам по долговым обязательствам. В общем получились беспорядочные жалобы и негодования. С своей стороны, бедные жаловались на то, что они из людей, обладавших достатком, обратились в крайних бедняков, что вследствие этого жены их бесплодны, что они не могут кормить имеющих у них детей, что их положение стало невыносимым. Они перечисляли все походы, совершенные ими за обладание своими участками, и выражали негодование, если они должны будут лишиться участия в общественном достоянии. Вместе с тем бедные поносили тех, кто, вместе с ними, свободнорожденных граждан, воинов, брал на работы рабов, людей, не заслуживающих доверия, всегда враждебно настроенных и вследствие этого непригодных для военной службы. В то время как и богатые, и бедные плакались и упрекали друг друга, появилось еще много другого народа, проживавшего в колониях или муниципиях, или людей, имевших свою долю в общественной земле. Теперь они тоже были в страхе за свои участки и присоединялись одни к богатым, другие к бедным. И у тех, и у других, опиравшихся на свое многолюдство, настроение стало накаленным. Объятые пламенем не знающих границ волнений, все ожидали исхода голосования законопроекта Тиберия. Одни не соглашались ни в каком случае допустить его утверждения, другие стояли за его утверждение во что бы то ни

стало. К богатым, стремившимся не допустить утверждения законопроекта, к бедным — добиться его утверждения, присоединялось взаимное соперничество тех и других. К назначенному для обсуждения законопроекта дню и богатые, и бедные мобилизовали все свои силы.

Цель Гракха заключалась не в том, чтобы обогатить [бедных], но в том, чтобы вдохнуть в них мужество. Воодушевленный, главным образом, мыслью о большой и существенной пользе, которую осуществление его цели могло принести Италии, Гракх не думал о трудностях своего дела. До предстоящего голосования он произнес длинную, содержащую много привлекательных сторон, речь. В ней он задал, между прочим, вопрос: разве не справедливо общественное достояние разделить между всеми? Разве гражданин не такой же человек, что и раб? Разве воин более полезен, чем человек не сражающийся? Разве общинник в общественном достоянии не будет радеть более об интересах государства? Оставив дальнейшие сравнения, как мало относящиеся к делу, Гракх перешел затем к надеждам, которые возлагает отечество, и к страхам, его волнующим. Римляне, говорил он, завоевали много стран и владеют ими; они надеются подчинить себе и опростую часть обитаемой земли; в настоящее время пред ними встает решительный вопрос: приобретут ли они ее благодаря увеличению числа боеспособных людей, или же и то, чем они владеют, враги отнимут у них вследствие слабости и зависти. Напирая на то, какая слава и благополучие ожидают римлян в первом случае, какие опасности и ужасы предстоят во втором, Гракх увещевал богатых поразмыслить об этом и отдать добровольно, коль в этом скоро является нужда, эту землю ради будущих надежд тем, кто воспитывает государству детей, не спускать из виду большего, споря о малом. К тому же они получили уже достаточное вознаграждение за понесенные ими труды по обработке земли: каждый из них получает в вечное владение, законом подтвержденное, бесплатно 500 югеров отличной земли, а дети их, у кого они есть, получают каждый половину этого числа югеров. Своею длинною и содержательною речью Гракх вызвал возбуждение среди бедных и всех прочих, кто руководствовался скорее доводами разума, нежели жаждою приобретения, и затем приказал секретарю огласить его законопроект.

Другого народного трибуна, Марка Октавия, крупные землевладельцы настроили на то, чтобы помешать проведению законопроекта Тиберия. И так как у римлян тот трибун, который препятствовал чему-либо, обладал в данном случае большими полномочиями, то Октавий и запретил секретарю огласить законопроект. Гракх, ограничившись тогда большими упреками по адресу Октавия, перенес голосование на следующее народное собрание. Он поставил вокруг себя значительный отряд стражи с тою целью, чтобы, если Октавий будет опять выступать против голосования, заставить его силою согласиться на

него. Тиберий, угрожая секретарю, приказал огласить законопроект. Тот приступил к этому, но вследствие запрещения, следовавшего со стороны Октавия, замолчал. Между трибунами началась перебранка, народ сильно шумел, оптиматы³ предложили трибунам передать на рассмотрение сената пункты их разногласия. Гракх ухватился за это предложение. Рассчитывая, что его законопроект встретит одобрение со стороны всех благомыслящих людей, он побежал в курию. Там, в небольшом кругу, богачи стали издеваться над ним. Тогда Гракх снова устремился на форум⁴; там он заявил, что в следующее народное собрание он предложит на голосование и свой законопроект, и вопрос о полномочиях Октавия: должен ли трибун, противодействующий народу, продолжать оставаться в своей должности? Так Тиберий и поступил. Когда Октавий снова ополчился на него, Гракх первым поставил на голосование вопрос об Октавии. Первая триба высказалась за отрешение Октавия от должности; тогда Гракх, обратившись к нему, стал просить его изменить свое мнение о законопроекте. Ввиду отказа Октавия Тиберий собрал голоса у остальных триб. Их было тогда 35. 17 первых триб высказалось с гневом против предложения Тиберия, и 18-я триба должна была решить все дело. Гракх снова, на виду у всего народа, стал горячо умолять Октавия, попавшего в очень критическое положение, не мешать делу, столь священному, столь полезному для всей Италии, не уничтожать столь великого рвения народа, для которого он, в качестве трибуна, при желании, должен был бы кое-что еще прибавить в его законопроекте; для Октавия же, в случае осуждения его, будет далеко не безразлично потерять свою должность. С этими словами Гракх, призвав богов в свидетели, что он, против воли подвергает своего товарища бесчестью, после того как не мог убедить его, продолжал голосование. И Октавий, тотчас же после того как голосование было против него, стал частным человеком и незаметно скрылся. Вместо него трибуном был избран Квинт Муммий.

Аграрный закон был утвержден. Для раздела земли избраны Гракх, автор законопроекта, брат его и тесть законодателя Аппий Клавдий. Народ все еще сильно опасался, что закон не будет приведен в исполнение, если Гракх со всеми своими родными не положит начало осуществлению закона. А Гракх, гордившийся им, был сопровождаем до дому народом, который смотрел на него как на восстановителя не одного города, не одного племени, но всех народов Италии. После этого те, кто одержали верх, разошлись по своим землям, откуда они пришли для проведения закона, потерпевшие же поражение продолжали высказывать свое неудовольствие и говорили: не обрадуется Гракх, когда он станет частным человеком, Гракх, надругавшийся над священной и неприкосновенной должностью народного трибуна, давший такой толчок распрям в Италии.

Наступило уже лето, когда должны были происходить выборы народных трибунов. Когда время их было уже близко, стало совершенно ясно, что богатые приложили все усилия к тому, чтобы провести в народные трибуны лиц, наиболее враждебно настроенных к Гракху. Он же, предвидя угрожающую ему опасность и боясь не попасть в трибуны на следующий год, стал сзывать на предстоящее голосование поселан... Последние заняты были жатвой, а Гракх был стеснен коротким сроком, назначенным для производства выборов. Поэтому он обратился к плебеям, проживавшим в городе, и, обойдя часть из них, просил избрать его трибуном на предстоящий год, так как ради них он подвергается опасности. При голосовании две первые трибы подали голос за Гракха. Тогда богатые стали указывать на то, что двоекратное, без перерыва, отправление должности одним и тем же лицом противозаконно. Так как трибун Рубрий, получивший по жребию председательство в избирательном народном собрании, колебался, как ему поступить, то Муммий, избранный трибуном вместо Октавия, приказал Рубрию передать председательство в собрании ему, Муммию. Тот согласился, но остальные трибуны требовали, чтобы был брошен снова жребий о том, кому председательствовать; коль скоро Рубрий, избранный по жребию в председатели, отпадает, то жеребьевка должна вновь произойти между всеми трибунами. И по поводу этого произошли также большие споры. Гракх, боясь не получить большинства голосов в свою пользу, перенес голосование на следующий день. Отчаявшись во всем, он, хотя и продолжал еще оставаться в должности, надел траурную одежду, ходил остальную часть дня со своим сыном по форуму, останавливался с ним около отдельных лиц, поручал своего сына их попечению, так как ему самому суждено очень скоро погибнуть от своих недругов.

Тогда бедные начали очень сетовать. С одной стороны, они думали о самих себе: не придется им впредь пользоваться одинаковыми правами с прочими гражданами, но предстоит служить в рабстве у богатых, так как сила на стороне последних; с другой стороны, думали они и о Гракхе, который теперь боится за себя и который столько вытерпел из-за них. Бедные вечером провожали с плачем Гракха до его дома, убеждали его смело встретить грядущий день. Гракх ободрился, собрал еще ночью своих приверженцев, дал им пароль на случай, если дело дойдет до драки, и захватил храм на Капитолии, где должно было происходить голосование, и среднюю часть того места, где происходило народное собрание. Выведенный из себя трибунами и богачами, не позволявшими голосовать за его кандидатуру, Гракх дал условленный пароль. Внезапно поднялся крик в среде его приверженцев, и с этого момента пошла рукопашная. Часть их охраняла Гракха, как своего рода телохранители, другие, подпоясав свои тоги, вырвали из рук прислужников жезлы и палки, разломали их на куски и прогнали богатых из собрания. Подня-

лось такое смятение, нанесено было столько ран, что даже трибуны в страхе бросились со своих мест, а жрецы заперли храмы. С другой стороны, многие бросились в беспорядке бежать и спасаться, причем стали распространяться неточные слухи, вроде того, что или Гракх отрешил от должности всех остальных трибунов, — такое предположение создалось на основании того, что трибунов не было видно, — или что он сам назначил себя, без голосования, трибуном на ближайший год.

В то время как происходило все это, сенат собрался в храме богини Верности. Меня удивляет следующее обстоятельство: столько раз в подобных же опасных случаях сенат спасал положение дела предоставлением одному лицу диктаторских полномочий⁶, тогда же никому и в голову не пришло назначить диктатора, большинство ни тогда, ни позже даже не вспомнило об этом, давно изобретенном средстве, оказавшемся к тому же очень полезным в предыдущие времена. Сенат, приняв свое решение, отправился на Капитолий. Шествие возглавлял Корнелий Сципион Назика, великий понтифик. Он громко кричал: «Кто хочет спасти отечество, пусть следует за мною». При этом Назика накинул на свою голову край тоги для того ли, чтобы эту приметою привлечь большинство следовать за ним, или чтобы видели, что этим самым Назика как бы надел на себя шлем в знак предстоящей войны, или наконец, чтобы скрыть от богов то, что он собирался сделать. Вступивши в храм, Назика наткнулся на приверженцев Гракха. Последние уступили ему дорогу из уважения к лицу, занимавшему столь видный пост, а также и потому, что они видели сенаторов, следующих за Назикой. Последние стали вырывать из рук приверженцев Гракха куски дерева, скамейки и другие предметы, которыми они запаслись, собираясь идти в народное собрание, били ими приверженцев Гракха, преследовали и сбрасывали их с обрывов Капитолия вниз. Во время этого смятения пали многие из приверженцев Гракха. Сам он, оттесненный к храму, был убит около дверей его, у статуй царей. Трупы убитых были брошены ночью в Тибр.

Так убит был на Капитолии, состоя еще в звании трибуна, Гракх, сын Гракха, бывшего два раза консулом, и Корнелии, дочери Сципиона, отнявшего у карфагенян их гегемонию. Гракх погиб из-за своего превосходного плана, потому что он для осуществления его прибег к мерам насильственным. Это гнусное дело, имевшее место в первый раз в народном собрании, потом неоднократно повторялось без всякой последовательности и в отношении других подобных же Гракху лиц. А город убийство Гракха поделило надвое: одни печалились, другие радовались. Одни жалели себя, жалели Гракха, жалели то положение, в каком находилось государство, где не было уже больше законного правления, но где господствовало кулачное право и насилие. Зато другие полагали, что они достигли исполнения всех своих

желаний. Все эти события происходили в то время, когда Аристоник вел в Малой Азии борьбу с римлянами из-за власти⁶.

После убийства Гракха и смерти Аппия Клавдия для раздела земли младшему Гракху были противопоставлены Фульвий Флакк и Папирий Карбон. Так как крупные собственники не торопились записывать на себя приходившиеся на их долю участки, то триумвиры для раздела земли стали привлекать их к судебной ответственности. В скором времени началось много судебных процессов. Дело в том, что вся другая соседившая с наделом земля, если она была продана или поделена между совладельцами, должна была подвергнуться обследованию, чтобы соблюсти установленную меру надела, а именно: нужно было установить, как она была продана и как была поделена. Между тем далеко не у всех сохранились заключенные при продаже и покупке договоры и документы, касающиеся раздела на участки. А то, что и можно было отыскать, возбуждало сомнение. При новом обмере земли они должны были переселяться с участков, засаженных садовыми культурами, покрытых строениями, на участки, не имеющие ничего этого, другие — из участков обработанных на необработанные, либо на болота, на глинистую почву. Так как жили владельцы на участках, полученных в результате завоевания, то они и не могли точно указать на свой первоначальный участок. Равным образом и государственное объявление о том, что всякий желающий может обрабатывать не подвергшуюся разделу землю — подстрекало многих, обрабатывающих соседние участки, смешивать те и другие по их виду. К тому же время изменило вид участков. Таким образом, несправедливые поступки богатых, хотя они и были значительны, с трудом могли быть доказаны. В результате сдвинулись со своих участков все те, кто с прежних владений были сняты и переселены в чужие владения.

Италийцы, не желая примириться со всем этим, равно как и с нажимом, который делали на них судьи, [разбиравшие аграрные вопросы], просили Корнелия Сципиона, разрушившего Карфаген⁷, защитить их от чинимых им несправедливостей. Сципион, который в свое время пользовался большой помощью италийцев в своих военных походах, не решился оставить без внимания их просьбы. Выступив в сенате, Сципион не стал порицать закон Тиберия Гракха, очевидно, не желая раздражать народ, но, убедившись в трудности проведения закона в жизнь, просил, чтобы спорные вопросы разбирали не те, кто производил раздел земли, так как судившиеся стороны относились к ним с подозрением, но чтобы это дело было передано другим лицам. Своими доводами, так как они казались справедливыми, он вполне убедил сенат. Право суда было предоставлено тогдашнему консулу Тудитану. Он, занявшись этим делом и увидев всю его трудность, отправился в поход в Иллирию и свой отъезд выставил как предлог избавиться от произ-

водства суда. Производившие раздел земли бездействовали, так как никто не обращался к ним за разрешением спорных вопросов. Все это послужило источником ненависти и негодования народа против Сципиона, которого народ ранее ревниво любил, много боролся за него против оптиматов, вопреки закону два раза выбирал его консулом. Теперь народ видел, что Сципион противодействует народу ради италийцев. Враги Сципиона, заметив это, стали вопить: Сципион решил совершенно аннулировать закон Гракха и собирается затем устроить вооруженную бойню.

Народ, слыша все это, пришел в ужас. Между тем Сципион, вечером положивший около себя письменную доску, на которой ночью он собирался набросать речь, предназначенную им для произнесения в народном собрании, найден был мертвым без следов ранений. Это было делом рук Корнелии, матери Гракха, с целью воспрепятствовать отмене его закона, при содействии дочери Корнелии, Семпронии, которая была замужем за Сципионом, но которая — она была некрасива и бесплодна — не пользовалась его любовью, да и сама не любила его. Или, по мнению некоторых, Сципион кончил самоубийством, чувствуя, что он не будет в состоянии сдержать данные им обещания. Наконец, некоторые утверждали, что рабы во время пытки заявили, что Сципиона задушили ночью иноземцы, проникшие к нему через поместье, находившееся в задней части дома, где он жил; рабы добавили, что они, узнав об этом, побоялись донести, так как народ был все еще сердит на Сципиона и радовался тому, что он умер. Итак, Сципиона не было в живых, и он, оказавший такие услуги упрочению римского могущества, не был удостоен даже погребения на государственный счет. До такой степени минутное раздражение одержало верх над благодарностью за прежние заслуги Сципиона. И это происшествие, чрезвычайно важное само по себе, явилось как бы добавлением к распри, поднятой Гракхом.

Между тем владельцы земельных участков, под различными предлогами, все откладывали и откладывали раздел их на долгий срок. Некоторые предлагали даровать права римского гражданства союзникам, всего более сопротивляющимся разделу земли. Италийцы с удовольствием приняли это предложение, предпочитая, конечно, получение прав римского гражданства разрешению аграрного вопроса. Фульвий Флакк, консул и вместе с тем член комиссии по разделу земли, в особенности хлопотал за италийцев. Однако сенат был недоволен, что римские подданные получают одинаковые права с римскими гражданами. Таким образом, и эта попытка не удалась. А народ, до тех пор надеявшийся получить землю, стал приходить в уныние. При таких обстоятельствах Гай Гракх, младший брат Гракха, автора закона о разделе земли, бывший член комиссии, которой поручено было это дело, с удовольствием выставил

свою кандидатуру в народные трибуны. Блестяще избранный, Гракх тотчас же встал в оппозицию к сенату. Он провел постановление о ежемесячном распределении продовольственных денег каждому плебею из общественных сумм—ничего подобного до тех пор не было. Одним этим государственным актом, в проведении которого он имел помощником Фульвия Флакка, Гай решительно добился расположения народа к себе и благодаря этому тотчас же был избран трибуном и на следующий год. Дело в том, что тем временем был утвержден закон: если народный трибун нуждается в продлении своих полномочий, народ должен избирать его из всех граждан.

Итак, Гай Гракх стал трибуном во второй раз. Подобно тому как раньше он подкупил народ (своим аграрным законом), так теперь он склонил на свою сторону и так называемых всадников, занимавших по своему положению среднее положение между сенатом и плебеями. Прибегнул он при этом к такому государственному мероприятию: он передал суды, пользовавшиеся из-за допускавшегося в них взяточничества дурною славою, от сенаторов в руки всадников. Первым он преимущественно ставил в упрек следующие имевшие место незадолго до того примеры: Аврелий Котта, Салинатор и вслед за ними Маний Ацилий, завоевавший Малую Азию, несмотря на то, что они были изобличены в явном взяточничестве, были, тем не менее, оправданы судьями, судившими их. В Риме находились еще послы, выступавшие с обвинениями против указанных лиц, и с горечью громко говорили всем и каждому об их поступках. Сенат, испытывая большой стыд по поводу всего этого, согласился на законопроект, предложенный Гаем, и народное собрание утвердило его. Таким образом, суды перешли от сенаторов в руки всадников. Говорят, что Гай, немедленно после того как закон был принят, выразился так: «Я одним ударом уничтожил сенат». Эти слова Гракха оправдались еще в большей степени позже, когда реформа, проводимая Гракхом, стала осуществляться на практике. Ибо предоставление всадникам судебных полномочий над римлянами, всеми италийцами и самими сенаторами, их власть наказывать всяческими мерами воздействия: денежными штрафами, лишением гражданских прав, изгнанием, — все это ставило всадников, как должностных лиц, выше сената, и членов последнего или сравнивала со всадниками, или даже поставила их в положение подчиненных. Если всадники были заодно с трибунами в вопросах голосования и, в благодарность за это, получали от трибунов все, что бы они ни пожелали, то сенаторам они стали внушать большие опасения. И скоро дело дошло до того, что самая основа государственного строя перевернулась вверх дном: сенат продолжал сохранять за собою только свой авторитет, вся же сила была в руках всадников. Значение всадников стало расти, они не только начинают заправлять всем в судах, но даже от-

кровенно издеваться над сенаторами. Они усвоили от последних присущее им взяточничество и, получив вкус к наживе, еще более позорно и неумеренно пользовались возможностью наживаться. Против богатых всадники выдвигали подосланных обвинителей, процессы против взяточничества они совершенно отменили, сговорившись между собою или применяя друг против друга насилие. Самый обычай требовать отчета от должностных лиц вообще пришел в забвение, и судейский закон Гракха на долгое время повел за собою распря, не меньшую, чем прежнюю.

А Гракх стал проводить по Италии большие дороги, перетянул на свою сторону множество подрядчиков и ремесленников, готовых исполнять все его приказания. Он вывел также много колоний. Латинов он побуждал требовать всех тех прав, какие имели римляне; сенат не мог противодействовать в этом латинам под благовидным предлогом, так как они были в родовом родстве с римлянами. Остальным союзникам, не имевшим права голоса при выборах римских должностных лиц, Гай с этого времени даровал это право, чтобы иметь и их при голосовании на своей стороне. Взысканный преимущественно этим, сенат заставил консулов обнародовать закон, что при предстоящем голосовании этого закона никто из лиц, не имеющих права голоса, не может проживать в городе и приближаться к нему на расстояние 40 стадий. Другого трибуна, Ливия Друза, сенат убедил препятствовать проведению законов Гракха, не объясняя народу причин, по которым он делает это. Такое право — не объяснять причин — дано было трибуну, выступавшему противником своего товарища по должности. Сенат дал также полномочия Друзу, с целью задобрить народ, вывести 12 колоний. Это весьма обрадовало народ, почему он и отнесся с пренебрежением к законам Гракха.

Гракх, уязвленный нерасположением к нему народа, отправился в Ливию вместе с Фульвием Флакком, который, после окончания своего консульства, был избран для выведения колонии в Ливию. Отправить туда колонию было постановлено ввиду плодородия почвы Ливии, а основателями колонии были избраны Гай и Флакк с той целью, чтобы во время их отсутствия сенат мог хотя бы на короткое время заглушить нерасположение к нему народа. Гай и Флакк выбрали то место для основания колонии, где некогда стоял Карфаген, нисколько не считаясь с тем, что Сципион, когда разрушал его, произнес заклятие, что карфагенская территория должна представлять собою на веки вечные пастбище для скота. Гай и Флакк записали в число колонистов 6000 человек, хотя в законе говорилось о меньшей цифре. Все это делалось для того, чтобы расположить к себе народ. По возвращении в Рим они стали сзывать из всей Италии 6000 человек (желающих отправиться в колонию). В то время когда Гай и Флакк проектировали основание горо-

да в Ливии, пришло известие, что волки вытащили и разбросали пограничные столбы, поставленные Гракхом и Фульвием, и что авгуры истолковали это как дурное предзнаменование для будущей колонии. Сенат созвал тогда народное собрание, в котором закон о ней должен был быть аннулирован. Гракх и Фульвий, ошибившись в своих расчетах и здесь, словно обезумевшие, стали утверждать, что сенат введен в обман рассказом о волках. Самые смелые из плебеев стали на их сторону и с кинжалами явились на Капитолий, где должно было заседать народное собрание по вопросу о колонии.

Когда народ собрался и Фульвий начал свою речь о колонии, Гракх поднялся на Капитолий, охраняемый стражей из числа своих сторонников. Обеспокоенный сознанием того, что совещание идет о вопросе, не имеющем принципиального значения, он уклонился от участия в собрании и, миновав его, направился в портик, выжидая, что будет дальше происходить. В таком смятенном настроении Гракха увидел Антилл, плебей, совершавший жертвоприношение в портике, схватил его за руку и стал просить его пощадить родину, — слышал ли о чем-либо Антилл или подозревал что-нибудь, или что иное побудило его обратиться к Гракху, неизвестно. Гракх, еще более пришедший в смущение и испугавшись, как если бы он уличен был в чем-нибудь, пронзительно посмотрел на Антиллу. Кто-то из присутствовавших при этом, хотя не было дано никакого сигнала, никакого приказания, а только на основании пронзительного взгляда на Антиллу, вообразил, что уже пришло время, и, решив угодить чем-нибудь Гракху, первый принялся за дело: он извлек кинжал и поразил им Антиллу. Поднялся крик, когда увидели его труп. Все бросились из храма в страхе пред случившеюся бедою. Гракх, отправившись на форум, хотел там объяснить все случившееся. Но никто не посторонился перед ним: все отстранялись от него, как от человека, оскверненного убийством. Гракх и Фульвий не знали, что делать. Они упустили удобный случай приступить к тому, о чем они решили говорить в собрании, и побежали к себе домой. Их сторонники собрались у них, а остальная толпа уже среди ночи, как если бы угрожала какая-нибудь беда, захватила форум. Консул Опимий, находившийся тогда в городе, отдал приказ нескольким вооруженным лицам собраться рано утром на Капитолий и при посредстве глашатаев созвал туда сенат, а сам сторожил, что произойдет дальше, в храме Диоскуров, расположенном в центре Капитолия.

Так обстояло дело. Сенат пригласил Гракха и Флакка оставить их дома и явиться в сенат для оправдания [во всем происшедшем]. Но они, вооруженные, бежали на Авентинский холм⁸ в надежде, что если юни его займут, сенат скорее вступит с ними в переговоры. Во время бегства они созывали рабов, обещаая им свободу, но никто их не слушал. Гракх и Флакк со

своими приверженцами заняли храм Минервы и укрепились в нем, сына же Флакка, Квинта, послали к сенату с просьбой о заключении перемирия на условии жить дальше с сенатом в согласии. Сенат приказал Гракху и Флакку сложить оружие, явиться в сенат и объявить о своем желании, никаких же иных послов больше к ним не посылать. Так как Квинт все-таки был отправлен вторично, то консул Опимий, руководствуясь ранее сделанным объявлением, приказал арестовать его, потому что он не имел уже больше полномочий посла, против же Гракха и его приверженцев отправил вооруженный отряд. Тогда Гракх по свайному мосту бежал на другую сторону Тибра в рощу, в сопровождении одного только раба, и приказал ему убить его, лишь только он будет схвачен. Флакк бежал в мастерскую одного своего знакомого. Преследователи, не зная дома (где Флакк скрылся), просили сжечь дома по всей улице. Знакомый Флакка, принявший его к себе, не хотел донести на него, так как он искал у него защиты, и приказал донести другому лицу. Флакк был схвачен и убит. Головы Гракха и Флакка были принесены к Опимию, и последний дал принесшим столько золота, сколько весили головы. Народ бросился грабить их дома. Тех, кто принимал в этом участие, Опимий велел схватить, [заключил в темницу и приказал их задушить. Квинту, сыну] Флакка, Опимий предоставил умереть смертью, какую он хочет. Затем Опимий совершил очищение города от происшедших убийств, а сенат приказал Опимию воздвигнуть на форуме храм Согласия.

Перев. С. А. Жебелева.

¹ Имеются в виду аграрные законы, принятые в 367 г. до н. э. по предложению Лициния и Секстия.

² *Тиберий Семпроний Гракх* принадлежал к знатному плебейскому роду Семпрониев. Отец его занимал высшие должности в государстве.

³ *Оптиматы* — название это происходит от латинского *optimus*, что означает *лучший* — политическая группировка, выражавшая интересы нобилитета, аристократии.

⁴ *Курия* и *форум* — здесь противопоставляются места заседаний сената и народного собрания.

⁵ По римской конституции того времени диктатор назначался при чрезвычайных обстоятельствах самое большее на полгода и обладал всей полнотой власти в государстве.

⁶ Об Аристонице см. прим. № 1 на стр. 74.

⁷ *Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший* был консулом в 147 и 134 гг. до н. э. После победы над Карфагеном пользовался большой популярностью.

⁸ *Авентинский холм* — один из семи холмов, на которых расположен город Рим (Капитолийский, Палатинский, Эсквилинский, Авентинский, Квиринальский, Целийский, Виминальский).

№ 34. РЕФОРМЫ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ В ОЦЕНКЕ ПЛУТАРХА

(«Тиберий Гракх», 8—21)

Плутарх (родился в 46 г. н. э. в Херонее в Беотии) сын богатых родителей, образование получил в Афинах; неоднократно ездил в Рим, где

выступал публично. В эпоху Траяна получил звание консуляра, был провозглашен почетным гражданином Афин. При Адриане исполнял должность прокуратора. Умер Плутарх в 126 г. н. э. Таковы основные события его жизни.

Плутарх написал 227 сочинений, из которых дошло до нас около половины. Наибольший интерес представляют его «Сравнительные жизнеописания», в которых параллельно излагаются биографии греков и римлян. Задачей труда Плутарха, по его собственным словам, было показать историческую правомерность завоевания Греции Римом. Плутарх считает, что биографический жанр может дать гораздо больше, чем историческое сочинение. В биографии Александра Плутарх пишет: «Часто незначительный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека», поэтому он уделяет много внимания моральным качествам того или иного героя и значительно меньше — ходу исторических событий. Большое влияние оказали на него эллинистические теории, в которых содержалось обоснование и прославление монархии. Плутарх очень суеверен, он сообщает бесконечное количество всяких примет, доверяет предсказаниям оракулов.

Плутарх разделяет взгляд своей эпохи на рабов и проповедует, что нужно относиться к ним гуманно. Он пишет: «В отношениях с домашними рабами ни одну из страстей не надо укрощать в такой мере, как гнев». Конечно, не надо думать, что Плутарх был противником рабства, наоборот, он был типичным рабовладельцем своей эпохи, видевшим в «чутком» обращении с рабами более верное средство для извлечения из них большей пользы. Эти воззрения Плутарха целиком согласовались с политикой императоров эпохи Антонинов, которые запрещали убивать и жестоко наказывать рабов.

Характеристики исторических деятелей у Плутарха носят субъективный характер, поэтому к сообщаемым им сведениям нужно относиться критически.

Отнятую у соседей во время войны землю римляне частью продавали, частью обращали в государственную собственность, давали в пользование неимущим и бедным гражданам, платившим в государственную казну небольшой оброк. Когда богатые стали увеличивать оброк и выгонять с земли бедных, был издан закон, запрещающий владеть более чем 500 югерами земли¹. Это постановление, сдержав на некоторое время алчность богатых, помогло бедным, которые продолжали оставаться на сданной им в аренду земле и обрабатывать свою часть, полученную каждым с самого начала. Позже богачи при посредстве подставных лиц стали арендовать участки бедняков сами, и в конце концов уже открыто заняли большую часть участков. Тогда бедняки, выгнанные со своей земли, перестали охотно принимать участие в походах, небрежно относились к воспитанию своих детей, так что скоро по всей Италии стал ощущаться недостаток в свободнорожденных людях, она была наполнена рабами-иноземцами, при помощи которых богатые, выгнав граждан, обрабатывали свои поместья. Друг Сципиона, Гай Лелий², пробовал помочь беде, но вследствие протеста со стороны оптиматов испугался поднявшегося шума и отказался от своей попытки...

Будучи назначен народным трибуном, Тиберий Грах тотчас же принялся за осуществление того же плана, [что и Лелий]... Брат Тиберия, Гай, в одном из своих сочинений рассказывает, что Тиберий, отправляясь в Нуманцию³, проездом через Эт-

рурию видел запустение страны, видел, что ее обрабатывают или пасут на ней стада чужеземные рабы-варвары, и ему тогда запала мысль о реформе, послужившей источником бесчисленных бедствий для обоих братьев. Впрочем, сам народ зажег в Тиберии большую энергию и честолюбие, побуждая его своими надписями в портиках, на стенах и на надгробных памятниках вернуть беднякам общественную землю.

Тем не менее Тиберий не сам составил проект своего закона, но воспользовался в этом деле советами граждан, отличавшихся своими нравственными качествами и пользовавшихся славой; в числе их были понтифик Красс⁴, юрист Муций Сцевола⁵, бывший тогда консулом, и Аппий Клавдий, тесть Тиберия. И, кажется, никогда еще не составлен был проект закона более кроткого и мягкого против такой несправедливости и такого корыстолюбия. Их следовало судить за непослушание, оштрафовать и отнять у них ту землю, которой они пользовались противозаконно. Между тем, по закону Тиберия, им приказано было уйти, получив вознаграждение, с тех земель, которыми они владели несправедливо, и передать их нуждающимся в помощи гражданам.

Богачи и собственники, движимые своим корыстолюбием, относились с ненавистью к закону, гневались на законодателя, хотели выступить его соперниками. Они пытались убедить народ не принимать закона, так как Тиберий хочет ввести передел земли с целью нарушить государственный порядок и вызвать общую сумятицу. Но богачи не достигли своей цели. Тиберий боролся за свой прекрасный и справедливый проект с таким красноречием, что оно могло бы представить в красивом свете и плохое дело. Тиберий был опасным и неодолимым, когда он в присутствии народа, окружавшего трибуну, говорил в защиту бедных; «Дикие звери, — говорил Тиберий, — рыскающие по Италии, имеют норы и логовище для ночлега, те же люди, которые сражаются и умирают за Италию, имеют только воздух и свет. У них нет постоянного места жительства, с детьми и женами ведут они бродячую жизнь; полководцы уговаривают солдат сражаться с врагами за могилы предков и храмы, а у скольких римлян нет ни отчего алтаря, ни могил предков! Солдаты сражаются и умирают за чужую роскошь и богатство, солдаты, которых называют владыками вселенной, а между тем у них нет ни одного клочка собственной земли».

... [Противники Тиберия], отказавшись сами говорить против него, обратились к одному из народных трибунов, Марку Октавию... близкому другу Тиберия. Из стыда перед ним Октавий сначала отказался; но когда многие оптиматы стали усиленно просить его, он, как бы уступая их настояниям, выступил против Тиберия и стал откладывать проведение закона... Раздраженный этим, Тиберий взял обратно свой закон и предложил другой, еще более приятный для народа, но уже более суровый для тех,

кто попирает его права. Он потребовал, чтобы они оставили те земли, которыми владели в обход прежних законов. Почти ежедневно происходили споры на трибуне между Тиберием и Октавием... Тиберий видел, что вносимый им закон задевает и Октавия, который владел большими участками общественной земли. Он просил его прекратить сопротивление, обещая заплатить ему из своих средств, далеко не блестящих, стоимость земли. Когда Октавий и на это не пошел, Тиберий издал эдикт, по которому запрещалось всем должностным лицам ставить что-нибудь на голосование до тех пор, пока не вынесено будет постановление относительно предложенного им закона... Тогда богачи сняли свои богатые одежды и стали ходить по форуму в жалком и приниженном виде. Между тем тайно они злоумышляли против Тиберия и подговаривали людей, которые убили бы его...

Когда наступил день для голосования и Тиберий стал приглашать народ, богатые утащили урны, что произвело большое смутнение. Правда, сторонники Тиберия могли, опираясь на толпу, прибегнуть к насилию, и они побуждали ее к этому, но бывшие тогда консулами Манлий и Фульвий, бросившись к Тиберию, со слезами держали его за руки и просили отказаться от своего намерения. Так как он не представлял еще себе всех будущих ужасов, то, из уважения к Манлию и Фульвию, спросил их: что же они приказывают ему делать? Они ответили, что не способны дать ему совет, а рекомендуют и просят передать дело на рассмотрение сената. Тиберий был убежден ими поступить так. Сенат собрался, но не мог ничего сделать, так как богатые имели в нем большую силу. Тогда Тиберий прибег к мере незаконной и неблагоприятной — отрешить Октавия от его должности: иначе он не мог довести свой закон до голосования⁶. Сначала Тиберий на виду у всех просил Октавия, говорил с ним ласково, брал его за руку, прося согласиться уступить народу, требующему справедливого, народу, который получит в таком случае малое за великие труды и опасности, [им понесенные]. Октавий отклонил просьбу. Тогда Тиберий заметил Октавию, что невозможно миновать войны, коль скоро оба народные трибуны, обладающие равными полномочиями, расходятся во мнениях в делах столь важных; что он усматривает одно только средство — это, чтобы один из них сложил свою должность. Он предложил Октавию сначала дать народу высказаться путем голосования о нем, о Тиберии, обещая, что, если граждане решат, он немедленно откажется от должности и станет частным человеком. Октавий не соглашался; тогда Тиберий сказал, что, если он, подумав, не переменит свое решение, он сам проведет голосование относительно его, Октавия.

На этом Тиберий тогда и распустил народное собрание. На другой день, когда оно собралось снова, Тиберий, взойдя на трибуну, снова пытался подействовать на Октавия путем убеж-

дения. Когда тот остался непреклонным, Тиберий внес предложение лишить Октавия звания народного трибуна и предложил гражданам немедленно подавать голоса. Триб было 35. 17 подали свои голоса; оставалось подать еще одной трибе, и тогда Октавий должен был стать частным лицом. Тиберий сделал перерыв, снова стал упрашивать Октавия, обнимал и целовал его на глазах народа, горячо упрасывая не доводить себя до бесчестия, а на него, Тиберия, не навлекать обвинения в столь тяжком и печальном политическом акте. Говорят, Октавий не оставался вполне неумолимым и недоступным к этим просьбам. Его глаза наполнились слезами, и он долго молчал. Но когда он посмотрел на собравшихся богатых собственников, он, повидимому, из уважения к ним и страха прослыть в их глазах бесславленным, храбро пошел на все ужасы и советовал Тиберию поступать, как он хочет. Когда, таким образом, предложение Тиберия было утверждено народом, он приказал одному из вольноотпущенников стащить Октавия с трибуны... Когда его насильно стали тащить, это зрелище возбудило еще большую жалость к Октавию. Народ бросился к нему, но сбежавшиеся богачи отвели тех, (которые хотели схватить Октавия). Октавий спасся с трудом, скрылся и таким образом убежал от толпы. Но у верного его раба, стоявшего впереди и защищавшего его, выкололи глаза, и все это происходило против воли Тиберия, который, узнав о происходящем, очень быстро прибежал на шум.

После этого аграрный закон был утвержден, и для разбора и раздела земли избраны были три лица: сам Тиберий, его тесть Аппий Клавдий и брат Гай Гракх... Спокойно, без какой-либо помехи, Тиберий исполнил свою обязанность... Всем этим оптиматы были недовольны; они боялись усиления влияния Тиберия и поносили его в сенате. Он просил себе, по обычаю, палатки на казенный счет, чтобы жить в ней во время раздела земель. Емее не дали... На расходы ему назначили ежедневно по 24 асса⁷. Все это было проведено по предложению Публия Назики⁸, который питал к Тиберию беспощадную вражду; сам Назика владел очень большим количеством участков казенной земли и был разочарован тем, что должен был отказаться от них. А страсти народа стали разгораться еще сильнее. Внезапно умер один из друзей Тиберия, причем на его теле появились подозрительные пятна. Народ стал кричать, что здесь имело место отравление... Этот случай побудил Тиберия еще более возбуждать страсти народа. Он надел траурное платье, вывел перед народом своих детей и просил народ позаботиться о них и об их матери, так как сам он отчаялся в своем спасении.

После смерти [пергамского царя] Атталы Филометора⁹ пергамец Евдем предъявил его завещание, по которому римский народ назначался наследником царя. Тиберий, в качестве трибуна, внес законопроект, по которому царские деньги, после

того как они будут доставлены, должны пойти на приобретение сельскохозяйственных орудий и пособий для граждан, получивших земельные участки...

Друзья Тиберия, видя, что враги его угрожают составить заговор против него, полагали, что ему следует выставить свою кандидатуру на должность народного трибуна на следующий год. Тиберий, в свою очередь, старался склонить на свою сторону народ новыми законами: он предложил уменьшить срок военной службы, предоставить народному собранию право апеллировать на решения судей, назначавшихся тогда из сенаторов, и прибавить к ним такое же число судей из всадников. Вообще он всячески старался уменьшить силу сената... Во время голосования было заметно, что противники Тиберия одерживают верх — собрался не весь народ. Тиберий распустил народное собрание и приказал ему собраться на следующий день...

Сначала дело шло блестяще для Тиберия. Когда он прибыл [в народное собрание], народ тотчас встретил его радостными криками, радушно принял его, когда он всходил на трибуну, и столпился вокруг него, чтобы никто незнакомый не мог приблизиться к нему...

[Но когда началось голосование], никакого результата оно не дало из-за шума, поднявшегося в крайних рядах, [где происходила толкотня]. В это время сенатор Фульвий Флакк стал на видном месте и, так как его нельзя было расслышать, стал делать Тиберию знаки рукою, что он хочет наедине что-то сказать ему. Тиберий приказал народу расступиться, Флакк с трудом добрался до Тиберия и объявил ему, что во время заседания сената богатые оказались не в состоянии склонить консула на свою сторону и потому решили сами убить Тиберия и подготовили для этой цели многих рабов и своих друзей.

Когда Тиберий рассказал об этом своим сторонникам, последние немедленно подпоясали свои тоги и стали ломать копья прислужников, сдерживавших толпу, передавать их друг другу, чтобы тем самым показать, что они обломками их будут защищаться против нападающих... Тиберий коснулся рукою головы, указывая этим на грозившую ему опасность, — голоса его нельзя было расслышать. Противники его, увидав это, побежали в сенат и там объявили, что Тиберий требует себе царской диадемы, что знаком этого и было то, что он коснулся своей головы. Все пришли в смущение. Назика, [бывший тогда верховным понтификом], просил консула [Публия Муция Сцеволу] притти на помощь государству и уничтожить тирана. Консул кротко заметил, что он не будет действовать насильем и убивать кого-либо из граждан без суда, но если народ, под влиянием убеждения со стороны Тиберия или принуждения с его стороны, постановит что-либо противозаконное, он, консул, не утвердит этого постановления. Тогда Назика сказал: «Так как должностное лицо предает государство, все желающие притти на помощь

законам следуйте за мною». С этими словами... он пошел по направлению к Капитолию... Некоторые из сопровождавших его несли взятые из дому дубины и палки, другие с обломками и ножками скамей, сломанных бежавшею толпою, шли на Тиберия, причем били ими защищавшихся. Началось общее бегство и резня. Кто-то схватил Тиберия за его тогу. Он сбросил ее, побежал в одной тунике, споткнулся и упал на грудь убитых раньше него. Когда он хотел встать, его первым, на глазах у всех, ударил ножкою скамьи Публий Сатурей один из сотоварищей Тиберия по должности. Второй удар нанес Люций Руф. Из прочих его приверженцев пало свыше 300 человек, пораженных деревянными обломками или камнями, но ни один не был поражен железом.

Это, как повествуют, было первое, после свержения царской власти, восстание, разрешившееся кровавым убийством граждан. Все остальные [восстания], хотя и не незначительные и по ничтожным причинам возникавшие, оканчивались взаимными уступками: оптиматы боялись народа, народ уважал сенат. Повидимому, и тогда Тиберий без труда дал бы себя уговорить и еще легче уступил бы своим противникам, не доводя дело до убийства и ран: ведь у него приверженцев было не более 3000 человек. Но, кажется, движение против Тиберия произошло скорее из-за раздражения и ненависти против него со стороны богатых... Ясное доказательство этому — те кровожадные и противозаконные надругательства, которым подвергся его труп... Вместе с другими трупами его бросили в реку...

Сенат, заискивая пред народом, не противился теперь разделу земли и предложил выбрать вместо Тиберия другое лицо... Народ же был раздражен смертью Тиберия и явно выжидал удобного времени выступить мстителем за него.

(Плутарх, Гай Гракх, 4—18).

Гай Гракх внес два законопроекта: первый воспрещал выставлять свою кандидатуру на государственные должности тому, кто лишен был народом права занимать их, второй предоставлял народу право привлекать к суду должностное лицо, изгнавшее гражданина без суда. Первый закон направлен был против Марка Октавия, исключенного Тиберием из числа народных трибунов, второй касался Попилия, изгнавшего, в качестве претора, сторонников Тиберия. Попилий, не дождавшись суда, бежал из Италии. Первый же закон сам Гай взял обратно, объявив, что он не хочет причинять неприятностей Октавию, склоняясь на просьбы своей матери Корнелии...

Из законов, которые предложил Гай в угоду народу и с целью подорвать авторитет сената, один касался основания колоний и распределения общественной земли беднякам, другой имел в виду солдат, которым Гай предложил выдавать казенную

одежду, не вычитая стоимости ее из солдатского жалованья, а также не зачислять в ополчение лиц моложе семнадцатилетнего возраста. По третьему закону италийцы должны были получить одинаковые права с римскими гражданами. Хлебный закон приказывал продавать бедным хлеб по дешевой цене. Судейский закон лишал сенаторов значительной части принадлежавшей им власти... К числу трехсот судей из сенаторов Гай прибавил триста всадников.

Когда народ не только принял судейский закон Гая, но и разрешил ему набрать судей из числа всадников, его власть стала до известной степени властью единоличной, так что и сенат стал спокойно выслушивать его советы. А советовал Гай всегда, что, по его мнению, надлежало делать. Так, например, вполне благоразумным и прекрасным предложением его было предложение относительно хлеба, посланного из Испании пропретором Фабием ¹⁰. Гай убедил сенат продать хлеб и вырученные деньги отослать в города, [откуда он был собран], а Фабию сверх того предъявить обвинение в том, что он делает власть Рима тяжелой и невыносимой для населения. За это Гай снискал себе великую славу и расположение в провинциях. Затем внес предложение выслать колонии в города, провести в них дороги, устроить продажу хлеба. ...Когда наступили консульские выборы... консулом был избран Гай Фанний [Страбон], Гай же выбран был во второй раз народным трибуном, хотя он и не представлял своей кандидатуры и не искал звания трибуна; сам народ приложил старание, [чтоб он был трибуном]. Так как Гай видел, что сенат относится к нему враждебно, Фанний же неуверенно и без особого расположения [поддерживает его], он снова привлек на свою сторону народ новыми законопроектами. Он внес предложение послать колонии в Тарент и в Капую и дать латинам права римского гражданства. Сенат испугался, что с Гаем совершенно нельзя будет бороться... и старался соперничать с ним в угождении народу во вред своим интересам. В числе соавторов Гая по трибунату был Ливий Друз... К нему и обратились знатнейшие из граждан и советовали ему вступить в борьбу с Гаем, ополчиться на него вместе с ними, но не прибегать к насилию и не противиться народу...

Гай предложил вывести две колонии и послать в них наилучших из граждан... Ливий же хотел основать 12 колоний и в каждую из них послать по 3000 неимущих граждан и нашел в этом поддержку сената. Сенаторы ненавидели Гая, как льстеца, за то, что он, распределив землю между бедными, приказал каждому из них вносить оброк в государственное казначейство, а Ливий, хотя он и не брал этого оброка за наделы, пришелся сенаторам по сердцу...

Народ стал вполне верить в расположение к нему Друза, в его справедливое к нему отношение... Когда Гай уехал в Африку для основания там колонии, Друз, в отсутствие его, еще

более старался привлечь на свою сторону народ, привязать его к себе...

Вернувшись в Рим, Гай прежде всего переехал с Палатинского холма в место, расположенное ниже форума и населенное по большей части низшим и бедным классом. Собрался отовсюду народ, но сенат убедил Фанния прогнать всех, кроме лиц, имевших право римского гражданства... В своих товарищах по должности Гай возбудил негодование по следующей причине. Народ собирался смотреть на форуме гладиаторов. Большинство должностных лиц устроило вокруг платные места. Гай приказал сломать их, чтобы бедные могли со своих мест смотреть бесплатно на зрелище. Так как никто не исполнил его распоряжения, Гай дождался ночи, предшествующей зрелищу, собрал всех бывших у него на постройках рабочих, сломал места для зрителей и таким образом сделал на другой день места свободными для народа. Народ увидел в Гае энергичного человека; зато сотоварищей по должности Гай оскорбил своею решительностью и насильственным образом действий. Поэтому-то Гай и не получил должности трибуна в третий раз; хотя голосов за него и было подано очень много, но его сотоварищи при провозглашении и объявлении имен избранных, поступили нечестно и по-мошеннически. Впрочем, это вопрос спорный...

Когда консулом стал Олимпий... он намеревался уничтожить законы Гая. В этот день, после того как Олимпий принес жертву, один из его ликторов Квинт Антиллий... был убит... Народ был смущен этим убийством, но настроение вождей [обеих партий] было противоположное. Гай был раздражен и бранил своих приверженцев за то, что они дали противникам его давно ожидаемый повод к жалобам. Олимпий же ухватился за него и побуждал народ к мести.

Начавшийся тогда дождь заставил всех разойтись. Рано утром консул созвал заседание сената... Сенаторы постановили и приказали консулу Олимпию спасти государство всеми имеющимися в его распоряжении средствами, чтобы уничтожить тиранов. Консул приказал сенаторам взяться за оружие, а каждому из всадников привести утром двух вооруженных рабов...

Рано утром [сторонники Гая], угрожая и крича, бросились занимать Авентинский холм. Гай не хотел вооружиться, но, как бы собираясь идти на форум, вышел в тоге, привесив к поясу небольшой меч...

Гай, как говорят, хотел идти убеждать сенат... Но, Олимпий спешил дать битву... Никто не видел, что Гай принимал в ней участие. Возмущенный происходящим, он ушел в храм Дианы и там хотел убить себя. Однако наиболее преданные ему его друзья... воспрепятствовали ему сделать это: они оставались при нем, отняли меч и заставили его бежать...

Во время бегства противники преследовали Гая и настигли его около деревянного моста. Двое из друзей советовали ему

бежать далее, сами же остановили преследующих Гая и вступили с ними в бой пред мостом, никого не пропуская, пока не были убиты. Вместе с Гаем бежал и его раб Филократ. Все, как бы во время состязания, подбадривали друг друга, но никто не пришел на помощь Гаю, не хотел даже, несмотря на его просьбы, дать ему коня, — преследующие были уже близко. Гай все-таки едва-едва успел бежать в священную рошу Фурий и там погиб, причем Филократ сначала убил его, а затем заколол себя самого... [Трупы погибших в битве] — их было 3000 человек — были сброшены в реку; их имущество было конфисковано. Женам погибших запрещено было носить траур по ним, а жену Гая, Лицинию, лишили даже ее приданого...

Народ тогда находился в подавленном состоянии и пал духом, но немного спустя он показал, какую горячую любовь питал он к Гракхам. Он поставил посвященные им статуи на видном месте, сделал священными те места, где они были убиты, приносил им начатки всех плодов. Многие даже ежедневно приносили им жертвы и ходили на те места, как бы в храмы богов...

Перевод взят из «Хрестоматии» под ред. В. В. Струве, т. II, изд. 1936 г.

¹ Имеется в виду закон Лициния и Секстия (см. прим. № 1 на стр. 89).

² *Гай Лелий* — народный трибун 151 г. до н. э. Составил проект аграрного закона, но не пожелал выдвинуть его на обсуждение, за что получил прозвище «Мудрого».

³ *Нуманция* — город в Тарраконской Испании. В 133 г. после долгой осады был захвачен Сципионом Эмилианом.

⁴ *Публий Лициний Красс Муциан* был другом Тиберия Гракха. В 131 г. до н. э. исполнял должность консула.

⁵ *Публий Муций Сцевола* был консулом в 133 г. до н. э.

⁶ Народный трибун Марк Октавий по римскому законодательству имел право наложить запрет на законопроект, внесенный Тиберием Гракхом.

⁷ *Асс* — мелкая медная монета в Риме.

⁸ *Публий Корнелий Сципион Назика* — противник программы Гракхов, исполнял должность консула в 138 г. до н. э. Во время вторичных выборов Тиберия Гракха был великим понтификом.

⁹ См. прим. № 2 на стр. 76.

¹⁰ *Квинт Фабий Максим Сервилиан* подавлял первое сицилийское восстание рабов, в данное время исполнял должность пропретора Испании, с которой собирал громадные подати.

№ 35. ВЫСТУПЛЕНИЕ И ГИБЕЛЬ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ

(Веллей Патеркул, II, 2, 3, 6, 7)

Веллей Патеркул — официальный историограф времени Тиберия. Он был родом из Капуи, большую часть жизни провел на военной службе. Дослужился до высших должностей в империи. «Римская история» Веллея Патеркула доведена до 30 г. н. э. В апологетических тонах говорит он о времени правления Августа. В высшей степени неодобительно он отзывался о движении Гракхов, которые, по его словам, «повергли государ-

ство в смертельную опасность». Эту тенденциозность автора, в изображении мощного демократического движения, возглавленного братьями Гракхами, следует иметь в виду при чтении данного документа.

Сдача Манциния вызвала сильные раздоры в государстве. В самом деле, сын славнейшего и выдающегося мужа Тиберия Гракха, внук по матери Публия Африканского, Тиберий Гракх, по инициативе которого в его квесторство заключен был договор [с Нуманцией]¹, теперь, то тяготясь тем, что выполненное им дело теряет силу, то боясь перемены суждения [о нём] и наказания, будучи избран в народные трибуны, и оставаясь человеком во всех отношениях безупречным, в полном расцвете духовных сил и с самыми чистыми намерениями, украшенный, наконец, столькими добродетелями, сколько выпадает на долю смертного при совершенстве природы и доброй воли, он в консульство Публия Муция Сцеволы и Люция Кальпурния сто шестьдесят два года тому назад разошелся с людьми благонамеренными, обещал всей Италии права гражданства; вместе с тем он издал аграрные законы, при всеобщем стремлении к устойчивому положению, он смешал все высокое с самым низким и подверг все государство в крайнюю смертельную опасность. Он лишил власти своего коллегу Октавия², стоявшего за общее благо, и учредил коллегии триумвиров для распределения земель и выведения колоний, введя в ее состав себя, своего тестя Аппия и брата своего Гая, тогда еще совершенно молодого человека.

Тогда Публий Сципион Назика, внук того, который получил от сената титул: *vir optimus*, сын того цензора, который построил портик на Капитолии, правнук Гнея Сципиона, дяди знаменитого Публия Африканского, не занимавший в то время никакой должности и одетый в обычную тогу, хотя и был близким родственником Тиберия Гракха³, но отдавал предпочтение интересам родины перед родственными связями и все, что не было полезно для общего блага, считал ненужным, также и для частных лиц (за эту добродетель он первый из всех заочно был возведен в сан великого понтифика). Он стоял на первых ступенях верхней части Капитолия, перекинув через левую руку край своей тоги, и призывал следовать за собой всех, кто хочет сохранить государство в безопасности. Тогда оптиматы—сенат и лучшая и большая часть всаднического сословия, — а также не участвующий в пагубных планах народ — бросились на Гракха, стоящего на площадке Капитолия среди толпы своих приверженцев и призывающего к себе население почти всей Италии. Он побегал и на спуске с Капитолийского холма был убит обломком скамьи. Так была прервана преждевременно его жизнь, которую он мог бы провести с большой славой. Это было началом пролития крови граждан в Риме и безнаказанного применения оружия. С этого времени насилием было нарушено право и прежний лучший строй жизни; раздоры граждан, обычно разре-

шавшиеся в прежнее время соглашением, теперь стали разрешаться оружием, и военные действия стали начинаться без основательных причин, но в зависимости от того, сколько они сулили выгод. И это неудивительно. Ведь в подражание примерам люди никогда не останавливаются на том, с чего начали, но, вступив на какую угодно узенькую тропинку, прокладывают себе путь для выхода на обширнейшее пространство, и если хоть раз сойдутся с правильного пути, неизбежно дойдут до пропасти, и никто не считает для себя постыдным того, что было выгодно для другого.

Затем по прошествии десяти лет такое же безумие, которое проявил Тиберий Гракх, охватило брата его Гая, похожего на него как всеми добродетелями, так и этим заблуждением, а по своим дарованиям и красноречию даже важного его превосходившего. Несмотря на то, что он, ведя совершенно спокойный образ жизни, мог бы быть первым человеком в государстве, он не то для отомщения за брата, не то для закрепления в своих руках царской власти, по примеру брата, вступил в должность трибуна, и, выставив еще гораздо больше и более крайних требований, он обещал право гражданства всем италикам, хотел распространить их почти до самых Альп, распределял земли, запрещал кому-либо из граждан иметь более пятисот югеров земли, — что когда-то было предусмотрено и законом Лициния⁴ — устанавливал новые торговые пошлины, заполнял провинции новыми колониями, передавал суды от сената всадникам, постановил раздавать гражданам хлеб, не оставил ничего в покое или в мире, ничего не оставил незатронутым, наконец, ничего не сохранил в прежнем состоянии; мало того, он продлил свои полномочия трибуна на следующий год. Консул Люций Оппимий, который попал в должность претора во Фрегеллы⁵, преследовал с оружием в руках как его, так вместе с ним и Фульвия Флакка из бывших консулов, награжденных триумфом, стремившегося к таким же ошибочным целям, которого Гай Гракх номинально поставил триумвиром на место брата Тиберия, а на самом деле сделал соучастником своей царской власти, и убил того и другого. Одно только было сделано Оппимием незаконно, это то, что он за голову — не то что именно Гая Гракха, — а вообще за голову римского гражданина хотел уплатить деньги, хотел выдать золота, равного ей по весу. Флакк был убит вместе со старшим своим сыном на Авентине, где стоял вооруженный и призывал народ к сражению. Гракх же спасался бегством, но увидав, что неминуемо будет захвачен людьми Оппимия, подставил шею рабу своему Евпору, который вырубил своего господина и с неменьшей решимостью покончил с самим собой. В этот день удивительная преданность Гаю Гракху была проявлена со стороны римского всадника Помпония. Он, подражая Коклесу, удерживал на мосту подступавших к нему врагов, а потом пронзил себя мечом. Как раньше тело Тиберия Гракха,

так теперь тело Гая по исключительной жестокости победителей было сброшено в Тибр.

Таков был исход жизни детей Тиберия Гракха, внуков Публия Сципиона Африканского, при жизни их матери, дочери Африканского, такова была смерть этих мужей, дурно воспользовавшихся своими прекрасными дарованиями. Если бы они добивались степени гражданского достоинства, то само государство предоставило бы им при полном их спокойствии то, что они предпочли получить через мятёж. К этой их ярости прибавилось еще одно исключительное по своим размерам преступление: в самом деле Опиимом был убит также и один юноша, выдающейся красоты, не переступивший еще и восемнадцатого года жизни, непричастный к отцовским преступлениям, именно сын Фульвия Флакка, которого отец послал для переговоров...

...Вскоре затем началось суровое следствие над друзьями и клиентами Гракхов. Но Опиций, человек вообще безупречный и влиятельный, был впоследствии осужден общественным мнением по воспоминаниям о такой его жестокости и не встретил со стороны граждан никакого снисхождения. Такая же ненависть общественных судей обрушилась заслуженно на Рупилия и Попилия, которые в качестве консулов свирепствовали по отношению к друзьям Тиберия Гракха...

Среди законов Гракха я самым гибельным считаю, пожалуй, тот, в силу которого он вывел колонии за пределы Италии.

Перев. В. С. Соколова.

¹ Имеются в виду события, происшедшие в 137 г., когда римские войска во главе с консулом Манцином были окружены в Испании восставшими нумантинцами. Переговоры о капитуляции вел Тиберий Гракх, будущий народный трибун. Выговоренные им условия спасли римскую армию от гибели.

² *Марк Октавий* — народный трибун 133 г.

³ *Публий Сципион Назика* был двоюродным братом Тиберия Гракха.

⁴ *Закон Лициния* — см. прим. № 1 на стр. 89.

⁵ *Фрегеллы* — город в Лации.

№ 36. НАДПИСЬ ПОПИЛИЯ ЛЕНАТА

(Dessau, *Jnschr. latinae selectae*, *Tituli Mummiiani*, № 23)

В Луканском поселке Полла, где находился форум Попилия, была воздвигнута Публием Попилием, сыном Гая Лената, в год его консульства (132 г. до н. э., 622 г. от основания города Рима) памятная доска с указанием его распоряжений, заслуживающих похвалы.

Я проехал от Регия до Капуи и на этом пути на всех мостах поставил милевые¹ столбы с надписями. А именно:

До Нуперии — 51 миля

До Валентии — 180 миль

До Капуи — 84 мили

До пролива и статуи — 231 миля

До Мурана — 64 мили

До Регия — 237 миль

До Козентии — 123 мили

Всего от Капуи до Регия — 231 миля

Кроме того, будучи претором в Сицилии, я сыскал беглых рабов из Италии и вернул 917 человек². Я же первый сделал так, чтобы пастухи ушли с общественного поля в угоду земледельцам³. Я отстроил форум и воздвиг здесь общественные здания.

Перев. В. С. Соколова.

¹ Римская миля равна приблизительно 1,5 км (1481,5 м).

² Имеется в виду прославление Попилия за то, что он не казнил беглых рабов, а вернул их господам.

³ Имеется в виду земельный закон Тиберия Гракха, проведенный за год до консульства Попилия.

№ 37. АГРАРНЫЙ ЗАКОН 111 ГОДА ДО Н. Э.

Закон 111 года, предложенный, вероятно, народным трибуном Спурием Торием, сыграл большую роль в аграрной истории Рима. Он окончательно аннулировал все законодательство Гракхов. С этого времени еще больше укрепляется частная собственность на землю. Владельцы земельных участков имеют право продавать их любому лицу и не платить никаких взносов. Действие этого закона распространяется в одинаковой мере как на провинции, так и на Италию. Закон 111 г. носил демагогический характер, сохранив демократическую терминологию.

...народные трибуны на законном основании предложили народному собранию закон, и народ на законном основании принял его голосованием на форуме... в ...день ...первенство было за трибой... от имени трибы первым подал голос Квинт Фабий, сын Квинта.

Какое поле из общественной земли¹ римского народа, которая имелась в Италии в консульство Публия Муция и Люция Кальпурния², не считая той земли, каковая земля по закону или по постановлению народа³, проведенному народным трибуном Гаем Семпронием, сыном Тиберия, была исключена из раздела⁴ ...какое поле, или какую площадь, из этой земли, на основании закона, или постановления народа какой прежний владелец⁵ себе взял и за собой оставил, которое по своим размерам не больше того, сколько разрешено законом⁶ или постановлением народа себе брать и за собой оставлять;

какое поле из общественной земли римского народа, которая имелась в Италии в консульство Публия Муция и Люция Кальпурния, не считая той земли, которая по закону или по постановлению народа, проведенному народным трибуном Гаем Семпронием, сыном Тиберия, была исключена из раздела... какое поле, или какую площадь из этой земли, на основании закона или постановления народа, триумвир дал и записал за каким-либо римским гражданином, вынудившим жребий⁷, если в этом поле, или в этой площади находится не больше...

какое поле из общественной земли римского народа, которая имелась в Италии в консульство Публия Муция и Люция Каль-

пурния, не считая той земли, которая по закону или по постановлению народа, проведенному народным трибуном Гаем Семпронием, сыном Тиберия, была исключена из раздела... какое поле, или какая площадь из этой земли, была дана триумвиром тому, кто менял свою частную землю на общественную, и закреплена за ним в обмен на его поле, или площадь;

какое поле из общественной земли римского народа, которая имелась в Италии в консульство Публия Муция и Люция Кальпурния, не считая той земли, по закону или по постановлению народа, проведенному народным трибуном Гаем Семпронием, сыном Тиберия, была исключена из раздела... какое поле из той общественной земли или площади, которая находится в Италии, сколько ее есть вне города Рима и сколько ее есть в [другом] городе, поселке или селении, кому даст и за кем запишет триумвир, сколько... будет иметь в своем обладании, тогда, когда этот закон будет применяться⁸;

какое поле из общественной земли римского народа, которая имелась в Италии в консульство Публия Муция и Люция Кальпурния, не считая той земли, по закону или по постановлению народа, проведенному народным трибуном Гаем Семпронием, сыном Тиберия, была исключена из раздела... какое поле, или какую площадь из этой земли, или какое строение... кому... на италийской земле триумвир дал и за кем записал и оставил, или приказал записать в формуляры и таблицы;

всякое поле, или площадь земли, или строение, которые описаны выше..., кроме того поля, или той площади, которые уже раньше были исключены и предусмотрены... пусть будут частным владением и пусть продажа и покупка такого поля, земельной площади или строения производится так же, как и прочих частных земель, полей и строений, и всякий, какой будет цензор, пусть делает так, чтобы такое поле, земля, строение, которые по этому закону сделались частным владением, были внесены в цензорские списки⁹, как прочие частные земли, поля и строения... и пусть он¹⁰ прикажет об этом поле, земле и строении тому, кому будет принадлежать это поле, земля и строение, сделать такое же объявление, какие делаются и о прочих полях, землях и строениях, теми, кому они принадлежат... и пусть никто не делает так, чтобы тому, кому должны и должны будут принадлежать на основании закона или постановления народа это поле, площадь земли или строение, чем-либо было учинено препятствие в использовании, извлечении дохода, держании или владении этим полем, площадью земли или строением и пусть никто не обращается по такому делу в сенат... и пусть никто от имени какого-либо должностного лица или какой-либо власти не предлагает, не выносит приговора, в силу которого тот, которому это поле, площадь земли или строение должны принадлежать на основании закона или народного постановления

и должны будут принадлежать в дальнейшем, был бы урезан в использовании, извлечении дохода, в держании или владении этим полем, площадью земли или строением, или в силу которого он мог бы лишиться этого владения против своей воли, а после его смерти также против своей воли могли бы лишиться его наследники.

Какое поле из общественной земли римского народа, которая имелась в Италии в консульство Публия Муция и Люция Кальпурния... сколько этой земли триумвиры для наделения землей предоставили, записали и оставили сельским придорожникам¹¹, находящимся на итальянской земле, пусть никто не делает так, чтобы они в меньшей мере могли пользоваться, извлекать доход, держать или владеть [этой землей], поскольку ее обладатель¹²... не произвел отчуждения поля, площади земли и строения без этой земли... и без этой земли, которую на основании этого закона можно будет продавать, дарить и закреплять.

Какое поле, площадь земли или строение будет таким образом дано, записано и оставлено теперь и на дальнейшее время тому, кто на основании постановления сената должен находиться среди сельских придорожников... чтобы такое поле, или такая земельная площадь или строение стали частным владением или чтобы цензор, какой бы когда ни был, занес такое поле, или такую земельную площадь в цензорские списки, или чтобы такое поле или такая земельная площадь оказалась на ином положении, чем на каком она находится теперь, из настоящего закона не следует¹³.

Какое поле или какая общественная земля римского народа, которая имелась в Италии в консульство Публия Муция и Люция Кальпурния, не считая той земли, которая по закону или по постановлению народа, проведенному народным трибуном Гаем Семпронием, сыном Тиберия, была исключена из раздела, ... и не включая того поля, которое прежний владелец на основании закона или постановления народа себе взял и за собой оставил, если оно не превышает меры¹⁴ того, сколько земли разрешено было одному человеку себе взять и за собой оставить, если кто тогда, когда будет применяться этот закон, будет обладать и владеть для обработки земли из этого поля не более 30 югеров пашни, то пусть это поле будет его частным владением.

Перев. и примеч. В. С. Соколова.

¹ Это соответствует латинскому *ager publicus* и *ager Romanus*.

² Публий Муций и Люций Кальпурний были консулами в 133 г. до н.э.

³ Это соответствует латинскому термину *плебисцит*.

⁴ В латинском тексте это выражено сложнее; буквально была изъята и в отношении которой было предусмотрено, чтобы она не поступала в раздел.

⁵ Латинский термин — *possessor*.

⁶ Имеется в виду норма в 500 югеров для отца и по 250 югеров для его сыновей, числом не более двух; следовательно, максимально 1000 югеров.

⁷ Имеются в виду, вероятно, римские граждане, тянувшие жребий для получения земельного надела и поселения в какой-нибудь колонии.

⁸ В латинском тексте стоит слово: *rogabitur*, т. е. то же, что означает предложение закона на народном собрании, но форма будущего времени указывает понимание этого глагола в принятом нами значении.

⁹ Латинский термин *census*.

¹⁰ То-есть цензор.

¹¹ Имеются, повидимому, в виду держатели земель, прилегающих к дорогам в сельской местности, очень вероятно, что они несли за пользование землей повинности по исправлению дорог. Термин *viasii vicani* нигде больше не встречается.

¹² Повидимому, как это становится понятным из дальнейшего, подлинным обладателем такой земли считалось Римское государство.

¹³ В тексте закона даны сокращения слов: *ex h. l. p. g.*, что надо понимать так: *ex hac lege pop.*

¹⁴ Повидимому, имеются в виду те же нормы, что и выше, см. прим. 6.

№ 38. ПОЛОЖЕНИЕ ИТАЛИКОВ ВО II В. ДО Н. Э.

(Авл Геллий, *Аттические ночи*, X, 3)

Авл Геллий, римский историк и моралист, жил в середине II в. н. э. Получил юридическое образование, посетил Афины, где ознакомился с греческой наукой и философией. Его произведение «Аттические ночи» носит компилятивный характер. Из 20 книг до нас дошло 19. В его сочинении наряду с большим количеством материала по философии и морали имеются самые разнообразные сведения по римской истории.

«В одной из своих речей Гай Гракх рассказывал эпизод, рисующий отношение римских магистратов к почтенным людям из италийских муниципий. Вот подлинные слова Гракха: «Недавно в город сидицинов¹ Теан прибыл консул. Жена его заявила, что хочет мыться в мужских банях. Сидицинскому квестору, Марку Марию, дано было поручение выгнать из бань тех, кто там мылся. Жена докладывает мужу, что баню передали ей недостаточно скоро и недостаточно чистую. Поэтому на площади был поставлен кол и туда был приведен благороднейший человек из местных граждан, Марк Марий. С него совлекли платье, он был высечен розгами. Как только это услышали жители города Калы², они издали распоряжение, чтобы никто не смел мыться в бане, когда в городе находится римское должностное лицо. В Ферентине³ по той же причине наш претор приказал схватить квесторов: один бросился со стены, другой был схвачен и высечен розгами».

Равным образом в другом месте Гракх говорит так: «Я приведу вам один пример, чтобы показать, до какого своеволия и до какой несдержанности доходит наша молодежь. Всего несколько лет тому назад из Азии был послан в качестве посланника один молодой человек, который в то время не занимал еще

государственной должности. Его несли на носилках. Навстречу ему попался пастух из венузийских⁴ плебеев и, не зная, кого несут, спросил в шутку — что это — похороны. Лишь только тот услышал это, как велел опустить носилки и ремнями, которыми они были привязаны, стал бить пастуха до тех пор, пока тот не испустил дух».

Перев. из «Хрестоматии», т. II, под ред. В. В. Струве, 1936 г.

¹ Сидицины — население Сидицинской области в Кампании с главным городом Теан.

² Город Калы находится в северной Кампании.

³ Ферентин находится в центральной части Лация.

⁴ Венузия — город, расположенный в Южной Италии.

№ 39. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИВИЯ ДРУЗА

(Аппиан, Гражданские войны, I, 35—36)

После Флакка и Гракха трибун Ливий Друз¹, человек очень знатного происхождения, также обещал по просьбе италийцев снова внести законопроект о даровании им гражданских прав. Это было главное пожелание италийцев, так как они рассчитывали, что этим способом они тотчас же станут, вместо подвластных, полновластными. Ливий, подготавливая к этому народ, приманивал его на свою сторону тем, что организовал много колоний в Италии и Сицилии, выведение которых хотя и было решено с давних пор, однако не было приведено в исполнение. Сенат и всадников, враждовавших тогда между собою, в особенности из-за судов, Ливий пытался примирить законопроектом, одинаково приемлемым для тех и для других. Не имея возможности открыто вернуть судейские должности сенату, он придумал следующую уловку. Из-за происходивших тогда распрей число сенаторов едва доходило до трехсот. Ливий предложил прибавить к ним столько же сенаторов из числа всадников, руководствуясь знатностью происхождения, так, чтобы на будущее время суды состояли из совокупности всех этих 600 лиц. Ливий присоединил к своему законопроекту еще то, чтобы члены сената производили расследование по делам о взяточничестве, преступлении, по которому тогда почти совершенно неизвестно было привлечение к суду, настолько взяточничество вошло в обычай и было беспрепятственно распространено. Ливий в своем законопроекте имел в виду и сенаторов, и всадников, но сложилось обратное тому, на что он рассчитывал. Сенат был в высшей степени раздражен тем, что в его состав войдет такое большое число членов из всадников, которые таким образом достигнут высшего звания в государстве; при этом сенат не без основания предполагал, что всадники, сделавшись сенаторами, будут с еще большей силой заводить распри с прежними сенаторами. В свою очередь, всадники подозревали, как бы при таком угодничестве Ливия суды не перешли на будущее время от всадников в ве-

дение исключительно одного сената. Так как всадники хорошо нажились и пользовались большим влиянием, то они не без горького чувства выражали свое настроение. Многие из них к тому же и в своей среде были настроены подозрительно, должны были оказаться в затруднительном положении и относиться подозрительно друг к другу при мысли о том, кто же из их состава признан будет более достойным быть избранным в число трехсот. И зависть к более влиятельным из числа всадников овладела всеми прочими. Сверх всего этого они возбуждены были еще тем, что должны были снова всплыть обвинения во взяточничестве, которые как они до сих пор были уверены, были уничтожены с корнем и притом в их интересах.

Таким образом, в ненависти против Друза сошлись в своем настроении и всадники, и сенаторы, хотя и те и другие относились друг к другу враждебно; один лишь народ ликовав при мысли о выведении колоний. Но италийцы, ради которых Друз главным образом придумал все это, испугались закона о выведении колоний. Они боялись, как бы у них немедленно же не были отняты те общественные римские земли, которые не были еще поделены и которые одни из них возделывали, отчасти захватив их насильственным путем, отчасти скрытно; при этом италийцы сильно беспокоились и о своих собственных землях. Этруски и умбры², которые испытывали те же опасения, что и италийцы, и которые, как думали, были привлечены консулами в Рим под предлогом выступить с обвинениями против Друза, а на самом деле — с целью убить его, открыто поносили законопроект и поджидали только дня, когда он будет обсуждаться. Друз, обратив внимание на создавшееся напряженное положение, изредка выходил из дома, но все время занимался у себя, в слабо освещенном портике. Когда он однажды к вечеру отпускал от себя толпу народа, он внезапно вскрикнул: «я ранен» — и с этими словами упал. Он был найден пронзенным в бедро сапожным ножом.

Перев. С. А. Жебелева.

¹ Ливий Друз Младший был избран народным трибуном на 91 г. до н. э. Боролся за предоставление прав римского гражданства италикам и за выведение колоний, предполагал расширить сенат за счет введения 300 новых членов из всадников, ввести в продажу удешевленный хлеб и др.

² Этруски и умбры — жители Этрурии и Умбрии — областей, находящихся в Средней Италии.

№ 40. СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

(Аппиан, Гражданские войны, I, 38)

Так как преследования аристократии все более и более росли, народ стал выражать неудовольствие, что ему приходится лишаться сразу стольких лиц, так много потрудившихся на пользу государства. Да и италийцы при вести о печальном конце Друза, о тех поводах, по которым упомянутые выше лица под-

верглись изгнанию, не считали возможным допустить, чтобы с людьми, действовавшими в их интересах, так поступали. Не усматривая далее никакого средства осуществить свои надежды на получение гражданских прав, италийцы решили открыто отложиться от римлян и повести против них вооруженную войну. Путем тайных переговоров между собою они условились об этом и для скрепления взаимной верности обменялись заложниками. В течение долгого времени римляне не знали о происходящем, так как в городе происходили судебные разбирательства и междоусобные распри. Но когда римлянам все это стало известно, они начали рассылать по италийским городам людей из своей среды, наиболее подходящих, с целью незаметно осведомиться, что такое происходит. Один из них, увидев, как одного мальчика ведут в качестве заложника из Аскула¹ в другой город, донес об этом управляющему этими местами проконсулу Сервилию; повидимому, в то время и в некоторых местах Италии управляли проконсулы — эту магистратуру много времени спустя снова вызвал к жизни римский император Адриан, но она удержалась лишь короткое время после него. Сервилий со слишком большой горячностью бросился на Аскул в то время, когда жители его справляли праздник, жестоко пригрозил им и был убит, так как они убедились, что замыслы их уже открыты. Вместе с Сервилием был убит и Фонтей, его легат — так называют римляне тех должностных лиц из числа сенаторов, которые следуют в качестве помощников заправителями провинций.

После того как убиты были Сервилий и Фонтей, и остальным римлянам в Аскуле не было уже никакой пощады: на всех римлян, какие находились в Аскуле, жители его напали, перебили, а имущество их разграбили.

Лишь только разнеслась весть о восстании в Аскуле, все соседние народы стали открыто готовиться к войне: марсы, пелигны, вестины, марруцины, вслед за ними пицентины, френтаны, гирпины, помпеяны, винузины, япиги, луканы, самниты². Все эти племена были настроены враждебно против римлян и раньше — вообще все племена, обитавшие от реки Лириса, называемой теперь, кажется, Литерном, вплоть до углубления, образуемого Ионийским заливом, по сухому и по морскому пути. Они отправили в Рим послов с жалобой на то, что они, хотя и содействовали во всем римлянам в укреплении их власти, за оказанную помощь не удостоены прав римского гражданства. Сенат дал им очень решительный ответ: если раскаиваются во всем происшедшем, пусть отправят посольство к сенату — это неременное условие. Теперь у италийцев исчезла всякая надежда, и они стали готовиться к войне. Их общая армия, помимо войск, расквартированных по городам, состояла приблизительно из 100 000. Римляне послали против них такие же военные силы, состоявшие частью из римлян, частью из оставшихся им верными союзников из числа италийских племен.

Римскою армией командовали консулы Секст Юлий Цезарь и Публий Рутилий Луп. Они оба отправились в путь, как на большую междоусобную войну. Остальные магистраты занимали ворота и укрепления Рима — ведь ему грозила опасность, или, по крайней мере, она была очень близка. Принимая в соображение, что война предстоит сложная, что она будет вестись во многих местах, римляне послали к ним вместе с консулами наилучших в то время легатов: к Рутилию — Гнея Помпея, отца так называемого Великого Помпея, Квинта Цециона, Гая Перпенну, Гая Мария и Валерия Массалу; к Сексту Цезарю — Публия Лентула, брата Цезаря, Тита Дидия, Лициния Красса, Корнелия Суллу, Марцелла. Все эти лица, поделив между собою театр военных действий, служили под командою консулов, которые наблюдали за их действиями. Самим консулам римляне постоянно посылали еще других лиц — такую важную представлялась им эта война.

У италийцев были свои предводители в каждом из городов, но сверх того были и общие предводители с неограниченною властью над всем союзным войском: Тит Лафрений, Гай Понтий, Марий Эгнатий, Квинт Помпедий, Гай Пиций, Марк Лампоний, Гай Видаций, Герий Азинний, Веттий Скатор. Они поделили между собою армию на равные части и действовали против римских командиров. Много успехов они одержали, но потерпели и много неудач.

Когда о событиях, происходивших в Италии, у Ионийского моря, стало известно обитателям по другую сторону Рима, это побудило к отпадению от римлян этрусков, умбров и некоторых других соседивших с ними племен. Сенат в страхе, как бы не оказаться в беззащитном положении в том случае, если война возгорится вокруг Рима, охранял при помощи вольноотпущенников морскую линию от Кум до Рима — тогда впервые вольноотпущенники, из-за недостатка в живой силе, зачислены были в ополчение. Вместе с тем сенат решил дать права римского гражданства тем италийцам, которые оставались верными союзу с Римом, к чему главным образом и стремились все италийцы. Это решение сената было распространено по Этрурии, и ее жители с радостью принимали это допущение их к римскому гражданству. Благодаря этой милости сенат сделал благорасположенных к Риму союзников еще более благорасположенными, укрепил в верности союзу колеблющихся, сделал более податливыми противников, вселив в них некоторую надежду добиться того же равноправия. Всех этих новых граждан сенат не зачислял в бывшие тогда в Риме 35 триб с тою целью, чтобы новые граждане, став более многочисленными по сравнению со старыми, не имели перевеса при голосовании, но установил для них новые десять триб, в которых они и голосовали последними. И зачастую голоса их не приносили пользы, так как 35 триб голосовали первыми, а число голосов их превышало половину.

Сначала на это не было обращено новыми гражданами внимания, или итальянцы довольны были вообще новым своим положением, но впоследствии, когда поняли, в чем дело, это послужило толчком к новой распри.

Таковы были главные события в Италии во время Союзнической войны. Они привели к тому, что все итальянцы получили равноправие с римскими гражданами. Лишь Лукания и Самний не получили его тогда. Но, кажется, и они позже добились того, чего желали. Все новые граждане, впрочем, подобно предыдущим, зачислены были в десять новых триб с тою целью, чтобы они не смешались с гражданами, находившимися в старых трибах, и при голосовании не получили перевеса вследствие своего многолюдства.

Перев. С. А. Жебелева.

¹ *Аскул* — итальянский город, расположен в области Пицене.

² Идет перечисление различных итальянских племен, участвовавших в Союзнической войне.

№ 41. СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

(Флор, III, 18)

Люций Анней Флор — римский историк времен Траяна и Адриана. В его «Римской истории» дается краткий очерк событий от основания Рима до эпохи Августа.

Этот труд имеет много погрешностей как хронологических, так и фактических, изложение носит тенденциозный характер, поэтому к сведениям Флора надо относиться критически.

Пусть эту войну мы называем Союзнической¹, чтобы смягчить ее ожесточенность, если же мы хотим правильного ее обозначения, то это была гражданская война. В самом деле, когда римский народ присоединил к себе этрусков, латинян и сабинян и повел от всех единую кровь [в потомстве], то он как бы сложил тело из отдельных членов и привел всех к единству, и не менее бесчестно было союзникам воевать друг с другом в пределах Италии, нежели гражданам в пределах одного города. Таким образом, когда союзники вполне справедливо потребовали участия в правах того государства, которое они укрепили и увеличили своими собственными силами, а Друз², стремясь к господству, укрепил в них надежду на это, то после того как он сам погиб от преступной руки в своем собственном доме, тот же факел, который предал его тело сожжению, воспламенил союзников на то, чтобы взяться за оружие и пойти на завоевание столицы. Что может быть печальнее этого побоища, какое может быть еще большее бедствие? После того как весь Лаций и Пицен, вся Этрурия и Кампания и, наконец, Италия поднялись против своей матери, против отечественного своего города, когда весь цвет храбрейших и вернейших союзников увидал каждый под своими знаменами чудовищные силы муниципиев:

Помпедий — марсов, Афраний — латинян, Плотий — умбров, Эгнаций — этрусков, Телезин — Самний и Луканию, когда народ, бывший вершителем судеб царей и племен, оказался не в состоянии управлять самим собой, и победитель Азии и Европы — город Рим — оказался под угрозой со стороны Корфиния³.

Первый совет войны происходил на Албанской горе⁴, на нем решено было, чтобы в латинский праздник на алтаре были закланы в качестве жертвы консулы, Юлий Цезарь и Марций Филипп, но после того как это было признано в силу предательства безбожным, все их неистовство вылилось в Аскуле⁵, где перед многочисленной толпой на праздничных играх были умерщвлены присутствующие там послы из Рима. Это была священная клятва в безбожной войне. После этого уже повсюду, во всех частях Италии, где появлялся главный вождь и зачинщик войны Помпедий⁶, у народов и по городам раздавались различные призывы. Ни при Ганнибале, ни при Пирре не было такого опустошения. Вот совершенно разоренными огнем и мечом оказались Окрикул, Грумент, Фэзулы, Карсеолы, Азерния, Нуцерия, Пицентия. Рассеяны войска Рутилия, войска Цепиона. Ведь и сам Юлий Цезарь⁷ потерял войско, и когда его окровавленного несли в город, в жалкой процессии, умер по дороге. Но велико счастье римского народа, и в беде всегда еще больше. Он поднялся наконец всеми своими силами, набросившись на отдельные народы: Катон разбил этрусков, Габиний — марсов, Карбон — луканов, Сулла — самнитов. Помпей Страбон, разорявший все пламенем и оружием, положил предел избиению, лишь после того как разгромом Аскула умиротворил богов-манов стольких войск, консулов и разрушенных городов.

Перев. В. С. Соколова.

¹ *Союзническая война* (90—88 гг. до н. э.) — война итальянских племен с Римом за получение прав гражданства.

² О Ливии Друзе см. прим. № 1 на стр. 107.

³ *Корфиний* — город, где были сконцентрированы основные силы восстания. Там заседал сенат из 500 человек, который был избран италиками.

⁴ Албанская гора находится в области Лация.

⁵ *Аскул* — см. прим. № 1 на стр. 110.

⁶ *Квинт Помпедий Силон* происходил из племени марсов. Погиб в борьбе союзников с римлянами в 88 г. до н. э.

⁷ *Люций Юлий Цезарь* — консул 90 г. до н. э., командовавший римскими войсками. Потерпел ряд серьезных поражений от союзных войск в Кампании.

№ 42. БОРЬБА МАРИАНСКОЙ И СУЛЛАНСКОЙ ПАРТИЙ

(Аппиан, I, 55—60)

Все убийства и гражданские волнения оставались пока делом отдельных партий. Но затем руководители партий боролись уже

друг против друга как на войне, при помощи больших армий, причем сама родина служила им как бы призом. Начало и повод к этому тотчас же вслед за Союзнической войной¹ дали такие обстоятельства.

Когда Митридат, царь Понта и других племен, вторгся в Вифинию, Фригию и в соседние с ними части Малой Азии, как у меня рассказано об этом в предшествующей книге, Сулла², бывший тогда консулом, получил по жребию командование в эту войну над малоазийской армией. Он находился еще в Риме. Марий³, считая предстоящую войну легкой и прибыльной и желая получить командование, склонил на свою сторону многими обещаниями трибуна Публия Сульпиция помочь ему. Вместе с тем Марий обнадежил новых граждан из числа италийцев, составляющих при голосовании меньшинство, что он распределит их по всем трибам. При этом Марий ничего не говорил им еще наперед о той помощи, которую он рассчитывал получить от них для себя, но, разумеется, хотел воспользоваться ими, как готовыми на все прислужниками. Сообразуясь со всем этим, Сульпиций тотчас же внес законопроект⁴. Если бы он был утвержден, осуществилось бы все, чего желали Марий и Сульпиций, так как новые граждане давали значительный перевес в сравнении со старыми. Последние это понимали и оказывали энергичное сопротивление новым гражданам. С той и с другой стороны были пущены в ход дубины и камни. Беда росла. Консулы боялись приближающегося дня, назначенного для обсуждения законопроекта, и объявили многие дни nepřисутственными в течение зимнего срока, как это бывало во время праздников. Этой мерой консулы рассчитывали отсрочить голосование законопроекта и ожидаемого в связи с ним бедствия.

Сульпиций, однако, не дождавшись окончания nepřисутственных дней, приказал своей партии явиться на форум со спрятанными кинжалами и пустить их в дело, когда придет надобность, причем, если будет нужно, не давать пощады и консулам. Когда все было готово, Сульпиций заявил протест против объявления nepřисутственных дней, как противозаконного, и требовал, чтобы консулы Корнелий Сулла и Квинт Помпей немедленно отменили их и чтобы обсуждение законопроекта поставлено было в порядок дня. Поднялся шум. Приготовленные Сульпицием люди обнажили кинжалы и стали грозить убить сопротивлявшихся консулов, пока Помпею не удалось тайно убежать, а Сулла ушел, как бы собираясь обсудить создавшееся положение. В это время сторонники Сульпиция убили сына Помпея, приходившегося свойственником Суллы, за то, что он в своей речи говорил слишком свободно. Сулла вернулся и отменил nepřисутственные дни. Сам он спешил в Капую к стоявшему там войску, чтобы оттуда переправиться в Малую Азию на войну против Митридата. Он тогда не подозревал, что против него велись интриги. Сульпиций же, после того как nepřисутственные

дни были отменены и Сулла уехал из Рима, провел утверждение законопроекта и то, ради чего все это было устроено: немедленно же вместо Суллы полководцем в войне против Митридата был избран Марий.

Когда об этом узнал Сулла, он счел необходимым решить дело вооруженной силой. Он созвал собрание своего войска, которое также стремилось в поход против Митридата, смотря на поход, как на выгодное предприятие, и думая, что теперь Марий наберет вместо них другое войско. На собрании Сулла говорил о наглом в отношении его поступке Сульпиция и Мария, не распространяясь ясно о всем прочем: он не решался еще говорить о предстоящей войне против них, а убеждал лишь войско быть готовым к исполнению его приказаний. Воины понимали, что у Суллы было на уме, и, боясь за самих себя, как бы им не пришлось потерять поход, сами открыли намерения Суллы и требовали от него вести их смело на Рим. Обрадованный Сулла тотчас же двинул в поход шесть легионов⁵. Командиры войска, за исключением лишь одного квестора, не соглашались вести войско против своей родины, убежали в Рим.

На пути Суллу встретили послы оттуда и спросили его: почему он с вооруженной силой идет на родину? Сулла отвечал им: освободить ее от тиранов. То же самое он дважды и трижды повторил другим послам, явившимся к нему, прибавив все-таки, что если они хотят, то пусть соберут на Марсово поле⁶ сенат вместе с Марием и Сульпицием, и он тогда поступит согласно вынесенному решению. Когда Сулла приближался уже к Риму, явился его товарищ по консульству Помпей, одобрил его поступок, выражая свое удовольствие всем происходящим и предоставляя себя всецело в его распоряжение. Марий и Сульпиций, которым нужен был еще некоторый срок для подготовки к борьбе, послали новых послов к Сулле, как бы по поручению сената. Послы просили Суллу не располагаться лагерем ближе 40 стадий от Рима, пока сенат не обсудит создавшегося положения. Сулла и Помпей, хорошо поняв намерения Мария и Сульпиция, обещали так поступить, но лишь только послы удалились, последовали за ними.

Сулла занял с одним легионом Эсквилинские ворота и укрепления, расположенные около них; с другим легионом Помпей занял Коэлийские ворота. Третий легион направился к деревянному мосту, четвертый оставался перед укреплениями в качестве резерва. С остальными двумя легионами Сулла вошел в город как враг и в мыслях, и на деле. Поэтому окрестные жители, защищаясь от него, бросали на него сверху что попало и делали это до тех пор, пока он не пригрозил им спалить их дома. Тогда они остановились. Марий и Сульпиций встретили Суллу у Эсквилинского форума с теми силами, какие успели вооружить. И тут произошла встреча врагов, в первый раз в Риме, уже не в виде междоусобной распри, но по-настоящему, под зву-

ки труб, в предшествии знамен, по военному обычаю. До такого бедствия довели междоусобные распри, на которые своевременно не было обращено внимания. Когда воины Суллы готовы были обратиться в бегство, он схватил знамя, бросился вперед в бой. Из почтения перед вождем, из страха перед позором потерять знамя воины тотчас же остановились в своем бегстве. Сулла вызвал свежие силы из состава войска, послал других по так называемой Субурской дороге в обход врага, где они должны были ударить в тыл врага и окружить его. Отряд Мария плохо сражался с напавшими на него свежими войсками, боясь быть окруженным шедшими в обход его. Стали созывать на бой всех прочих граждан, остававшихся еще в домах, обещали свободу рабам, если они примут участие в бою. Когда ни один человек к ним не явился, они все в отчаянии тотчас же убежали из города и вместе с ними же из числа знати те, которые действовали заодно с ними.

Сулла повернул затем на так называемую Священную дорогу. Там он тотчас же приказал подвергнуть наказанию на виду у всех некоторых из числа своих воинов, которые попутно занимались мародерством. После этого Сулла поставил во всех частях Рима караулы, обходил их в течение всей ночи сам вместе с Помпеем с тою целью, чтобы не произошло какого-либо насилия ни со стороны напуганных граждан, ни со стороны победителей. При наступлении дня Сулла и Помпей созвали народное собрание и в нем печаловались на то, что государство с давнего времени находится в руках лиц, гонящихся за приобретением расположения народа, и что они вынуждены были предпринять все происшедшее. Сулла и Помпей внесли вместе с тем предложение не представлять в народное собрание ничего, что предварительно не было бы подвергнуто обсуждению в сенате, как это принято было с давних пор, но давно уже нарушалось; голосование должно происходить не по трибам, но как это установил царь Тулл Гостилий⁷, по центуриям. Этими двумя мерами Сулла и Помпей рассчитывали устроить так, чтобы ни один законопроект не вносился в народное собрание, прежде чем он не будет обсужден в сенате, чтобы голосование было не в руках немущих и самых смелых, но в руках лиц, обладающих достатком и здравым смыслом. Этим надеялись пресечь в дальнейшем поводы к междоусобным распрям. Лишив трибунов, власть которых приняла по преимуществу тиранический характер, многих прерогатив их власти, Сулла и Помпей зачислили в сенат, бывший тогда очень малолюдным и к тому же не пользовавшийся никаким влиянием, сразу 300 наиболее знатных людей. Все распоряжения Суллы, изданные консулами за время после объявления неприсутственных дней, были отменены, как незаконные.

Таким образом междоусобные распри переходили из споров и борьбы на почве честолюбия в убийства, а из убийств в открытые войны, и гражданское ополчение тогда впервые вступило в

родную землю, как во вражескую страну. С тех пор междоусобные распри, которые решались с применением военной силы, не прекращались, происходили постоянные вторжения в Рим, бои около укреплений и все прочее, что полагается во время войн, так как среди действовавших насилием пропало всякое уважение к закону, государству, родине.

Перев. С. А. Жебелева.

¹ *Союзническая война* — см. прим. № 1 на стр. 111.

² *Люций Корнелий Сулла* — консул 88 г., вождь аристократической партии (оптиматов), в 87 г. был объявлен вне закона. С 82 по 79 г. был диктатором.

³ *Гай Марий* принадлежал к партии популяров, семь раз исполнял должность консула. Сражался с Югуртой, кимбрами и тевтонами, участвовал в Союзнической войне. Был инициатором военной реформы римской армии.

⁴ Законопроект Сульпиция Руфа содержал следующие вопросы: во-первых, исключались из сената все имеющие больше чем 2 тысячи денариев долга; во-вторых, Гай Марий получал командование римской армией вместо Суллы в борьбе против Митридата; в-третьих, италики, получившие права гражданства в результате Союзнической войны, приписывались к каждой из 35 триб.

⁵ *Легион* — единица римского войска (около 5—6 тысяч человек) состоял из 10 когорт, 30 манипул, 60 центурий.

⁶ *Марсово поле* — место собраний центуриатных комиций (находилось на берегу реки Тибра).

⁷ *Тулл Гостилий* — третий по счету царь царского периода города Рима, по традиции правил после Ромула и Нумы Помпилия.

№ 43. ВРАЖДА МАРИЯ И СУЛЛЫ

(Плутарх, Сулла, 7—10, 31—35)

Считая в своих мечтах о будущем консульскую власть чем-то ничтожным, Сулла обратил все помыслы на войну с Митридатом. Его соперником выступил Марий¹. Этому человеку, немощному телом, оказались вследствие старости не по плечу военные действия внутри самой страны, но им владела нестареющая страсть — безумная жажда почестей и славы, и он рвался из пределов отечества в заморскую войну. В то время как Сулла находился при войске и заканчивал там свои дела, Марий безвыездно пребывал в Риме и занимался подготовкой той самой губительной распри, которая одна принесла Риму больше вреда, чем все его враги вместе взятые...

Марий, между тем, привлек к себе трибуна Сульпиция². Человек этот не имел себе равного в самых ужасных злодеяниях, так что приходилось спрашивать не о том, кого другого он превосходит своей низостью, а разве лишь о том, в какого рода низостях он превосходит самого себя. Он был до такой степени беззастенчив в своей грубой наглости и так падок на всякого рода постыдные и грязные дела, что, продавая право римского гражданства вольноотпущенникам и иностранцам, открыто подсчитывал свою выручку на столе посреди форума. Он содержал

три тысячи человек, вооруженных кинжалами, и окружил себя толпой готовых на все юношей из сословия всадников, которых называл противосенатом. Он провел закон, запрещающий сенаторам брать взаймы свыше двух тысяч драхм, а сам оставил после себя три миллиона драхм долгу. Этот человек, посланный Марием в народ, насилием и железом привел в замешательство все государственные дела. Он издал целый ряд дурных законов, в том числе — закон о предоставлении Марию верховного командования в войне против Митридата. Вследствие этого консулы положили прервать деятельность судебных учреждений. Тогда Сульпиций во главе толпы напал на них в то время, как они вели собрание у храма Диоскуров³. При этом многие были убиты, в том числе — на форуме — подросток, сын консула Помпея. Самому Помпею удалось скрыться и бежать. Сулла погону загнала в дом Мария, и здесь он был вынужден отменить запрет деятельности судебных учреждений. Ввиду этого Сульпиций, лишив Помпея консульской власти, оставил ее за Суллой и ограничился тем, что передал Марию войну с Митридатом. В Нолу⁴ были немедленно посланы военные трибуны, чтобы принять войско и привести его к Марию.

Сулле, однако, удалось предупредить их и бежать в свой лагерь. Его воины, узнав о случившемся, побили камнями военных трибунов. В Риме, в свою очередь, сторонники Мария избивали друзей Суллы и грабили их имущество. Началось всеобщее смятение: одни бежали в город из лагеря, другие из города перебирались в лагерь. Сенат больше не принадлежал самому себе, всецело повинаясь приказаниям Мария и Сульпиция. Когда [Марий] узнал, что Сулла идет в Рим, он выслал двух преторов, Брута и Сервилия, чтобы запретить ему дальнейшее движение вперед. За их попытку надменно говорить с Суллой солдаты едва не убили их, переломали их фасции, сорвали с них окаймленные пурпуром тоги, а самих с великим позором отослали обратно. Когда в Риме увидели, что они лишены знаков преторского достоинства и несут весть не о прекращении бунта, а о том, что положение непоправимо, это вызвало страшный упадок духа. Сторонники Мария готовились изо всех сил. Сулла во главе шести полных легионов вместе со своим товарищем по должности двигался от Нолы. Он видел, что войско его горит желанием немедленно идти на Рим, но колебался в душе, боясь опасности. У Пикции⁵ его встретило посольство с просьбой не делать на город внезапного нападения, так как сенат в своих постановлениях пойдет навстречу всем его справедливым требованиям. Сулла изъявил свое согласие остановиться лагерем в этом самом месте и даже приказал начальникам размерить площадь для лагеря, как это принято было делать. Послы поверили ему и удалились. Но как только они ушли, Сулла тотчас же выслал вперед Люция Баилла и Гая Муммия и захватил с их помощью городские ворота и стены, что у холма Эсквилина.

Между тем Марий, отброшенный к храму Земли, стал призывать к оружию рабов, суля им через глашатая свободу. Но вражеский натиск сломил его силы, и он бежал из города.

Тут Сулла собирает сенат и осуждает на смерть самого Мария и с ним некоторых других, в том числе Сульпиция, народного трибуна. Сульпиций был убит, так как его выдал раб. Последнему Сулла дал свободу, а затем велел сбросить его с Тарпейской скалы⁶. Что же касается Мария, то за его голову Сулла назначил денежную награду... Поступки Суллы возбуждали в сенате открытое негодование. Народ же явно показал ему свою неприязнь и свел с ним счеты на деле. Когда Ноний, племянник Суллы, и Сервий стали добиваться магистратур, то их позорно отвергли на выборах⁷, вместо них были избраны другие лица, и именно такие, избранием которых народ рассчитывал особенно уязвить Суллу... Чтобы смягчить общественную ненависть, Сулла провел в консулы человека враждебной партии, Люция Корнелия Цинну, предварительно же привлек Цинну на свою сторону и связал клятвами и страхом проклятий. ...Не успел [Цинна] получить власть, как тотчас же принялся расшатывать существующий порядок. Он подготовил все, чтобы возбудить против Суллы судебное преследование, и выставил в качестве обвинителя Виргиния, одного из народных трибунов. Но Сулла оставил без внимания и обвинителя, и суд и поспешил в поход против Митридата.

...Положив начало резне, Сулла не прекращал ее и наполнял город убийствами без счета и конца. Многие пали вследствие личной вражды, без всякого столкновения с самим Суллой; угождая своим приверженцам, он выдавал людей им на расправу... Немедленно после этого Сулла составил проскрипционный список⁸ в восемьдесят человек, не посоветовавшись ни с кем из магистратов. Последовал взрыв всеобщего негодования, а через день Сулла объявил новый список в двести двадцать человек, затем третий — не меньший.

После этого он обратился с речью к народу и сказал, что в списки он внес только тех, кого припомнил, а если кто-нибудь ускользнул от его внимания, то он составит еще другие такие списки. И он помещал в списки всякого, кто принял и укрыл в своем доме кого-либо из жертв, карая смертью человеколюбие и не щадя ни брата, ни сына, ни родителей, а всякому убившему опального он назначал в награду два таланта⁹, платя за убийство, хотя бы раб убил своего господина или сын отца. Но самой вопиющей несправедливостью являлось то, что он лишал гражданской чести сыновей и внуков опальных и подвергал конфискации их имущество. Проскрипции свирепствовали не только в Риме, но и по всем городам Италии. От убийств не защищали ни храмы богов, ни очаг гостеприимства, ни отчий дом; мужья гибли в объятиях супруг, сыновья — в объятиях матерей. При этом павшие жертвой гнева и вражды были лишь каплей в море

среди тех, кого казнили ради их богатства. Палачи имели повод говорить, что такого-то сгубил его огромный дом, этого — сад, иного — теплые купанья. Так, Квинт Аврелий, человек, далекий от политики, читал как-то, выйдя на форум, имена внесенных в списки в полной уверенности, что бедствие затрагивает его лишь в меру его сочувствия чужому горю. И вдруг он там находит собственное имя. «Ах, я несчастный, — воскликнул он, — меня преследует мое альбанское имение». И как только он немного отошел, его убил кто-то, погнавшийся за ним следом.

Между тем Марий, находясь под угрозой плена, лишил себя жизни. Сулла вошел в Пренесте и там сперва судил и наказывал каждого человека поодиночке, а затем, как бы по недостатку времени, собрал всех в одно место — их было двенадцать тысяч человек — и приказал перебить...

Но, кажется, всего невероятнее случай с Люцием Катилиной¹⁰. В то время когда исход войны был еще под сомнением, он убил своего брата, а теперь стал просить Суллу, чтобы тот внес покойника в проскрипционные списки как живого. Сулла так и сделал. В благодарность за это Катилина убил некоего Марка Мария¹¹, члена враждебной партии, и принес его голову Сулле, сидевшему на форуме, а затем подошел к находившейся вблизи кропильнице Аполлона и омыл себе руки.

Не говоря уже об убийствах, прочие мероприятия Суллы тоже заставляли общество страдать. Так, он провозгласил себя диктатором и таким образом возобновил магистратуру, которой не существовало в течение ста двадцати лет. Через народное собрание было проведено постановление, которое не только избавляло Суллу от ответственности за все содеянное им прежде, но и на будущее время предоставляло ему право казнить смертью, конфисковать имущество, основывать колонии, строить и разрушать города, давать и отнимать престолы. Как надменный деспот, распродал он конфискованные имения, восседая на своем кресле, и горше всяких грабежей были его раздачи. Он щедрой рукой дарил красивым женщинам, певцам, комедиантам и проходимцам-вольноотпущенникам земли с обширным населением, доходы с целых городов...

Триумф Суллы был отпразднован с крайней пышностью. Роскошна и редкостна была добыча, отнятая у царя¹², но лучшим украшением триумфа, картиной действительно прекрасной, были римские изгнанники¹³. Самые родовитые и богатейшие из граждан с венками на головах следовали за Суллой и называли его спасителем и отцом в благодарность за то, что он возвратил их на родину и вместе с ними их жен и детей. По окончании торжества Сулла произнес в народном собрании речь, в которой дал обзор своих деяний. Успехи, которыми он был обязан счастью, он перечислял не менее усердно, чем свои личные заслуги, и в заключение потребовал, чтобы за все это ему присвоили наименование «Счастливого» — таков, приблизительно, смысл слова

Felix. В своей личной переписке с греками и в деловых сношениях с ними Сулла именовал себя Эпафродитом¹⁴ и, в частности, трофеи, которые он воздвиг на нашей земле, носили такую надпись: Люций Корнелий Сулла Эпафродит. Когда Метелла родила ему двойню, то он назвал мальчика Фаустом, а девочку Фаустой. Слово «faustus» обозначает у римлян счастливое и веселое.

Вот еще пример того, насколько больше полагался Сулла на счастливый случай, чем на собственные действия: после того как он пролил столько крови и произвел в государстве такую коренную ломку, такой решительный переворот, он не задумался сложить с себя полномочия и предоставил народу полную возможность в комициях выбрать себе консула, а сам держался в стороне от комиций и прохаживался по форуму как частный человек, готовый дать отчет всякому желающему...

Перев. М. Н. Дювернуа.

¹ *Гай Марий* — см. прим. № 3 на стр. 115.

² *Сульпиций Руф* — см. прим. № 4 на стр. 115.

³ *Храм Диоскуров* (согласно мифу сыновей Юпитера — Поллукса и Кастора) был расположен на форуме.

⁴ *Нола* — город в Кампании, где в то время находились войска Суллы, предназначенные к походу против понтийского царя Митридата.

⁵ Местонахождение Пикцина неизвестно, данное название у других античных авторов не встречается.

⁶ *Тарпейская скала* — крутой юго-западный склон Капитолийского холма, с которого сбрасывали преступников, приговоренных к смертной казни.

⁷ Имеются в виду выборы консулов на 87 г. до н. э.

⁸ *Проскрипционные списки* — списки лиц, объявленных вне закона, которых любой человек мог подвергнуть смертной казни; имущество их конфисковалось и переходило в государственную казну.

⁹ *Талант* — см. прим. № 1 на стр. 49.

¹⁰ *Люций Сергей Катилина*, в дальнейшем известен, как организатор так называемого «заговора Катилины» (63—62 гг. до н. э.).

¹¹ *Марк Марий Гратидиан* — племянник и сторонник Гая Мария.

¹² Под «царем» здесь подразумевается Митридат Понтийский.

¹³ *Римские изгнанники* — имеются в виду сторонники партии оптиматов, изгнанные Марием и возвращенные Суллой.

¹⁴ *Эпафродит* — тот, кому покровительствует Афродита, богиня любви и красоты у древних греков.

№ 44. ДИКТАТУРА СУЛЛЫ

(Аппиан, Гражданские войны, I, 100)

Чтобы сохранить видимость исконного государственного строя, Сулла допустил и назначение консулов. Консулами стали Марк Туллий и Корнелий Долабелла. Сам Сулла, как обладающий царской властью, будучи диктатором, стоял выше консулов. Перед ним, как перед диктаторами, носили 24 секиры, столько же, сколько носимо было и пред прежними царями. Многочисленные телохранители окружали Суллу. Существующие законы он начал отменять и вместо них издавал другие. Так, например,

он воспретил занимать должность претора ранее отправления должности квестора и должность консула ранее отправления должности претора, он воспретил занимать вновь ту же самую должность до истечения 10 лет. Должности народных трибунов он почти совершенно уничтожил, лишив ее всякого значения и законом воспретив народному трибуну занимать какую-либо другую должность. Следствием этого было то, что все дорожившие своей репутацией или происхождением стали уклоняться в последующее время от должности трибуна. Впрочем, я не могу наверное сказать, был ли Сулла инициатором существующего теперь порядка, по которому назначение народных трибунов было перенесено из народного собрания в сенат. К числу членов сената, совершенно обезлюдевшего из-за междоусобных распрей и войн, Сулла прибавил до 300 новых членов из наиболее знатных всадников, причем голосование каждого из них поручено было трибам.

В состав народного собрания Сулла включил, даровав им свободу, свыше 10 000 наиболее молодых и крепких рабов, принадлежавших ранее убитым римлянам. Всех их Сулла объявил римскими гражданами, по своему имени назвав их корнелиями, чтобы тем самым иметь возможность пользоваться голосами 10 000 таких членов народного собрания, которые готовы были исполнять все его приказания. То же самое он намеревался сделать и в отношении италийцев: он наделил служивших в его армии солдат 23 легионов, как об этом сказано мною ранее, большим количеством земли в городах, частью еще не подвергшейся переделу, частью отнятой в виде штрафа у городов.

Перев. С. А. Жебелева.

№ 45. ВОССТАНИЕ СПАРТАКА

(А п л и а н, Гражданские войны, I, 116—120)

В это самое время в Италии среди гладиаторов¹, которые обучались в Капуе для театральных представлений, был фракиец Спартак. Он раньше воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы. Спартак уговорил около 70 человек своих товарищей пойти на риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью в театре. Напав на стражу, они вырвались на свободу и бежали из города. Вооружившись дубинами и кинжалами, отобранными у случайных путников, гладиаторы удалились на гору Везувий. Отсюда, приняв в состав шайки многих беглых рабов и кое-кого из сельских свободных рабочих, Спартак начал делать набеги на ближайшие окрестности. Помощниками у него были гладиаторы Эномай и Крикс. Так как Спартак делился добычей поровну со всеми, то скоро у него собралось множество народа. Сначала против него был послан Вариний Глабр, а затем Публий Валерий. Но так

как у него было войско, состоявшее не из граждан, а из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом, — римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим набегом, — то римские полководцы при встрече с рабами потерпели поражение. У Вариния даже коня отнял сам Спартак. До такой опасности дошел римский полководец, что чуть не попался в плен к гладиаторам. После этого к Спартаку сбежалось еще больше народа, и войско его достигло уже 70 000. Мятежники ковали оружие и собирали припасы. Римляне выслали против них консулов с двумя легионами. Одним из них около горы Гаргана был разбит Крикс, командовавший 30-тысячным отрядом. Сам Крикс и две трети его войска пали в битве. Спартак же быстро двигался через Апеннинские горы к Альпам, а оттуда к кельтам. Один из консулов опередил его и закрыл путь к отступлению, а другой догонял сзади. Тогда Спартак, напав на них поодиночке, разбил обоих. Консулы отступили в полном беспорядке, а Спартак, принеся в жертву духу Крикса 300 пленных римлян, с 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим. Он приказал сжечь весь лишний багаж, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке. Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал. В Пицене² консулы снова попытались оказать противодействие ему. Здесь произошло второе большое сражение, и снова римляне были разбиты. Но Спартак переменил решение идти на Рим. Он считал себя еще не равносильным римлянам, так как войско его далеко не все было в достаточной боевой готовности: ни один италийский город не примкнул к мятежникам; это были рабы, перебежчики и всякий сброд. Спартак занял горы вокруг Фурий и самый город. Он запретил купцам, торговавшим с его людьми, платить золотом и серебром, а своим — принимать их. Мятежники покупали только железо и медь за дорогую цену, и тех, которые приносили им эти металлы, не обижали. Приобретая таким путем нужный им материал, мятежники хорошо вооружались и часто выходили на грабеж. Сразившись снова с римлянами, они победили их и, нагруженные добычей, вернулись к себе.

Третий уже год длилась эта страшная война, над которой вначале смеялись и которую сперва презирали, как войну с гладиаторами. Когда в Риме были назначены выборы других командующих, страх удерживал всех, и никто не выставлял своей кандидатуры, пока Лициний Красс³, выдающийся среди римлян своим происхождением и богатством, не принял на себя командования. С шестью легионами он двинулся против Спартака. Прибыв на место, Красс присоединил к своей армии и два консульских легиона. Среди солдат этих последних, как потерпевших неоднократные поражения, он велел немедленно кинуть жребий и казнил десятую часть. Другие полагают, что дело было не так, но что после того как все легионы были соединены

вместе, армия потерпела поражение, и тогда Красс по жребию казнил каждого десятого из легиона, несколько не испугавшись числа казненных, которых оказалось около 4000. Но как бы там ни было, Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов. Очень скоро ему удалось одержать победу над 10 000 спартаковцев, почему-то стоявших лагерем отдельно от своих. Уничтожив две трети их, Красс смело двинулся против самого Спартака. Разбив и его, он чрезвычайно удачно преследовал мятежников, бежавших к лагерю, с целью переправиться в Сицилию. Настигнув их, Красс запер войско Спартака, отрезал его фронтом, стеною [валами] и палисадом. Когда Спартак был принужден попытаться пробить себе дорогу в Самний, Красс на заре уничтожил около 6000 человек неприятелей, а вечером еще приблизительно столько же, в то время как из римского войска было только трое убитых и семь раненых⁴. Такова была перемена, происшедшая в армии Красса благодаря введенной им дисциплине. Эта перемена вселила в нее смелость достигнуть победы. Спартак же, поджидая всадников, отовсюду прибывавших к нему, больше уже не шел в бой со всем своим войском, но часто беспокоил осаждавших мелкими стычками; он постоянно неожиданно нападал на них, набрасывал пучки хвороста в ров, зажигал их и таким путем делал осаду чрезвычайно трудной. Он приказал повесить пленного римлянина в промежуточной полосе между обоими войсками, показывая тем самым, что ожидает его войско в случае поражения. В Риме, узнав об осаде и считая позором, если война с гладиаторами затянется, выбрали вторым главнокомандующим Помпея⁵, только что вернувшегося тогда из Испании. Теперь-то римляне убедились, что восстание Спартака дело тягостное и серьезное. Узнав об этих выборах, Красс, опасаясь, что слава победы может достаться Помпею, старался всячески ускорить дело и стал нападать на Спартака. Последний, также желая предупредить прибытие Помпея, предложил Крассу вступить в переговоры. Когда тот с презрением отверг это предложение, Спартак решил пойти на риск и, так как у него уже было достаточно всадников, бросился со всем войском через окопы и бежал по направлению к Брундизию. Красс бросился за ним. Но когда Спартак узнал, что в Брундизии находится и Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом, он понял, что все погибло, и пошел на Красса с большой и тогда еще армией. Произошла грандиозная битва, чрезвычайно ожесточенная вследствие отчаяния, охватившего такое большое количество людей. Спартак был ранен в бедро дротиком: опустившись на колени и выставив вперед щит, отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное его войско было изрублено в полном беспорядке. Говорят, что число убитых и установить было нельзя. Римляни пало около 1000 человек. Тело Спартака не было найдено. Большое число спартаковцев укры-

лось в горах, куда они бежали после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались до тех пор, пока не погибли все, за исключением 6000, которые были схвачены и повешены вдоль всей дороги, ведущей из Капуи в Рим⁶.

Перев. С. А. Жебелева.

¹ *Гладиаторы* (от латинского слова *gladius* — меч) — чаще всего рабы или военнопленные, которые сражались на аренах цирка во время так называемых гладиаторских боев, устраиваемых для развлечения богатых.

² *Пицен* — область в Средней Италии, расположенная по побережью Адриатического моря.

³ *Марк Лициний Красс* — один из виднейших политических деятелей того времени, славился своим богатством. Исполнял должность консула в 70 г. и 55 г. до н. э., вошел в состав так называемого первого триумvirата. Погиб в 53 г. до н. э. в борьбе с парфянами.

⁴ Эти цифры, приводимые Аппианом, мало правдоподобны.

⁵ *Гней Помпей* — римский полководец, под командованием которого римские войска нанесли поражение Митридату Понтийскому. Три раза был консулом. Наряду с Крассом и Цезарем входил в состав первого триумvirата. Потерпел решительное поражение в битве с войсками Цезаря при Фарсале. Вскоре после этого был убит в Египте, куда бежал, спасаясь от преследования Цезаря.

⁶ Дорога, ведущая из Капуи в Рим, Аппиева дорога, см. прим. № 3 на стр. 54.

№ 46. ВОССТАНИЕ СПАРТАКА

(Плутарх, Красс, 8—11)

Восстание гладиаторов и опустошение Италии, называемые большинством писателей «Спартаковской войной», начались по следующей причине. У некоего Лентула Батиата была в Капуе школа гладиаторов, из которых большинство были галлы и фракийцы, заключенные в темницу для гладиаторских состязаний не вследствие каких-либо бесчестных поступков с их стороны, но вследствие несправедливости купившего их господина. Двести человек из них сговорились бежать, но так как о заговоре был сделан донос, — о чем они заблаговременно узнали, — то 78 гладиаторов, предупредив его, вырвались на волю, вооруженные взятыми на кухне ножами и вертелами. Случайно встретив на дороге несколько телег, везущих в другой город оружие для гладиаторов, они захватили его и вооружились. Заняв сильную позицию, гладиаторы выбрали себе троих вождей, из которых первым был Спартак, номад-фракиец, обладавший не только большой смелостью и физической силой, но умом и гуманностью. Этим он значительно превосходил других, будучи похожим скорее на эллина. Говорят, что когда Спартак был впервые приведен в Рим на продажу, ему приснился сон, будто змея обвивалась вокруг его лица. Жена Спартака, его соплеменница, пророчица, одержимая дионисовским вдохновением, предска-

зала, что это знак великого могущества, грозного для него по своему несчастному концу. Теперь она также была вместе с ним и вместе бежала.

Прежде всего гладиаторы бросились на пришедший из Капуи отряд и, захватив много оружия, с радостью переменяли на него свое прежнее вооружение, презирая его, как позорное и варварское вооружение гладиаторов. Претор Клодий, присланный из Рима с трехтысячным отрядом, осадил их на горе, имевшей только один крутой и узкий подъем, который он стал сторожить. Склоны горы были отвесные и гладкие. Наверху росло много дикого винограда. Гладиаторы срезали подходящие лозы и устроили из них крепкие и длинные лестницы. Спустив их вдоль крутизны так, что они достигали подошвы горы, гладиаторы все, кроме одного, благополучно сошли вниз. Оставшийся наверху, чтобы сторожить оружие, после того как все спустились, стал бросать вниз его и, побросав все, спустился сам. Римляне об этом ничего не знали. Поэтому, зайдя им в тыл, гладиаторы неожиданно ударили на них и, обратив в бегство, овладели лагерем. К ним присоединилось много местных пастухов, воинственных и быстроногих людей. Одних из них гладиаторы снабдили оружием, другими же пользовались в качестве разведчиков и легковооруженных. Вторым против гладиаторов был послан претор Публий Вариний. Гладиаторы сначала вступили в бой с одним из его помощников Фурием, командовавшим отрядом в 2000 человек, и обратили его в бегство. Затем Спартак подстерег советника Публия и сотоварища его по должности, Коссиния, посланного с большими силами, и едва не взял его в плен в то время, как он купался около Салин. Когда Коссинию с трудом удалось бежать, Спартак немедленно завладел его обозом и, преследуя его по пятам, после ожесточенной резни захватил лагерь. Пал и сам Коссиний. Претора же Спартак разбил во многих сражениях и в конце концов захватил его ликторов и коня. Спартак был теперь велик и грозен. Он составил себе вполне разумный план действий. Не надеясь сломить окончательно могущество римлян, он повел свое войско к Альпам, полагая, что нужно перевалить их и отправиться на родину, одним — во Фракию, другим — в Галлию. Но рабы, будучи сильны своей численностью и возгордившись своими успехами, не слушались Спартака и, двигаясь по Италии, занимались ее опустошением. Теперь же не только недостойный позор рабского восстания тревожил римский сенат. Он боялся Спартака и, сознавая опасность положения, отправил против него обоих консулов, как если бы дело шло об одной из самых трудных и больших войн. Один из консулов, Геллий, уничтожил внезапным нападением всю германскую часть восставших, отличавшуюся от остальных спартаковцев своеволием и гордостью. Когда Лентул окружил Спартака большим количеством войск, последний, ударив всеми силами в одно место,

разбил легатов Лентула и захватил весь его обоз. Наместник Цизальпинской Галлии Кассий с десяти тысячной армией пошел навстречу Спартаку, бросившемуся к Альпам. В завязавшейся битве Кассий потерпел поражение и, потеряв много людей, едва спасся сам.

Узнав об этом, раздраженный сенат приказал консулам прекратить военные действия и выбрал главнокомандующим Красса¹. Многие из знати отправились вместе с ним в поход благодаря его известности и по дружбе с ним. Красс остановился у границ Пицена², чтобы встретить двинувшегося туда Спартака, а своего легата Муммия послал с двумя легионами в обход, приказав ему следовать за врагами, но не вступать с ними в соприкосновение и не завязывать сражения. Однако лишь только у легата появилась надежда разбить неприятеля, он дал сражение и был разбит. Многие пали, многие, побросав оружие, спаслись бегством. Красс сурово встретил Муммия, а от солдат, снова раздавая им оружие, потребовал поручителей в том, что они будут его беречь. Пятьсот же солдат, бежавших первыми и таким образом подавших повод к бегству, он разделил на пятьдесят десятков и из каждого десятка казнил одного по жребию, применив, впервые после длинного промежутка времени, это старинное наказание. С подобного рода смертью соединен особый позор, так как во время наказания совершается на глазах у всех много ужасных и мрачных обрядов. Переломив таким образом настроение солдат, Красс повел их против врага. А Спартак мало-помалу уходил через Луканию к морю. Встретив в проливе киликийские пиратские суда³, он решил отправиться в Сицилию и, перебросив на остров 2000 человек, возобновить сицилийскую невольничью войну, только недавно погасшую и требовавшую немного горючего материала, чтобы снова вспыхнуть. Киликийцы сговорились со Спартаксом, но, взяв подарки, обманули его и уплыли. Тогда он снова повернул от моря, расположил войско на Регийском полуострове. Красс, подойдя сюда и видя, что сама природа места указывает, что нужно делать, постарался укрепить стеною перешеек, чтобы одновременно и дать занятие своему войску, и лишить врага подвоза провианта. Это было большое и трудное дело, которое Красс окончил, против ожидания, в короткое время. Он провел от моря до моря через перешеек ров на триста стадий, шириной и глубиной одинаково в 15 футов и над рвом возвел стену большой высоты и прочности. Сначала Спартак не обращал внимания на эти работы, относясь к ним с презрением. Когда же, чувствуя недостаток в провианте, он пожелал идти вперед, то увидел себя окруженным стеною и лишенным возможности получить что-либо с перешейка. Дождавшись снежной и бурной ночи, Спартак приказал засыпать небольшую часть рва землей, деревьями и сучьями и перевел через него третью часть своего войска.

Красс испугался, как бы Спартак не двинулся на Рим, но успокоился, когда много мятежников отделилось от него из-за раздоров и самостоятельно расположилось лагерем вблизи Луканского озера. Говорят, что воды этого озера время от времени меняются, становясь то пресными, то опять солеными и негодными для питья. Подойдя к отделившейся части, Красс отнесил ее от озера, но ему не удалось разбить мятежников и обратить их в бегство, так как быстро явившийся Спартак остановил панику. Красс, сначала было написавший сенату, что необходимо вызвать Лукулла из Фракии и Помпея из Испании, теперь изменил свое намерение и торопился окончить войну прежде, чем те подойдут. Он знал, что когда они присоединятся к нему на помощь, весь успех будет приписан не ему, а им. Решив сначала напасть на отделившихся и ведущих войну на свой риск — ими предводительствовал Гай Ганник и Каст, — Красс послал 6000 человек предварительно занять один холм, приказав постараться сделать это незаметно. Они попытались обмануть бдительность врага, скрыв свои шлемы, но были замечены двумя женщинами, приносившими в это время жертву. Воины подверглись бы большой опасности, если бы не подоспел быстро Красс. Он завязал сражение самое большое из бывших в эту войну, в котором пало 12 300 рабов. Из них только двое было ранено в спину; все остальные пали в строю, сражаясь против римлян. Спартак после поражения начал отступать к Петелийским горам⁴. Квинт, один из легатов Красса, и квестор Скрофа следовали за Спартаком по пятам. Когда же он повернул и двинулся на них, произошло паническое бегство римлян. Им удалось спастись с трудом, унося раненого квестора. Этот успех погубил Спартака, так как беглые рабы чрезвычайно возгордились. Они не хотели и слышать об отступлении и не повиновались начальникам, но уже в дороге, окружив их с оружием в руках, заставили их идти назад через Луканию по направлению к Риму. Туда же спешил и Красс, ибо стало известно, что Помпей уже приближается. В народном собрании раздавалось немало голосов, что именно ему должна принадлежать победа в войне: придя, он тотчас вступит в бой и окончит ее. Итак, спеша сразиться со Спартаком и расположившись лагерем около врага, Красс начал копать ров. Подскакивая к римскому лагерю, рабы завязали бой с работающими воинами. Так как с обеих сторон все большее число народа спешило на помощь, Спартак был вынужден построить все войско в боевой порядок. К нему подвели коня. Вытащив меч и сказав, что в случае победы у него будет много прекрасных вражеских коней, а в случае поражения он не будет в них нуждаться, Спартак заколол коня. Затем он устремился на самого Красса, но из-за массы сражающихся и раненых ему не удалось добраться до него. Зато он убил двух вступивших с ним в бой центурионов. Наконец свита Спартака бежала, а он, окруженный боль-

шим количеством врагов и мужественно отражая их удары, в конце концов был изрублен...

Помпей окончательно уничтожил попавших ему в руки рабов и отправил в сенат донесение, в котором писал, что Красс разбил рабов в открытом сражении, а он, Помпей, вырвав самую войну с корнем.

«Античный способ производства», № 633.

¹ *Марк Красс* — см. прим. № 3 на стр. 123

² *Пицен* — см. прим. № 2 на стр. 123.

³ *Киликия* — страна на юго-востоке Малой Азии, в которой издавна было развито мореходство. Киликийские пираты совершали набеги на многие прибрежные города Средиземноморья.

⁴ *Петелийские горы* расположены в восточной части Бруттия (Южная Италия).

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ I В. ДО Н.Э. И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Эпоха гражданских войн I в. до н. э. явилась заключительным этапом истории Римской республики. В это время складываются уже те социально-экономические и политические предпосылки, которые обусловили возникновение «Империи Цезаря».

В I в. до н. э., согласно характеристике В. И. Ленина, «Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм» (В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 247). Необходимо при этом помнить слова В. И. Ленина о том, что «... «общие» рассуждения об империализме, забывающие или отодвигающие на задний план коренную разницу общественно-экономических формаций, превращаются неизбежно в пустейшие банальности или бахвальство, вроде сравнения «великого Рима с великой Британией» (там же).

Эксплуатация провинций в это время приобретает большие масштабы: в этом были заинтересованы самые широкие слои населения Рима, но в первую очередь — нобилитет и всадничество.

При «управлении» завоеванными странами грабеж населения проводился самым беззастенчивым способом. Как редкую заслугу выделяли римляне той эпохи честность наместников провинций. Письмо Марка Цицерона брату Квинту (док. № 48) служит яркой иллюстрацией нравов римских магистратов в провинциях. Столь же яркую картину ограбления провинций римлянами можно найти также в речи Цицерона против Верреса (док. № 49).

Колониальная политика Рима приводит к значительной дифференциации населения провинций. Излагая этот материал, особое внимание надо обратить на то, что римляне в большинстве случаев в своей политике на Востоке опирались на местную аристократию и на богатых торговцев, разрешая им эксплуатировать местное население провинций (док. № 48).

Цицерон говорит, что местные откупщики были в ряде случаев еще хуже римских.

При характеристике политической жизни этого времени нужно остановиться на заговоре Катилины, в котором были замешаны самые различные слои римского общества. Подробное изложение событий, связанных с заговором Катилины, находим мы в сочинении Саллюстия (док. № 51). Целью этого движения, как отмечает Саллюстий, был захват верховной власти с помощью заговора.

Аппиан прямо говорит в «Гражданских войнах» (док. № 52), что «Катилина начал домогаться консульства, надеясь таким путем захватить тираническую власть».

В заговоре Катилины были замешаны в той или иной степени самые влиятельные люди государства — Красс (док. № 51) и Цезарь (док. № 52). Кроме того, в число заговорщиков входили также иностранцы и рабы (док. № 52).

Излагая ход событий, нужно остановиться на том, какие социальные группировки поддерживали этот заговор и в чьих интересах он проводился. Нужно охарактеризовать и программу этого движения (Катилина демагогически выдвинул лозунг кассации долгов), которая должна была осуществиться с помощью захвата консульской власти.

В письмах Цицерона раскрывается подоплека политической борьбы эпохи 60-х годов. Политические должности достигаются с помощью подкупов, широких обещаний, раздаваемых различным слоям населения, вплоть до самых низших (док. № 50).

Из событий политической борьбы последующей эпохи необходимо отметить движение Клодия, пытавшегося опереться на люмпенпролетариат и рабов (не надо, конечно, забывать, что в конечном итоге он подчинился Цезарю и тот использовал его в своих интересах).

Излагать проблемы внутренней борьбы в Риме нужно в тесной связи с внешней политикой того времени. В первую очередь нужно иметь в виду такие события, как покорение Цезарем кельтских племен, образование новой богатой провинции Галлии и в то же время гибель римского войска во главе с Крассом в борьбе против Парфин. Со смертью Красса первый триумvirат распался и началась открытая гражданская война между Цезарем и Помпеем (док. № 54). Остановившись на перипетиях этой борьбы, в которой победа осталась за Цезарем, нужно подчеркнуть, что это была борьба за военную диктатуру.

Военная диктатура Цезаря, проводившаяся в неприкрытых формах и не имевшая достаточно сильной поддержки влиятельных слоев рабовладельческого класса в Риме, окончилась его убийством.

События, следовавшие после смерти Цезаря, подробно освещены в переписке Цицерона (док. № 56). В гражданских войнах конца республики нужно проследить события эпохи второго триумvirата (док. № 58), политику сенатской партии, проскрипции (док. № 59) и роль легионов, приобретших большое политическое значение. Важно дать оценку политике враждующих партий по отношению к отдельным слоям населения провинций, принимавших активное участие в гражданских войнах. Нужно остановиться на одном из важнейших эпиграфических документов этого времени — письмах Октавиана Селевку, уроженцу сирийского города Розоса (док. № 63). Важным вопросом является также участие рабов в гражданских войнах, особенно под руководством Секста Помпея, к которому стеклось большое количество недовольных, в том числе и беглых рабов (док. № 61). Война с Секстом Помпеем воспринималась римлянами как общественное бедствие. Войска Секста Помпея блокировали все морские пути и не давали возможности иностранным торговцам провозить продовольствие в Рим. На первом этапе борьбы перемирие было достигнуто на выгодных для Секста Помпея условиях, причем сражавшиеся на стороне последнего рабы получили свободу.

Необходимо уделить особое внимание анализу событий эпохи гражданских войн, времени зарождения новой, монархической формы государственного правления в Риме, и указать, что падение республики и переход к империи был закономерным итогом развития Римского государства.

№ 47. РИМСКИЙ ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ В ПРОВИНЦИЯХ

(Цицерон, Речь «За Суллу», 20, 56—58)

Марк Туллий Цицерон, известный римский юрист, оратор и политический деятель, жил в первой половине I в. до н. э. Он происходил из состоятельной семьи и получил хорошее юридическое образование. Цицерон был современником и свидетелем ожесточенной политической борьбы в Риме в 70—40-х годах I в. до н. э. Он принимал активное участие в событиях этого времени: в 66 г. до н. э. был претором, в 63 г. — консулом, в 51 г. — проконсулом провинции Киликии.

Произведения Цицерона являются одним из важнейших источников эпохи конца республики. В основном они подразделяются на письма, речи и философские произведения. Там содержится богатейший материал, характеризующий самые разнообразные стороны жизни Рима.

Цицерон приобрел широкую популярность как превосходный оратор. Первое его публичное выступление за Секста Росция было посвящено довольно резкому обличению режима Суллы и снискало ему широкую известность. Не меньший отклик имело выступление против Верреса, пропретора Сицилии, который награбил за годы своего консульства [73—71 гг.] громадное состояние в 40 млн. сестерций.

Политические взгляды Цицерона не отличались последовательностью. В 81 г. Цицерон, произнося речь за Секста Росция, выступал как противник сулланского режима, в речи против Верреса он сражался против нобилитета. Во времена заговора Катилины он выступал с лозунгом *concordia ordinum* (согласие сословий). В последние годы жизни Цицерон сочувствует республиканской партии. К этому периоду относятся «Филиппики» Цицерона, они содержат 14 речей против Марка Антония. Погиб Цицерон во время проскрипций 43 г.

Несмотря на классовую ограниченность и тенденциозность, сведения Цицерона представляют большой интерес для освещения событий эпохи гражданских войн конца республики.

Утверждают, что Ситтий [банкир] был послан Суллой, [обвиняемым в соучастии в заговоре Катилины], в Верхнюю Испанию, чтобы возмутить эту провинцию. Во-первых, судьи, Ситтий отправился... несколько раньше злоумышления Катилины и возникшего подозрения о существовании этого заговора; затем отправился он тогда не впервые, но после того, как побывал в тех же местах немного ранее и провел там несколько лет; да и отправился он, не только имея на то повод, но даже необходимость, а именно потому, что у него был заключен с мавританским царем договор о большом денежном деле. Тогда же, после его отъезда, Сулла управлял и руководил его делами; благодаря продаже многих прекраснейших имений Ситтия, долги его были уплачены; таким образом то, что толкнуло на злодеяние остальных — желание сохранить недвижимые владения, — у Ситтия отсутствовало, его имения были уступлены кредиторам... Долги Ситтия произошли не из-за его распушенности, но из-за его рвения в ведении денежных дел: он имел в Риме долги, в провинции и царствах ему были должны огромные суммы. Не допустив, чтобы в то время, как он был занят их взысканием, его поверенные испытывали в его отсутствие ка-

кие-либо затруднения, Ситтий предпочел продать всю свою недвижимую собственность, лишит себя прекраснейшего отцовского наследства, нежели как-нибудь задержать уплату денег кому-либо из своих кредиторов...

«Античный способ производства», № 509.

№ 48. ОБ УПРАВЛЕНИИ ПРОВИНЦИЕЙ АЗИЕЙ

(Письмо Марка Цицерона брату Квинту, начало 59 г. до н. э.)

Провинция (Азия)¹ населена, во-первых, союзниками², людьми самыми просвещенными, затем римскими гражданами, которые или, как откупщики³, по необходимости тесно с нами связаны, или, как разбогатевшие торговцы, знают, что они сохранили без потерь свои богатства только благодаря моему консульству.

Но ты можешь сказать, что среди них возникают серьезные споры, создаются многочисленные обиды, появляется конкуренция. Я не хочу подчеркнуть, что ты не выполняешь в какой-то мере своих обязанностей, я понимаю, что эти обязанности очень трудны и требуют величайшего благоразумия, но помни, что, по-моему, они больше зависят от благоразумия, чем от удачи. В самом деле, разве трудно управлять теми, над которыми ты поставлен, если ты управляешь собой? Пусть это будет трудным делом для других, оно и действительно самое трудное, для тебя же это было всегда самым легким и должно быть самым легким. Ты по природе такой человек, который и без образования, повидимому, мог бы быть благоразумным. Полученное же тобой образование таково, что оно может облагородить природу даже с большими недостатками. Поскольку ты будешь бороться против наживы, против страсти к чувственным наслаждениям, против лицемерия во всех делах, как ты это делаешь, постольку, вероятно, ты сумеешь обуздать бесчестного купца и зарвавшегося откупщика. Пусть греки смотрят с удивлением на тебя, как современника, считая тебя за какого-то героя из летописи или за бога-человека, спустившегося в провинцию с неба.

Пишу тебе об этом теперь не для того, чтобы ты так поступал в будущем, а чтобы ты радовался, что так поступал и поступаешь. Ведь, подумай, какая слава, что тебя, облеченного в Азии высшей властью уже третий год, не совратили с пути величайшей честности и воздержанности ни скульптура, ни картины, ни вазы, ни блестящие ткани, ни покупка невольника или невольницы, ни их красота, ни незаконное обогащение, то-есть все, чем богата эта провинция!

Что может быть более выдающимся, и к чему должно стремиться, когда такая добродетель, такая умеренность и такое самообладание не скрываются где-то в тени, не прячутся,

а проявляются на виду у всей Азии, на глазах славнейшей провинции, в молве всех племен и народов! Когда люди не боятся твоих наездов, не разоряются на содержание, не приходят в смятение от твоего пребывания! Наоборот, куда бы ты ни прибыл, тебя встречают с величайшей радостью и публично, и частным образом, так что создается впечатление, что город получил защитника, а не тирана, каждый дом — гостя, а не расхитителя.

Из опыта во всех этих делах ты, конечно, знаешь, что совсем недостаточно обладать этими добродетелями самому, а необходимо понять, что за охрану провинции ты отвечаешь перед союзниками, римскими гражданами и государством не только за себя одного, но и за всех своих подчиненных...

Пусть люди знают, что ты не позволишь ябедникам и симулянтам с корыстными целями нашептывать тебе в уши. Пусть перстень твой будет не просто какой-то домашней утварью, не пособником чужой воли, но свидетелем твоей. Пусть твой секретарь занимает такое положение, какое ему определили наши предки; они назначали его не ради привилегий, а на должность, требующую труда и исполнительности, и причем назначали его не без цели из своих вольноотпущенников, над которыми они, конечно, имели власть почти такую же, как и над рабами. Пусть ликтор является исполнителем не своей, а твоей милости, пусть он несет впереди тебя фации и секиры скорее как символ твоего служебного положения, чем власти. Пусть затем вся провинция знает, что для тебя самым дорогим являются — дети, доброе имя и имущество всех, над которыми ты начальствуешь. Наконец, пусть все знают, что ты будешь врагом не только тех, кто берет взятки, но и тех, кто дает. Никто не предложит взятки, если будет известно, что от тебя ничего нельзя добиться через тех людей, которые прикидываются имеющими на тебя большое влияние.

Все это я говорю не с той целью, чтобы ты в отношении своих подчиненных был слишком строгим или подозрительным. Если кто-нибудь из них в течение двух лет никогда не был заподозрен в алчности, как например, Цесий, Херипп, Лабен⁴, то им можно, по-моему, без риска доверять, а также и другим таким же, как они. Но тому человеку, в котором ты уже ошибся и в чем-нибудь подозреваешь, не оказывай никакого доверия и ничего не поручай, что связано с твоей репутацией.

Если в провинции ты встретил человека, который завоевал твое доверие, хотя раньше и не был известен, взвесь, насколько можно ему доверять, и не потому, что среди провинциалов нет порядочных людей, а потому, что на это можно надеяться, но открыто признать опасно. Истинная природа каждого провинциала скрывается под покровом лицемерия: лоб, глаза, выражение лица очень часто лгут и еще чаще лжет язык. Поэтому, как ты можешь среди этих людей, ослепленных страстью

к наживе и лишенных всех культурных условий столичной жизни, найти человека, который тебя, человека чуждого ему, любил бы сердечно, а не притворялся бы ради выгоды? Мне это кажется едва вероятным, в особенности, когда эти люди обыкновенно не любят частного человека и всегда любят всех преторов. Если ты случайно в среде этих людей обнаружил человека действительно относящегося к тебе с чувством дружбы, а не ради твоего положения, что, конечно, может случиться, то с радостью включи его в число твоих близких. Если же ты такого чувства не предвидишь, надо больше всего избегать сближения с такими людьми, потому что они знают все средства к наживе, на все готовы ради денег и не хотят щадить репутацию того, с кем они не собираются делить жизнь.

В особенности надо избегать каких-либо дружественных отношений с греками, за исключением немногих, если это действительно мужи, достойные древней Греции. В настоящее время большинство греков лукавы, легкомысленны и благодаря долгой неволе научились чрезмерной лести. По моему мнению нам с ними надо обращаться ласково и самых лучших приближать к себе гостеприимством и душевным отношением, однако слишком большое с их стороны расположение не очень надежно, поскольку они не осмеливаются противиться нашей воле и завидуют не только нашим землякам, но даже и своим.

Если я в данных вопросах хочу быть предусмотрительным и точным, боюсь даже не слишком ли я суров, то ты спросишь меня, каково же мое отношение к рабам? Над ними необходимо властвовать повсюду и в особенности в провинции. Конечно, в связи с этим можно дать много советов, но вот самый краткий и очень легко выполнимый—рабы должны вести себя во всех твоих разъездах по Азии так же, как будто ты едешь по Аппиевой дороге, и пусть они не думают, что есть какая-то разница, едут ли они в Траллы или в Формии⁵. Но если какой-нибудь раб является отменно надежным, оставь его для домашних и частных дел. Однако, к делам, относящимся к твоей должности или в какой-то мере к государству, не допускай. Многое, что можно даже поручать преданным рабам, не следует поручать во избежание огласки и осуждения...

Всем, вижу, известно твое величайшее старание, а именно: никаких новых долгов с общин не взыскивается, даже многие общины освобождены тобою от старых, больших и тяжких долгов; многие города, разоренные и почти опустошенные—в том числе самые знаменитые: один в Ионии—Самос, другой в Кarii—Галикарнас—тобою вновь восстановлены; в городах нет никаких восстаний, никаких раздоров; ты принимаешь меры, чтобы общины управлялись коллегиями оптиматов; в Мисии прекращены разбои; во многих местах положен конец убийствам; во всей провинции упрочен мир, и не только грабежи и разбои на

дорогах и в сельских местностях, но даже более значительные и многочисленные в городах и в храмах, уничтожены; доброе имя, имущество и покой богатых не страдают от ложных доносов, этого самого немилосердного пособника алчности преторов; расходы на содержание и подати в городских общинах распределены поровну между всеми, кто живет в их пределах; ты доступен для всех и охотно выслушиваешь жалобы...

При выполнении твоих добрых намерений у тебя возникнут большие затруднения со стороны откупщиков. Если мы будем им противодействовать, мы оттолкнем от себя и от государства сословие, оказывающее нам значительные услуги и связанное через нас с государством. Если же мы будем им во всем потворствовать, то мы окончательно доведем до гибели тех, о благе и о пользе которых мы должны заботиться. Вот это единственное затруднение в осуществлении всей полноты твоей верховной власти, если только вдуматься. Ведь быть бескорыстным самому, обуздывать все вождения, не давать воли своим подчиненным, творить справедливый суд, быть доступным в подаче жалоб и заявлений — эта задача более славная, чем трудная. Она требует не каких-либо усилий, а некоторого душевного склада и доброй воли.

Какое озлобление вызывает у союзников деятельность откупщиков, я узнал от граждан, которые недавно, при отмене взимаемых в Италии пошлин⁶, жаловались не столько на пошлыны, сколько на некоторые беззакония сборщиков. Поэтому, после того как я выслушал жалобы граждан в Италии, я хорошо себе представляю, что испытывают союзники в других областях государства. При таком положении дел мне представляется, что достойно только такой исключительной доблести, как твоя, вести дело так, чтобы с одной стороны помогать откупщикам в особенности, если пошлыны плохо поступают, а с другой — не позволять притеснять союзников. Впрочем, грекам не должно казаться тяжелым положение данников, так как они, когда еще не были подвластны римскому народу, уже переживали такое положение. Не могут презирать откупщиков люди, которые сами без откупщиков не могли улатить дани, распределенной Суллой равномерно на каждого⁷. А что греческие откупщики при взимании дани не отличаются большим милосердием, чем наши, можно видеть из того, что кавнийцы⁸ и все жители островов, уступленные Суллой родосцам, обратились в сенат с просьбой уплачивать дань нашим откупщикам. Поэтому не должны страшиться откупщиков те, которые всегда были плательщиками дани, и не могут презирать откупщиков те, которые не могли уплачивать сами без откупщиков, и не могут противиться те, которые сами домогались наших откупщиков.

Кроме того, пусть жители Азии учтут, что они не были бы избавлены от бедствий ни внешней войны, ни внутренних раздоров, если бы не были под нашей властью. А так как эта власть

не может никоим образом исполнять свой долг без уплаты дани, то пусть жители Азии без возмущения покупают свой постоянный мир и покой за некоторую часть своих доходов.

Если жители Азии будут спокойно относиться к откупщикам, то остальное, благодаря твоей мудрости и твоим мероприятиям, покажется им более приемлемым. Так, они могут рассматривать заключение договоров не как цензорский закон, а скорее как помощь для выполнения ими обязательств⁹. Сверх того ты можешь, как это делал и делаешь, напоминать им, какое значение имеют откупщики, как мы нуждаемся в этом сословии, и делать это так, чтобы, не прибегая к применению верховной власти, к насилию и фациям, только при помощи своего влияния и авторитета сблизить откупщиков с греками. Однако от тех, кому ты оказал большие услуги и которые тебе во всем обязаны, ты должен требовать, чтобы они терпимо относились к необходимости поддерживать и сохранять нужную нам дружбу с откупщиками.

Впрочем, зачем я убеждаю тебя в том, что ты можешь делать по собственному побуждению, да уже многое и сделал? Действительно, нам не перестают ежедневно выражать чувства благодарности самые почетные и самые значительные товарищества откупщиков и, что мне особенно приятно, даже греки.

Перев. Н. И. Скаткина.

¹ Квинт Цицерон управлял провинцией Азией три года подряд (61—59 гг. до н. э.).

² Здесь союзники противопоставляются римским гражданам, обладавшим всеми правами в государстве.

³ Откупщиками были в большинстве случаев всадники, которые объединялись в специальные корпорации. С их помощью собирались налоги в провинциях.

⁴ Про этих людей мы знаем только, что они принадлежали к свите Квинта Цицерона.

⁵ *Траллы* — город в Кари (Малая Азия). *Форми* — город в Лации (Италия).

⁶ Имеется в виду закон, проведенный в 60 г. до н. э. претором Квинтом Цецилием Метеллом Непотом.

⁷ Намек на контрибуцию в 20 тысяч талантов, наложенную Суллой в 84 г. до н. э. во время войны с Митридатом.

⁸ Город Кавн находится в Кари.

⁹ Закон, издававшийся цензорами на каждое пятилетие и устанавливавший ставки налогов и условия взносов.

№ 49. ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПРОВИНЦИЙ

(Цицерон, Против Верреса, 4—5)

Нигде Веррес¹ не оставил таких глубоких следов, таких ясных доказательств своих преступлений, как в провинции Сицилии, которую он в продолжение трех лет успел так разорить и ограбить, что ее нельзя уже привести в прежнее состояние. Нужно много лет, чтобы она вернула себе, хотя отчасти, свое

былое благосостояние, и только, при условии, если управляющие ею преторы будут безупречно честными. Когда он был претором, сицилийцы не ведали ни своих законов, ни приказаний сената, ни общечеловеческих прав; каждый имел только то, что ускользало от взоров этого алчного и сластолюбивого человека по его рассеянности, или оставалось нетронутым, благодаря его пресыщению. В продолжение трех лет все дела решались по его желанию; все, чем кто ни владел, — перешло ли оно к нему от отца или деда, — все он мог взять себе в силу своей судебной власти. Огромные деньги были взысканы с крестьян на основании небывалых несправедливых распоряжений; наши верные союзники считались в числе врагов; римские граждане были пытаемы и убиваемы, как рабы; важные преступники, с помощью подкупа, освобождались от суда; вполне честные, безупречной нравственности люди заочно, без допроса, были осуждаемы и лишены гражданских прав; гавани, представлявшие из себя неприступную крепость, и огромные прекрасно защищенные города сделались доступны нападению пиратов и разбойников; сицилийские матросы и солдаты, наши союзники и друзья, гибли с голоду; прекрасный, всем снабженный флот был, к великому стыду римского народа, потерян и уничтожен. Веррес же, как наместник, украл, взял себе все древние памятники, частью подаренные для украшения города богатыми царями, частью данные или возвращенные сицилийцам нашими победоносными полководцами. Так поступал он не с одними статуями или украшениями, составлявшими собственность городов, — нет, он ограбил все храмы, не исключая самых священных, и, в конце концов, не оставил сицилийцам ни одного бога, статуя которого, по его мнению, имела хоть какие-нибудь художественные достоинства и принадлежала старинному мастеру. Рассказывать об его любовных похождениях, о гнусных поступках, совершенных им под влиянием страсти, мне стыдно; кроме того, я не желаю увеличивать горя людей, которые не могли уберечь своих жен и детей от его сластолюбия. Вы думаете, что этот человек делал все так, чтобы не все об этом знали. Мне кажется, что нет никого, кто, услышав его имя, не мог бы рассказать об его преступлениях; при таком положении дел я гораздо более опасаясь заслужить упрек, что я пропускаю многие из его вин, чем подозрение, будто я выдумываю их для его осуждения; по моему мнению, эта масса людей пришла послушать меня не с тем, чтобы узнать от меня, в чем его обвиняют, а для того, чтобы подвергнуть вместе со мною тщательному обсуждению то, что ей известно.

Перев. Ф. Ф. Зелинского.

¹ Гай Веррес, претор 74 г. до н. э., управлял Сицилией с 73 по 71 г. до н. э. За это время он нажил колоссальное состояние, грабя эту провинцию. Жители ее обратились за помощью к Цицерону, бывшему в то время уже известным оратором.

№ 50. СОВЕТЫ, КАК ДОСТИГНУТЬ ДОЛЖНОСТИ КОНСУЛА

(Письмо Квинта Цицерона Марку брату, 64 г. до н. э.)

Хотя ты достиг всего, чего люди могут добиться умом, опытом и знаниями, тем не менее, во имя нашей взаимной любви считаю нелишним сообщить тебе о том, что мне при долгом размышлении пришло на ум по поводу твоего старания достигнуть консульской должности. И это я делаю не с целью внести в это дело что-нибудь новое, а для того, чтобы привести в порядок под определенным углом зрения разрозненные и общие положения.

Ты прежде всего должен принять во внимание, каково государство, в котором ты живешь, чего ты добиваешься и кто ты сам. Поэтому, идя каждый день на форум, внушай себе: «Я человек новый, незнатный; я добиваюсь консульской должности; это город — Рим». Прославлению твоего неизвестного родового имени способствует главным образом твое красноречие. Не может быть недостойным консульства такой человек, которому считают достойным поручать защиту бывших консулов. И так как ты строишь свое будущее, пользуясь славой своего красноречия, которому ты обязан и своим настоящим положением, то подготавливайся к каждой речи так, чтобы по твоим отдельным выступлениям могли судить о всем твоём даровании.

Постарайся работать над тем, что обогащает дар слова и что ты, как я знаю, делаешь, а также почаще вспоминай написанное Деметрием¹ о занятиях и упражнениях в красноречии Демосфена. Затем учти количество и качество своих друзей. Ведь ты имеешь на своей стороне таких людей, каких без заслуг своих предков не многие имели, а именно: всех откупщиков, почти все сословие всадников, много преданных тебе муниципий, многих защищенных тобой в суде людей всех сословий, несколько коллегий²; кроме того, много юношей, обучающихся у тебя красноречию, многочисленных и почти всегда при тебе находящихся друзей.

Постарайся привлечь всех увещеваниями, просьбами, добивайся всякими способами, чтобы люди, обязанные тебе чем-нибудь, поняли, что не будет другого, более подходящего случая отблагодарить тебя, а кто в тебе нуждается — получить от тебя помощь. Кроме того, человеку новому среди знати надо иметь в виду, что благосклонность знатных и в особенности бывших консулов во многом может помочь. Важно, чтобы те, в среду которых ты хочешь вступить, считали тебя достойным этой среды.

Необходимо всех старательно посещать и склонять на свою сторону через посредников, убеждая в том, что мы всегда по вопросу о государстве разделяли взгляды оптиматов и меньше всего искали расположения народа, а если, как казалось, ты и

говорил в угоду народу, то это делал с целью привлечь на свою сторону Гнея Помпея как человека могущественного, и иметь его дружески расположенным к твоей кандидатуре на консульскую должность, или во всяком случае не противником.

Старайся привлечь на свою сторону знатных молодых людей или удержать преданных. Они создадут тебе внешний почет. Их у тебя много, и пусть они знают, как ты их ценишь. Если ты добьешься от них расположения, они во многом будут тебе полезны.

Как человеку незнатному, тебе много поможет и то обстоятельство, что с тобой вместе добиваются консульства люди такой знатности, в отношении которой никто не осмелится утверждать, что она для них будет иметь большее значение, чем для тебя твоя доблесть. Действительно, кто поверит, что Публий Гальба и Люций Кассий³, хотя и знатного происхождения, претендуют на консульство. Следовательно, как видишь, люди из самых знатных фамилий не могут равняться с тобой и бес- сильны. Но Катилина и Антоний⁴ опасны, скажешь ты. Нет. Наоборот, для человека деятельного, прилежного, честного, красноречивого, пользующегося расположением судей, такие соперники только желательны, оба с детского возраста убийцы, оба распутные, оба нищие. Мы знаем, что имущество Антония назначено в продажу, и наконец, мы слышали от него клятву, что он не может состязаться с греком перед судом на равных условиях; мы знаем об его исключении из сената на основании справедливой оценки цензоров; он был моим соперником при соискании претуры, причем его друзьями были Сабидий и Пантера⁵, он не имел даже рабов, которых мог бы продать с аукциона, и, будучи уже претором, купил каким-то образом рабыню, сделал ее своей подругой и держал открыто в своем доме; когда же добивался консульской должности, то предпочел ограбить жителей Каппадокии во время своего позорнейшего посольства, чем быть в Риме и обратиться с просьбами к римскому народу.

Всеблагие боги, а чем блещет Катилина? Ты скажешь знатным происхождением. Но разве больше, чем Антоний? Нет. Но может быть доблестью? На каком же основании? Разве только потому, что Антоний боится своей тени, а этот, рожденный в бедной отцовской семье, воспитанный среди разврата своей сестры, возмужавший во время убийств граждан⁶, не боится даже законов, и первым его шагом на государственном поприще было убийство римских всадников. Ведь Сулла одного Катилину поставил во главе всех галлов, о которых мы никогда не позабудем и которые тогда сняли головы Тигиниям, Нанниям и Танусиям. В числе их он собственноручно убил Кв. Цецилия, прекраснейшего человека, мужа своей сестры, римского всадника, человека нейтрального, державшегося в стороне от политики и по своей натуре и по возрасту.

...Я уверен, ты не забываешь, как много у тебя недоброжелателей из народа, как они чуждаются новых людей по укоренившейся за последние годы привычке. Неизбежно также, что некоторые на тебя сердиты за те судебные дела, которые ты против них вел.

Кандидату добиваться государственной должности надо двумя путями — с одной стороны, пользуясь помощью друзей, с другой — расположением народа. Преданность друзей снискивается благодеяниями, одолжениями, давностью дружбы, обходительностью, приветливостью. Однако самое понятие дружбы при соискании должности приобретает более широкое значение, чем в обыкновенных жизненных отношениях. На самом деле, ты обычно считаешь другом всякого, кто проявляет некоторое расположение и внимание к тебе, кто часто посещает тебя. Однако, главным образом, надо быть особенно любезным с друзьями из родственников, свойственников, с друзьями, политически связанными с тобой, или какими-либо особыми одолжениями.

Затем, поскольку каждый становится сердечно и интимно близким тебе, постольку необходимо принять меры, чтобы он был заинтересован в твоём высоком положении. Будут ли это члены твоей трибы, соседи, клиенты, наконец, вольноотпущенники и, на крайний случай, даже твои рабы, так как всякое мнение твоих домашних присоединяется к общественной молве о тебе на форуме.

Наконец, ты должен приобрести друзей среди всех слоев общества, а именно: для внешнего блеска между людьми знатными, с почетным положением и с именем, которые, хотя и не усердствуют при голосовании, однако придают кандидату некоторый вес; для защиты своих прав — особенно между консулами и народными трибунами; а для того, чтобы иметь успех в центуриях — между людьми, выдающимися там своим влиянием. Тех, которые благодаря тебе имеют или надеются иметь на своей стороне трибу, или центурию, или другую какую-нибудь выгоду, прежде всего привлекли на свою сторону и ободрили их обещанием помочь. Ведь в течение этих лет честолюбивые люди всякими способами стараются добиться от членов своих триб того, чего они домогаются. Этих людей, какими ты только сможешь аргументами, привлекли к себе так, чтобы они были расположены к тебе всей душой и со всей готовностью.

По вопросу об установлении дружественных связей сказано достаточно. Необходимо поговорить о другой стороне соискания, а именно: о приобретении расположения народа. Эта сторона дела требует номенкляции, лести, настойчивости, щедрости, хорошего о тебе мнения и того, чтобы государство видело в тебе надежного государственного деятеля.

Ты много делаешь, чтобы знать людей, но делай это явно и увеличивай ежедневно количество таких людей. Это больше

всего, по-моему, вызывает расположение и способствует популярности кандидата. Затем решишь, хотя это и не отвечает твоему характеру, притворяться, но так, чтобы это было естественно. Природа, конечно, всеильна, но в пределах немногих месяцев, мне кажется, можно заставить ее принимать обманчивый вид. Тебе, как благовоспитанному человеку, свойственна вежливость, однако, кроме того, необходима лесть, которая при всех других обстоятельствах порочна и постыдна, но в деле соискания почетной должности она нужна. В самом деле, лесть бесчестна, когда применяется во вред человеку, когда же она делает человека более дружественным, она не должна заслуживать порицания, и кандидат в ней нуждается потому, что он должен и свой внешний вид, и беседы приспособлять к чувствам и настроениям тех, с кем он общается.

Что касается настойчивости, то нет необходимости объяснять, так как самое слово указывает на содержание. Чрезвычайно полезно никуда не уезжать, а самое главное не только всегда быть в Риме и на форуме, но постоянно и настойчиво обращаться с просьбами к одним и тем же людям, не допуская, чтобы кто-либо мог сказать, что ты не просил его о поддержке, которую ты мог бы от него получить, причем не просил настойчиво и старательно.

Для щедрости имеется широкий простор. Пользуйся своими денежными средствами не скупясь. И хотя эта щедрость не может распространяться на всех, однако, если ее хвалят твои друзья, она понравится толпе. Устраивай пиры и хвали их сам, и твои друзья пусть расхваливают их повсюду, а также и по трибам. Оказывай содействие всем без различия. Будь доступен для всех и днем и ночью, и пусть будут открыты не только двери твоего дома, но лицо и глаза, которые являются дверью души. Но если твои мысли глубоко скрыты, то мало имеет значения открытый вход. Ведь люди не только хотят обещаний, в особенности когда хотят получить их от кандидата, но хотят обещаний, даваемых щедро и с уважением к ним.

Поэтому то, что ты в силах сделать, ты легко можешь и обещать, и старательно выполнять. Значительно труднее, и более сообразуется с необходимостью, чем с твоим характером, другое — отказывать ли просителям вежливо, или во всех случаях обещать то, что ты сам не можешь выполнить. Первое качество хорошего человека, второе — дельного кандидата. Когда просят о том, что ты не можешь выполнить честно или без ущерба для себя, например, если кто-нибудь просит взяться за ведение какого-либо судебного дела против твоего друга, то надо отказать любезно, указав на дружеские отношения с ответчиком, показать, как тяжело тебе отказывать, и уверить, что ты в других случаях с удовольствием исполнишь эту просьбу...

И сверх всего, перед выборами особенно необходимо позаботиться о том, чтобы государство видело в тебе надежного

человека и почитало тебя. Однако в этот период ты не должен вмешиваться в государственные дела ни в сенате, ни в народном собрании. Тебе необходимо быть сдержанным для того, чтобы сенат на основании твоего поведения видел в тебе своего защитника, чтобы всадники, а также честные и зажиточные люди по твоей жизненной деятельности могли судить, что ты будешь поддерживать мир и общественное спокойствие; и чтобы простой народ, поскольку ты был расположен к нему по крайней мере в своих выступлениях в народных собраниях и в суде, считал, что и его интересы тебе не чужды.

Перев. Н. И. Скаткина.

¹ *Деметрий Фалерский* — греческий политический деятель, философ, оратор, историк (IV в. до н. э.).

² *Коллегии* — объединения, преследующие самые разнообразные цели: религиозные, ремесленные, похоронные, часто играли роль политических клубов, поэтому известны случаи, когда они запрещались.

³ *Публий Сульпиций Гальба* был эдилом вместе с Цицероном в 69 г. Добивался консульства, но не был избран. *Люций Кассий Лонгин* — претор 66 г. до н. э.

⁴ *Гай Антоний Гибрида* в 83 г., после завоевания Суллой Греции, разграбил ее, за что в 76 г. был привлечен к суду и осужден. В 70 г. за свои преступления исключен из сената. В 63 г. был консулом вместе с Цицероном.

⁵ Лица по другим источникам неизвестные.

⁶ Намек на проскрипции Суллы.

№ 51. ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

(Саллюстий, Заговор Катилины, 5—61)

Гай Саллюстий Крисп (86—34 гг. до н. э.) родился в италийском городе Амитерне. Молодым человеком приехал в Рим, где принимал участие в политической жизни в качестве сторонника Цезаря.

В 59 г. до н. э. Саллюстий исполнял должность квестора, а в 52 г. — народного трибуна. Во время диктатуры Помпея был исключен из состава сенаторов его сторонниками. После прихода Цезаря к власти Саллюстий был снова восстановлен в своих правах. В 46 г. он был назначен проконсулом вновь образованной провинции Нумидии.

Дион Кассий сообщает нам, что Саллюстий «достиг богатства ценой разорения провинции». В результате многочисленных жалоб жителей Нумидии он вынужден был покинуть занимаемую им должность. Дело дошло бы до суда, если бы Саллюстия не спасли его многочисленные знакомства с влиятельными людьми в государстве и в первую очередь с самим Цезарем.

Важнейшими из сочинений Саллюстия являются «Заговор Катилины» и «Югуртинская война». Первое из них представляет особенный интерес, так как Саллюстий являлся непосредственным очевидцем описываемых им событий.

В произведениях Саллюстия находят выражение его политические воззрения. В «Заговоре Катилины» он пытается доказать непричастность Цезаря к этому движению, всячески очернить Катилину и участников этого движения. Характеристики его поэтому очень субъективны и тенденциозны. Саллюстий восхваляет древние времена истории Рима, когда люди не были испорчены роскошью.

Люций Катилина происходил из знатного рода. Он отличался большой духовной и телесной силой, но ум его был порочен. С самой юности ему были милы междоусобные войны,

убийства, грабежи, гражданские раздоры: среди них прошли его молодые годы и закончилось его развитие. Тело его до невероятной степени было выносливо к голоду, холоду и бодрствованию. Дух его был смелым до дерзости, коварным, переменчивым, способным притворяться в чем угодно, что угодно скрыть; он был жаден к чужому, расточителен к своему, пылок в страстях; в нем было достаточно красноречия, но мало мудрости. Необузданный дух Катилины постоянно стремился к неумеренному, невероятному, недостижимому. После господства Люция Суллы¹ им овладело страстное желание захватить в свои руки власть в государстве; для него было совершенно безразлично, какими средствами достигнуть своей цели, лишь бы захватить себе царскую власть. Мятежная душа его возбуждалась со дня на день сильнее недостатком денежных средств и сознанием своих преступлений; и то и другое он уже давно увеличил теми пороками, о которых я выше упомянул. Кроме того, его подстрекала испорченность нравов всего общества, которое влекло к гибели два худших и между собою противоположных зла — роскошь и корыстолюбие...

В таком большом и столь развращенном государстве Катилина, как легко было ожидать, имел вокруг себя толпы сообщников и телохранителей из людей, запятнанных всякими пороками и злодеяниями. Близким и доверенным человеком Катилины становился всякий негодяй, развратник, промотавший в пьянстве, игре, обжорстве и распутстве отцовское добро, или человек, обремененный огромными долгами, желавший откупиться от последствий своих пороков и злодеяний: к нему стекались отовсюду всякие убийцы, святотатцы, осужденные по суду или боявшиеся приговора, а также люди, руки и язык которых кормились клятвoprеступлением и кровью граждан, наконец, все, кого мучили позор, нищета, сознание своих преступлений. Если же в число его друзей попадал человек, свободный от всякой вины, он благодаря ежедневному общению и соблазнам легко становился подобным всем остальным. Но больше всего Катилина добивался близости с совсем молодыми людьми: их мягкие и неустойчивые души без труда улавливались его коварством. Сообразно с возрастом и наклонностями каждого, он одному доставлял любовницу, другим покупал собак и лошадей, наконец, не щадил ни издержек, ни собственной чести, лишь бы только сделать их послушными и верными себе. Я знаю: были некоторые, думавшие, что молодежь, в большом количестве посещавшая дом Катилины, уже и раньше не очень строго оберегала свою нравственность; но это мнение основывается не столько на чем-либо достоверно известном, сколько на простых предположениях. Уже с ранней молодости Катилина имел много преступных связей: с одной знатной девушкой, с жрицей Весты и много других, нарушавших божеские и человеческие законы. В конце концов он был охвачен

страстью к Аврелии Орестилле, в которой ни один хороший человек не мог похвалить ничего, кроме красоты. Так как она колебалась выйти за него замуж, опасаясь взрослого пасынка, то Катилина, что считается вполне достоверным, умертвил сына и сделал свой дом свободным для преступного брака. Это обстоятельство, по-моему, послужило главной побудительной причиной для ускорения преступных замыслов Катилины. Его омраченный преступлением дух, враждебный богам и людям, не мог успокоиться ни во сне, ни наяву: так мучила совесть его опустошенную душу. Цвет лица его стал бескровным, глаза отталкивающими, походка то быстрой, то медленной; словом, во всей его внешности и выражении лица сквозило безумие.

Как бы то ни было, он всячески приучал молодежь, которую, как мы выше сказали, привлек к себе, к злодеяниям. Из них вырабатывал он лжесвидетелей и подделывателей подписей, приказывал им ставить ни во что верность слову, имущество, опасности; потом, подавив в них стыд и загубив их репутацию, он предписывал им другие, более важные преступления. Если даже в настоящий момент не было достаточного повода к преступлению, он тем не менее обманывал и убивал, не разбирая правых и виноватых: он предпочитал без пользы для себя быть злым и жестоким, чем допускать, чтобы дух и руки юношей ослабевали в бездействии. Полагаясь на таких друзей и сообщников, он воспользовался тем, что везде была огромная задолженность, и многие воины Суллы², слишком расточительно использовав доставшуюся им добычу, жаждали гражданской войны, помня о грабежах и прежней победе. Опираясь на них, Катилина принял решение захватить власть в государстве. В Италии не было сосредоточено ни одной готовой армии. Гней Помпей вел войну в отдаленных землях³; у самого Катилины были большие надежды добиться консульства: сенат ни на что решительно не обращал внимания. Все с виду было безопасно и спокойно, но это именно и было благоприятно для Катилины.

Поэтому около июньских календ⁴, в консульство Юлия Цезаря и Гая Фигула, Катилина стал обращаться сначала к отдельным лицам из числа своих приближенных, одних одобряя, других испытывая, и указывать им на свое могущество, на неподготовленность государства, на большие выгоды, которые сулит заговор. Выяснив с достаточной определенностью то, чего он хотел, Катилина созвал в одно место всех, чье положение было наиболее стесненным и в ком было больше всего дерзости. Туда собрались из сенаторского сословия: Публий Лентул Сура, Публий Автроний, Люций Кассий Лонгин, Гай Цетег, Публий и Сервий Суллы, сыновья Лека, Люций Бестия и Квинт Курий; далее из всаднического сословия: Марк Фульвий Нобилиор, Люций Статилий, Публий Габиний Капитон, Гай Корнелий; там было также много представителей колоний и муниципий, знатных граждан у себя дома. Кроме того, весьма

многие из знати принимали менее явное участие в этом заговоре; этих последних побуждала скорее надежда на господство, чем нужда или какая-нибудь иная крайность. Однако главным образом сочувствовала замыслам Катилины молодежь, в особенности знатная; имея полную возможность жить роскошно и изнеженно, наслаждаясь полным досугом, она все-таки предпочитала неверное верному, войну — миру. Многие в то время думали, что и Марк Лициний Красс не был чужд этому замыслу; так как ненавистный ему Гней Помпей стоял во главе великой армии, то он согласен был на чье угодно возвышение, лишь бы оно умаляло могущество Помпея; кроме того, он был уверен, что при успехе заговора легко станет главой заговорщиков...

Когда Катилина увидел, что собрались все вышеуказанные лица, то, хотя он много и часто беседовал с каждым из них в отдельности, но все-таки нашел целесообразным обратиться со словами ободрения к ним всем вместе. Поэтому он отвел их в отдаленную часть дома и, удалив всех лишних свидетелей, произнес речь приблизительно следующего содержания: «Если бы ваша доблесть и верность не были мне на деле известны, напрасно сложились бы обстоятельства так благоприятно; великие надежды на господство были бы напрасны в наших руках и никогда не стал бы я добиваться неверного вместо верного, опираясь на малодушных и пустых мечтателей. Но так как во многих важных делах я на опыте узнал ваше мужество и верность мне, дух мой решился на великое и славное деяние. Вместе с тем я понял, что для меня и для вас одно и то же добро и зло; а желать и не желать одного и того же, это и есть крепкая дружба. То, что я задумал в своей душе, вы все уже раньше в разное время слышали от меня. Моя душа со дня на день воспаляется большей решимостью, когда подумаю, каковы будут условия нашей жизни, если мы завоюем сами для себя свободы. В самом деле, после того как государство попало в полную власть и господство немногих могущественных, им платят дань цари и тетрархи⁵, им вносят налоги и пошлины цивилизованные народы и дикие племена, мы же, все остальные граждане, деятельные, достойные, знатные и незнатные, попали в положение черни без всякого влияния и значения, сделались подчиненными тех, которые должны были бы дрожать перед нами, если бы республиканский строй сохранил свою силу. Итак, все влияние, могущество, почет, богатство находятся у них там, где они хотят. Нам на долю они оставили опасности, неудачи на выборах, суды и нищету. Доколе же мы будем терпеть это, доблестные мужи? Не лучше ли сразу мужественно умереть, чем влечить жалкое и бесславное существование и поворно потерять свою жизнь, служить игрушкой и посмешищем чужого высокомерия. Однако же, призываю в свидетели богов и людей, победа у нас в руках: мы в цвету-

шем возрасте, наш дух бодр, — они же одряхлели от лет и богатства. Нужно только начать, остальное устроится само собой. Действительно, кто из смертных мужественных сердцем, может примириться с тем, что у них в избытке богатства, которые они расточают, застраивая моря и срывая горы, а нам нехватает всего нашего добра даже на необходимое. Они строят себе по два или более дома подряд, а у нас нет нигде домашнего очага. Они покупают картины, статуи (металлические), вазы, украшенные гравировкой, ломают еще новые дома и строят другие, наконец всеми средствами расточают и тратят свои деньги, и все-таки не могут победить необузданной расточительностью своего богатства. У нас дома — нужда, вне стен его — долги, дурное настоящее, еще худшее будущее, в конце концов ничего, кроме жалкого существования. Неужели же мы никогда не воспрянем? Вот-вот, почти перед вашими глазами та свобода, которой вы часто желали, а кроме того, богатство, почет и слава; судьба назначила все это наградой победителям. Само существо дела, опасности, нужда и пышные трофеи войны должны возбуждать вас сильнее, чем моя речь. Сделайте меня начальником или рядовым воином, я ваш душой и телом. Вот что надеюсь я осуществить при вашем содействии, как консул, если только моя проницательность не обманывает меня и вы не предпочтете долю раба доле властелина».

Всю эту речь выслушали люди, у которых в изобилии было всего дурного, но ни в настоящем, ни в будущем ничего хорошего. Хотя им и казалось весьма заманчивым произвести переворот в спокойном государстве, однако большинство из них требовало, чтобы Катилина выяснил, каковы будут условия гражданской войны, каких преимуществ будут они домогаться с оружием в руках, какими средствами и где они располагают, на что вообще могут рассчитывать. Тогда Катилина обещал им составление новых долговых списков, проскрипции богачей, гражданские и жреческие должности, хищения и все, чем сопровождается гражданская война и произвол победителей. Далее он говорил, что в ближней Испании⁶ стоит с армией Пизон, а в Мавретании — Публий Ситтий Нуперин, его сообщники; консульства добивается Гай Антоний, который, как он надеется, будет ему товарищем по должности, человек, близкий ему и опутанный всяческими затруднениями; сделавшись консулами, они приступят к действиям. Кроме того, Катилина осыпал бранью всех оптиматов, превозносил своих сообщников, обращаясь к каждому в отдельности: одним он указывал на гнетущую нужду, другим напоминал их страстные желания и грозившую опасность суда и позора, третьим — победу Суллы, которая доставила им когда-то добычу. После того как он убедился, что все пришли в бодрое настроение, он напомнил им еще раз, чтобы они позаботились об успехе его домогательства консульской власти, и распустил собрание...

В заговоре Катилины принимал участие Квинт Курий, человек знатного происхождения, запятнавший себя пороками и преступлениями, которого за безнравственный образ жизни цензоры исключили из сената. В этом человеке было не меньше тщеславия, чем дерзости; он не мог промолчать о том, что слышал, не умел скрывать и своих преступлений; вообще ни слова его, ни поступки никогда не были достаточно взвешены. У него давно существовала безнравственная связь с знатной женщиной Фульвией; когда она стала охладевать к нему, так как нужда сделала Курия менее щедрым, он то хвастливо сулил ей золотые горы, то грозил мечом, если она не будет ему покорна; словом, он стал вести себя с нею еще более нагло, чем прежде. Однако Фульвия, узнав причину усилившейся разнузданности Курия, не захотела держать в тайне столь великой опасности, грозившей государству, и рассказывала, не называя источника, многим лицам все, что она когда-либо слышала о заговоре Катилины. Это обстоятельство более всего побудило вручить консульскую власть Марку Туллию Цицерону. В самом деле, до этого большая часть знати пылала к нему завистью и считала, что достоинство консульской власти как бы осквернится, если ее достигнет «новый» человек⁷, каким бы выдающимся он ни был. Но когда пришла опасность, зависть и высокомерие отступили на второй план.

Поэтому в выборных комициях консулами были провозглашены Марк Туллий Цицерон и Гай Антоний, событие, первоначально сильно поразившее участников заговора. Однако безумие Катилины нисколько не уменьшилось; со дня на день он проявлял все усиливавшуюся деятельность, заготовлял по всей Италии, в удобных местах, оружие, а деньги, полученные заимообразно на собственное имя или на имя друзей, отсылал в Фезулы к некоему Манлию, который впоследствии первый поднял вооруженное восстание. В это время, говорят, он привлекал на свою сторону множество людей всякого рода, даже некоторых женщин, которые раньше продажею тела покрывали свои огромные издержки, а потом, когда возраст положил предел такому приобретению средств, но отнюдь не роскоши, вошли в огромные долги. Катилина рассчитал, что через них он сможет поднять городских рабов, поджечь город, привлечь на свою сторону или умертвить их мужей.

Среди этих женщин была Семпрония⁸, которая совершила много злодеяний, более свойственных мужской дерзости...

Несмотря на приготовления к перевороту, Катилина, тем не менее, домогался консульства на следующий год: он надеялся, что если будет выбран, легко сделает из Антония все, что захочет. Не довольствуясь этим, он всеми средствами строил козни Цицерону. Но и у последнего не было недостатка в хитрости и находчивости. С самого начала своего консульства он щедрыми обещаниями добился через Фульвию, что Квинт Курий, о

котором я немного ранее упомянул, выдавал ему планы Катилины. Кроме того, уступкой выгодной провинции он побудил своего товарища Антония не предпринимать ничего против государства⁹; вокруг себя он тайно держал охрану из друзей и клиентов. Когда наступил день выборов и Катилине не удалось ни его домогательства, ни козни, которые он на самом Марсовом поле строил консулу, он решил возбудить гражданскую войну и прибегнуть к самым крайним и отчаянным попыткам, так как все его тайные предприятия терпели позорную неудачу.

Итак, он послал Гая Манлия в Фезулы и прилежащую к ним часть Этрурии, некоего Септимия Камерта — в Пиценскую область, Гая Юлия — в Апулию и еще разных лиц в такие места, где каждый из них мог принести больше всего пользы. В то же самое время он в Риме был занят несколькими предприятиями одновременно: строил козни консулам, подготавливал поджог города в нескольких местах, занимал удобные места вооруженными людьми, сам носил при себе оружие и то же самое приказывал делать другим, убеждал их всегда быть наготове и настороже; днем и ночью проявлял он лихорадочную деятельность, бодрствовал, не уставал ни от бессонницы, ни от труда. Наконец, когда, несмотря на свою напряженную деятельность, Катилина ни в чем не добился успеха, он снова созвал в глухую ночь главарей заговора в дом Марка Порция Леки. Тут горько жаловался он на их малодушие: объяснил им, что он уже послал вперед Манлия к тем приверженцам, которых он подготовил для вооруженного восстания, а также и других лиц в другие подходящие места, чтобы они приступили к действиям. Он говорил, что желает сам отправиться к войску, если только ему удастся раньше устранить Цицерона, который больше всего вредит его планам.

Пока остальные колебались в нерешительности и страхе, римский всадник Гай Корнелий и вместе с ним сенатор Люций Варгунтей обещали Катилине свое содействие и решили на следующий день рано утром проникнуть с вооруженными людьми в дом Цицерона, как бы для приветствия, и зарезать ничего не подозревающего и захваченного врасплох консула в собственном его доме. Как только Курий понял, какая опасность угрожает консулу, он сейчас же, через Фульвию, предупредил Цицерона о подготавливавшемся коварном покушении. Таким образом вышло, что заговорщики, не принятые Цицероном, напрасно затеяли столь ужасное злодеяние. Между тем Манлий в Этрурии подстрекал к восстанию простой народ, который жаждал переворота, измученный нуждой и горькой несправедливостью, так как во время господства Суллы он потерял землю и все свое добро; кроме того, Манлий возбуждал разбойников всякого рода, большое число которых находилось в этих местах, а также некоторых из сулланских колонистов, у которых вследствие распутной

жизни и роскоши ничего не осталось из награбленного в громадном количестве добра.

Когда это было доведено до сведения Цицерона, консул встревожился двойной опасностью: он не мог долее собственными средствами поддерживать безопасность в городе и не знал с достаточной определенностью, каково войско Манлия и в чем состоят его планы. Он доложил все дело сенату, уже без того встревоженному бродившими среди народа толками. Поэтому сенат, как это бывает в моменты крайней опасности, постановил: «пусть консулы смотрят за тем, чтобы государство не потерпело никакого ущерба». Таким постановлением сената, по римскому закону, магистрату предоставляется чрезвычайная власть: набирать войско, вести войну, принимать репрессивные меры относительно союзников и даже граждан, иметь внутри государства и на войне верховную власть и право верховного суда; в обычное время ни одно из этих действий не закономерно для консула без постановления народного собрания.

Спустя немного дней сенатор Люций Сений прочитал в сенате письмо, которое, по его словам, было доставлено ему из Фезул; в письме этом сообщалось, что за шесть дней до ноябрьских календ Гай Манлий с большим числом людей поднял вооруженное восстание. Вместе с тем, как это обыкновенно бывает при подобных обстоятельствах, сообщали о предзнаменованиях и грозных явлениях природы, говорили, что происходят тайные сборища, собирают оружие, а в Капуе и Апулии готовится восстание рабов. Итак, по определению сената Квинт Марций Рекс и Квинт Метелл Кретик были посланы: первый в Фезулы и их окрестности, второй — в Апулию. Оба они стояли под городом, не слагая с себя полномочий командующих армиями; им мешали получить триумф интриги немногочисленных лиц, у которых вошло в обычай считать продажным все — честное и бесчестное. Кроме того, были отправлены: в Капуу претор Квинт Помпей Руф, а в Пиценскую область — Квинт Метелл Целер; им было поручено составить армии соответственно с обстоятельствами дела и размерами опасности. Далее были обещаны награды тому, кто сделает донесение относительно заговора, составленного против государства, а именно: рабу — свобода и сто тысяч сестерциев, свободному гражданину — полная безнаказанность и двести тысяч сестерциев. Вместе с тем сенат постановил, чтобы гладиаторские группы были удалены из Рима и распределены в Капуе и в других муниципиях, соответственно со средствами каждого города, и чтобы в Риме по всему городу были устроены ночные караулы и во главе их поставлены младшие должностные лица.

Сам Катилина пробыл несколько дней у Гая Фламиния в области Арреция, снабжая оружием окрестных жителей, уже раньше возбужденных к восстанию, и поспешил затем с ликторскими пучками и другими внешними знаками власти в лагерь к

Манлию. Когда это стало известным в Риме, сенат объявил Катилину и Манлия врагами отечества, для остальных был назначен срок, по истечении которого они могли безнаказанно сложить оружие, за исключением лиц, осужденных за уголовные преступления. Кроме того, сенат постановил, чтобы консулы произвели набор, чтобы Антоний с войском поспешил преследовать Катилину и чтобы Цицерон остался для защиты города.

В эту эпоху держава римского народа находилась, на мой взгляд, в весьма плачевном состоянии. В то время как все пространство от востока до запада было покорено оружием и повиновалось Риму, а внутри государства царили досуг и богатство, что многие смертные считают самым главным, нашлись все-таки граждане, которые в своем упорстве неуклонно стремились к собственной гибели и гибели государства. Действительно, несмотря на два постановления сената, никто из столь большого числа заговорщиков не раскрыл, соблазнившись наградой, планов заговора, никто не ушел из лагеря Катилины: с такою силою болезнь, как зараза, овладела умами граждан.

В это время в Риме Лентул и остальные главари заговора, заготовив, как им казалось, большие силы, решили, чтобы, когда Катилина с войском вступит в прилежащую к городу область, народный трибун Люций Бестия созвал народное собрание и начал жаловаться на образ действия Цицерона, возбуждая ненависть к доблестному консулу за тяжесть гражданской войны. Это должно было послужить сигналом для всей остальной массы заговорщиков в ближайшую ночь исполнить возложенную на каждого из них обязанность. Роли заговорщиков, как говорили, были распределены следующим образом: Статилий и Габиний с большим отрядом должны были поджечь город в двенадцати удобных местах одновременно, чтобы в замешательстве легче было напасть на консула и прочих лиц, на которых готовилось покушение. Цетег должен был подстергать консула у дверей его дома и произвести на него вооруженное нападение; в числе других поручений, возложенных на различных людей, юношам, не освободившимся еще, [как несовершеннолетним], от власти отцов, большинство которых принадлежало к знати, было предписано убить своих родителей; среди всеобщего смятения, произведенного пожарами и резней, заговорщики должны вырваться из города навстречу Катилине. Среди этих приготовлений и решений Цетег постоянно жаловался на бездействие своих сообщников: он говорил, что они своими колебаниями и отсрочками упустили много удобных случаев; в таком опасном предприятии нужны действия, а не рассуждения; он, с своей стороны, готов с немногочисленными помощниками, несмотря на бездействие остальных, произвести нападение на здание сената. По природе это был человек необузданный и сильный, на все готовый; он видел в быстроте действий залог величайшего успеха.

Аллоброги¹⁰, согласно предписанию Цицерона, при посредстве Габиния вступили в сношения с остальными заговорщиками. Они потребовали от Лентула, Цетега, Статилия, а также Кассия письменного клятвенного обещания, скрепленного печатью каждого, для представления его своим согражданам; в противном случае, говорили они, нелегко будет побудить их к столь важному шагу. Все остальные, ничего не подозревая, дали такие клятвы, а Кассий обещал, что он сам прибудет в скором времени в Галлию, и немного ранее послов выехал из города. Лентул отправил вместе с ними одного кротонца, Тита Волтурция, чтобы аллоброги, прежде чем отправиться домой, скрепили свой союз взаимными клятвами с самим Катилиной. При этом он передал Волтурцию письмо к Катилине, копия которого приводится ниже: «Кто я, ты знаешь от того, кого я к тебе послал. Подумай, наконец, в каком бедственном положении ты находишься, и помни, что ты муж. Обдумай и рассчитай, что требуют твои интересы. Ищи помощи у всех, даже у стоящих всего ниже». К этому письму он велел на словах прибавить следующее: «После того как сенат объявил тебя врагом отечества, зачем отталкиваешь ты от себя рабов. В городе готово все, что ты приказал. Не медли, и сам подступи к нему».

Когда все это было устроено и наступила ночь, в которую отправятся послы, Цицерон, осведомленный обо всем через самих послов, приказал преторам Люцию Валерию Флакку и Гаю Помптину устроить засаду на Мульвиевом мосту и захватить аллоброгов со всею их свитой; он объявил преторам цель возложенного на них предприятия, предоставив в остальном действовать сообразно с обстоятельствами. Они, как военные люди, без всякого шума и замешательства устроили засаду, тайно оцепив, согласно предписанию, мост. После того как послы с Волтурцием подошли к этому месту и с обеих сторон моста одновременно раздался крик, галлы, сразу поняв, в чем дело, без всякого замедления сдались преторам; Волтурций сначала ободрял остальных и мечом отбивался от наступавшей на него толпы, затем, оставленный галльскими послами, он сперва долго молил о своем спасении Помптина, с которым был знаком, но, в конце концов, оробев и отчаявшись спасти свою жизнь, сдался преторам.

Все происшедшее через вестников быстро было доложено консулу. Сильная забота и великая радость одновременно овладели им. Он радовался, что с раскрытием заговора государство избавлено от опасностей, но, с другой стороны, тревожился и сомневался, что следует делать после того, как столь видные граждане изобличены в величайшем преступлении: он ясно сознавал, что наказание их падет на него тяжелым бременем, а безнаказанность послужит к гибели государства. Наконец, собравшись с духом, он приказал позвать к себе Лентула, Цетега, Статилия и Габиния, а также Цепария, который собирался уже

отправиться в Сицилию для возмущения рабов. Все немедленно явились, а Цепарий, узнав о доносе, скрылся незадолго до этого из дома и убежал из города. Лентула, который был претором, консул сам, держа за руку, привел в сенат; остальных он приказал под стражей доставить в храм Согласия. Туда созвал он сенат, и когда сенаторы собрались в большом числе, приказал ввести Волтурция с послами аллоброгов, а претору Флакку доставить туда же ящик с письмами, полученными от послов.

Пока это происходило в Риме, Катилина из всех тех людей, которых он сам привел и которых имел Манлий, составил два легиона, образовав когорты сообразно с общим числом солдат. Затем, по мере того как в его лагерь являлись добровольцы или кто-нибудь из союзников, он распределял их равномерно по когортам и вскоре довел свои легионы до полного комплекта, тогда как сначала он имел не более двух тысяч человек. Однако из всего этого количества едва четвертая часть была снабжена боевым оружием, остальные носили случайное вооружение: охотничьи и легкие копья, а иные — заостренные колья. Но после того как стал приближаться с войском Антоний, Катилина направился к горным проходам, то приближаясь к Риму, то направляясь к Галлии и не давая врагам удобного случая сразиться: он надеялся, что скоро у него соберутся большие силы, если сообщники доведут до конца его начинания в Риме. Между тем он отвергал содействие рабов, которые первоначально сходились к нему в лагерь в большом числе, полагаясь на средства заговора и считая вместе с тем неблагоприятным для своих интересов, если окажется, что он смешал дело римских граждан с делом рабов.

Когда же в лагерь Катилины пришло известие, что заговор в Риме обнаружен и что Лентул, Цетег и прочие, о которых я выше упомянул, подверглись казни, весьма многие, кого привлекла к участию в пражданской войне надежда на грабежи и государственный переворот, разбежались, а остальных Катилина отвел большими переходами через крутые горные перевалы в область Пистории, чтобы горными тропами незаметно перебраться в Заальпийскую Галлию. Но в Пиценской области находился Квинт Метелл Целер во главе трех легионов, предполагавший, что Катилина в своем затруднительном положении предпримет как раз тот шаг, о котором я только что сказал. Поэтому, когда он от перебежчиков узнал о направлении его движения, он быстро передвинул свой лагерь и засел у самой подошвы тех гор, где представлялся удобный спуск для Катилины, спешившего в Галлию. Антоний, в свою очередь, был недалеко, так как он с большим войском, ничем не стесненный, преследовал по более ровной местности врага, затрудненного в своем бегстве горными переходами. Катилина, видя, что путь ему отрезан горами и армиями врагов, а в Риме его замыслы потерпели

неудачу, так что не было никакой надежды ни на бегство, ни на какую-либо помощь, счел, что в таких обстоятельствах для него всего лучше испытать счастье в битве, и потому решил как можно скорее сразиться с Антонием. Поэтому он созвал военную сходку и произнес речь следующего содержания:

«Я по опыту знаю, воины, что слова не прибавят никому доблести и речь полководца не делает малодушного бодрым, труса храбрым. Сколько мужества присуще душе каждого благодаря его характеру и врожденным свойствам, столько и обнаруживается обыкновенно на войне. Кого не возбуждают ни слава, ни опасность, к тому напрасно было бы обращаться со словами ободрения; душевный страх делает его глухим. И все-таки я созвал вас, чтобы сделать вам некоторые указания и вместе с тем открыть сущность моего намерения. Вы знаете, конечно, воины, какой непоправимый удар беспечность и малодушие Лентула нанесли нам и ему самому, и почему я, ожидая подкреплений из Рима, не мог направиться в Галлию. В каком положении теперь наши дела, вы все знаете так же хорошо, как и я сам. Две армии врагов, одна со стороны Рима, другая со стороны Галлии, угрожают нам. Оставаться долее в этих местах, даже при всем желании, не позволяет нам недостаток провианта и всего остального. Куда бы мы ни захотели направиться, нам нужно мечом пролагать себе путь. Поэтому я убеждаю вас быть мужественными и на все готовыми духом, а когда вступите в бой, помнить, что вы держите в своих руках богатство, почести, славу, наконец, свободу и отечество. Если мы победим, нас ожидают полная безопасность, изобилие провианта; перед нами открыты колонии и муниципии; если же мы отступим в страхе, все направится против нас, и ни местность, ни друзья не защитят тех, кого не защитило оружие. Кроме того, воины, не одна и та же крайность висит над нами и ими: мы сражаемся за отечество, за свободу, за нашу жизнь, — им нет никакой нужды сражаться за могущество немногих. Поэтому тем смелей нападайте, помня о прежней доблести. Вам можно было бы с величайшим позором влечь свою жизнь в изгнании, вы могли бы, некоторые, потеряв все свое имущество, дожидаться в Риме подачек от других; но вы решили последовать сюда потому, что вам все это казалось отвратительным и невыносимым для мужей. Если вы хотите выйти из этого положения, вам необходимо мужество; никто, кроме победителя, не меняет войны на мир. В самом деле, надеяться на спасение в бегстве, отвертив от врага оружие, защищающее наше тело, это безумие. Всегда в сражении величайшая опасность грозит тому, кто больше всего боится, — мужество служит каменной стеной. Когда я думаю о вас, воины, и взвешиваю ваши подвиги, меня охватывает великая надежда на победу. Меня убеждает в ней ваш дух, возраст, доблесть, а кроме того, крайняя опасность, которая даже трусов делает храбрыми. Теснота местности мешает врагу обойти вас

своею численностью. Если же судьба позавидует вашей доблести, не отдавайте своей жизни даром, помните, что попав в плен, вы будете перебиты, как бараны, а сражаясь, как мужжи, вы дадите врагу победу только ценою крови и слез».

Когда он сказал эту речь, то, помедлив немного, он приказал подавать сигнал и, выстроив ряды, повел свое войско вниз на равнину...

Петрей, [легат Антония], после тщательной разведки, подал сигнал когортам перейти в немедленное наступление. То же сделало и неприятельское войско. Когда войска сблизились настолько, что легковооруженные могли завязать битву, обе стороны с громким криком бросились друг на друга со знаменами наперевес. Дротики были отброшены, бились мечами. Ветераны, помня о прежней доблести, ожесточенно наступали в рукопашной схватке с врагами, но и те оборонялись мужественно, и сражение шло с величайшим ожесточением. Между тем Катилина со своим на все готовым отрядом все время находился впереди, спешил на помощь пришедшим в затруднение, вызывал свежих солдат на место раненых, все предусматривал, сражался сам и часто наносил удары врагам: он выполнял одновременно обязанности ревностного воина и хорошего полководца. Когда Петрей увидел, как Катилина, вопреки его ожиданиям, оказывает ожесточенное сопротивление, он направил в центр врагов преторскую когорту; она разорвала центр, и большинство врагов, после ожесточенного сопротивления в различных местах, было перебито; покончив с центром, с обеих сторон ударили на фланги неприятеля. Манлий и фезуланец пали оба, сражаясь в первых рядах. Когда Катилина увидел, что войско его разбито и уцелел только он с немногими, он, помня о своем роде и прежнем достоинстве, бросился в самую гущу врагов и там, сражаясь, пал пронзенный мечами.

Только по окончании сражения можно было составить себе истинное представление о том, сколько смелости и силы воодушевления было в войске Катилины. Почти каждый из его воинов, мертвый покрывал своим телом то самое место, которое он, живой, занимал сражаясь. А те немногие, которых в центре разбросала преторская когорта, пали хотя и в большом беспорядке, но все имели почетные раны в груди. Катилину нашли далеко от своих, среди трупов врагов; он еще слабо дышал и лицо его сохранило то же выражение неукротимой душевной силы, какое оно имело при жизни. Наконец, из всего войска Катилины ни один свободный гражданин не был взят в плен в сражении или во время бегства; до такой степени все так же мало щадили свою жизнь, как и жизнь врагов. И войско римского народа достигло победы, отнюдь не радостной и не бескровной. Все наиболее мужественные или были убиты в бою или вышли из него тяжело раненными. Многие, которые выходили из лагеря, чтобы осмотреть поле битвы или пограбить, поворачи-

вая вражеские трупы, узнавали кто друга, кто гостя, кто родственника; были и такие, кто узнавал личного врага. Радость и печаль, уныние и веселье, сменяя друг друга, овладели войском.

«Античный способ производства», № 707.

¹ Имеется в виду диктатура Люция Корнелия Суллы (82—79 гг. до н. э.).

² Здесь говорится о ветеранах Суллы, которые разбогатели после проскрипций, а кроме того получили земельные наделы в Италии.

³ В то время римские легионы под командой Помпея сражались с Митридатом Понтийским.

⁴ В первых числах июня.

⁵ *Тетрарх* (греческий термин) — буквально — правитель четвертой части страны, здесь — наместник незначительной области.

⁶ В то время провинция Испания была разделена на две части по течению реки Эбро — на ближнюю (*citerior*) и дальнюю (*ulterior*).

⁷ «Новый» человек (*homo novus*) — человек незнатного происхождения, предки которого не занимали высших должностей в государстве.

⁸ Семпрония происходила из рода Семпрониев, к которому принадлежали Тиберий и Гай Гракхи.

⁹ Цицерон уступил Антонию богатую провинцию Македонию, в которую он получил назначение от сената.

¹⁰ *Аллоброги* — галльское племя, покорено было римлянами в 121 г. до н. э. Оно неоднократно отправляло в сенат посольства с жалобами на хищения римских чиновников.

№ 52. ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

(Аппиан, Гражданские войны, II, 2—7)

[В 64 г. до н. э.] Гай Катилина ¹, известный своей громкой репутацией и знатным происхождением, человек легкомысленный, убивший, кажется, даже своего сына из-за любви к Аврелии Орестилле, которая не соглашалась выйти замуж за человека, имевшего ребенка, бывший другом Суллы, его ревностным сторонником и приверженцем, благодаря честолюбию докатившийся до нищеты, но оставшийся еще пока в фаворе у влиятельных мужей и женщин, этот-то Катилина начал домогаться консульства, надеясь таким путем захватить тираническую власть. Хотя он и очень надеялся быть избранным в консулы, однако, из-за подозрения к его намерениям, его кандидатура потерпела неудачу, и [в 63 г. до н. э.] Цицерон, выдававшийся искусством речи и ораторским талантом, был избран консулом вместо него. Катилина, надругаясь над лицами, избравшими Цицерона, издевался над последним и называл его, имея в виду незначительность его происхождения, «новым» [так именуют людей, добившихся известности благодаря своим личным качествам, а не заслугам предков]; а так как Цицерон не был природным римлянином, то Катилина называл его «инквиллином» — [так называют людей, снимающих квартиру в чужих домах]. Сам Катилина с того времени совершенно отошел от государственной деятельности, так как-де она не ведет быстро и верно к единодержавию, но зато полна раздоров и интриг.

Собирая большие суммы от многих женщин, которые надеялись во время восстания отделаться от своих мужей, Катилина вошел в соглашение с некоторыми из сенаторов и так называемых всадников, собирал обыкновенных граждан, иностранцев и рабов. Главари у него во всех его предприятиях были тогдашние преторы Корнелий Лентул и Цетег. По Италии Катилина рассылал своих людей к тем сулланцам, которые растратили все те барыши, что они получали в результате насилий, бывших при Сулле, и теперь стремились к такого же рода делам: в этрусские форумы он послал Гая Манлия, в Пицен и Апулию—других людей, которые тайно набирали ему войско. Обо всем этом, о чем тогда еще ничего не знали, донесла Цицерону одна знатная женщина по имени Фульвия. Ее любовник Квинт Курий, который был устранен из сената вследствие многих неблагоприятных поступков и который удостоен был поэтому чести союза с Катилиной, весьма легкомысленно рассказывал своей возлюбленной о заговоре и хвастался, что он скоро достигнет высокого положения. Ходили уже слухи и о том, что творилось в Италии. Поэтому Цицерон расставил в различных пунктах города караулы и разослал многих из числа знатных во все подозрительные места наблюдать за происходящим. Катилина, хотя никто не осмеливался его арестовать, так как ничего не было точно известно, тем не менее был в страхе и, считая, что чем дольше он будет тянуть время, тем больше явится против него подозрений, возлагал все свои надежды на быстроту действий. Поэтому он послал предварительно деньги в Фезулы и, поручив заговорщикам убить Цицерона и поджечь город в одну ночь во многих местах, сам отправился к Гаю Манлию, чтобы тотчас же собрать новое войско и напасть на город во время пожара. Со свойственным ему легкомыслием, Катилина, в предшествии ликторов с пучками веток и [вложенными в них] секирами, как будто он был проконсулом, направился к Манлию набирать войско. Лентул же и заговорщики решили, что как только они узнают о прибытии Катилины в Фезулы, то сам Лентул и Цетег на заре будут караулить у дверей дома Цицерона со спрятанными [под одеждой] кинжалами. Они надеялись, что им будет позволено войти в дом благодаря занимаемому ими положению; войдя, они заведут какой-нибудь разговор, затянут его во время прогулки и тем временем убьют Цицерона, отвлекая его от других [посетителей]. А народный трибун Люций Бестия тотчас же созывает через глашатая народное собрание и обвинит Цицерона в том, что он трус, всегда устраивает раздоры и будоражит город, когда нет никакой опасности. Во время речи Бестии другие заговорщики с наступлением ночи в двенадцати местах подожгут город и станут грабить и убивать именитых людей. Так было решено Лентулом, Цетегом, Статилием и Кассием, главари заговора, и они только ждали удобного момента. [В это время в Рим

прибыли послы аллоброгов².] Так как аллоброги были недовольны римским управлением, то их послов... [пропуск в тексте] склонил вступить в заговор Лентул с тем, чтобы поднять против римлян Галлию... Лентул послал вместе с ними к Катилине кротонца Волтурция с письмом, не содержащим подписи. Но аллоброги, находясь в нерешительности, посвятили во все Фабия Сангу, своего патрона — у каждого государства есть в Риме какой-нибудь патрон³. Узнав обо всем от Санги, Цицерон приказал схватить уезжавших аллоброгов и Волтурция и тотчас привести их в сенат. Они признались, что вошли в соглашение с приверженцами Лентула, а затем, когда их увозили, рассказали, как Корнелий Лентул часто говорил, что трем Корнелиям суждено быть римскими самодержцами, двое из которых, Цинна и Сулла, уже были... [пропуск в тексте]. После того как это было сказано, сенат отрешил Лентула от власти, а Цицерон, отводя каждого [из уличенных заговорщиков] в дома преторов, тотчас вернулся обратно и приступил к проведению относительно их голосования. Вокруг здания сената стоял шум, так как в точности еще ничего не было известно, и страх охватил соучастников заговора. Рабы и вольноотпущенники самого Лентула и Цетега, прихватив многих ремесленников, прошли улицами, шедшими за зданием сената, и окружили дома преторов, чтобы освободить своих господ. Цицерон, узнав об этом, выбежал из здания сената и, поставив в нужных местах стражу, возвратился обратно и стал торопить сенат с принятием решения. Первым начал говорить Силан, избранный консулом на следующий год. Ибо у римлян будущий консул первый высказывает мнение, потому, как я думаю, что ему самому придется в будущем приводить в исполнение многие постановления и в силу этого он будет судить о каждом отдельном случае более обдуманно и осторожно. Многие соглашались с Силаном, полагавшим, что этих людей следует подвергнуть высшей мере наказания. Но когда дошла очередь до Нерона, он сказал, что считает более правильным держать захваченных под стражей до тех пор, пока не расправится с Катилиной военной силой и не расследует детально все дело. Гай Цезарь⁴, который не был свободен от подозрения в сообществе с этими людьми, но которого Цицерон не решился привлечь к ответственности вместе с другими, так как Цезарь пользовался большой популярностью народа, — Цезарь прибавил, что Цицерону следует, по его усмотрению, разместить заговорщиков по городам Италии [и держать их там], пока они не будут преданы суду, и после того как Катилина военной силой будет уничтожен: таким образом не будет совершено до следствия и суда ничего непоправимого по отношению к весьма известным людям. Так как это мнение показалось правильным и было встречено с сочувствием, то большинство сената готово было слишком поспешно переменить свое мнение. Тогда Катон, уже со-

вершенно ясно говоря о тяготеющем над Цезарем подозрении, и Цицерон, опасаясь, как бы ввиду наступающей ночи настроенная в пользу заговорщиков толпа, все еще бродящая по форуму и боящаяся за самое себя и за них, не совершила каких-либо эксцессов, убедили [сенат] вынести приговор без суда, как над лицами, пойманными на месте преступления. Тогда Цицерон, пока еще сенат не был распущен, тотчас приказал перевести арестованных из домов, [где они содержались], в тюрьму, в то время как толпа ничего об этом не знала, и умертвить их на его глазах, а затем, проходя мимо находившихся на форуме, он объявил об их смерти. Бывшие на форуме в ужасе стали расходиться, радуясь тому, что [их участие в заговоре] осталось не раскрытым. Таким образом город вздохнул свободно после сильного страха, охватившего его в этот день. Катилина же, который собрал около 20 000 человек и вооружил уже четвертую часть их, пошел в Галлию для дальнейшей подготовки. Но второй консул, Антоний, настиг его у подошвы Альп, и легко победил человека, который необдуманно замыслил необычайное дело и еще более необдуманно хотел осуществить его без достаточной подготовки. Ни Катилина, ни другой кто из его наиболее известных товарищей не сочли достойным для себя искать спасения в бегстве, но погибли, бросившись в самую гущу врагов. Так кончилось восстание Катилины, чуть-чуть не приведшее государство на край гибели.

«Античный способ производства», № 708.

¹ У Аппиана Катилина ошибочно называется Гаем. Известно, что его полное имя было Люций Сергей Катилина.

² Об аллоброгах см. прим. № 10 на стр. 154.

³ Здесь имеется в виду своеобразная форма отношений, при которой какое-нибудь знатное лицо (патрон) брало под опеку и защиту ряд людей и даже целые племена (они получали название *клиентов*).

⁴ *Гай Юлий Цезарь*, по данным некоторых античных авторов, также был замешан в заговоре Катилины (наряду с Марком Крассом).

№ 53. СОЮЗ ЦЕЗАРЯ, ПОМПЕЯ И КРАССА

(Дион Кассий, XXXVII, 55—58)

Дион Кассий Кокцейан родился в Никее в 155 г. н. э., получил хорошее образование. Он происходил из знатной семьи: отец его был сенатором. В 186—190 гг. он приехал в Рим и выступил там в качестве оратора, чем приобрел широкую популярность. Дион получил сенаторское звание, которое при Антонинах присвоено было многим уроженцам Востока. При императоре Макрине Дион Кассий управлял провинцией Пергамом (218 г.). Впоследствии он был два раза консулом, управлял отдельными провинциями: Африкой, Далмацией, Паннонией.

Основным трудом Диона Кассия была «Римская история», которую он писал в течение 22 лет. Она содержит 80 книг. Из них сохранились книги 36—60 (конец республики и начало империи), а из других — извлечения, сделанные византийским монахом Ксифилином в XI в. и историком Зонарой в XII в. Основное внимание Дион Кассий уделяет военной истории.

В изложении событий римской истории большое значение Дион Кассий придает элементу сверхъестественного, чудесного, верит в предопределение судьбы. По его мнению, лучшей формой правления является монархия, в которой император правит в полном согласии с сенатом и считается с мнением последнего. В произведении Диона, построенном, по словам автора, по образцу трудов Фукидида и Полибия, большую роль играет риторика. Источниками своими он пользовался далеко не всегда критически, поэтому данные Диона Кассия нуждаются в сопоставлении со сведениями других историков Рима.

Цезарь восстановил согласие между Крассом и Помпеем не потому, чтобы он хотел видеть их живущими дружно, но потому, что они были очень могущественны. Он знал, что без помощи обоих или даже кого-нибудь одного он не будет иметь особой силы и что если он одного, не важно кого именно, приобретит к своим интересам, то другой в силу этого станет его противником, который повредит ему больше, чем тот, кого он приобрел, будет ему полезен. С одной стороны, все люди казались ему имевшими более охоты, чтобы побороть их врагов, чем поддерживать их друзей не только потому, что гнев и ненависть внушают более энергические усилия, чем дружба, но также потому, что действующий за себя и действующий за другого не испытывают ни одинакового удовлетворения, если они успевают, ни одинаковой скорби, если терпят неудачу. С другой стороны, он видел, что в общем люди охотнее стараются создать препятствия человеку и помешать ему возвыситься, чем благоприятствовать его возвышению. Это делается по различным причинам, но особенно потому, чтобы не позволить ему возвышаться приятно для других и полезно для себя самого, между тем как при возвышении его создается затруднение и для себя самого, и для других.

Таковы были соображения, которые заставили тогда Цезаря приобрести расположение Помпея и Красса и примирить их. Он был убежден, что никогда не сможет стать могущественным без них, и не рассчитывал никогда оскорбить ни того, ни другого. Он не боялся также, что, примирившись, они станут могущественнее его, отлично зная, что сразу же с их дружбой он возвысится над другими и что вскоре после [этого] они будут содействовать, и тот и другой, тому, чтобы сделать его могущественнее себя. Так и случилось. Вот в каких видах Цезарь примирил их и старался привязать к себе. С своей стороны, Помпей и Красс, движимые личными соображениями, заключили мир, как только успокоились, и присоединили Цезаря к их планам. Помпей не был настолько могуществен, как он рассчитывал сделаться; в то же самое время он видел, что Красс пользовался большой силой, а Цезарь приобретает все больше и больше влияния, а он боялся быть раздавленным ими. Наконец, он льстил себя надеждой, что, соединясь лично с ними, он сможет при их содействии восстановить свое прежнее могущество. Красс воображал, что его происхождение и богатство должны поставить его выше

всех. Будучи много ниже Помпея и убежденный, что Цезарь призван к великой роли, он стремился повергнуть их в борьбу друг против друга, чтобы ни тот, ни другой не были могущественней его. Он рассчитывал, что в то время, как они будут бороться с равными силами, он воспользуется их дружбой и получит большие почести, чем они. Красс действительно не ставил задачей своей политики ни триумфа сената, ни народа, но делал все только ради своего личного могущества. Он стремился, равным образом, примирить сенат с народом, не навлекать на себя их ненависти, понравиться тому и другому, поскольку это было нужно, чтобы они считали его виновником того, что им было неприятно, без возможности приписывать ему свои неудачи.

Таким образом и в силу этих причин данные три лица вступили в дружбу друг с другом. Они подтвердили свой союз клятвами и завладели управлением в государстве. С тех пор они пришли к взаимному согласию и получили один от другого то, чего желали и что им было необходимо для устройства республики так, как им было угодно. Когда они соединились, преданные им партии также пришли к соглашению и делали под их руководством все, что хотели. Некоторые следы благоразумия оставались только у Катона и у тех, кто хотел казаться быть одушевленным теми же чувствами, как он, ибо среди людей, которые занимались тогда общественными делами, ни один, исключая Катона, не отличался неподкупностью и личной незаинтересованностью. Некоторые граждане краснели от того, что происходило, а другие, стремясь подражать Катону, приняли участие в управлении и показали себя в некоторых случаях достойными этого образца; но они не продолжали, потому что их усилия были искусственными и не имели источника в естественной добродетели.

Вот в какое состояние привели римские дела три лица, которые скрывали, насколько возможно, их взаимный клятвенный союз. Они делали только то, что решили по взаимному согласию. Но они скрывали это и принимали вид взаимной враждебной оппозиции, чтобы их единение оставалось возможно дольше неизвестным, т. е. до тех пор, пока они вполне надлежаще не приготовятся. Но их деяния не могли ускользнуть от ока божества, которое в этот самый момент показало людям, малоспособным понять подобные откровения, чего следует ожидать от этих лиц в будущем. Внезапно на город и на всю окрестную страну обрушился ураган с такой силой, что очень большое количество деревьев было вырвано с корнем и несколько домов разрушены; корабли, стоявшие на якоре на Тибре, у Рима или у устьев этой реки, были потоплены. Деревянный (свайный) мост был опрокинут равно как дощатый театр, построенный для какого-то торжества. Среди всех этих бедствий погибло очень много людей, как прообраз несчастий.

Перевод взят из «Хрестоматии», т. II, изд. 1936 г.

№ 54. БОРЬБА ЦЕЗАРЯ И ПОМПЕЯ

(Юлий Цезарь, Гражданские войны, III, 4)

Один из крупнейших политических деятелей Рима Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н.э.) оставил нам два произведения, в которых описывал современные ему события: «Записки о Галльской войне» и «Гражданские войны».

В «Записках» Цезарь дает картину завоевания Галлии Римом и борьбы галльских племен против римлян. Он пытается представить себя опытным, мудрым полководцем, гуманным даже по отношению к врагу.

В «Гражданских войнах» Цезарь описывает историю своей борьбы с Помпеем (49—48 гг. до н.э.), что, якобы, произошло против его воли. Сочинение это было написано, впрочем, как и первое, с определенной апологетической целью — оправдать себя, переложив всю ответственность за гражданские войны на Помпея и его сторонников.

Сочинения Цезаря, несмотря на субъективное освещение событий, важны нам потому, что являются свидетельствами участника описываемых событий.

Легионы Помпей составил из римских граждан: 5 из Италии, которые он переправил; один старый из Киликии, который, образованный из двух, он называл двойным; один из Крита и Македонии, из воинов-ветеранов, которые, отпущенные прежними полководцами, осели в этих провинциях; два из Азии, которые озабочились набрать консул Лентул. Кроме того, он распределил по легионам, под именем пополнения, большое число воинов из Фессалии, Беотии, Ахайи и Эпира; к ним он присоединил воинов Антония. Кроме этих легионов, он ожидал два из Сирии, со Сципионом. Что касается стрелков, то он имел их числом три тысячи из Крита, Лакедемона, из Понта и Сирии и остальных государств, пращников две шестисотенные когорты, конных 7 тысяч. Из них 600 галатов привел Дейотар¹; 500 — Ариобарзан² из Каппадокии; приблизительно такое же число дал Котис из Фракии и послал своего сына, Садалу; 200 были из Македонии, которыми командовал Раскиполый, отменной доблести; 500 габиниянцев из Александрии, галлов и германцев, которых Авл Габиний оставил там у царя Птолемея для охраны, — их доставил сын Помпея с флотом; 800 он набрал из рабов и пастухов своих и своих близких; 300 дали Таркондарий Кастор и Доннилай из Галлогреции, из них один пришел вместе, другой прислал сына; 200 были присланы Антиохом Коммагенским, которому Помпей даровал большие награды³; большинство среди них были конными стрелками. Сюда присоединил он дарданов⁴, бессов⁵, отчасти наемников, отчасти добытых приказом или распоряжением, также македонцев, фессалийцев и представителей остальных племен и государств и пополнил указанное нами выше число.

Перевод взят из «Хрестоматии», т. II, изд. 1936 г.

¹ *Дейотар* — тетрарх Галатии, в битве при Фарсале сражался на стороне Помпея.

² *Ариобарзан* — царь Каппадокии, также выступал против Цезаря в битве при Фарсале (раньше к его владениям были присоединены некоторые земли Киликии).

³ Во времена Помпея к владениям Коммагены, имевшей большое стратегическое значение в борьбе с Парфией, была присоединена крепость Селевкия, господствовавшая над южной переправой через Евфрат.

⁴ Дарданы — жители Дардании, области в верхней Мезии.

⁵ Бессы — горное фракийское племя, жило в области, прилегающей к Илирии.

№ 55. ДВИЖЕНИЕ ЛЖЕМАРИЯ

(Аппиан, Гражданские войны, III, 2 и 3)

Сенат обвинял Антония за его надгробную речь в честь Цезаря. Особенно был ею возбужден народ; невзирая на то, что объявленную амнистию, он бросился с зажженными факелами к домам убийц. Но Антоний примирил с собой раздраженную толпу следующим политическим мероприятием. Какой-то Амаций¹ присвоил себе ложно имя Мария. Он объявил себя внуком Мария и поэтому стал пользоваться расположением народа. Оказавшись благодаря своему мнимому происхождению в родстве с Цезарем, он выражал чрезмерную скорбь по поводу его смерти. Он воздвиг алтарь на месте погребального костра, держал при себе отряд смельчаков и постоянно угрожал убийцам, из которых некоторые покинули город, другие, получившие еще от самого Цезаря управление провинциями, разъехались по провинции. Говорят, что Амаций задумал устроить засаду против Кассия и Брута при первой же с ними встрече. Опираясь на эти слухи среди толпы, Антоний, в качестве консула, схватил Амация и без суда совершенно бесстрашно убил его. Сенат был поражен этим его поступком, как крупным нарушением закона. Однако, с удовольствием извлек из всего, что было ему полезно. Сенаторы понимали, что без столь решительных действий им не удастся добиться безопасности в деле Брута и Кассия.

Солдаты Амация и другие из народа, приверженные им, тосковали по Амацию и негодовали против происшедшего, особенно потому, что Антоний совершил этот поступок, опираясь на уважение к нему народа; они не хотели, чтобы к ним относились с презрением. Они захватили форум, с криками поносили Антония и требовали от магистратов, чтобы они вместо Амация осветили алтарь и первыми принесли на нем жертву Цезарю. Их гнали с площади посланные Антонием солдаты, но они еще больше возмущались и кричали, и показывали места, где прежде стояли статуи Цезаря впоследствии снятые. Когда же кто-то обещал им показать мастерскую, где переделывались эти статуи, они сейчас же бросились туда и, увидя мастерскую, подожгли ее, пока Антоний не подослал еще солдат. Тогда некоторые из них отбиваясь, были убиты, другие были схвачены и кто из них был рабом — повешены, а кто был свободным — сброшены со скалы².

Перев. В. С. Соколова.

¹ Амаций — грек по имени Герофил получил название Лжемария. Призывал народ отомстить за смерть Цезаря. Он был схвачен Антонием и каз-

нен; движение его приобрело широкий размах и представляло опасность для правящих классов.

² Имеется в виду Тарпейская скала.

№ 56. ПОЛОЖЕНИЕ АНТИЦЕЗАРИАНСКОЙ ПАРТИИ ПОСЛЕ УБИЙСТВА ЦЕЗАРЯ

1. ПИСЬМО Д. БРУТА к М. БРУТУ и КАССИЮ [Fam., XI, 1]

Сообщаю о нашем положении. Вчера вечером у меня был Гирций¹. Он дал ясно понять, в каком настроении находится Антоний. Увы, в самом плохом и самом ненадежном. Так, Гирций говорит, что Антоний не может дать мне² в управление провинцию³ и считает, что во всем Риме нет никого на нашей стороне, и даже чувства солдат и простого народа возмущены против нас. Я думаю, вы понимаете, что последнее ложь, а правдиво только одно: Антоний боится, что даже при незначительной поддержке нас у цезарианцев и у него не останется в республике ни одной партии.

Ввиду моего опасного положения, я решил настаивать на предоставлении мне и всем нашим выезда из Италии с предоставлением посольских прав, чтобы иметь какую-нибудь почетную причину отъезда. Он обещает добиться этого, однако я не верю. Слишком у них велики гнев и вражда к нам. Если даже Антоний согласится на нашу просьбу, то спустя немного времени все-таки будет считать нас врагами отечества и даже добиваться изгнания.

Итак, какое мое решение, ты спросишь? Надо предоставить дело судьбе. Я думаю, что необходимо покинуть Италию, переселиться на Родос или в какое-нибудь другое место. Если представится более благоприятный случай, вернемся в Рим. При неважных обстоятельствах — останемся в изгнании. При самых плохих — прибегнем к самой крайней защите — к оружию.

Может быть, в этот момент у кого-нибудь из вас возникнет вопрос: почему нам надо ждать самого крайнего случая, а не предпринять что-нибудь теперь? Поскольку мы не имеем места, где могли бы быть в безопасности, кроме Секста Помпея⁴ и Басса Цецилия⁵, которые, мне кажется, по получении известий о Цезаре будут еще более стойкими, то у нас достаточно имеется времени, чтобы присоединиться к ним, когда узнаем, насколько они сильны. За Кассия и за тебя, если вы захотите, я поручусь. Гирций даже требует это сделать.

Прошу вас как можно скорее мне ответить, так как не сомневаюсь, что Гирций известит меня обо всем до зимы. Сообщите, где мы могли бы встретиться, — туда я по вашему указанию и приеду.

После последнего разговора с Гирцием, я решил настаивать на разрешении остаться в Риме под общественной охра-

ной, хотя думаю, они нам не позволят, ведь мы возбудим против них большую ненависть. Однако считаю необходимым требовать все, что я нахожу справедливым.

2. ПИСЬМО ЦИЦЕРОНА К АТТИКУ [Att., XIV, 13]

(Путеолы или Кумы. 26 апреля 44 г.)

Цицерон шлет привет Аттику.

Только на седьмой день мне было доставлено твое письмо, которое ты отправил 19 апреля и в котором спрашиваешь, полагая, что я сам еще не знаю, нравится ли мне больше вид холмов или прогулка по равнине близ моря. Действительно, очарование, как ты говоришь, того и другого ландшафта так велико, что я не знаю, какому из них отдать предпочтение.

«...Но теперь не в пиршествах радостных дело.
Грозную гибель, питомец Кронида, близкую видя,
В трепете мы, в неизвестности, спасемся мы или
погибнем?»¹

Хотя ты писал мне много приятного в связи с прибытием Брута со своим легионом² — на него я возлагаю самую большую надежду, — однако, в случае возникновения гражданской войны, которая определенно будет, если Секст Помпей останется с войском, а он, знаю наверное, останется, то я в совершенном неведении, что мне делать. Ведь даже не будет возможности, как было в войне с Цезарем, остаться нейтральным. А эта шайка мерзавцев³ будет брать на учет каждого, проявившего радость по поводу смерти Цезаря — мы же все весьма явно проявляли радость, — и будет считать его в числе врагов, что поведет к большой резне. Остается нам удалиться в лагерь Секста Помпея или Брута. Положение дел в моем возрасте отвратительное и неблагоприятное, поскольку неопределенен исход войны, и не знаю, могу ли я сказать, но ты мне можешь:

«Дитя мое, не тебе заповеданы шумные брани.
Ты занимайся делами приятными сладостной речи»⁴.

Однако, предоставим это судьбе, которая в таких важных делах имеет большее значение, чем разум. Я же должен взвесить все, что необходимо в отношении самого себя, чтобы я, какое бы несчастье ни случилось, перенес его храбро и мудро, помня, что оно произошло по воле судьбы, и пусть меня утешают, как всегда, занятия науками и не меньше также Мартовские Иды.

Прими теперь участие в моем раздумье, которое меня волнует; так много приходит на ум и за и против. Я отправляюсь, как решил, в качестве посла в Грецию. Кажется, что я до некоторой степени избегаю грозящей мне опасности быть убитым, но подвергаю себя некоторому порицанию в том, что поки-

даю государство в такое для него тяжелое время. В случае, если я останусь, хотя знаю, что бесспорно буду в опасности, думаю при известных обстоятельствах мог бы принести пользу государству. Но вот следующие соображения частного порядка, а именно: я чувствую, что мне необходимо поехать в Афины, чтобы поддержать Цицерона-сына. Никакой другой причины поехать у меня не было, когда я принял решение отправиться туда послом от Цезаря. Итак, выскажи все соображения по этому вопросу, как ты имеешь обыкновение, когда считаешь что-либо важным для меня.

Перехожу к несчастному государству, или скорее к несуществующему государству. М. Антоний писал мне о помиловании Секста Клодия. Насколько почтительно в отношении меня, ты узнаешь из письма, я ведь послал тебе копию; насколько развязно, насколько грубо-угрожающе, что никогда, кажется, не было такой необходимости пожалеть об отсутствии Цезаря, ты легко сам оценишь. То, чего Цезарь никогда бы не сделал, не потерпел даже, теперь публично преподносится на основе его подложного завещания. Я по отношению к Антонию веду себя самым услужливым образом. Ведь он, поскольку однажды вбил себе в голову, что ему позволено все, что он хочет, сделал бы это, насколько не считаясь с моим желанием. Поэтому я посылаю тебе также копию моего письма к нему.

3. ПИСЬМО ЦИЦЕРОНА К КАССИЮ [Fam., XII, 1]

(Помпеянская вилла, 3 мая 44 г.)

Цицерон шлет привет Кассию.

Не перестаю, поверь мне Кассий, думать о тебе и о дорогом М. Бруте. Следовательно, обо всем государстве, вся надежда которого на вас и на Д. Брута. Да и у меня самого гораздо больше надежды с того момента, как дорогой Делабелла так блестяще выполнил государственный долг. Ведь раздоры в Риме ширились и ежедневно становились все необузданнее настолько, что я уже потерял всякую надежду на мир. Однако он подавил мятеж с такой силой, что, как мне кажется, мы навсегда будем в безопасности наконец от этого позорнейшего бедствия. Остальные дела значительны и по качеству и по количеству, но все зависит от вас. Однако разберем все по порядку. В самом деле, судя по тому, как шло дело до сих пор, кажется, что мы освободились от тирана, но не от тирании. Убивши деспота, мы выполняем все его веления. И не только это. Мы одобряем даже то, что им будто бы предполагалось сделать и чего он сам при жизни не сделал бы. Я не вижу даже конца этому: вывешиваются медные таблицы с постановлением Цезаря, даются освобождения от общественных повинностей, расточаются громадные денежные суммы, изгнанники возвращаются, объявляются ложные постановления сената. Таким об-

разом только кажется, что ненависть к бесчестному человеку и болезненное ощущение рабства нами изжито, государство же свергнуто в те же беспорядки, на которые он... обрек.

Все это вы должны привести в порядок. Нет необходимости доказывать, что вы много уже сделали для республики. Она, конечно, получила столько, сколько мне никогда и на ум не приходило желать, однако, государство недовольно и требует от вас большего в соответствии с величием вашего духа и вашего положения. До сих пор, после смерти тирана, оно через вас только мстило за свои обиды. Ничего больше. А каковы его собственные достоинства, которые оно приобрело? В том ли, что оно повинуетя мертвому, когда оно не могло терпеть его живого? Обязаны ли мы были по требованию долга уничтожить медные доски с его законами, а разве мы не защищаем его завещания? «Но ведь мы так решили»¹—скажешь ты? Мы, конечно, сделали это, уступая обстоятельствам, которые в политике имеют весьма большое значение. Но они² без меры и неблагодарно злоупотребляют нашей уступчивостью. Впрочем, мы об этом и о многом другом поговорим в ближайшем будущем лично. Кроме того, я хотел бы тебя убедить в том, что мне, как в интересах государства, которое я считаю самым для меня дорогим, так и ради своей любви к тебе, очень близко сердцу твоё почетное положение в государстве. Заботься о своем здоровье. Прощай.

4. ПИСЬМО ЦИЦЕРОНА К АТТИКУ [Att., XIV, 21]

(Путеолы. 11 мая 44 г.)

Только что 11 мая я отправил тебе письмо с письмоношцем Кассия, как пришел мой письмоносец и притом, что невероятно, без письма от тебя. Но я догадался, что ты был в Ланувии¹, а Эрот спешил доставить мне письмо от Долабеллы, который ответил мне не по поводу моего дела², так как он еще не получил моего письма, а на то письмо, копию которого я послал тебе, причём ответил прекрасно.

Ко мне вскоре, после ухода письмоносца Кассия, приехал Бальб³.

О, милостивые боги, ты легко мог бы видеть, как он боится мира! Ты знаешь его сдержанность, однако он сказал о планах Антония, а именно, что он объезжает ветеранов и просит их, чтобы они подтвердили акты Цезаря и поклялись сделать это; чтобы они все имели оружие и чтобы децемвиры ежемесячно инспектировали⁴. Бальб жаловался на недоброжелательность к нему, но вся речь его была такой, что он кажется любит Антония. Что говорить? Никакой искренности в нем нет.

У меня же нет сомнения, что дело идет к войне. Ведь известный подвиг был совершен мужественно, но с наивной

целью. Кто же не видит, что наследник тирана остался. Что может быть глупее:

«Бояться этого тирана и не страшиться другого»⁵.

Кроме того, в такое время многое неясно. Разве неаполитанской виллой Понтия не владеет мать тираноубийцы? ⁶. Да, мне необходимо чаще читать посланный тебе трактат «Катон Старший»⁷. Вед старость делает меня все раздражительнее. Я на все сержусь. Впрочем, я пожил. Пусть-ка попробуют молодые. Возьми на себя заботу о моих делах и впредь, как ты это делаешь теперь.

Я пишу, или скорее диктую это письмо у Вестория во время десерта. Завтра думаю быть у Гирция, и притом у единственного из пятерых, оставшегося верным⁸. Такого человека я готов привлечь к опиматам. Остальные бездельники. Из них нет никого, кто бы не боялся мира. Поэтому подумаем о бегстве. Ведь все что угодно лучше, чем война. Передай самый большой привет Аттике. Жду с нетерпением речь Октавия и другое, если что имеется. В особенности же, не собирается ли Долабелла уплатить мне долг? Или он аннулировал его за мой счет?

5. ПИСЬМО ЦИЦЕРОНА К АТТИКУ [Att., XIV, 22]

(Путеолы. 14 мая 44 г.)

Узнал от Пилии, что 15 мая к тебе отправляются письменносцы, наскоро тебе пишу. Прежде всего я 17 мая отсюда уезжаю в Арпинскую виллу. Поэтому пиши туда, если что-нибудь будет, хотя я сам в скором времени вернусь. Хочу все-таки прежде, чем приехать в Рим, более прилежно выведавать у богов, что мне суждено. Впрочем, со страхом ожидаю, что мои догадки оправдаются. Ведь совершенно ясно, что они намерены предпринять. Вот мой ученик, который сегодня у меня обедает, очень любит того, кого убил дорогой Брут, и, если хочешь знать, я это понимаю ясно, они боятся мира. Тема же их разговора, которая занимает их и с которой они носятся, та, что убит славнейший муж и что все государство с момента его смерти приведено в смятение, что все сделанное им, как только перестанем бояться, сойдет на нет; что его снисходительность послужила ему во зло и что если бы он не проявлял ее, то ничего подобного с ним не случилось бы.

Мне же приходит на ум, если Помпей придет с сильным войском, что вероятно, определенно будет война. Эта мысль тревожит меня. Мне теперь уже не удастся то, что тебе тогда удалось¹, так как я открыто выражал радость по поводу убийства Цезаря. Кроме того, они говорят, что я не был ему благодарен. Ниоим образом, следовательно, не удастся то, что тогда и тебе и многим другим удалось. Что же прикажете мне

явиться лично и пойти в лагерь? Тысячу раз лучше мне умереть, в особенности в таком возрасте. Итак, Мартовские Иды не столь утешают меня, как прежде. Они таят в себе большую ошибку, если знаменитые юноши ²

«Не искупят презрения своей страны благородным подвигом».

Однако, если ты надеешься на что-нибудь лучшее, так как ты и больше меня осведомлен и принимаешь участие в собраниях, то я хочу, чтобы ты мне об этом написал и вместе с тем, обдумал, что я должен предпринять в отношении благовидного отъезда. Правда, мне многие советуют при таких обстоятельствах не присутствовать в сенате 1 июня. Говорят, к этому дню тайно собирают солдат и, конечно, против тех, кто будет в большей безопасности где угодно, только не в сенате.

6. ПИСЬМО М. БРУТА И КАССИЯ к М. АНТОНИЮ [Fam., XI, 2]

(Ланувий. Конец мая 44 г.)

Если бы мы не были уверены в твоей честности и благосклонности к нам, мы бы не писали тебе этого письма, которое, при указанном настроении, ты, конечно, примешь благожелательно. Нам сообщают, что в Риме уже собралось большое количество ветеранов ¹ и ожидается гораздо больше к июньским календам. Если бы мы сомневались относительно тебя, или боялись тебя, мы были бы не похожи на самих себя. Но, поскольку мы сами отдались в твою власть и под влиянием твоего совета распустили из муниципий сочувствующих нам, и сделали это не только официальным распоряжением, но даже частным письмом, то мы достойны быть участниками твоих планов, в особенности в том деле, которое касается нас самих.

Поэтому мы просим тебя сообщить нам о твоём намерении в отношении нас. Можем ли мы надеяться быть в безопасности среди такого множества ветеранов, которые, как мы слышали, замышляют даже восстановить жертвенник ², к чему едва ли отнесутся с одобрением те, кто желает, чтобы мы были невредимы и пользовались уважением. Действительность доказала, что мы с самого начала стремились к миру и ничего не желали, кроме общей свободы. Нас никто не может обмануть, кроме тебя, что определенно чуждо и твоей доблести и твоей чести, и никто другой не имеет возможности одурачить нас, поскольку мы только тебе одному доверяем и будем доверять.

Наши друзья очень боятся за нас, и хотя им твоя честность известна ³, однако на ум приходит другое, а именно, что кто-нибудь легко может направить эту массу ветеранов куда угодно, и ты не сможешь их удержать. На все эти вопросы просим тебя ответить, так как имеется легкомысленный и даже вздорный слух, что будто бы ветераны вызваны в связи с твоим намерением поднять вопрос в июне месяце в защиту их интере-

сов. Думаешь ли ты, что кто-нибудь будет тебе помехой, поскольку в отношении нас известно, что мы будем нейтральны? Никто не должен думать, что мы лично слишком дорожим жизнью. Ведь с нами ничего не может случиться без гибели и расстройства во всех государственных делах.

7. ПИСЬМО ЦИЦЕРОНА К АТТИКУ [Att., XV, 11]

(Анций. 8 июня 44 г.)

Цицерон шлет привет Аттику.

Я приехал в Анций¹ 8 июня. Брут был рад моему приезду. Затем в присутствии многих, а именно: Сервилии, Тертуллы, Порции, я тщательно изложил, каков мой план. Присутствовал также Фавоний². Я, поскольку обдумал это в дороге, советовал Бруту взять на себя поручение по закупке хлеба в Азии. Ничего уже не остается, о чем бы мы могли думать, кроме как о своем спасении. В этом даже заинтересовано само государство. Когда я начал эту речь, вошел Кассий. Я повторил то же самое. В этот самый момент Кассий, разумеется, с решительным видом, ты бы сказал сам Марс его вдохновляет, заявил, что он в Сицилию не поедет. «Таков ли я, — говорит, — чтобы принять бесчестье за благодеяние». — «Что же ты думаешь делать?» — спросил я. — «Поеду в Ахайю». — «Что ты думаешь, Брут?» — «Я поеду в Рим, если тебе угодно». — «Мне меньше всего, ведь тебе грозит опасность», — сказал я. — «Ну, а если бы я мог быть в безопасности, хотел бы ты, чтобы я поехал?» — «Одно хочу, чтобы ты ни теперь, ни по окончании претуры не ехал в провинцию, но не советую доверяться Риму». Я ему сказал о том, о чем ты, конечно, догадываешься, почему он не будет в безопасности в Риме.

Затем, в продолжительной беседе мы скорбели и, конечно, главным образом Кассий, о потерянных возможностях и сурово обвиняли Децима. Я сказал, что бесполезно пенять на прошлое, однако соглашался. Когда я начал говорить о том, что необходимо делать, впрочем, ничего на самом деле нового, но то, о чем ежедневно говорят все, я однако не касался того пункта, что надо будет убить еще другого, но когда указал на то, что необходимо было созвать сенат, еще сильнее подстрекнуть возбуждение народа и взять управление государством в свои руки, твоя приятельница воскликнула: «Я, однако, никогда не слышала, чтобы кто-нибудь об этом говорил». Я прервал ее. Но мне показалось, что и Кассий намеревается уехать. Ведь Сервилия обещала постараться задержать постановление сената в связи с поручением по заготовке хлеба. Тогда Брут быстро отказался от своего беспочвенного замечания, которое он сделал, когда заявил, что он хочет быть в Риме. Следовательно, он решил, чтобы игры происходили от его имени в его отсутствие. Мне кажется, что я также готов уехать из Анция в Азию.

Короче, ничто меня в этой поездке не радует, кроме моего сознания в выполнении долга перед моими друзьями. На самом деле нельзя допускать, чтобы он удалился из Италии, не посоветовавшись со мной. Если исключить проявление любви и долга, то мне следовало самому себе сказать:

«О, мудрец, какая польза от твоей поездки сюда»³.

Одним словом, я нашел корабль расшатанным или, скорее, распадающимся на части. Ничего не делают по плану, ничего сообразно с разумом, ничего как следует. Итак, хотя я и прежде конечно не сомневался, однако, теперь еще меньше сомневаюсь, что надо поспешно удалиться отсюда и как можно скорее туда:

«Где не услышу ни о делах, ни о славе Пелопидов»⁴.

Но, послушай, ты, может быть, не знаешь, что Делабелла 2 июня назначил меня своим послом. Об этом мне было сообщено вчера вечером. Вотивное посольство тебе ведь не нравилось. И на самом деле абсурдно, после того как государство пало, выполнять те обещания, которые я давал за поддержку республики, тем более что свободное посольство имеет по закону Юлия ограниченные сроки, и этот срок нелегко может быть продлен. Я очень желаю такого рода посольства, чтобы, когда хочешь, можно было приезжать в Рим и уезжать. Это теперь мне дано. Действительно приятна возможность такого права, связанного со сроком на пять лет. Хотя стоит ли думать о пятилетии? Мне кажется, дело идет к кризису. Однако отбросим предсказания.

Примечания к 1-му письму

¹ *Л. Гирций*, приверженец Цезаря, служил при нем в Галлии в 58 г. После убийства Цезаря склонился на сторону Антония, но потом сошел с политической арены. В 43 г. вместе с Пансой был консулом. Затем сражался против Антония, разбил его при Мутине 14 апреля 43 г., где и был убит. Написал 8-ю книгу к запискам Цезаря о Галльской войне.

² *Децим Юний Брут Альбин* служил долго у Цезаря. Вместе с Планком в 42 г. был избран консулом. Стоял во главе заговора и был участником убийства Цезаря.

³ Провинция, о которой говорит Брут, была Цизальпинская Галлия, предназначенная ему Цезарем. Брут хлопотал о предоставлении ему выезда из Италии как бы с правами посла.

⁴ *Секст Помпей* после сражения при Мунде (Испания) стал собирать вокруг себя отдельных беглецов, чтобы обороняться против Азиния Поллиона.

⁵ *Цецилий Басс* с помощью парфян интриговал против Секста Юлия Цезаря, который был назначен в 46 г. правителем Сирии благодаря родственным связям с Гаем Юлием Цезарем.

Примечания ко 2-му письму

¹ К словам: «Но теперь не в пиршествах...» — цитата взята, чтоб показать, что в такое тяжелое время не до красот природы. Слова Одиссея из «Илиады» Гомера, IX, 228.

² Д. Брут отправлялся в Цизальпинскую Галлию, где имел 3 легиона — один состоял из новобранцев и два из ветеранов.

³ Цицерон имеет в виду Антония и его сторонников.

⁴ Цитата из «Илиады» Гомера, V, 428. Слова Юпитера к Венере.

Примечания к 3-му письму

¹ На заседании сената 17 марта в храме богини Земли сам Цицерон советовал забыть раздоры и ради мира сохранять и выполнять законы Цезаря.

² Имеется в виду Антоний и его соучастники.

Примечания к 4-му письму

¹ *Ланувий* — город в Лации.

² То-есть, о деньгах, которые Долабелла был должен Цицерону.

³ *Люций Корнелий Бальб* — консул в 40 г. до н. э., доверенное лицо Цезаря. После смерти последнего примкнул к Октавию.

⁴ «Ежемесячно его инспектировать» — фраза не ясна, так как слово «агта» испорчено, одни предполагают «ата», другие — «Castrа».

⁵ То-есть, Антония.

⁶ «Мать тираноубийцы» — т. е. Сервилия, мать М. Брута, которая сделалась владелицей неаполитанской виллы, раньше принадлежавшей Понтию Аквиле, участнику заговора. Он был легатом Д. Брута и пал в бою при Мутине. Сервилия, как говорили, была в близких отношениях с Цезарем.

⁷ «Трактат «Катон Старший» — т. е. «De Senectute» («О старости»).

⁸ Место испорчено. Может значить только, как «один из пятерых оставшихся» верными кружку, в который входили — Гирций, Панса Бальб, Октавиан, Лентул Спинтер и Филипп.

Примечания к 5-му письму

¹ «Что тебе тогда удалось» — т. е. соблюсти нейтралитет в гражданской войне.

² «Знаменитые юноши» — т. е. Брут и Кассий.

Примечания к 6-му письму

¹ Антоний предпринял путешествие по Италии с целью вызвать ветеранов в Рим к 1 июня. Многие из них пришли с ним, многие должны были прийти. Это вызвало большое смутение в Риме. К концу мая Антоний вернулся в Рим.

² «Восстановить жертвенник» — т. е. колонну Цезаря, которую сверг Долабелла.

³ Антоний обещал свою защиту.

Примечания к 7-му письму

¹ *Анций* — город в Лации. Любимое местопребывание римской знати.

² *Сервилия* — мать Брута, *Тертулла* (Терция) — его сестра и жена Кассия, *Порция* — жена Брута, дочь М. Катона, *М. Фавоний* — соперник Катона, друг Брута. Взят был как пленник в битве при Филиппах. Враг Октавия.

³ «О, мудрец...» — стих неизвестного поэта.

⁴ «Где не услышу... Пелопидов». Родственники Пелопа, сына фригийского царя Танталла, известные своей жестокостью и безбожием. Под Пелопидами Цицерон имеет в виду приверженцев Антония.

Перев. и прим. Н. И. Скаткина.

№ 57. МУТИНСКАЯ ВОЙНА

(Аппиан, Гражданские войны, III, 67—69)

Поспешно пройдя за ночь ущелье, Карсулей и Панса на рассвете вступили вместе с одними только когортами Марсова легиона и пятью другими на искусственно проложенную дорогу, еще свободную от врагов и стали оглядывать находившееся по обе стороны болото. Камыши были в движении, и это вызывало подозрения; потом здесь и там засверкали то щит, то шлем и внезапно появилась прямо перед ними преторианская когорта Антония. Солдаты Марсова легиона, окруженные со всех сторон, не имея возможности никуда податься, вели вновь набранным, если они им попадались, не вступать вместе с ними в трудный бой, чтобы по неопытности не внести беспорядка в их ряды. Преторианской когорте Антония они противопоставили преторианскую когорту Цезаря. Сами же, разделившись на две части, вошли в оба болота; одну часть возглавлял Панса, другую Карсулей. Так как было два болота, то было и два сражения, разделенные между собой дорогой, так что одни не знали, что происходит у других; на самой же дороге преторианские когорты вели еще одно сражение сами по себе. Солдаты Антония хотели наказать солдат Марсова легиона за переход к врагу, как изменников по отношению к ним, солдаты же Марсова легиона хотели наказать тех за равнодушие к убитым в Брундизии. Сознывая, что они являются самыми сильными частями в войске как Антония, так и Цезаря, они надеялись, что именно в этом бою они решат исход войны. Одним, бывшим в составе двух легионов, было стыдно потерпеть поражение от одного легиона врага, других воодушевляло честолюбие — победить в составе одного легиона два легиона противника.

Так они бросились друг на друга разъяренные, усердствуя не столько ради полководцев, сколько ради самих себя, считая этот бой своим личным делом. Наученные опытом, они не кричали, так как не рассчитывали напугать друг друга; никто у них не издавал ни звука в пылу боя, ни при победе, ни при поражении. Так как они сражались на болоте и на рывтинах, они не могли ни обходить противника, ни бежать, они стояли друг против друга, как вкопанные. Ни те, ни другие не могли наступать на противника, они поражали друг друга мечами как в поединке борьбы. Не было ни одного напрасного удара, но много было ранений и убийств и только стоны вместо крика. Кто падал, того сейчас же уносили и другой становился на его место. Не требовалось своим увещеваний, ни приказаний; каждый руководствовался своим большим опытом. Когда воины уставали, они, как на состязаниях, расходились для небольшой передышки, потом снова сходились. Только что вступившие в строй новобранцы были поражены, видя такую доблесть при соблюдении полного порядка и в полной тишине. В то время, как все так сра-

жались с нечеловеческими усилиями, преторианская когорта Цезаря была полностью уничтожена. Та часть Марсова легиона, которой командовал Карсулей, брала верх над противником, отступавшим понемногу, но без позорного бегства; те же, что были под командой Пансы, были тоже в тяжелом положении. Те и другие держались одинаково стойко, пока Панса не был ранен копьем в бок и отвезен в Бононию. Тогда его люди подались назад, сначала шаг за шагом, потом, повернувшись, двинулись скорее, как бы обратившись в бегство. Новобранцы, увидя это, тоже побежали в беспорядке до укрепления, которое возвел для них квестор Торкват, пока еще продолжалась битва, предполагая, что оно пригодится. Новобранцы в беспорядке столпились около этого укрепления, хотя были такими же италийцами, как и солдаты Марсова легиона — столько выучки дает преимущество в делах доблести даже среди людей одного племени. Солдаты Марсова легиона не вошли за вал, боясь позора, но стали перед ним, хотя они были крайне утомлены, они все же пылали желанием сразиться до победного конца, если бы только к ним подошел Антоний, но он воздержался от столкновения с Марсовым легионом, считая это дело слишком трудным; он напал на новобранцев и произвел среди них большую резню.

Перев. В. С. Соколова

№ 58. ВТОРОЙ ТРИУМВИРАТ

(Аппиан, Гражданские войны, IV, 2—3)

Цезарь¹ и Антоний с целью сменить вражду на дружбу сошлись вместе² вблизи города Мутины на островке, небольшом и плоском, находящемся на реке Лавинии; каждый из них имел при себе по пяти легионов. Расположив их друг против друга, они направились каждый в сопровождении трехсот человек к мосту через реку. Лепид³, пройдя вперед, осмотрел островок и сделал знак плащом, чтобы одновременно идти и тому и другому. Они оставили стоять на мостах со своими друзьями триста человек, которых они привели с собой, двинулись к середине островка на обозримое со всех сторон место, и все трое сели, причем Цезарь в силу своего звания занял место посередине. В продолжение двух дней, с утра до вечера совещаюсь между собою, они постановили следующее. Цезарь должен сложить с себя консульское звание, а Вентидий на остающуюся часть года принять его; учредить новую магистратуру, равную по значению консульской должности, для приведения в порядок государства после гражданских войн; эту должность предоставить Лепиду, Антонию и Цезарю в течение пяти лет. Решено было таким путем обойти титул диктатора, быть может, из-за предложения, внесенного Антонием, которым запрещалось на будущее время учреждение диктатуры. Тотчас же они должны

были назначить ежегодно сменяющихся городских магистратов на ближайшие пять лет. Управление провинциями должно было быть поделено так, что Антоний получал всю Галлию, исключая область, прилегающую к Пиренейским горам и называемую Старой Галлией, Лепид — эту последнюю и в придачу Испанию, Цезарь — Африку, Сардинию, Сицилию с остальными прилегающими островами.

Так разделили между собой власть над римлянами эти трое мужей, отложив вопрос о провинциях, расположенных по ту сторону Ионийского моря, потому что Брут и Кассий еще владели ими. Решено было, что Антоний и Цезарь поведут войну с Кассием и Брутом, тогда как Лепид должен стать консулом на следующий год и оставаться в Риме для ведения дел в нем, управлять же Испанией должен через посредство наместников. Из войска Лепида три легиона должны были остаться у него для охраны Рима, а семь легионов разделить между собою Цезарь и Антоний: три из них взять Цезарю, а четыре — Антонию, так чтобы каждый из них мог повести в поход 20 легионов. Они должны были уже теперь обнадежить войско наградами за победу, причем, помимо других подарков, предоставить им 18 италийских городов для поселения; эти города, отличающиеся богатством, плодородием почвы и красотой зданий, они намерены были вместе с землею и домами разделить между войском, как если бы эти города были завоеваны ими в неприятельской стране. Среди этих городов самые известные были Капуя, Регий, Ветувия, Беневент, Нуцерия, Аримин, Гиттлоний. Так лучшая часть Италии предназначалась для войска. Решено было также расправиться со своими личными врагами, чтобы они не мешали им в осуществлении их планов и во время ведения ими дальнего похода. Все эти постановления были записаны, и Цезарь, как консул, прочитал их войскам все, за исключением лишь проскрипционных списков. Солдаты, выслушав все это, запели военную песню и поздравляли друг друга с состоявшимся примирением.

Перев. Е. Г. Кагарова.

¹ Имеется в виду Гай Юлий Цезарь Октавиан, внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный последним.

² Свидание это имело место в начале ноября 43 г. до н. э.

³ *Марк Эмилий Лепид* — представитель знатного патрицианского рода, сторонник Цезаря. В союзе с Октавианом и Антонием играл незначительную роль.

№ 59. ПРОСКРИПЦИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ

(Аппиан, Гражданские войны, IV, 8, 11, 22, 35)

Проскрипции формулированы были так: «Марк Лепид, Марк Антоний и Октавий Цезарь, избранные для устройства и приведения в порядок государства, постановляют следующее: если бы негодные люди, несмотря на оказанное им по их просьбе состра-

дание, не оказались вероломными и не стали врагами, а потом и заговорщиками против своих благодетелей, не убили Гая Цезаря, который, победив их оружием, пощадил по своей сострадательности и, сделав своими друзьями, осыпал всех почетными должностями и подарками, и мы не вынуждены были бы поступить столь сурово с теми, кто оскорбил нас и объявил врагами государства. Ныне же, усматривая из их заговоров против нас и из судьбы, постигшей Гая Цезаря, что низость их не может быть укрошена гуманностью, мы предпочитаем опередить врагов, чем самим погибнуть. Да не сочтет кто-либо этого акта несправедливым, жестоким или чрезмерным, пусть он примет во внимание, что испытал Гай Цезарь и мы сами. Ведь они умертвили Цезаря, бывшего императором, верховным понтификом, покорившего и сокрушившего наиболее страшные для римлян народы, **первого из людей, проникшего за Геркулесовы столпы** в недоступное доколе море и открывшего для римлян неведомую землю, умертвили среди священного места во время заседания сената, на глазах у богов, нанеся ему 23 раны; это те самые люди, которые, будучи захвачены им по праву войны, были пощажены им ¹, а некоторые даже назначены в завещании наследниками его состояния ². Остальных же, вместо того, чтобы наказать их за такое преступление, поставили запятнанных кровью на должности и отправили управлять провинциями ³. Пользуясь этим, они расхитили государственные деньги, а теперь собирают на эти средства армию против нас, требуют других войск еще от варваров, постоянных врагов римского могущества. Из городов, подчиненных римскому народу, одни, ввиду оказанного ими неповиновения, они предали огню, сравнивали с землей или разрушили, другие же города, терроризованные ими, они восстанавливают против отечества и против нас.

Некоторых из них мы уже казнили, остальные, вы скоро это увидите, понесут, с помощью божества, кару. Но хотя важнейшие дела в Испании, Галлии и в Италии уже выполнены нами или находятся на пути к разрешению, все-таки еще остается одно дело — поход против находящихся по ту сторону моря убийц Цезаря. Если мы хотим вести эту внешнюю войну для вашего блага, то нам кажется, ни вы, ни мы не будем в безопасности, оставив в тылу прочих врагов, которые нападут во время нашего отсутствия и будут выжидать удобного случая при всех превратностях войны. С другой стороны, лучше не медлить с ними в таком спешном деле, но уничтожить их всех немедленно, коль скоро они начали против нас войну еще тогда, когда постановили считать нас и наши войска врагами.

И они готовы были погубить столько тысяч граждан вместе с нами, невзирая ни на возмездие богов, ни на ненависть людей. Никаких страданий народные массы не испытают от нас, и мы не станем выделять в качестве врагов всех тех, кто разошелся с нами или злоумышлял против нас, или кто выдается

своим чрезмерным богатством, влиянием, и не в таком количестве пострадают они, в каком другой диктатор, бывший до нас, умертвил, он, который также восстанавливал государство среди гражданской войны и которого вы за его деяния назвали Счастливым⁴; правда, неизбежно, чтобы у троих было врагов больше, чем у одного. Мы будем карать только самых закоренелых и самых виновных. И это столько же в ваших интересах, сколько лично в наших. Неизбежно, что во время нашей борьбы вы все, находясь между враждующими сторонами, будете сильно страдать. Необходимо далее, чтобы и армия, оскорбленная и раздраженная, объявленная нашими общими противниками вражеской, получила некоторое удовлетворение. И хотя мы могли приказать схватить тех, о которых это было решено немедленно, мы предпочитаем предварительно опубликовать их список, чем захватить их врасплох. И это опять-таки в ваших интересах; чтобы не было возможности разъяренным солдатам неистовствовать по отношению к невиновным, но чтобы солдаты, имея в руках списки проверенных по числу и названных по именам лиц, воздерживались, согласно приказанию, от насилия по отношению ко всем остальным...

Итак, в добрый час. Никто не должен давать приют у себя, скрывать, отправлять в другое место или давать себя подкупать деньгами; всякого, кто будет изобличен в том, что он спас или оказал помощь, или только знал об этом, мы, не принимая во внимание никаких отговорок и просьб о прощении, включаем в проскрипционные списки. Головы убитых пусть приносят к нам за вознаграждение в 25 000 аттических драхм⁵ за каждую, если приносящий свободнорожденный, если же раб, то получит свободу, 10 000 аттических драхм и гражданские права своего господина. Те же награды назначаются и доносчикам. Никто из получающих награды не будет вноситься в наши записи, и имя его останется неизвестным».

Таково было проскрипционное объявление триумвиров, если перевести его с латинского языка на греческий⁶...

Два брата, по имени Лигарии, совместно приговоренные к смерти, скрывались под печкой, пока рабы их не открыли и один из них был тотчас же умерщвлен, а другой убежал; узнав о гибели брата, он бросился с моста в воду. Когда рыбаки вытащили его, думая, что он не нарочно бросился, а случайно упал в воду, он долго сопротивлялся и порывался снова идти к реке. Но так как рыбаки одержали верх над ним, он, стараясь избавиться от них, сказал: «Вы не меня спасаете, а самих себя губите вместе со мною, помещенным в списке». Однако рыбаки из жалости к нему и теперь старались его спасти, пока какие-то солдаты, охранявшие мост, заметили это, прибежали и отрубили ему голову. Из двух других братьев один бросился в реку; раб искал его труп в течение пяти дней; найдя и увидев, что его можно еще признать по чертам лица, отрубил его голову ради

награды. Второго брата, скрывавшегося в яме с навозом, выдал другой раб; убийцы, брезгуя войти в яму, копьями стали колоть его и выгнали из ямы, отсекли голову, как он был, даже не обмыв ее. Еще один человек, в тот момент, когда брат его был задержан, подбежав и не зная, что сам он осужден вместе с ним, сказал: «Убейте меня раньше него». На это центурион, имевший при себе точный список, заметил: «Ты требуешь справедливого; ведь ты помещен ранее его». С этими словами, он, согласно предписанному порядку, умертвил обоих, одного за другим. Таковы примеры поведения братьев.

Таковы были напасти, выпавшие на долю римлян из-за распоряжений триумвиров. Войско, которое теперь делало, что хотело, поступало еще хуже. Так как триумвиры находили в своей деятельности поддержку лишь в солдатах, то последние требовали у них дома осужденных, их земли, их виллы или целые имения; другие настаивали на усыновлении их выдающимися лицами; третьи действовали на свой страх и риск, убивая непроскрибированных и грабя дома невиновных. В конце концов триумвиры даже предписали одному из консулов положить предел происходящим правонарушениям. Но тот, боясь затронуть солдат, чтобы не вооружить их против себя, арестовал и распял несколько рабов, которые, одетые солдатами, совершали вместе с ними беззакония.

Перев. Е. Г. Кагарова.

¹ Имеется в виду видный участник антицезарианского заговора Марк Юний Брут, сторонник Помпея, которого Цезарь пощадил, несмотря на его участие в Фарсальской битве на стороне противника.

² В завещании Цезаря упоминается Децим Юний Брут, один из организаторов убийства Цезаря.

³ Марк Юний Брут и Кассий Лонгин получили в управление провинции Македонию и Азию.

⁴ Подразумевается Люций Корнелий Сулла, получивший титул «Счастливей» (Felix).

⁵ *Аттическая драхма* — серебряная монета, равна 6 оболам (35 копеек золотом).

⁶ Свое сочинение Аппиан писал на греческом языке.

№ 60. БОРЬБА С СЕКСТОМ ПОМПЕЕМ

(А п п и а н, Гражданские войны, IV, 83; V, 67)

Дела Помпея были в таком положении. Будучи младшим из сыновей Помпея Великого, Секст Помпей вначале испытывал пренебрежительное отношение со стороны Гая Цезаря в Испании, как неспособный совершить что-либо большее по своей молодости и неопытности. Секст Помпей с небольшой кучкой людей разъезжал по океану, занимаясь разбоем и скрывая, что он Помпей. Когда к нему присоединилось для разбоя больше народа и уже образовалась значительная шайка, он открылся, что

он Помпей. И тотчас все бродившие без дела и служившие раньше солдатами его отца или брата стали сбегаться к нему, как к своему вождю. Арабион также прибыл к нему из Африки, будучи, как я упоминал выше, лишен отцовского наследия. После того, как у Помпея собралась таким образом масса людей, дело дошло уже до более важных предприятий, чем морской разбой, и имя Помпея стало популярным по всей Испании, наиболее обширной из провинций, тем более что он объезжал ее быстро, появляясь то здесь, то там, но избегая встречи с правителями провинций, назначенными Гаем Цезарем. Гай Цезарь, узнав об этом, послал Каррину с большим войском, чтобы уничтожить Помпея. Последний, обладая более подвижными военными силами, истощал противника, то внезапно появляясь, то исчезая, и успел завладеть уже некоторыми как мелкими, так и более крупными городами.

Между тем Рим страдал от голода, так как купцов с Востока удерживал страх перед Помпеем и Сицилией, с Запада — то обстоятельство, что Сардиния и Корсика были также в руках Помпея, из Африки хлеб не приходил, так как те же враги господствовали на обоих морских берегах. Цены на все продукты в Риме поднялись, и так как причину бедствия видели во вражде между вождями, то их бранили и требовали примирения с Помпеем. Так как Цезарь и теперь не сдавался, Антоний настаивал, чтобы он поспешил начать войну ради устранения голода. Вследствие того что средств на это у Цезаря не было, он издал приказ, чтобы все владеющие рабами, внесли за каждого половину тех 25 драхм, которые постановлено было взыскать на войну с Кассием и Брутом, а также чтобы известную долю вносили и все те, кто получал наследство. Приказ этот встречен был взрывом негодования в народе, сердившимся на то, что после того как истощена общественная казна, ограблены провинции, обременены и Италию поборами, податями, конфискациями, и все это не на ведение внешних войн и не на расширение пределов государства, а на личную вражду из-за власти, откуда и пошли проскрипции, убийства, общий голод, а теперь хотят лишить и последних средств. Собравшаяся толпа подняла шум, бросала камнями в тех, кто не хотел к ней присоединиться, грозила разграбить и сжечь их дома, и это продолжалось до тех пор, пока все множество народа не пришло в возбуждение.

Перев. Е. Г. Кагарова.

№ 61. СОГЛАШЕНИЕ С СЕКСТОМ ПОМПЕЕМ

(Аппиан, Гражданские войны, V, 72)

По уговорам матери Помпея Муции и его жены Юлии, все трое ¹ сошлись снова на омываемом со всех сторон морем моле Дикеархии, в окружении сторожевых судов, и пришли к

соглашению на следующих условиях: война прекращается на суше и на море; торговля беспрепятственно производится повсеместно². Помпей выводит гарнизоны, какие у него были в Италии, не принимает более беглых рабов, его суда не пристаю к берегам Италии; в его власти остаются Сардиния, Сицилия, Корсика и другие острова, какими он в то время владел, на тех же основаниях, на каких Антоний и Цезарь владеют остальными провинциями, Помпей высылает римлянам хлеб, который издавна эти области должны были доставлять; он получает также Пеллопоннес; в свое отсутствие он мог выполнять консульские обязанности через любого из своих друзей; его имя вносится в списки верховных жрецов. Таковы были условия, касавшиеся самого Помпея. Именитым изгнанникам обеспечивалось возвращение на родину, за исключением осужденных народным голосованием и приговором суда за убийство Цезаря. Лицам, бежавшим из страха и потерявшим свое имущество насильственно, все возвращается в целостности, за исключением движимостей, осужденным выдается четвертая часть. Сражавшиеся на стороне Помпея рабы признаются свободными, свободные же, с прекращением военной службы, получают те же награды, что и солдаты Цезаря и Антония.

Перев. А. И. Тюменева.

¹ Имеется в виду соглашение 39 г. до н. э. в Путолах, приморском городе Кампании, между триумвирами и Секстом Помпеем.

² Этот пункт договора имел важное значение, так как флот Секста Помпея препятствовал подвозу хлеба в Италию и в первую очередь в Рим из Африки и Сицилии.

№ 62. ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГОРАЦИЯ

(Ода, I, 14; эподы, XVI, XIV)

Квинт Гораций Флакк — римский поэт, родился в 65 г. до н. э. в италийском городе Венусии и происходил из сравнительно небогатой семьи, отец его был вольноотпущенником. Он дал сыну хорошее образование; молодой Гораций учился у лучших философов и риторов Рима и Афин. В гражданских войнах конца республики он принимал участие на стороне антицезарианской партии. Разделив неудачу Кассия и Брута в битве при Филиппах, Гораций вернулся в Рим и отошел от политической борьбы.

Его произведения этого времени полны призывов к установлению мира, к прекращению гражданских войн. Воспевание Pax Romana (римский мир) в произведениях Горация привлекло к нему внимание Августа, который этот лозунг сделал официальным в своей политике. Со времен правления Августа Гораций становится идеологом правящего класса. Все произведения его — эподы, оды, сатиры, послания — написаны на тему конкретных событий дня, актуальность придает им особую значимость. В них мы находим отклики поэта на битву при Акции, на проскрипции и другие события, предшествовавшие установлению империи.

Основная мысль Горация в произведениях, написанных в эпоху Августа, — восхваление существующего политического устройства и того всеобщего мира, который сменил, по мнению Горация, смутные времена гражданских войн.

Неустойчивость мировоззрения Горация, его приспособляемость дали основание Энгельсу назвать его в политическом отношении прохвостом, ползавшим на брюхе перед Августом (Ф. Энгельс, Письмо К. Марксу 21 декабря 1866 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 390).

К РИМСКОМУ ГОСУДАРСТВУ¹

О, корабль, отнесут в море опять тебя
Волны. Что ты? Постой! Якорь брось в гавани!
Неужели ты не видишь,
Что твой борт потерял уже
Весла, бурей твоя мачта надломлена,
Снасти жутко трещат, скрепы все сорваны
И едва уже днище
Может выдержать властную
Силу волн. У тебя нет уж ни паруса,
Ни бортов на корме, в бедах прибежища
Хоть сосною понтийской²,
Леса знатного дочерью,
Ты как матерью горд, — род не при чем уж твой:
На твой борт расписной можно ль надеяться
Моряку? Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.
О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами³!

Перев. А. П. Семенова-Тян-Шанского.

¹ Ода эта написана в разгар гражданских войн (незадолго до битвы при Акции). Аллегорически изображено Римское государство в виде корабля, который терпит крушение. Гораций призывает этот «корабль» зайти в тихую гавань.

² *Понтийская сосна* — лучший корабельный лес, который доставлялся в Рим с берегов Понта.

³ *Циклады* — острова Греческого архипелага, где путники во время бури часто терпели кораблекрушения.

К РИМСКОМУ НАРОДУ¹

Два уж томятся у нас поколения гражданской войною,
И Рим своей же силой разрушается, —
Рим, что сгубить не могли ни марсов² соседнее племя,
Ни рать Порсены грозного этрусской³,
Ни соревнующий дух капитуанцев, ни ярость Спартака,
Ни аллоброги, в пору смут восставшие⁴.
Рим, что сумел устоять пред германцев ордой синеокой,
Пред Ганнибалом, в дедах ужас вызвавшим,
Ныне загубит наш род, заклятый братскою кровью, —
Отдаст он землю снова зверю дикому!

Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт огласивши
 Наш Рим, над прахом предков надругается;
 Кости Квирина⁵, что не знали ни ветра, ни солнца,
 О, ужас, — будут дерзостно разметаны...
 Иль, может быть, вы все, иль лучшие, ждете лишь слов
 О том, что можно прекратить страдания?
 Слушайте ж мудрый совет: подобно тому, как фокейцы⁶
 Проклявши город, всем народом кинули
 Отчие нивы, дома, безжалостно храмы забросив,
 Чтоб в них селились вепри, волки лютые, —
 Также бегите и вы, куда б ни несли ваши ноги,
 Куда бы ветры вас ни гнали по морю!
 Это ли вам по душе? Иль кто надоумит иначе?
 К чему же медлить? В добрый час, отчаливай!

Перев. А. П. Семенова-Тян-Шанского.

¹ Эпод написан после битвы при Филиппах (42 г. до н. э.) между Антонием и Октавианом, с одной стороны, Кассием и Брутом — с другой. Гораций был непосредственным участником этого сражения на стороне антицезарианской партии.

² *Марсы* — одно из племен Лация, с которым римляне в течение долгих лет вели борьбу.

³ *Порсена* — царь этрусского города Клузия, который захватил Рим, заключив затем невыгодный для последнего мирный договор.

⁴ Имеется в виду восстание аллоброгов во время заговора Катилины (63—62 гг. до н. э.).

⁵ *Квирин* — подразумевается Ромул, один из мифических основателей города Рима.

⁶ *Фокейцы* — жители области Фокиды в Средней Греции, которые бежали во время нашествия персов, покинув свои дома и земли.

К РИМЛЯНАМ¹

Куда, куда вы валите, преступники,
 Мечи в бездумьи выхватив?
 Неужли мало и полей, и волн морских
 Залито кровью римскою —
 Не для того, чтоб Карфагена жадного²
 Сожгли твердыню римляне —
 Не для того, чтобы британец сломленный
 Прошел по Риму скованным,
 А для того, чтобы парфянам³ наружу,
 Наш Рим погиб от рук своих?
 Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
 Враждуя лишь с другим зверьем!
 Ослепли ль вы? Влечет ли вас неистовство?
 Иль чей-то прех? Ответствуйте!
 Молчат... И лишь все бледнеют мертвенно,
 Умы в оцепенении...
 Да, римлян гонит лишь судьба жестокая
 За тот братоубийства день,

Когда лилась кровь Рема неповинного,
Кровь правнуков заклившая ⁴.

Перев. А. П. Семенова-Тян-Шанского.

¹ Описываются события борьбы Октавиана и Секста Помпея в 38—36 гг. до н. э.

² Гораций подразумевает здесь разрушение Карфагена в третьей пунической войне, имевшее место в 146 г. до н. э.

³ Во время написания этого эпода в памяти всех римлян были еще свежи воспоминания о поражении, нанесенном римским легионом в битве при Каррах в 53 г. до н. э. парфянским войском.

⁴ Рем — один из двух мифических основателей города Рима, как передает традиция, был убит своим братом Ромулом, достигшим таким способом единовластия

№ 63. НАДПИСЬ СЕЛЕВКА РОЗОССКОГО

Надпись Селевка Розосского имеет большое значение для изучения истории гражданских войн конца республики. Она была найдена и опубликована в 1934 г. французским ученым П. Русселем. Этот документ, состоящий из 4-х писем, полнее, чем все имеющиеся у нас эпиграфические источники, раскрывает конкретное содержание прав римского гражданства, которые так щедро раздавались в эпоху гражданских войн. С помощью этих привилегий римские политические деятели той эпохи старались привлечь на свою сторону широкие круги провинциального населения.

I. «Год... месяца Аппелая ¹. Император Цезарь, сын божественного Юлия, император в четвертый раз, назначенный консулом во второй и третий раз ², приветствует архонтов, совет и народ священного, неприкосновенного и автономного города Розоса. Я и мое войско пребываем в здравии. Ниже написанное взято со стеллы, которая находится на Капитолии в Риме. Это должно быть помещено в вашем общественном архиве. Копию пошлите в Тарс совету и народу, в Антиохию совету и народу... [пропуск] чтобы была поставлена. Прощайте».

II. «Цезарь, император, триумвир по устройству государства. По закону Мунация и Эмилия даны(?) права римского гражданства и льготы по налогам со всех имуществ в следующих выражениях:

Поскольку Селевк, сын Феодота, розосец, сражался вместе с нами и под нашим командованием... из-за нас испытывал несчастья и подвергался опасностям, ничего не щадя для преодоления трудностей, показал всю преданность и верность государству, соединил собственные интересы с нашим благополучием, претерпевал ущерб ради государства и народа римского, как при нас, так и в нашем отсутствии, приносил нам пользу.

§ 1. Ему и родителям его, детям, родившимся от него, жене, живущей с ним,... даем гражданство и освобождение от всех налогов сообразно тому, как распространяется это на тех, кто пользуется полными правами гражданства и освобождением от налогов; да будут они освобождены от военной службы и от городских литургий.

§ 2. Сам вышепоименованный, его родители, дети, рожденные от него, пусть будут приписаны к трибе Корнелиев, и пусть там он подает голос и... да будет. И если пожелает пройти ценз... пожелает быть в Италии...

§ 3. Поскольку вышеозначенный, как и жена, и родители, и дети, рожденные от него, до получения прав римского гражданства был свободен от податей и повинностей... и, став римским гражданином, свободным от повинностей, если по закону пожелает пользоваться, да будет ему позволено; жреческие же обязанности... почести, привилегии..., какие он имел ранее, пусть пользуется [ими] согласно полным правам и на основании всех преимуществ.

§ 4. Никто из сборщиков налогов или прокураторов... на покой или зимовку.

§ 5. Азию и Европу... ему самому, детям его, жене его.

§ 6...брак... закону Атилия и закону Юлия.

§ 7. ...ему в города или области Азии и Европы... если он привозит или вывозит ради своей пользы из города или из области... если он из города или из области вывозит ради своей пользы принадлежащее ему поголовье... ни один город, ни один откупщик налогов не должен со всех этих предметов взимать с Селевка пошлину.

§ 8. [Если кто-нибудь] захочет их обвинить... вызвать в суд, возбудить иск, добиться решения, во всех этих случаях, если они хотят судиться у себя дома по собственным законам или в свободных городах, или у наших магистратов и промагистратов, выбор их... чтобы никто иначе, как здесь написано, не судил бы и не выносил бы решений. Если же приговор по делам против них будет в противоречии с этим, да будет он недействителен.

§ 9. Если кто-нибудь захочет выступить с обвинением вышепоименованного, родителей, жены, детей и потомков, предъявив обвинение, грозящее по предварительному установлению смертной казнью,... пусть имеют право принять участие в посольстве к нашему сенату, нашим магистратам и промагистратам... посылать посольства ради своих интересов. Всякий же город, всякий магистрат, если он не выполнит этого или будет действовать вопреки этому, или будет знать о противоречащем этому, или возьмет залог против него, или недобросовестными поступками воспрепятствует тому, чтобы вышепоименованные пользовались установленными привилегиями, обязан заплатить штраф в сто тысяч сестерций в пользу народа римского. Деньги же надлежит взимать или в провинциях нашим магистратам и промагистратам, или же сделать это в Риме... Если [осужденный] дает надежное поручительство в этой сумме, такое пусть принимается. Ради исполнения вышесказанного пусть позаботятся и примут меры наши магистраты и промагистраты, наблюдающие за исполнением».

III. «Года... месяца Дистра 15, император Цезарь, сын божественного, император в шестой раз, консул в третий раз, избранный консулом в четвертый раз³, приветствует архонтов, совет и народ священного, свободного и пользующегося правом убежища города Розоса. Если вы здравствуете, это хорошо, сам я с войском пребываю в здравии. Послы, направленные к нам: Селевк, мой наварх, Гер, Калли..., Сим и ...ер, Симмах, мужи добрые от народа доброго, дружественного и союзного⁴ прибыли ко мне в Эфес и вали беседу по тем вопросам, по каким было им поручено. Я оказал хороший прием этим людям, найдя их мужами достойными, любящими родину, и принял от них почести, а также венок. Постараюсь, когда прибуду в ваши края, сделать вам добро и сохранить вместе с тем привилегии вашего города. Сделаю это я охотно ради наварха Селевка, сражавшегося со мной в течение всего времени войны, во всем отличившегося и всегда дававшего подтверждение своей преданности и верности, который не упускал ни одного случая, прося за вас, проявляя усердие и готовность при защите ваших интересов. Прощайте».

IV. «Года... месяца Апеллая девятого числа. Император Цезарь, сын божественного, император в третий раз, консул в четвертый раз⁵ приветствует архонтов, совет и народ священного и пользующегося убежищем города Розоса. Если вы здравствуете, хорошо, а сам я с войском пребываю в здравии. Селевк, ваш согражданин и мой наварх, сражался за меня во всех войнах и показал многие примеры преданности, верности и мужества, и, как сражавшийся за нас и отличившийся, он удостоен был пожалованием таких привилегий, как освобождение от налогов и права гражданства. Его я и ставлю вам в пример, ибо такие-то люди проявляют усердие вследствие благожелательности к своей родине. Я охотно сделаю вам все, что в моих силах, ради Селевка, без боязни посылайте ко мне смело с просьбами обо всем, о чем вы думаете. Прощайте».

¹ Год не сохранился, Апеллай, второй месяц по македонскому календарю, начинался в средних числах ноября.

² На основании этих титулов можно установить, что письмо было написано не ранее последних месяцев 36 и не позднее конца 34 г.

³ Третье консульство Октавиана относится к 31 г., а в шестой раз он был провозглашен императором после битвы при Акции, и, следовательно, мы можем датировать письмо между 2 сентября и 31 декабря 31 г. до н. э., но 15 дистра падает на февраль или март. Руссель считает, что дата эта указывает не время издания, а время регистрации документа.

⁴ Повидимому, в знак внимания и признательности за почетные декреты и венок, преподнесенный посольством, Октавиан назвал розосцев народом добрым, дружественным и союзным, и нет оснований считать, вслед за Леви, что город был в дружбе и союзе с Римом. Этих привилегий у Розоса не было.

⁵ Это дает основание датировать 30 г. до н. э.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РИМА I-II ВВ. Н.Э.

В гениальном труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», дается четкое определение империи Кира и Александра Великого, Цезаря и Карла Великого, которые «...не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения» (И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 12). Эта характеристика может быть в полной мере отнесена и к Римской империи I—II вв. н. э. Вполне понятно поэтому, что в подобном государственном образовании «Материальной опорой правительства было войско, гораздо более похожее уже на армию ландскнехтов, чем на старо-римское крестьянское войско, а опорой *моральной* — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью» (Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606).

Власть императора, являвшаяся по существу военной диктатурой, была в значительной мере замаскирована и облачена в старинную тогу римской демократии давно минувших времен.

Важно подчеркнуть, что для римского общества времен ранней империи в высшей степени популярным был лозунг *Pax Romana* (римский мир), а твердая власть императора на какой-то срок давала гарантию охраны прав рабовладельцев (док. № 64). Недаром Август в своем завещании «Деяния божественного Августа» (док. № 67) говорит, ставя себе в величайшую заслугу: «Я захватил около тридцати тысяч рабов, которые бежали от своих господ и подняли оружие против государства, и отдал их

в руки господ для казни». Во времена Августа был вновь подтвержден закон о судебном следствии над рабами убитого в своем доме господина (док. № 69).

Нужно подробно остановиться на мероприятиях, проводимых Августом в области внутренней политики. Одним из важнейших мероприятий в этом направлении было разделение провинций на сенатские и императорские. Интересно, что уже в античной историографии мы находим попытку объяснения целей этой реформы. Дион Кассий говорит (док. № 65): «На словах он сделал так для того, чтобы сенат мог пользоваться наилучшими плодами управления безнаказанно ...а на деле же он сделал так для того, чтобы под этим предлогом сенатские провинции оставались не вооруженными и не подготовленными к военным действиям, и чтобы только он один имел в своем распоряжении оружие и подготавливал военные силы». Тот же Дион Кассий, несмотря на классовую ограниченность своего мировоззрения, отдавал себе отчет в том, что Август «помышлял о монархическом образе правления».

Все эти мероприятия формально проводились под лозунгом реставрации старых добрых порядков и возврата к «золотому веку» истории Рима. На самом же деле в руках Августа была сосредоточена вся высшая военная и гражданская власть.

Важно остановиться на политике Августа по отношению к различным слоям римского общества — к сенату, к всадникам, к плебсу. Император вмешивался в прерогативы сената, который формально был еще высшим органом государства. Все мероприятия, которые потом обсуждались сенатом, предварительно уже были решены особым советом при императоре (*Consilium principis*).

Потеряли свое политическое значение и народные собрания. Так же единовластно решались императором все вопросы внешней политики, заключение мира и ведение войны. Говоря об общем направлении внешней политики во времена Августа, необходимо сказать, что с 9 г. н. э., после поражения легионов Вара, римляне переходят к обороне. Особо нужно выделить политику Августа на Востоке, где он старался все конфликты решать дипломатическим путем, например, основной из этих конфликтов — армянский вопрос.

Очень важен вопрос об отношении к провинциям в эпоху ранней империи. Энгельс указывает, что «...империя не только не устранила этой эксплуатации (провинций. Ред.), а, напротив, превратила ее в систему» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 125).

На примере эдикта Августа из Киренаики (док. № 66) нужно показать, что римляне в провинциях вступают в союз с местной аристократией, которая помогает им еще сильнее эксплуатировать свободное население и рабов этих провинций. Следует отметить, что жестокая эксплуатация римлянами провинций вызывает многочисленные восстания: 24—19 гг. до н. э. в Испании, 6—9 гг. в Паннонии и Иллирии и др.

При преемниках Августа Римская империя также представляет собой военную диктатуру с хорошо централизованной властью. Энгельс дает следующую характеристику Римского государства в эту эпоху: «...совершенно по-военному организованное обширное государство, обезлюдевшая Италия и отсутствие современного пролетариата...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 303).

При императорах династии Юлиев-Клавдиев усиливается императорская власть, основанная на армии. Наряду с этим возрастают и требования войск. В 14 г. н. э. произошли крупнейшие восстания паннонских, а затем и рейнских легионов (док. № 71).

Характерно, что Тацит, которого Энгельс называет последним представителем старо-римского патрицианского образа мыслей (Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606), пишет (док. № 71), что «в Паннонии восстание вспыхнуло без всяких новых причин, кроме того, что перемена императора указывала возможность смут и виды на добычу от междоусобной войны».

Восставшие легионы не предъявляли никаких политических требований; они требовали сокращения срока службы до 16 лет и увеличения платы за свою службу.

Восстание это было подавлено Друзом, сыном Тиберия. Почти в это же время началось восстание легионов, находившихся на Рейне.

Восставшие говорили, по словам Тацита (док. № 70), что «настало время, когда ветеранам следует требовать скорой отставки, молодым солдатам — увеличения жалования, всем вообще — предела их несчастий и мести центурионам за жестокость». При анализе восстания рейнских легионов особое внимание следует обратить на то, что солдаты считали, будто бы «в их руках находится судьба Рима, их победами увеличиваются пределы республик...». Требования восставших легионов были частично удовлетворены. Позднее роль армии увеличивается настолько, что императорский престол становится игрушкой в ее руках. Например Веспасиан, первый император династии Флавиев, был выдвинут легионами, находившимися в Сирии и Иудее.

Для характеристики этого периода нужно сказать, что в результате усиления императорской власти и роста республиканской оппозиции изменяются взаимоотношения императоров с сенатом. В отличие от Августа, последующие императоры идут на резкие конфликты с сенатом, например, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон. В результате дворцового заговора был убит последний представитель династии Флавиев — Домициан, также выдвинутый на престол преторианской гвардией.

В эпоху ранней империи имеют место многочисленные восстания в провинциях, результат жестокой эксплуатации римлянами местного населения — восстание Такфарината в Нумидии, Боудикки в Британии, Цивилиса в Галлии, восстание иудеев и др. Анализируя причины восстания в Нумидии (док. № 72), следует сказать, что оно было вызвано жестокой эксплуатацией этой провинции. Восставшие несколько раз выходили победителями из войны с римскими войсками, которые пытались подавить это движение. Восстание продолжалось семь лет и окончательно было подавлено только в 24 г. Не меньше опасений доставило римлянам и восстание в Британии при Нероне (док. № 73). По словам Тацита, восставшие мстили римлянам «за потерянную свободу». К ним присоединилось большое количество племен Британии. Все находившиеся там римляне были перебиты. Восстание удалось подавить лишь с большим трудом.

Время Антонинов характеризуется отсутствием серьезных политических конфликтов на границах империи. Правление Траяна, одного из лучших римских полководцев, было временем наибольшего расширения пределов империи — он завоевал Дакию и вел войны в Парфии. Преемники Траяна Адриан и Марк Аврелий снова вернулись к оборонительной политике предшествующего периода. Уже со времени правления Марка Аврелия обстановка на границах империи начинает усложняться: на придунайские и азиатские области учащаются нападения квадов, маркоманов, сарматов и других племен.

Значительные сдвиги происходят в эпоху Антонинов в области социально-экономических отношений. Хотя попрежнему господствующим является рабовладельческий способ производства, однако появляются уже отдельные черты кризиса рабовладения, резко уменьшается приток рабов в Рим. Этим в значительной мере можно объяснить «гуманные взгляды» римских рабовладельцев, которые начинают говорить о том, что рабов следует беречь. Не случайно поэтому философ Сенека говорит, что рабы в то же время являются и людьми, не случайны законы императоров династии Антонинов, запрещающие убийство рабов. Нужно подчеркнуть, однако, что эти мероприятия не могли ни в коем случае ослабить нарастающего кризиса рабовладения.

Наряду с этим со времени Антонинов начинается широкое распространение колонатных отношений. Колоны, несмотря на юридическую независимость, фактически находятся уже в полном подчинении владельцев тех земель, которые они обрабатывают. Сведения о положении сельского хозяй-

ства мы находим в трактате Колумеллы (док. № 74) и в «Письмах» Плиния Младшего (док. № 75, 76).

Вопрос о распространении колонатных отношений следует проиллюстрировать на конкретных примерах: «Манциевом законе» (док. № 80), «Законе Адриана» (док. № 81).

Большой интерес представляет отрывок из письма колонов Бурунитанского поместья в Африке императору Коммоду (док. № 84) с жалобой на несправедливое взимание налогов и повинностей.

В социально-экономическом положении империи нужно отметить значительную роль городов, особенно в восточной части империи, благосостоянию которых императоры неоднократно способствовали. Марк говорит, что при Антонине Пие «...наблюдается процветание провинций, строгий надзор за их правителями» (Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», V, стр. 6).

В эпоху Антонинов еще больше развивается бюрократическая система управления. Особенно много внимания уделяется чиновникам по сбору налогов, например, со времен Траяна назначаются чиновники по контролю над городскими финансами (городские кураторы). В состав бюрократического аппарата во времена ранней империи входит большое количество вольноотпущенников. Некоторые из них достигали большого богатства и влияния в империи. Это отражено в романе, приписываемом Петронию, где в сатирической форме дается описание образа жизни и богатства вольноотпущенника Трималхихона (док. № 79).

В области внутренней политики надо отметить, что в эпоху Антонинов нет уже таких резких конфликтов между императором и сенатом, как то имело место в предшествующий период. Происходит это вследствие изменения социального состава сенаторского сословия — теперь в их число входит 40% италиков, почти совсем исчезают старинные патрицианские роды. Эпоха Антонинов была последним периодом хотя и относительного экономического и политического подъема империи.

№ 64. ТРИУМФ ОКТАВИАНА ПО ОКОНЧАНИИ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

(Веллей Патеркул, II, 89)

С каким сочувствием люди всех разрядов, возрастов и условий приняли Цезаря, вернувшегося в Италию и в город¹, какая толпа вышла ему навстречу, как великолепно были его триумфальные шествия и его подарки, того нельзя по достоинству описать даже и в труде, составленном по всем правилам, не то, что в настоящем кратком описании... На двадцатом году окончена была, наконец, гражданская война², затушены были войны с внешними врагами, восстановлен мир, успокоена везде ярость оружия, возвращена сила законам, судам их авторитет, сенату его величие, власть должностных лиц поднята на прежнюю высоту, к восьми преторам избрано еще два. Снова установилась старая прославленная форма государственного управления, на поля снова вернулся труд, к священнодействиям — почет, людям возвращена была безопасность, каждому обеспечено прочное владение своим имуществом. Прежние законы были с пользой исправлены, новые изданы для оздоровления общества, сенат был переизбран без ожесточения, но не без строгости. По настоятельной просьбе принцепса в его состав были избраны для украшения города первейшие люди, получавшие триумфы,

исполнявшие высшие должности. Невозможно было добиться, чтобы Цезарь³ довел число своих консульств хотя бы до одиннадцати, так он часто и упорно от этого отказывался; и диктаторство, которое ему настойчиво предлагал народ, он отвергал с такой же непреклонностью.

Перев. В. С. Соколова.

¹ Речь идет о событиях, последовавших после возвращения Гая Юлия Цезаря Октавиана в Рим в 29 г. до н. э. после победы над Египтом.

² Веллей Патеркул ведет счет со времени решающего сражения между Цезарем и Помпеем в битве при Фарсале (6 июня 48 г. до н. э.).

³ Цезарь — т. е. Октавиан Август.

№ 65. РАЗДЕЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУ ПРИНЦЕПСОМ И СЕНАТОМ

(Дион Кассий, III, 12, 13)

Он закрепил следующим образом свое руководящее положение по отношению к сенату и народу, но, желая казаться настроенным демократически, он всю заботу и управление всеми делами, требующими какого-либо особого попечения, взял на себя и сказал, что будет управлять не всеми народами, да и теми, которые берет себе, будет править не все время; именно: более покорные, мирные и невоинственные он передал сенату, наоборот, более сильные, ненадежные и опасные и, мало того, имеющие внутри себя враждебные силы или сами по себе способные на мятежные действия, он оставил за собой. На словах он сделал так для того, чтобы сенат мог пользоваться наилучшими плодами управления безопасно, а чтобы все трудности и опасности управления пришлось на его долю, на деле же он сделал так для того, чтобы под этим предлогом сенатские провинции оставались невооруженными и неподготовленными к военным действиям и чтобы только он один имел в своем распоряжении оружие и подготавливал военные силы. На этом основании были признаны подлежащими управлению народа и сената Африка и Нумидия, Азия и Греция вместе с Эпиром, Далмация и Македония, острова Сицилия и Крит вместе с Ливией, расположенной вокруг Кирены, Вифиния с прилегающим к ней Понтом, остров Сардиния и Бэтика¹. Управлению же Цезаря подлежали² остальная Иберия, области вокруг Тарраконны и Лузитания, все галаты и нарбонцы, лугдуны, аквитаны и кельты как сами, так и их колонии; из кельтов также те, которых мы называем германцами и которые, занимая все земли кельтов по течению реки Рейна, привели к тому, что всю эту страну, тянущуюся вверх по реке до самых ее истоков и вниз до самого британского океана, мы называем Германией. Точно так же в ведении Цезаря оказалась Сирия, так называемая Нижняя или Келесирия, Финикия и Киликия, Кипр и все египтяне. Впоследствии он передал остров Кипр и Галатию, расположенную во-

круг Нарбоны, в управление народа, а сам взял себе взамен этого Далмацию. Подобная же замена была произведена впоследствии и в отношении других народов, как это покажет конец изложения. Я так это сказал, потому что теперь каждый народ управляется отдельно, в то время как прежде во многих случаях народы управлялись по два и по три вместе. Об остальных народах я не упоминаю, потому что некоторые из них были покорены после того, другие, если и были уже во власти империи, управлялись не римлянами, но были автономными или были даны в управление каким-нибудь царствам, и те из них, которые после того оказались под властью римлян, всегда присоединялись к более сильному.

Так были распределены народы, но, желая отвлечь их от мысли, что он, как Цезарь, помышляет о монархическом образе правления, он ограничил десятью годами управление всеми переданными ему провинциями и обещал за этот срок установить в них прочный порядок и даже смальчиствовал, заявив, что если он укротит их за более короткий срок, то и вернет управление их народу раньше времени. И с этих пор прежде всего он поставил во главе управления самих членов сената у каждого народа, кроме египтян, и только у них одних так называемого всадника³. Затем, согласно сказанного мною, он распорядился, чтобы они все имели полномочия на один год и чтобы они избирались по жребию.

Перев. В. С. Соколова.

¹ В основном все перечисленные выше государства были включены в состав римских провинций во II в. до н. э.

² Провинции, которые подлежали управлению Августа, были присоединены недавно, там часто вспыхивали восстания местного населения против гнета римлян.

³ Египет занимал особое положение среди других провинций: он был личным владением Августа. Префект, который управлял им, назначался обычно из всадников.

№ 66. ЭДИКТЫ АВГУСТА ИЗ КИРЕНАИКИ

В 1927 году на месте древней рыночной площади в Кирене была найдена мраморная стела, на лицевой стороне которой были записаны на греческом языке пять эдиктов императора Августа. Важность этого памятника для истории принципата неоспорима.

Одним из основных вопросов, какой может быть поставлен на основании нашего источника, является вопрос о политике Августа по отношению к провинциям.

Четыре первых эдикта имеют в виду только Киренаику, пятый же содержит распоряжение, касающееся всех провинций. По завещанию Птолемея Апиона Киренаика была передана Риму; города этой области сохраняли автономию, но находились под римским протекторатом. В 74 г. Киренаика была превращена в римскую провинцию, а в 34 г. Марк Антоний объявил ее царством и отдал дочери Клеопатры Клеопатре Селевке; в 27 г. Киренаика вместе с Критом составила провинцию, управитель которой носил титул проконсула. К проконсулу Киренаики и Крита и обращены разбираемые нами эдикты.

[7—6 г. до н. э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти, император четырнадцатый раз, говорит:

«Мне известно, что в провинции Киренаике римлян всех возрастов, имеющих ценз в 2500 денариев или более, проживает всего 215 человек, из каковых и назначаются судьи и, как пожаловались посольства из городов этой провинции, среди них существуют некоего рода тайные сообщества, угнетающие эллинов при процессах, грозящих смертной казнью, ибо одни и те же лица поочередно выступают то в качестве обвинителей, то свидетелей. Я и сам установил, что некоторые невинные угнетены таким образом и подвергнуты высшей мере наказания. Поэтому — впредь до того, как сенат вынесет какое-либо постановление по этому вопросу или я сам найду что-либо лучшее, по моему мнению, справедливо и целесообразно поступят те, кто будет управлять провинцией Критом и Киренаикой, если назначат в области Кирены в одинаковом числе судей как из эллинов, обладающих высшим цензом, так и из римлян.

Как римляне, так и эллины должны быть не моложе 25 лет и владеть движимым и недвижимым имуществом, если только найдется достаточное количество таких лиц, в 2500 денариев, или же, если таким образом будет невозможно заполнить число судей, какие должны быть назначены, пусть управители провинций назначат владеющих половиной, но никак не меньше, указанного выше имущества, в суды по разбору тех дел эллинов, которые наказываются смертной казнью.

Если эллину-подеудимому за день до того, как обвинитель выступит с речью, дано будет право решать, будут ли судьями только римляне или же половина их будет из эллинов и он выберет половину эллинов, тогда, выверив шары и написав на них имена, следует из одной урны вынимать жребий с именами римлян, из другой — с именами эллинов, до тех пор, пока тех и других не будет по двадцати пяти. Обвинитель, если он пожелает, пусть ответит по одному из римлян и из эллинов, обвиняемый же — трех из всех, но при том условии, чтобы из отводимых не были все только римляне или же все эллины. Затем все остальные приводятся к подаче голосов и опускают голоса отдельно: в особый ящик — римляне, и отдельно, в другой ящик — эллины. Потом, после того как будет произведен подсчет голосов отдельно тех и других, пусть правитель объявит во всеуслышание то, что решило большинство тех и других вместе. И поскольку незаконную смерть родственники убитых по большей части не оставляют неотомщенной и, естественно, найдутся эллины-обвинители, которые возбудят дело по поводу убитых родственников или сограждан, то справедливо и целесообразно, по моему мнению, поступят те, кто будет управлять Критом и

Киреной, если они в области Кирены не допустят римлянина в качестве обвинителя по делу об убийстве эллина или эллинки, за исключением того случая, когда дело по поводу убийства кого-либо из своих родственников или сограждан возбуждает удостоенный римского гражданства эллин».

II

[7—6 гг. до н. э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

«Порицания и хулы не заслуживает Публий Секстий Сцева за то, что он Авла Стлакция Максима, сына Люция, Люция Стакция Македонянина, сына Люция и Публия Филорота, вольноотпущенника Публия после того как они сообщили, что знают нечто, касающееся моего благополучия и государственных дел и намереваются об этом сказать, позаботился закованными послать из провинции Киренаики ко мне, ибо Секстий поступил так, как следовало, и с достаточной предусмотрительностью. Впрочем, поскольку они доказали мне совершенно ясно, что ничего касающегося меня и государственных дел они не знают, а то, что они говорили в провинции, они выдумали и показали ложно, я их освободил и отпустил из-под стражи. Авлу же Стлакцию, которого послы киренцев обвинили в том, что он из общественных мест убрал статуи, в том числе ту, на которой город написал мое имя, до тех пор, пока я не разберу этого дела, я запрещаю выезжать без моего разрешения».

III

[7—6 гг. до н. э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

«Тем из провинции Киренаики, кто почтен правами гражданства, я приказываю нести повинности в очередь с корпорацией эллинов, отнюдь не меньше; исключаются те, кому по закону или постановлению сената, по решению моего отца или же моему вместе с гражданством дано освобождение от повинностей. Мне угодно также, чтобы и те, кому дано освобождение от повинностей, были свободны от платежей [лишь] по тому имуществу, которое было тогда, [когда было даровано право гражданства], а за все приобретенное после им следует платить установленное».

IV

[7—6 гг. до н. э.] Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

«По всякого рода процессам, какие возникнут между эллинами, живущими в провинции Киренаике, за исключением преступлений, наказуемых смертной казнью, каковы те, кто управляет провинцией, должен разбирать и выносить по ним ре-

шение сам или же назначить суд присяжных, — по всем остальным делам должно давать в качестве судей эллинов, если какой-нибудь обвиняемый или ответчик сам не захочет иметь судьями римских граждан. Если сторонам в силу моего эдикта будут даваться судьи-эллины, не следует давать ни одного из этих судей из того города, из которого происходит обвинитель, или истец, или же обвиняемый, или ответчик».

V

Император Цезарь Август, великий понтифик, в девятнадцатый год трибунской власти говорит:

«Сенатское постановление, принятое в консульство Гая Кальвизия и Люция Пассиена в моем присутствии и за моей подписью, касающееся безопасности союзников римского народа, дабы оно было известно всем тем, о ком мы заботимся, решил я послать в провинции и распространить в качестве моего эдикта, из которого будет ясно всем живущим в провинциях, какую заботу прилагаем мы — я и сенат — о том, чтобы никто из наших подданных не потерпел против надлежащего и не заплатил лишнего.

Сенатское постановление

[4 г. до н. э.] Консулы Гай Кальвизий Сабин и Люций Пассиен Руф сделали доклад о деле, по поводу которого император Цезарь Август, наш принцепс, на основании решения состоящего при нем совета, избранного по жребию из сената, выразил пожелание, чтобы через нас [т. е. через консулов] предоставлено было сенату о том [деле], касающемся безопасности союзников римского народа, сенат постановил: наши предки установили [особые] суды для разбора дел о востребовании денег, чтобы союзники легче могли выступать с обвинением о причиненном им вреде и требовать обратно отнятые у них деньги. Так как суды эти иногда обременительны и тяжелы для тех, ради кого был написан закон, поскольку из дальних провинций привлекаются в качестве свидетелей люди бедные или же немощные вследствие болезни или старости, сенат постановляет: если кто-нибудь из союзников после вынесения настоящего постановления пожелает от лица общины или же частным путем востребовать обратно взысканные с него деньги, за исключением того случая, когда против вымогателя направлено уголовное преследование, и объявит это, явившись к одному из тех магистратов, кому положено созывать сенат, тот магистрат должен как можно скорее привести их в сенат и дать им патрона, который будет за них говорить перед сенатом, кого они сами захотят. Пусть защитником не будет назначен против воли тот, кому по закону дано освобождение от этой литургии. Чтобы выслушать тех, против кого приносится в сенат обвинение, тот маги-

страт, который привел их в сенат, и в тот же день на заседании сената, на котором должно быть не меньше двухсот сенаторов, избирает по жребию из всех консуляров, находящихся в самом Риме или не более чем в 20 милях от города, четырех; равным образом из преториев, находящихся в Риме или не более чем в 20 милях от города — трех; равным образом из остальных сенаторов или из всех тех, кто находится в Риме или не более чем в 20 милях от города — двух. Пусть он не выбирает по жребию никого из тех, кому 70 или более лет, кто находится во власти или управлении, или кто председательствует в судах, или кто ведает раздачей хлеба, или того, кому болезнь воспрепятствует выполнять эту повинность и кто сумеет это в отношении себя сам клятвенно подтвердить и представить трех членов сената, могущих подтвердить это клятвенно перед сенатом; или того, кто находится в родстве или свойстве с ним [с обвинителем], так что его на основании судебного закона Юлия нельзя заставить против воли быть свидетелем в государственном суде; или того, относительно кого обвинитель поклянется, что тот ему враг; но пусть отведет под присягой не больше чем трех [сенаторов]. После того как девять избраны таким образом, магистрат, который производил жеребьевку, пусть позаботится, чтобы те, кто требует возвращения имущества, и тот, с кого требуется возвращение, отводили из них по очереди, пока не останется пять человек. Если кто из этих судей умрет до решения дела или другая какая-либо причина воспрепятствует ему судить и его просьба будет клятвенно подтверждена пятью членами сената, тогда магистрат в присутствии судей, а также истцов и ответчика, пусть выберет по жребию дополнительно одного из тех сенаторов, которые принадлежат к тому же рангу и несли ту же должность, как и тот, на чье место производится дополнительная жеребьевка, при том условии, что магистрат не будет дополнительно избирать того, кого на основании настоящего постановления сената в деле против обвиняемого не дозволено избирать. Избранные судьи пусть выслушивают и выносят постановления только относительно того имущества, относительно которого кто-нибудь в частном порядке или от лица общины обвиняется, как вымогатель, и ту сумму денег, о которой обвинители частно или от лица общины докажут, что она у них отобрана путем вымогательства, пусть судьи прикажут отдать обратно; при этом судьи должны вынести решение в течение тридцати дней. Те, кому должно разобрать дело и вынести по нему решение, до тех пор пока они его не разберут и не вынесут решения, пусть освобождаются от всех общественных обязанностей, за исключением общественных жертвоприношений. Сенат постановляет [также], чтобы магистрат, производивший выборы судей по жребию, или, если он не может, то первоприсутствующий из консулов пусть ведет это заседание и дает возможность свидетелям, находящимся в Ита-

лии, дать показания, при условии, что за требующего назад свои личные деньги он допустит не более чем пяти, а за требующих деньги от лица общины не более чем десяти свидетелям дать показания. Равным образом сенат постановляет, чтобы судьи, которые будут избраны на основании настоящего сенатского постановления, высказались открыто, как каждый из них думает, и пусть будет так, как решит большинство.

Перев. и комментарий *Н. А. Машкина.*

№ 67. ДЕЯНИЯ БОЖЕСТВЕННОГО АВГУСТА

(*Res gestae divi Augusti*)

«Деяния божественного Августа» — один из интереснейших документов эпохи раннего принципата. Он дошел до нас в виде надписи, найденной в 1555 г. на месте древнего города Анкиры (отсюда название «*Mopimentum Anciranum*»). Надпись эта была сделана на латинском и греческом языках. Две других копии найдены были в городах Аполлонии и Антиохии. Сопоставление трех документов дало возможность почти полностью восстановить текст этого важного памятника. Характер этого документа, в котором автор всемерно восхваляет свою деятельность, показывает, насколько критически нужно относиться к его содержанию.

§ 1. Девятнадцать лет от роду по собственному своему решению и на частные свои средства я собрал войско, при помощи которого вернул свободу республике, угнетенной бандой заговорщиков¹. Во имя этого сенат почетным декретом принял меня в свое сословие в консульство Гая Пансы и Авла Гирция, предоставив мне право подавать свое мнение вместе с консулярами, и дал мне военную власть [*imperium*]. Сенат поручил мне, в качестве пропретора, вместе с консулами блюсти безопасность республики²; народ же в том самом году, когда пали на войне оба консула³, избрал меня в консулы и в триумвиры по переустройству государства.

§ 2. Тех, кто был убийцами моего родителя, я отправил в изгнание, оплатив им за их злодеяние приговором на основании законов, и впоследствии, когда они пошли войной против республики, дважды разбил их в строю⁴.

§ 3. Я вел много войн во всем мире, на суше и на море, гражданских и внешних и, в качестве победителя, оказывал милость всем гражданам, просившим ее. Чужие народы, которым было безопасно дать прощение, я предпочитал сохранять, а не истреблять. Римских граждан, принесших мне присягу, было около пятисот тысяч. Из них я вывел в колонии или отпустил по окончании службы в их муниципии несколько больше трехсот тысяч, и всех их я наделил землей или наградил деньгами за военную службу. Я захватил шестьсот кораблей, не считая тех, которые были мельче трирем.

§ 5. Диктатуру, предложенную всем народом и сенатом в консульство Марка Марцелла и Люция Аррунтия мне лично и в мое отсутствие, я не принял. При крайнем недостатке хлеба

я не отказался от заботы о продовольствии, которым я управлял так, что в несколько дней при помощи моих собственных средств освободил весь народ от страха и угрожавшей ему опасности [голода]⁵. Консульскую власть, предложенную мне тогда сроком на год и бессрочно, я не принял.

§ 8. Будучи по приказанию народа и сената консулом в пятый раз, я увеличил число патрициев. Состав сената я проверял трижды. Во время шестого консульства я провел цензуру вместе с Марком Агриппой. Перепись была произведена после промежутка в сорок два года⁶. По этой переписи оказалось римских граждан четыре миллиона шестьдесят три тысячи. Вторую перепись я произвел один, обладая консульскими полномочиями, в консульство Гая Цензорина и Гая Азиния⁷. По этой переписи оказалось четыре миллиона и двести тридцать три тысячи римских граждан. Третью перепись, обладая консульскими полномочиями, я произвел вместе с сыном моим Тиберием Цезарем в консульство Секста Помпея и Секста Аппулея⁸. По этой переписи римских граждан было насчитано четыре миллиона девятьсот тридцать семь тысяч.

§ 13. Храм Януса-Квирина, который предки наши решались закрывать лишь после того как во всей державе римского народа победами на суше и на море бывал упрочен мир и который от основания города до моего рождения, как об этом хранится в памяти людей, закрывался всего дважды, за время моего управления по постановлению сената закрывался три раза⁹.

§ 15. Римскому плебсу, согласно завещанию моего отца, я роздал по триста сестерциев на человека и от своего имени в пятое мое консульство я выдал по четыреста сестерциев на человека из военной добычи; еще раз в десятое свое консульство я отсчитал из собственного своего имущества по четыреста сестерциев на человека в подарок и в одиннадцатое свое консульство я двенадцать раз раздавал продовольствие хлебом, купленным на мои частные средства, и когда я был в двенадцатый раз трибуном, я в третий раз роздал по четыреста сестерциев на человека. Эти мои раздачи никогда не охватывали меньше двухсот пятидесяти тысяч человек. Когда я был восемнадцатый раз трибуном и двенадцатый раз консулом¹⁰, я роздал тремстам двадцати тысячам городского плебса по шестьдесят денариев¹¹ на человека. В колониях моих солдат я в пятое мое консульство роздал из военной добычи по тысяче сестерциев на человека; получили этот триумфальный подарок в колониях около ста двадцати тысяч человек. В тринадцатое свое консульство я роздал по шестидесяти денариев плебсу, который получал тогда государственный хлебный паек. Таких было немного более двухсот тысяч человек.

§ 16. Деньги за земли, которыми я наделил солдат в четвертое мое консульство, а потом в консульство Марка Красса и Гнея Лентула авгура, я уплатил муниципиям. Это составило

сумму в шестьсот миллионов сестерциев, которую я отсчитал за земли в Италии, и сумму в двести шестьдесят миллионов, которые я заплатил за земли в провинциях. Так поступил я первый и единственный из всех, кто, на памяти моего века, выводил колонии ветеранов в Италию или в провинции...

§ 17. Четыре раза я своими частными средствами поддерживал государственное казначейство тем, что передал стоявшим во главе его сто пятьдесят миллионов сестерциев ¹². В консульство Марка Лепида и Люция Аррунтия в военное казначейство, которое было основано по моему совету, чтобы выдавать наградные солдатам, прослужившим двадцать и более лет, я внес из своего личного имущества сто семьдесят миллионов сестерциев...

§ 25. Я очистил море от разбойников. В той борьбе с рабами, которые убежали от своих господ и взялись за оружие против республики, я, захватив почти тридцать тысяч беглецов, передал их их владельцам для предания казни ¹³. Вся Италия добровольно принесла мне присягу и потребовала, чтобы я был вождем в той войне, в которой я одержал победу при Акции. Такую же присягу принесли мне провинции: Галлия, Испания, Африка, Сицилия и Сардиния.

§ 28. Колонии ветеранов я вывел в Африку, Сицилию, Македонию, в обе Испании, в Ахайю, [Малую] Азию, Сирию, Нарбоннскую Галлию и Писидию. В Италии находится двадцать восемь колоний, выведенных под моими auspiciis, разросшихся при моей жизни и достигших процветания.

§ 34. В шестое и седьмое консульство, после того как я потушил гражданские войны, пользуясь по всеобщему согласию высшей властью, я передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа. За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Августом ¹⁴, двери дома моего публично были украшены лаврами, гражданская корона была пригвождена над моей дверью, и в курии Юлия был поставлен золотой щит, подаренный мне, как об этом гласит надпись на нем, сенатом и римским народом за мужество, милосердие, справедливость и благочестие. После этого я превосходил всех своим «авторитетом», власти же у меня было не более чем у тех, кто были моими коллегами по магистратуре.

¹ Имеются в виду сторонники Антония.

² Таково именно значение известной формулы в постановлениях сената, которая буквально означает: смотреть, чтобы республика не потерпела какого-нибудь ущерба.

³ В 43 г. до н.э.

⁴ В битве при Филиппах в 42 г. до н.э.

⁵ Повидимому, в 23 г. до н.э.

⁶ Первая перепись Августа была произведена в 28 г. до н.э.; предыдущая датируется 70/69 г. до н.э. в консульство Геллия и Лентула.

⁷ Вторая перепись населения Августом приходится на 8-й год до н.э.

⁸ Третья перепись Августа приходится на 14-й год н.э., результаты ее были обнародованы за 100 дней до смерти Августа.

⁹ До Августа храм Януса-Квирина закрывался при Нуме Помпилии и — второй раз — после первой пунической войны, в 235 г. до н. э. При Августе храм закрывался первый раз после битвы при Акции в 29 г. до н. э.; второй раз — в 25 г. до н. э., после победы над кантабрами; год третьего закрытия храма нам неизвестен. Снова открыт был он при глубокой старости Августа. (Свидетельство Орозия со ссылкой на Тацита.)

¹⁰ Годы раздач, определяемые Августом по его консульствам, приходятся на следующие даты: пятое консульство — на 29 г. до н. э.; десятое — на 24 г. до н. э.; одиннадцатое — на 23 г. до н. э., когда в Риме был недостаток хлеба; двенадцатый раз трибуном Август был в 12 г. до н. э., когда принял сан верховного понтифика; восемнадцатый раз трибуном и двенадцатый раз консулом Август был в 5 г. до н. э., когда сын его Гай принял мужскую тогу; тринадцатое консульство Августа пришлось на 2 г. до н. э., когда мужскую тогу принял сын его Люций.

¹¹ Шестьдесят денариев равняются двумстам сорока сестерциям.

¹² Два случая приурочены, по другим источникам, к 28 и 16 гг. до н. э.; даты других нам неизвестны.

¹³ Это относится к войне с Секстом Помпеем, оконченной в 36 г. до н. э.

¹⁴ В 27 г. до н. э.

Перев. и прим. В. С. Соколова.

№ 68. ПОСЛАНИЕ ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ К АЛЕКСАНДРИЙЦАМ (P. Lond., 1912)

Послание императора Клавдия (41—54 г. н. э.) к александрийцам — одна из наиболее значительных и важных папирологических находок XX в. Значение этого папируса заключается в том, что, с одной стороны, он принадлежит к весьма немногочисленным подлинным официальным документам, освещающим внутреннюю историю Александрии — важнейшего экономического, политического и культурного центра Римской империи; с другой стороны, этот папирус бросает новый свет на провинциальную политику и личность императора Клавдия, карикатурный образ которого создан враждебной Клавдию традицией (Сенека, Светоний, Тацит). Являясь откликом на бурные события 38—41 гг. н. э. в Александрии, папирус Клавдия содержит важные сведения об императорском культе в связи с провинциальной политикой Калигулы и Клавдия, о муниципальной политике Клавдия в Египте (сокращение срока службы магистратов, отказ в восстановлении александрийского совета), о политике предоставления гражданских прав провинциалам. Наконец, папирус Клавдия позволяет сопоставить и по-новому изучать ряд важных эпиграфических, папирологических и литературных памятников, относящихся к социально-политической истории I в. н. э.

[СТОЛБЕЦ I]

I. Говорит Люций Эмилий Рект ¹: так как, вследствие многочисленности жителей, весь город не мог присутствовать при чтении этого священнейшего и благодетельнейшего для нашего города письма, я счел необходимым выставить публично это письмо, чтобы вы все поголовно, читая его, восхищались величием бога нашего Цезаря и благодарили за [его] благоволение к [нашему] городу. [Год] II ² Тиберия Клавдия Августа Германика императора месяца неу себаст(у) 14-го (дня) ³.

[СТОЛБЕЦ II]

II. Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик, Император, верховный жрец, облеченный властью трибуна, консул назначен-

ный ⁴ приветствует ⁵ город александрийцев. Тиберий Клавдий Барбилл ⁶, Аполлоний сын Артемидора ⁷, Херемон сын Леонида ⁸, Марк Юлий Асклепиад ⁹, Гай Юлий Дионисий ¹⁰, Тиберий Клавдий Фаний ¹¹, Пасион сын Потамона ¹¹, Дионисий сын Саббиона ¹¹, Тиберий Клавдий [Архибий] ¹², Аполлоний сын Аристана ¹³, Гай Юлий Аполлоний ¹³, Германиск сын Аполлония ¹⁴, ваши послы, вручив мне [ваше] постановление ¹⁵, многое о городе рассказали, явно склоняя меня к благорасположению [к вам], которое, как вы хорошо знаете, с давних пор я храню к вам; ибо то, что вам свойственно проявлять благочестие к Августам, мне издавна хорошо известно, особенно же [проявляли благочестие] к моему дому, которому оказывали услуги и взаимно получали их ¹⁶, о чем, если сказать о главном, не касаясь второстепенного, имеется наилучший свидетель брат мой Германик Цезарь ¹⁷ приветствовавший вас вполне заслуженными речами. Поэтому я охотно принял данные мне вами почести, хотя меня и не легко склонить к такого рода вещам. Прежде всего я разрешаю вам праздновать мой день рождения как день Августа, по способу вами избранному, а также согласен на установления во всех (указанных вами) местах статуй моей и членов моей семьи; ведь я вижу, [что] вы постарались установить повсюду свидетельства вашего благочестия к моему дому. Что касается двух золотых статуй, то, так как от одной из них, [а именно, статуи] Священного Клавдиева Мира, изготовленной по предложению и настоятельной просьбе моего почтеннейшего Барбила, — я отказался, считая, что это покажется вызывающим, пусть она будет установлена в Риме.

[СТОЛБЕЦ III]

III. Вторая (же) пусть участвует в процессии в эпонимные ¹⁸ дни по способу вами избранному. Вместе с ней пусть участвует в шествиях и трон, разукрашенный убранством по вашему усмотрению. Неразумно, быть может, согласившись на такие почести, отказаться от установления Клавдианской Филы и от священных рош в каждом номе Египта. Поэтому разрешаю вам и это, а также, если желаете, установите конные статуи Витразия Поллиона ¹⁹, моего прокуратора. Что касается четырехконных колесниц, [которые] вы желаете соорудить в мою честь у входов в страну, то я даю на это согласие, причем одна должна быть установлена близ так называемого Тапосириса в Ливии, другая — у Фароса Александрийского ²⁰, третья — у Пелусия ²¹ в Египте; учреждение же верховного жреца для меня и сооружение храмов запрещаю, не желая вести себя вызывающе по отношению к моим современникам, и считаю, что жертвоприношения и другие обряды одним только богам воздаются во все времена ²². Что же касается ваших просьб, по поводу которых вы усердно хлопотали передо мной, я решаю следующим образом: за всеми прошедшими эфебией ²³ до моего при-

хода к власти я сохраняю прочное александрийское гражданство вместе со всеми почестями и льготами города, за исключением тех случаев, когда некоторые обманули вас, став эфебами, хотя родились от матерей-рабынь²⁴; что касается остального, то я хочу, чтобы было не менее прочным все то, что вам было даровано императорами до меня, царями и наместниками, как утвердил [это] и божественный Август.

[столбец IV]

IV. Я хочу, чтобы неокоры²⁵ храма в Александрии, посвященного богу Августу, избирались по жребию, подобно тому как они избираются в Канопском²⁶ храме того же бога Августа. А относительно того, что общественные должности были трехгодичными²⁷, то мне кажется, что это очень хорошо придумано: ведь [ар] хонты в страхе перед необходимостью дать отчет за дурное управление будут вести себя более умеренно по отношению к вам во время пребывания в должностях. Что касается совета [буле], то я не могу утверждать, что у вас это было в обычае при прежних царях, а то что при моих предшественниках Августас его не было — вы хорошо знаете. Так как дело, которое сейчас впервые выдвигается, ново и неясно, будет ли оно полезным городу и в моих ли это интересах, то я написал Эмилию Ректу, чтобы он расследовал и сообщил мне, надо ли ввести это учреждение, а если действительно следует его создать, то по какому способу оно должно быть организовано²⁸. А относительно беспорядков и восстания²⁹, а вернее, если правду сказать, войны с иудеями, то я, несмотря на усердие, проявленное в споре [с противной стороной] вашими послами, особенно Дионисием сыном Теона³⁰, не пожелал, однако, тщательно расследовать, какая сторона виновна, храня в себе неугасимый (неумолимый) гнев против тех, кто снова начнет. И вот заявляю прямо, что если вы не прекратите этого губительного и упорного гнева друг против друга, то я буду вынужден показать, что представляет собой милосердный правитель, обратившийся к справедливому гневу...

¹ *Люций Эмилий Рект* — префект Египта в 41—42 гг. Весь текст столбца I представляет собой сопроводительный эдикт префекта к письму Клавдия. По счастливой случайности, только в тексте этого сопроводительного эдикта сохранилась дата, что позволяет определить время составления послания. См. прим. 2 и 3.

² В Египте время царствования императоров исчисляли, начиная с первого числа египетского месяца Тота — 29 августа, за исключением первого года царствования, исчисляемого со дня восшествия императора на престол и до первого числа ближайшего месяца Тота. Следовательно, первый год императора Клавдия исчисляли в Египте с 25 января 41 г. н.э. по 28 августа 41 г. н.э. Так как сопроводительный эдикт Ректа датирован 10 ноября 41 г. (см. прим. 3), то для египетского исчисления это уже второй год царствования Клавдия.

³ *Неос Себастос* — греческое название египетского месяца Атир, 28 октября — 26 ноября. Так как дошедший текст письма Клавдия не датирован, то дата, имеющаяся в сопроводительном эдикте Ректа (см. прим. 2),

вместе с рядом исторических соображений дает основание для определения времени написания письма летом 41 г. н.э.

⁴ *Назначенный (десиантус)* — еще не вступивший в должность магистрат.

⁵ Форма этого приветственного обращения (*хайрейн*), в отличие от *лэгей* (*говорит*) сопроводительного эдикта Ректа, указывает на эпистолярный характер документа.

⁶ *Тиберий Клавдий Барбилл*. Под этим именем известны еще несколько деятелей: префект Египта при Нероне в 55—59 г. н.э., астролог, прокуратор из эфесской надписи, посол (?) александрийцев из Р. Вег. 8877. Названного в настоящем документе Барбилла имеются основания отождествлять только с Барбиллом из Р. Вег. 8877.

⁷ *Аполлоний сын Артемидора* — личность неизвестная.

⁸ *Херемон сын Леонида* — египетский жрец и философ-стоик, автор не дошедшей до нас «Египетской истории» и сочинения об иероглифах. С 49 г. н.э. — учитель Нерона по греческой философии.

⁹ *Марк Юлий Асклепиад* — возможно, тождествен с философом Юлием Асклепиадом.

¹⁰ *Гай Юлий Дионисий* — о возможности отождествления с упомянутым ниже Дионисием сыном Теона (см. прим. 30).

¹¹ *Тиберий Клавдий Фаний, Пасион сын Потамона и Дионисий сын Саббиона* — личности неизвестные.

¹² *Тиберий Клавдий (Архибий)*. Судя по концу письма, где в качестве друга императора назван Тиберий Клавдий Архибий, здесь, надо полагать, пропущен когномен *Архибий*, и в таком случае оба лица — тождественны. Имеются основания полагать, что речь идет здесь об Архибии, сыне Аполлония, авторе комментария на эпиграммы Каллимаха. Известен, впрочем, и другой Архибий, отец Аполлония, автор лексикона к гомеровским поэмам.

¹³ *Аполлоний сын Аристона, Гай Юлий Аполлоний* — личности неизвестные.

¹⁴ *Германиск сын Аполлония* — упоминается в Оксиринхском папирусе, X, 1242, в качестве посла к Траяну. Возможно, что Германиск — посол к Траяну — является сыном или внуком Германиска — посла к Клавдию.

¹⁵ Отсюда видно, что, несмотря на отсутствие совета (буле), организация александрийских граждан обладала правом издавать законодательные постановления — «псефисмы»

¹⁶ Вся эту тираду следует рассматривать как демагогический прием. Подобное заигрывание с александрийцами при помощи дипломатического искажения фактов понадобилось Клавдию ввиду огромного значения Александрии в хлебном импорте Рима, особенно в период серьезных продовольственных затруднений, которые испытывал Рим с самого начала правления Клавдия. Следует, однако, учесть, что основное требование александрийцев — восстановление буле — Клавдий отклонил (см. прим. 28).

¹⁷ *Германик* — сын Друза, брат Клавдия, посетил Египет в 19 г. н.э.

¹⁸ *Эпонимос* — дающий название кому-либо.

¹⁹ *Витразий Поллион* — префект Египта в 39—41 гг., смененный в этой должности Эмилием Ректом (см. прим. 1).

²⁰ *Фарос* — небольшой остров возле Александрии, на котором находился знаменитый Фаросский маяк.

²¹ *Пелусий* — крепость на северо-восточной границе Египта.

²² Отказ Клавдия от «божеских» почестей имеет большое значение для вопроса о развитии императорского культа, в частности для вопроса о том, был ли Клавдий последователем концепции эллинистической монархии Цезаря, или вернулся к политике Августа.

²³ *Эфеб* — буквально юноша. Александрийскими эфебами назывались юноши, дети александрийских граждан, проходившие с 14-летнего возраста специальное образование — «эфебию», после чего приобретали право александрийского гражданства.

²⁴ Под рожденными от рабынь следует понимать лиц, у которых матери — рабыни, а отцы — граждане, ибо дети рабов ни при каких условиях не могли бы попасть в эфебию и, следовательно, в списки граждан.

²⁵ *Неокор* (буквально — *подметающий храм*) — храмовый служитель, наблюдавший за чистотой, порядком и внешним великолепием храма. В римское время — почетный титул блюстителей храмов, посвященных цезарям.

²⁶ *Каноп* — город у устья западного рукава Нила.

²⁷ Ограничение срока службы городских магистратов было уступкой требованиям масс, изнемогавших под бременем имперских налогов и повинностей, грабежа и вымогательств чиновников. Позднее (в 60-х годах) эта мера была распространена и на государственных чиновников (стратеги) во всем Египте. Таким образом, это место письма Клавдия явилось законодательным источником важного нововведения в муниципальной организации Египта.

²³ Высказанный в дипломатической форме, но по существу решительный отказ Клавдия в восстановлении александрийского совета является весьма характерным свидетельством твердости и самостоятельности провинциальной политики Клавдия. Изучение этого места письма должно быть поставлено в связь с другими дошедшими до нас документами времени Клавдия.

²⁹ Начиная с этого места и до конца письма, слова Клавдия относятся к междоусобной борьбе 38—41 гг. н. э., завершившейся в феврале 41 г. н. э. вооруженным антиримским восстанием иудеев.

³⁰ *Дионисий сын Теона* — известный из Филона и греческих папирусов александрийский демагог. Вряд ли следует отождествлять этого Дионисия сына Теона с Гаем Юлием Дионисием, упомянутым в перечне послов (прим. 10), так как странным было бы обозначение одного и того же лица, в одном и том же документе и по греческому, и по римскому образцу.

Перев. и прим. И. Д. Амузина

№ 69. СЛЕДСТВИЕ НАД РАБАМИ УБИТОГО В СВОЕМ ДОМЕ ГОСПОДИНА

(Дигесты, XXIX, 5)

Так как никакой дом не может быть в безопасности, если только рабы не принуждаются даже с опасностью для своей жизни оказывать защиту своим господам как от домашних, так и от посторонних злоумышленников, то были приняты решения сената о производстве розыска среди рабов убитого господина...

Если предполагается, что муж или жена убиты, над рабами их должно быть произведено следствие, хотя ни рабы мужа не являются собственностью жены, ни рабы жены — собственностью мужа, но так как состав рабов смешанный, а дом они составляют единый, то сенат и постановил привлекать к ответственности рабов, являющихся собственностью этого дома.

Убитыми... следует считать тех, кто лишен жизни насильно или через убийство, как-то: через удушение, или мучительство, или низвержение со скалы, или от удара палкой или камнем, или каким-либо другим оружием.

Если же кто лишился жизни от яда или от чего-либо другого, что обычно убивает человека скрытно, то на такие случаи постановление сената, в качестве взыскания за его смерть, не

распространяется; именно на том основании, что рабы должны быть наказаны во всех тех случаях, когда они не оказали помощи своему господину, хотя и могли защитить его или оградить от насилия, но этого не сделали; однако, что же они могли сделать против тех, которые пустили в ход яд или еще какой-нибудь другой способ умерщвления?

Но, конечно, если яд был влит насильно, то данное постановление сената применимо.

Следовательно, во всех случаях, когда применяется сила, которая обычно лишает человека жизни, надо сказать, что это постановление сената имеет место (т. е. применение).

Перев. В. С. Соколова.

№ 70. ТОРГОВЛЯ СОЛЬЮ И ГИПСОМ В ЕГИПТЕ

(Fontes, III, 46)

(Надпись найдена в Египте, относится к 47 г. н. э.)

В седьмой год [правления] Тиберия Клавдия Цезаря Германика императора, в 25 день месяца Цезарея. Нижепоименованные мужи, торговцы солью, проживающие в городе Тебтюнисе, собравшись по общему решению, сочли нужным сделать одного из их числа магистратом и его же общественным наблюдателем и контролером на ближайший год, восьмой год правления Тиберия Клавдия Августа Германика, и на это почетное место избрать Апинха сына Орсефта, чтобы этот Апинх в ближайший год исполнял все необходимое для общества в силу этого своего служения. И они все вместе должны продавать соль в выше-названном поселении Тебтюнисе; также по жребию избран Орсефт, чтобы он один продавал гипс в выше-названном селении Тебтюнисе и в ближайших поселениях, вследствие чего пусть он отсчитывает, кроме общественной части, находящейся под его наблюдением, другие 56 серебряных драхм, а также этот Орсефт избран по жребию, чтобы он имел дело с поселением Керкесом, чтобы он один там продавал соль, по каковой причине пусть равным образом отсчитывает, кроме названной суммы, еще другие 8 серебряных драхм; также по жребию избран Гермий, называемый также Белл, сын Гермия, чтобы он один торговал солью и гипсом в поселении Тристоме, называемом также Буколом, вследствие чего пусть платит, кроме общественной части, находящейся под его наблюдением, другие 5 серебряных драхм. Кроме того, пусть он продает хорошую соль по 2½ обола, худшую по 2 обола и еще худшую по 1½ обола, пользуясь мерами нашими или общественных амбаров, если же кто-нибудь будет продавать по меньшей цене, то он должен в качестве штрафа дать в общую казну 8 серебряных драхм и столько же в государственную. Если кто-нибудь из их числа будет уличен в том, что продал купцу больше, чем статер соли, то в качестве штрафа

фа он должен внести в общую казну 8 драхм и столько же в государственную. Если купец захочет купить больше, чем на 4 драхмы, то ему обязательно будут продавать все сообща. Наконец, если кто-нибудь будет ввозить гипс, чтобы продать его вне вышеназванных поселений, то этот гипс должен быть обязательно сложен на складах Орсевта сына Гермия, пока он не будет забран, чтобы быть проданным в других местах. Кроме того, в 25-й день каждого месяца они будут пить одну амфору... если в самом поселении Тебтунис одну драхму, если вне поселения 4 драхмы, если в метрополии 8 драхм. Если кто-нибудь не выполнит договора и не заплатит чего-либо, что должен обществу или из вышеустановленного, то вышеназванный Апинх имеет право наложить на него руку на рынке, или дома, или в поле и передать его страже.

Перев. Е. М. Штаерман.

№ 71. ВОССТАНИЕ ПАННОНСКИХ И РЕЙНСКИХ ЛЕГИОНОВ

(Тацит, *Анналы*, I, 16)

Римский историк Корнелий Тацит, по происхождению италиец, жил в середине I — начале II в. Родился он в 55 г. в семье всадника, занимал самые различные должности империи: квестора, трибуна, эдила, претора, консула. В 111—112 гг. он исполнял должность проконсула провинции Азии. Вместе с Плинием Младшим выступил защитником населения провинции Африки против хищений проконсула Мария Приска.

Из исторических сочинений Тацита важнейшие — «Истории» и «Анналы». «Анналы» содержат материал с эпохи, непосредственно следующей за смертью Августа и до гражданских войн 68 г. Они разделены на 16 книг, из которых до нас дошло 12 книг. В «Историях» излагаются события со времен Гальбы до Доминициана (69—96 гг.), из них сохранились полностью лишь первые 4 книги из 14. И в «Анналах», и в «Историях» изложение ведется последовательно год за годом.

Тацит, которого Энгельс называл последним представителем староримского патрицианского образа мыслей, выражал в своих произведениях интересы старинных аристократических родов, которые вынуждены были уступать место новой знати. Естественно поэтому, что он идеализировал более древние времена и сгущал краски, говоря о современных ему событиях. Тацит страшится восстаний солдат и дает чрезвычайно тенденциозное описание этих событий. Сочинения Тацита и особенно его «Истории» очень важны, так как это живое слово очевидца описываемых им событий. В своих исторических сочинениях Тацит не ограничивается изложением истории самого города Рима, напротив, он много внимания уделяет жизни провинций и областей, значительно удаленных от центра империи. В частности, очень важны его данные по истории Припонтийских областей. Например, благодаря Тациту мы получили подробные описания восстания Митридата VII против Рима, восстания Аникета и др.

Таково было положение дел в Риме, когда в паннонских¹ легионах вспыхнуло восстание без всяких новых причин, кроме того, что перемена императора указывала на возможность смут и приобретение добычи от междоусобной войны. В летних лагерях находились вместе три легиона под начальством Юния Блеза², который, услышав о смерти Августа и вступлении в

правление Тиберия, или по причине государственного траура³, или от радости⁴, приостановил [в своей армии] обычные занятия. Этим было положено начало тому, что солдаты стали распускаться, заводить ссоры, слушать речи каждого негодяя, наконец, желать раздолья и праздности, получили отвращение к дисциплине и труду. Был в лагерях некто Перценний, когда-то предводитель театральных клакеров, а потом рядовой солдат, человек, дерзкий на язык, научившийся, благодаря театральной практике, собирать сходки...

Наконец, когда уже были готовы и другие элементы возмущения, он, как бы обращаясь с речью к народному собранию, спрашивал их: «Зачем вы повинуетесь, словно рабы, немногим центурионам и еще меньшему числу трибунов? Когда вы осмелитесь потребовать облегчений, если не приступите к новому и еще не прочно сидящему государю с просьбами или оружием? Довольно уже мы в течение стольких лет грешили беспечностью, так как старшие из нас служат по тридцати или сорока лет и большею частью изувечены ранами. Даже и для вышедших в отставку служба не кончается, а находясь у знамени [ветерансв]⁵, они под другим названием переносят те же самые труды. И если кто из нас переживает столько приключений, того тащат еще в далекие страны, где под именем пахотной земли мы получаем сырые болота или невозделанные места на горах. Но самая служба в войске тяжка и не дает ничего: душа и тело оцениваются по десяти ассов в день. На эти деньги приходится покупать платье, оружие, палатки, откупаться от жестокости центурионов, покупать увольнения от военных работ⁶...

И нет для нас иного облегчения, как вступать на службу на определенных условиях: чтоб нам платили по денарию⁷ в день, чтоб шестнадцатый год был последним годом службы, чтоб нас не удерживали сверх него при знамени, но в том же лагере награждали чистыми деньгами⁸. Разве преторианские когорты, где солдаты получают по два денария и возвращаются к своим пенатам после шестнадцати лет, принимают на себя больше опасностей? Мы ничего не говорим дурного о караульной службе в Риме. Однако мы, живя среди диких народов, видим неприятеля из наших палаток».

Между тем манипулы, посланные до начала возмущения в Навпорт⁹ для [исправления] дорог, мостов и для других надобностей, узнав, что в лагере взбунтовались, поднимаются с места, грабят ближайшие деревни и Навпорт, который представлял подобие муниципия. Центурионов, которые их удерживали, они преследуют насмешками, бранью и ударами. Особое раздражение обнаруживают они против Ауфидия Руфа, лагерного префекта: стащив его с повозки, они взваливают на него багаж и заставляют его нести в первом ряду, спрашивая в насмешку, нравится ли ему нести столь большие тяжести и совершать

столь продолжительное путешествие. Дело в том, что Руф служил долгое время простым солдатом, а затем, ставши центурионом, а потом префектом лагеря, восстановил, как человек составившийся в труде и тяготах, старинные и тяжелые порядки военной службы и был тем суровее, что сам их вынес.

С их прибытием возмущение возобновляется; солдаты рассыпались и стали грабить окрестные селения. Многих из них, наиболее обремененных добычей, Блез, для внушения страха остальным, приказывает высечь и заключить в тюрьму: тогда еще центурионы и все честные из рядовых повиновались легату. Но те, сопротивляясь влекущим их, хватаются за колена окружающих, зовут к себе на помощь, то называя по имени отдельных лиц, то центурию, к которой каждый из них принадлежал в своем манипуле, когорту, легион, кричат, что всем угрожает та же участь. В то же время они осыпают ругательствами легата, призывают в свидетели небо и богов, не оставляют ничего, чем можно возбудить ненависть, сожаление, страх и раздражение. Солдаты сбегаются со всех сторон и, взломав тюрьму, снимают [с заключенных] оковы и присоединяют к себе дезертиров и осужденных за уголовные преступления...

Когда весть об этом дошла до Тиберия, то, несмотря на то, что он был человек скрытный и особенно таивший печальные события, он вынужден был послать [туда] своего сына Друза с важнейшими лицами в государстве¹⁰ и двумя преторианскими когортами. Он не дал ему никаких вполне определенных поручений, но предоставил действовать, смотря по обстоятельствам. При этом когорты были усилены отборными солдатами сверх обыкновенного. К ним была прибавлена значительная часть преторианской конницы и храбрейших из германцев, находившихся в то время в качестве личной охраны императора... При приближении Друза легионы, как бы по обязанности, вышли навстречу, не выражая радости, как это обыкновенно бывает, и не блистая воинскими украшениями; и хотя они своею грязною и небрежною внешностью и лицом хотели выразить печаль, они скорее выражали упрямство.

Когда Друз вошел в окоп лагеря, они заняли ворота караулами и расставили густые отряды по определенным местам лагеря; остальные обступили трибунал огромным строем. [На трибунале] стал Друз, жестаи требуя молчания. Как только шум прекратился, Друз прочел послание отца, в котором было написано, что Тиберий питает особую заботливость о храбрейших легионах, с которыми перенес очень много войн¹¹; что, как только душа его успокоится от печали, он доложит сенату об их требованиях; что он тем временем отправил к ним сына для того, чтобы тот без отлагательства предоставил им то, что может быть тотчас предоставлено; что остальное должно быть оставлено вплоть до решения сената, который должен участвовать в раздаче как милостей, так и наказаний.

Собрание отвечало, что Клементу центуриону даны поручения с тем, чтобы он доложил о них. Клемент начинает с отставки после шестнадцати лет, говорит о наградах по окончании службы, о том, чтобы каждый день платился денарий жалования, о том, чтобы ветеранов не удерживать под знаменем. Когда Друз стал отговариваться тем, что это зависит от воли сената и отца его, то был прерван криком: «Зачем он пришел, если не может ни увеличить солдатам жалованье, ни облегчить их труды, наконец, если не имеет никакой власти делать добро? Но ведь сечь и убивать их всем дозволяется. Прежде Тиберий имел обыкновение обманывать ожидание солдат, ссылаясь на Августа: те же хитрости принес с собой и Друз! Но неужели всегда к ним будут приходить только бесправные сыновья? Да это совершенная новость, чтоб император одни только выгоды солдата отдавал на рассмотрение сената. В таком случае следовало бы спрашивать тот же сенат всякий раз, когда назначаются казни или сражения! Или награды находятся в руках деспотов, а наказания предоставлены на волю каждого?»

После этого были найдены главные мятежники и часть их, бродившая вне лагеря, была убита центурионами или солдатами преторианских когорт, а некоторых выдали сами манипулы в доказательство верности. Нет другого, [говорили они], облегчения от этих зол, как оставить злополучный и оскверненный лагерь и, очистившись от вины, возвратиться каждому на свои зимние квартиры. Сперва возвратился восьмой легион, потом пятнадцатый. Девятый говорил, что нужно подождать письма Тиберия, но, оставшись по уходе других одиноким, он добровольно предупредил предстоявшую необходимость. Тогда Друз, так как дела пришли достаточно в порядок, не дождавшись прибытия назад депутатов, возвратился в Рим.

Почти в те же самые дни и по тем же самым причинам произошло возмущение в германских легионах, тем более сильное, что их было больше¹², причем был большой расчет на то, что Цезарь Германик не станет терпеть власти другого и подчинится легионам, которые своей силой все увлекут за собою. На берегу Рейна находились две армии: та, которая называлась верхней, находилась под командой легата Г. Силия, а нижнюю возглавлял А. Цецина. Главное управление ими принадлежало Германику, который в то время был занят производством ценза в Галлиях. Войско, которым командовал Силий, было в нерешительности и выжидало, чем кончится возмущение других. Солдаты нижней армии увлеклись до неистовства. Началось оно у двадцать первого и пятого легионов, а затем были вовлечены также первый и двадцатый легионы, ибо они в одних и тех же летних лагерях в области Убян проводили время в праздности или в исполнении легких обязанностей. Таким образом, услышав о кончине Августа, горожане, вошедшие в

недавно произведенный в Риме набор, привыкшие к распутству, не способные переносить труды, стали убеждать других солдат такими рассуждениями: «Пришло время, когда ветеранам следует требовать скорой отставки, молодым солдатам — увеличения жалования, всем вообще — предела их несчастий и отмищения центурионам за жестокость». Это говорил не один человек, как Перценний среди паннонских легионов, и не перед боязливymi солдатами, озирающимися на другие войска, которые сильнее их, а множество мятежных голосов кричало, что в их руках находится судьба Рима, их победами увеличиваются пределы республики, их название принимают полководцы. И легат не оказывал этому противодействия: преобладание безумствующих лишило его твердости. Вдруг эти бешеные, обнажив мечи, бросаются на центурионов: это самый давний предмет ненависти солдат, и с него началась их ярость. Повалив на землю, солдаты бьют их палками, каждого шестьдесят человек, чтобы тем сравняться с числом центурионов¹³, затем изуродованных и истерзанных и частью уже мертвых бросают их перед окопом лагеря или в Рейн.

...У Германика произошло совещание о том, как помочь делу, так как пришло известие, что готовится депутация к верхней армии¹⁴, чтоб привлечь ее к совместным действиям, что город Убян¹⁵ предназначен к разрушению и что насыщенные добычею воины бросаются потом на разграбление Галлии. Страх усиливало то обстоятельство, что неприятель знал о возмущении римлян и что, если солдаты покинут берег, он сделает на него нападение; если же вооружить против уходящих легионов вспомогательные войска и союзников, то откроется междоусобная война. Строгость была бы опасна, щедрость была бы преступна; не уступить солдатам ничего или уступить все — государство было бы одинаково в опасности. Итак, взвесив и те, и другие основания, постановили написать от имени Тиберия письмо следующего содержания: прослужившим двадцать лет дается отставка, кто прослужил шестнадцать, те увольняются от службы и удерживаются под знаменами, будучи свободны от всех обязанностей, кроме обязанности прогонять неприятеля; завещанные им [Августом] деньги, которых они требовали, выплачиваются им и удваиваются.

Солдаты поняли, что это придумано лишь ввиду крайних обстоятельств, и потребовали немедленного удовлетворения. Отставку поспешили дать через трибунов; раздачу денег отложили было до прибытия всех их в зимние лагеря. Но солдаты пятого и двадцать первого легиона не хотели трогаться с места, пока Германик не выплатил им денег в летних же лагерях, составив нужную сумму из денег друзей и своих собственных. Первый и двадцатый легионы легат Цецина отвел на земли Убян, но то было отвратительное шествие войска, когда между знаменами и орлами ехали денежные кассы, отнятые у полко-

водца. Германик отправился к верхней армии и привел к присяге второй, тринадцатый и шестнадцатый легионы, которые не проявили никакого колебания. Некоторое колебание обнаружили солдаты четырнадцатого легиона: им были даны деньги и увольнения от службы, хотя они того и не требовали.

¹ То-есть в легионах, стоявших в Паннонии, которая была римской провинцией с 10 г. до н. э.

² Он был консулом в 10 г. н. э.

³ Приостановление судебных и всех других государственных дел происходило в республике во время военной опасности, а в империи — после смерти императора.

⁴ Вследствие вступления во власть нового государя.

⁵ Здесь речь идет именно о ветеранах, т. е. об особом корпусе, в который, выслужив установленный срок службы (20 лет), поступали ветераны, причем, они получали больше жалованья и несли уже не столь тяжелую службу, как прежде. Они назывались поэтому *vexillarii*. Но этих вексилляриев не нужно смешивать с часто упоминаемыми у Тацита отдельными отрядами. Солдаты их, так как им давалось особое знамя, также назывались вексилляриями, совсем не будучи ветеранами.

⁶ Красноречивое описание положения солдат и злоупотреблений центурионов своею властью Тацит дает в «Историях», I, 46.

⁷ Прежде денарий равнялся 10 ассам, и солдаты получали одну треть его; теперь они получали десять ассов, но сам денарий состоял уже из 16 ассов.

⁸ Вместо земельных участков.

⁹ Крупный город в Верхней Паннонии на реке того же имени, которая теперь называется Любляницей.

¹⁰ В 27 главе упоминается один из знатных членов этой свиты Друза Г. Лентул.

¹¹ Это войны с паннонцами и далматами, 12—9 гг. до н. э. и 6 г. до н. э.

¹² Их было восемь легионов, а паннонских три.

¹³ В легионе было 60 центурионов; чтобы отомстить своим мучителям, солдаты придумали приставить к каждому из попавшихся им в руки центурионов 60 человек для наказания.

¹⁴ К стоящей на Верхнем Рейне в Майнцском лагере, где главнокомандующим был Г. Силий.

¹⁵ Куда при Клавдии (50 г. н. э.) была выведена колония ветеранов.

Перев. и прим. В. И. Модестова.

№ 72. ВОССТАНИЕ ТАКФАРИНАТА В НУМИДИИ

(Тацит, *Анналы*, II, 52; III, 20—21)

В этом же году началась война в Африке под предводительством Такфарината. Он был родом из Нумидии, служил во вспомогательном войске в римском лагере, откуда затем бежал. Он стал набирать бродяг и людей, привыкших к разбою сначала для добычи и грабежа; потом составил из них по военному образу отряды пехоты и взводы конницы; наконец, сделался предводителем уже не отдельной шайки, а целого народа мусаламийцев. Этот храбрый народ, близкий к африканским пустыням, не знавший еще в то время городской жизни, взялся за оружие и вовлек в войну соседних мавров, предводителем которых был Мазиппа. Войско они разделили таким образом, что

Такфаринат взял себе отборных людей и, вооружив по-римски, держал их в лагере, чтоб приучить к дисциплине и команде; Мазиппа же с легкими отрядами распространял кругом пожары, убийства и сеял ужас. Они уже подговорили к тому же и кинифян, народ не маленький, когда Фурий Камилл, проконсул Африки¹, стянув вместе легион² и союзников, сколько их было под знаменами, повел их на врага; это была ничтожная сила, если взять во внимание количество нумидян и мавров; но он ничего так не боялся, как того, чтобы неприятели из страха не уклонялись от битвы... Когда Камилл поставил легион в середину, а по бокам две легких когорты и два отряда конницы, Такфаринат не отказался от боя. Нумидяне были разбиты, и для имени Фуриев была, после многих лет, приобретена военная слава...

В этом же году Такфаринат, о котором я говорил, что он разбит был в прошлом году Камиллом, возобновляет войну в Африке. Сначала он производил разные набеги с необыкновенной быстротой, которые по этой причине оставались безнаказанными, потом стал разрушать деревни, захватывать много добычи; наконец неподалеку от реки Пагиды³ он осадил римскую когорту. Укреплением командовал Декрий, человек не ленивый сражаться, опытный в военном деле и считавший за бесчестье для себя такую осаду. Убедив солдат дать битву в открытом поле, он выставил войско перед лагерем. Когда же когорта при первом нападении на нее была опрокинута, он отважно бросился, не обращая внимания на стрелы, навстречу бегущим и укорял знаменосцев за то, что римские солдаты побежали от нестройных шаек или дезертиров. В то же время он был ранен, но, несмотря на проколотый глаз, повернул лицо прямо к неприятелю, пока не упал, покинутый своими.

Когда об этом узнал Л. Апроний, [он был преемником Камилла], то, тревожась не столько успехом неприятеля, сколько бесчестьем своих, засек каждого десятого из позорной когорты по жребию, что было редким в то время делом и относилось к старым обычаям. И этой строгостью он произвел то, что отряд ветеранов, числом не больше как в пятьсот человек, разбил то же самое войско Такфарината, когда оно напало на укрепление, носящее название Фала⁴. В этом сражении рядовой солдат Гельвий Руф получил отличие за спасение гражданина и был награжден Апронием ожерельем и копьем. Цезарь прибавил к этому гражданский венок и больше высказал сожаление, чем досаду, относительно того, что Апроний сам не дал его по праву проконсула. Но Такфаринат, так как нумидийцы испугались и не хотели заниматься осадой крепостей, рассыпал свои войска, уступая там, где встречал упорное сопротивление, и снова возвращался. Пока варвары следовали этому плану, они безнаказанно издевались над испытывающими неудачи и усталость римлянами. Когда же они повернули к приморским

местам и, обремененные добычей, были привязаны к постоянному лагерю, то Апроний Цезиан, отправленный своим отцом с конницей и вспомогательными когортами, к которым он прибавил самых проворных солдат из легионов, дал нумидийцам удачную битву и прогнал их в пустыню.

¹ Провинция, составлявшая область прежнего Карфагена.

² В сенатских провинциях обыкновенно не расквартировывались легионы, но так как это была провинция пограничная и находилась далеко от расположения других войск, то в распоряжение проконсула при Августе и Тиберии давался легион (см. «Истории», IV, 18).

³ Неизвестно, о какой реке идет тут речь.

⁴ Местоположение этого нумидийского города в точности не определено. Возможно, что он находился в восточной Нумидии.

Перев. и прим. В. И. Модестова.

№ 73. ВОССТАНИЕ БОУДИККИ В БРИТАНИИ

(Тацит, *Анналы*, XIV, 34—39)

У Светония был в распоряжении четырнадцатый легион, отряд двадцатого легиона и вспомогательные войска из близлежащих мест, всего почти десять тысяч воинов, когда он, наконец, решился вступить в бой. Для этого он избрал в тылу местность с узким ущельем, заросшую лесом, зная хорошо, что неприятель находился у него только с фронта, что равнина открыта и потому нет никакой нужды бояться засады. Солдаты легионов становятся плотными рядами; кругом их легковооруженные, на конце флангов столпилась конница. Войска же британцев летали туда и сюда пешими и конными отрядами в таком количестве, какого у них еще не бывало, и самонадеянно взяли с собой даже жен в качестве свидетелей своей победы, посадив их на повозки, которые поставили на крайней окружности равнины.

Боудикка, везя на колеснице впереди себя дочерей, по мере приближения к тому или другому племени, заявляла, что «британцам, конечно, привычно воевать под предводительством женщины, но что теперь она идет мстить не как происходящая от знатных предков за царство и богатство (которые у нее отняты), а как одна из народа за потерянную свободу, за иссеченное розгами тело, за оскорбленное целомудрие дочерей... Но боги стоят за справедливое мщение: пал легион, отважившийся на сражение, остальные скрываются в лагерях или думают о бегстве. Они не вынесут даже шума и крика стольких тысяч [воинов], не говоря уже о натиске рукопашного боя. Если британцы взвесят причины войны и свою вооруженную силу, то им будет нужно или победить в этом бою, или пасть. Так решено женщиной! Вы, мужчины, можете жить и оставаться в рабстве».

И Светоний не молчал в таком решительном положении, и хотя он полагался на храбрость, но все-таки обращался к солдатам в одно и то же время с увещеваниями и просьбами не

придавать значения крикам варваров и пустым угрозам. «У них, видно, больше женщин, чем молодежи. Люди не воинственные, безоружные, они тотчас сдадутся, как только почувствуют, столько уже раз разбитые, меч и храбрость людей, привыкших к победе. Даже и при участии в битве многих легионов незначительное число людей решает исход сражения; поэтому нам будет еще больше славы от того, что наше небольшое войско получит славу целой армии. Только идите плотными рядами, бросайте дротики и затем продолжайте валить горбами щитов и рубить мечами, не думая о добыче: когда выиграна победа, все достанется вам».

После этих слов полководца последовало такое воодушевление, и старые солдаты, выдавшие много сражений, приготовились с таким видом пустить свои дротики, что Светоний был уверен в успехе и дал сигнал к битве.

Прежде всего легион, не двигаясь с места и опираясь на теснину, как на укрепление, выпустил свои стрелы верным прицелом на подошедшего ближе неприятеля и затем бросился на него как бы клином. Такой же быстрый натиск сделали и вспомогательные войска; в свою очередь, всадники своими длинными копьями сломили сопротивление наиболее стойко державшихся. Побежденным убежать было трудно, так как расставленные кругом повозки запирали выходы. Воины убивали без пощады даже женщин; пронзенные стрелами выючные животные увеличили груды трупов. Громкая слава, приобретенная в этот день, равнялась со славой древних побед: ибо некоторые передают, что пало немногим менее 80 тысяч британцев, тогда как [римских] солдат было убито около четырехсот и немногим более ранено. Боудикка умерла, приняв яд. Пений Постум, префект лагеря второго легиона, узнавши об успехе четырнадцатого и двенадцатого легионов, пронзил сам себя мечом за то, что лишил свой легион такой же славы и, воспротивившись уставу военной службы, не исполнил приказания полководца.

После этого вся армия содержалась в походном строе до полного окончания военных действий. Войска эти император увеличил, послав две тысячи легионеров, восемь когорт вспомогательных войск и тысячу всадников. С прибытием подкрепления был пополнен девятый легион, когорты и конные корпуса были размещены на новых зимних квартирах, и все племена, недостаточно верные или враждебные, были опустошены огнем и мечом. Но ничто так не удручало неприятелей, как голод, так как они не позаботились о посевах, и люди всех возрастов бросились воевать, думая захватить наши подвозы съестных припасов. Воинственные народы потому еще слишком медленно склонялись к миру, что присланный преемником Кату Юлий Классициан был в ссоре с Светонием и из личной вражды противодействовал общественному благу, распуская между прочим слух, что следует ждать нового наместника, который бы, бу-

дучи чужд раздражения, свойственного врагу и надменности победителя, был способен милостиво обходиться с изъязвившим покорность населением. В то же время он дал знать в Рим, что нельзя ждать конца битвам, если не будет прислан преемник Светонию, неудачи которого он относил за счет плохого ведения дел, а успехи приписывал счастью.

Поэтому для проверки состояния Британии был послан вольноотпущенник Поликлет, причем Нерон очень надеялся, что назначение последнего не только породит согласие между наместником и прокуратором, но и успокоит миром непокорные сердца варваров. Поликлет не преминул отправиться в путь с огромной свитой, обременяя Италию и Галлию, а переехав океан, устроить даже наших солдат. Но у врагов он возбуждал смех: им при существовании в то время еще пламенной любви к свободе пока незнакомо было могущество вольноотпущенников и они дивились тому, что полководец и армия, окончившие такую войну, покорствуют рабам. Императору было донесено обо всем в смягченном виде. Светоний сначала продолжал заведовать делами, но немного спустя, когда он потерял несколько кораблей у берега вместе с экипажем, ему приказано было, как будто бы война еще продолжалась, передать армию Петронию Турпилиану, который уже окончил консульство. Петроний, не раздражая неприятеля, и сам не тревожимый им, пребывал в беспечной праздности, которую называл миром.

Перев. и прим. В. И. Модестова.

№ 74. ТРАКТАТ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

(Люций Юний Модерат Колумелла)

Люций Юний Модерат Колумелла — автор трактата о сельском хозяйстве, жил в середине I в. н. э. Он родился в испанском городе Гадесе, но затем переехал в Италию. Его произведение — трактат «О сельском хозяйстве» в 12 книгах — посвящено в первую очередь италийской экономике.

Большое внимание уделяет он земледелию и разведению плодовых деревьев. Колумелла дает совет лучше удобрять почву — он сторонник так называемой интенсивной системы в сельском хозяйстве.

Колумелла, в противоположность Катону, говорит о бережном отношении к рабам, что было вызвано общим кризисом рабовладельческого хозяйства в Риме, начиная с I в. н. э., и сокращением притока рабов. Этот трактат свидетельствует о начинающемся уже упадке сельского хозяйства Италии в I в. н. э.

Владелец имения должен прилагать тщательную заботу ко всем прочим статям имения, в особенности же к находящимся в нем людям. Эти последние распадаются на два разряда: на колонов и рабов — незакованных и закованных. К колонам он должен относиться снисходительно и стараться идти навстречу в их нуждах; он должен быть более требовательным к их работе, нежели к платежам; такое отношение для колонов менее обидно, хозяину же вообще более выгодно. Ибо прилежная

обработка поля в большинстве случаев приносит пользу и никогда не приносит вреда (разве только ущерб будет причинен непогодой или грабежом), а потому и колон не посмеет просить льгот в исполнении работы. Но господин не должен слишком настаивать на своем праве в обязательствах, наложенных на колона, как, например, на точном соблюдении сроков платежей, доставке дров и прочих мелких обязанностях колона, выполнение которых больше докучает земледельцам, чем приносит им ущерба. Не следует вообще быть слишком взыскательным в том, что следует нам по праву. Недаром строжайшее право считалось у древних величайшим мучением. С другой стороны, не следует допускать и чрезмерных льгот, ибо, как правильно сказал ростовщик Альфий, самые верные долговые статьи становятся лишенными всякой ценности, если мы отказываемся от взысканий по ним. Также и Люций Волузий, бывший консул, человек чрезвычайно богатый, еще на моей памяти утверждал, что то поместье находится в самых счастливых условиях, при котором имеются колонны, издавна живущие в этой местности, как бы по наследству перешедшие к владельцу и связанные с ним близкими отношениями с самого рождения. Мое мнение таково, что частая смена арендаторов есть дело невыгодное; однако хуже прибегать к услугам такого арендатора из городских жителей, который обрабатывает имение не сам, а с помощью рабов. Сазерна говорил, что от такого арендатора надо вместо арендной платы ждать тяжбы. Поэтому надо стараться всячески привлекать к обработке колонов — сельских жителей, прочно привязанных к месту, что необходимо в тех случаях, когда владелец не имеет возможности вести хозяйство лично или с помощью собственных людей. Так бывает обычно в местности, страдающей от вредного климата или неплодородия. Однако, если климат и почва мало-мальски приличны, то личное хозяйничанье владельца всегда принесет больше дохода, чем сдача в аренду колонам; даже хозяйство через посредство вилика дает больший результат — при условии, конечно, что вилик не окажется небрежным и алчным рабом. Последнее без всякого сомнения случается по вине самого же владельца. Поэтому надлежит остерегаться поручать хозяйство такому рабу; если такая ошибка допущена, следует сместить негодного вилика с его должности. Однако в имениях отдаленных, которые владелец не может навещать часто, обработку всякого поля предпочтительнее поручать свободным колонам, чем рабу-вилику; это правило в особенности относится к полям, засеянным хлебом, которым колон может гораздо меньше принести вреда, чем виноградникам или садовым насаждениям; рабы же и этим полям приносят величайший вред; они дают за деньги господский скот для работы на стороне, пасут и рабочий, и остальной скот плохо, дурно пасут землю; показывают при посеве гораздо больший против настоящего расход семян; они не заботятся о

том, чтобы семена, брошенные в землю, дали богатый урожай, и, свезя его на гумно, они даже уменьшают его количество во время молотбы либо утайкой части его, либо небрежной работой. Ибо юни и сами крадут зерно, и от других воров плохо его оберегают. Наконец, при уборке зерна в амбар они неправильно показывают его количество в счетной записи. Таким образом как управляющий, так и рабы мошенничают, а поле приходит в негодное состояние. Поэтому, как я уже сказал, такое имение, которое лишено частого присутствия владельца, необходимо сдавать в аренду.

Сб. «Первоисточники по истории раннего христианства», стр. 63—64.

№ 75. ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМЕНИЕМ

(П л и н и й М л а д ш и й, Письма, IX, 37)

В сочинениях римского писателя Плиния Младшего (родился в 61 или 62 г., умер в 114 г.) мы находим яркую картину жизни господствующего класса римского общества в эпоху Домициана, Нервы и Траяна.

Плиний Младший родился в итальянском городке Комы, получил превосходное юридическое образование. За свою жизнь он исполнял все должности римского магистрата. Служебная карьера Плиния окончилась в должности легата провинций Вифинии и Понта. В его сочинениях — «Письмах» (в 10 книгах) и в «Панегирике Траяну» — можно найти самые разнообразные сведения по интересующей нас эпохе: как жизни проходят перед читателем представители правящей верхушки с их слабостями и недостатками. Плиний говорит в своих «Письмах» и о рабах — с точки зрения рабовладельца, старающегося получить от них максимальную выгоду. Например, Плиний говорит о том, что «у кротких хозяев рабы отказываются бояться и работают беспечно и нерадиво» (I, 4). В другом письме (III, 14) Плиний описывает расправу доведенных до отчаяния рабов со своим господином и восклицает: «Скольким опасностям, скольким обидам мы подвергаемся, никто не может быть спокоен, потому что он снисходителен и мягок, господ убивают не по размышлению, а по злобности».

Широкую популярность снискали Плинию его выступления в качестве адвоката: он защищал жителей провинций Африки и Бэтики от вымогательств наместников.

В качестве источника по мировоззрению правящей верхушки римского общества времен Траяна важное значение имеет «Панегирик» Плиния, произнесенный им 1 сентября 100 г. н.э. в сенате по поводу назначения его консулом. В этом произведении Плиний ставит своей целью всячески возвеличить императора Траяна и подчеркнуть, насколько улучшилось положение империи с его воцарением.

П л и н и й—П а у л и н у. Не в твоём характере требовать от близких друзей выполнения, вопреки их удобствам, этой не экстренной и почти официальной обязанности, и я слишком прочно тебя люблю, чтобы опасаться, как бы ты не истолковал в нежелательном для меня смысле, если я не навещу тебя в должности консула сразу же, первого числа. К тому же необходимость сдать в аренду имения на несколько лет меня отрывает от государственной службы. А в этом деле мне приходится применить новые методы. В прошлый арендный сезон недоимки, несмотря на большие скидки, возросли; поэтому мно-

гие совсем перестали заботиться об уменьшении своих долгов, так как они отчаялись в возможности их выплатить; они расхищают и расходуют урожай, поскольку они считают, что для себя им беречь нечего. Этим все растущим порокам надо оказывать противодействие, надо найти против них средство. А средство одно — сдать не за плату, а за долю урожая и назначить некоторых из моих работников сборщиками, других — сторожами урожая. Вообще нет более справедливого типа дохода, чем доходы от земли и процентов; но это требует большого доверия, бдительности глаза и многочисленных рук. Надо, однако, попытаться и попробовать против этой застарелой болезни какие угодно средства.

Ты видишь, какие сложные причины не позволяют мне принять участие в торжестве первого дня твоего консулата; но я и здесь отпраздную его пожеланиями, радостью и поздравлениями, как если бы я был у тебя лично. Будь здоров.

Перев. А. Б. Рановича.

№ 76. О ПОКУПКЕ ИМЕНИЯ

(Плиний Младший, Письма, III, 19)

Плиний — Кальвицию Руфу. Обращаюсь к тебе, как обычно, за советом по личному делу. По соседству с моими владениями, даже примыкая к ним, продаются имения. В этом деле многое меня прельщает, но не меньше имеется у меня опасений. Привлекает меня, во-первых, самая возможность красиво округлить свои владения; во-вторых, возможность — столь же полезная, как и приятная — навестить одним разом и без лишних путевых издержек оба имения, держать в них общего управляющего и почти общих надзирателей, обстраивать и украшать одну виллу, а другую держать в запасе. Здесь можно свести вместе расход на мебель, расход на дворецких, на садовников, мастеров и на снаряжение для охоты; а это очень важно сконцентрировать в одном, а не оставлять разбросанным в разных местах.

Но, с другой стороны, я боюсь, не будет ли неосторожностью подвергнуть столь огромное имущество риску одних и тех же условий погоды, одних и тех же случайностей; мне кажется, гораздо спокойнее страховать себя от неожиданностей, приобретая владения в разных местах. Далее, перемена места и самое путешествие по своим владениям доставляет большое удовольствие. Наконец, основной пункт моих колебаний: земля плодородная, жирная, обильная водой, состоит из полей, виноградников и лесов, которые должны дать хоть и умеренный, но верный доход. Но эта счастливая земля обрабатывается никудышными земледельцами. Прежний владелец слишком часто продавал заклады [арендаторов], уменьшая таким образом на время недоимки колонов, вконец истощил их силы; в результа-

те этой немощности их недоимки вновь возросли. Придется поэтому многих, поскольку они сами бессильны, снабдить рабами, а ты знаешь, что я — да и никто здесь — никогда не имею закованных рабов.

Наконец надо тебе знать, по какой цене можно, повидимому, эти имения купить: за 30 000 сестерций. Не потому, чтобы они не стоили раньше 50 000, но из-за разорения колонов и из-за общей неблагоприятной конъюнктуры убыли как доходы с земли, так и стоимость ее. Ты спросишь, сумею ли я без труда собрать эти 30 000; правда, я почти весь капитал вложил в имения, но кое-что у меня отдано в рост, и некоторую сумму нетрудно будет реализовать; возьму у тестя, кассой которого пользуюсь, как своей. Поэтому пусть тебя денежный вопрос не смущает, если тебя не пугают прочие условия, которые я прошу тебя взвесить самым тщательным образом. Ведь ты во всем, в частности в умении размещать средства, обладаешь большим опытом и чутьем. Будь здоров.

Перев. А. Б. Рановича.

№ 77. О ПРОДАЖЕ ХЛЕБА В НЕУРОЖАЙНЫЙ ГОД

(Anné épigraphique, 1925, № 126)

(Надпись из Антиохии в Писидии относится к 93 г. Эдикт Домициана)

Люций Аятистий Рустик легат императора Цезаря Домициана Августа Германского, пропретор, совместно с дуумвирами и декурионами¹ славнейшей колонии Антиохии написали мне, что вследствие жестокой зимы цена на хлеб чрезвычайно поднялась, и они просили, чтобы народ имел возможность покупать запасы. Поэтому приказываю, чтобы все граждане колонии Антиохии и поселенцы объявили дуумвирам колонии Антиохии в течение 30 дней со дня опубликования этого моего эдикта, сколько каждый и в каком месте имеет хлеба; и сколько в зерне и сколько в муке он оставляет на год для своей фамилии, а остальной весь запас хлеба пусть приготовит для продажи гражданам колонии Антиохии до первых августовских календ. Если же кто-нибудь не послушается, то пусть знает, что я за все удержанное против моего эдикта буду карать конфискацией. Доносчикам в виде награды назначается восьмая часть. А так как меня заверили, что до этой упорно длящейся жестокой зимы, в колонии модий² зерна стоил 8—9 ассов, и так как было бы чрезвычайно гнусно наживаться на голоде своих сограждан, то я запрещаю кому бы то ни было превышать цену в один денарий³ за модий.

Перев. Е. М. Штаерман.

¹ Римские колонии управлялись двумя дуумвирами и советом декурионов.

² Модий — мера сыпучих тел, равна 8,8 литра.

³ Денарий в эпоху империи равнялся 16 ассам

Диптих из дерева, найденный в Александрии, помечен 2 июля 94 г. Как видно из текста, содержит свидетельство о наличии у ветерана детей, получивших право на римское гражданство. Для подтверждения этого права приводится эдикт Домициана о привилегиях, предоставлявшихся ветеранам. Такие же эдикты издавались и предшествовавшими императорами. Отрывки некоторых из них (Августа, Тита) дошли до нас.

а) [1-я страница содержит имена свидетелей.] Гай Эпидий, сын Гая из Поллиевой трибы; Басс, ветеран; М. Плотий, сын Марка из Поллиевой трибы; Фузей, ветеран; М. Антоний, сын Марка из Поллиевой трибы; Целер, ветеран; П. Аудасий, сын Публия из Поллиевой трибы; Павел, ветеран; М. Антоний Лонг из Поллиевой трибы, ветеран; Л. Петроний Нигер, ветеран; М. Валерий Клемент, ветеран; М. Антоний Герман, ветеран.

б) [2-я страница содержит часть эдикта Домициана в копии.] В консульство Л. Нения Кальпурния Торквата Асперната и Т. Секстия Магия Латерана в VI ноны июля в XIII год [правления] Цезаря Домициана Августа Германского в месяц эпип, в VIII день в Александрии Египетской, М. Валерий, сын Марка из Поллиевой трибы Квадрат, ветеран, получивший почетную отставку из X Фретензийского легиона, засвидетельствовал, что он списал и сверил с медной доски, которая пририта в Цезареи Великой при входе во второе общественное здание под правым портиком вдоль храма Венеры на мраморной стене. На ней написано то, что следует ниже: император Цезарь сын божественного Веспасиана Домициан Август Германский, великий понтифик, трибун в седьмой раз, император в тринадцатый, постоянный цензор¹, отец отечества сказал: мне представляется необходимым издать эдикт для извещения всех вас, что ветераны должны быть освобождены от всех государственных налогов, а также, что они сами, их жены, дети, родственники, которые будут связаны с ними вследствие их законного брака, получают римское гражданство с наибольшими правами и были все освобождены от повинностей и получили освобождение все те, которые выше перечислены, родные и дети, по тому же праву и положению. И чтобы земли, дома, лавки против... ветеранов... (далее пропуск, в котором, очевидно, говорилось об освобождении ветеранов от налогов на указанное имущество).

в) [На стр. 3-й пропуск, там, видимо, содержался конец эдикта Домициана о праве ветеранов вступить в брак с перегринами и, далее, указ об отставке ветеранов X Фретензийского легиона. Далее следует клятвенное удостоверение свидетелей о детях Валерия Квадрата] ...ветеранов с женами и детьми вышеперечисленные записанные на медной доске, или если кто из них не женат [предоставляется тем право законного брака]

с теми, которых впоследствии возьмут в жены первых. Они состояли на военной службе в Иерусалиме в X Фретензийском легионе, отпущены в почетную отставку после окончания срока службы Секстом Герметидием Кампаном пропретором в январские календы в консульство Секста Помпея Коллеги и Квинта Педуция Присциана²; поступили же они на военную службу в консульство П. Галерия Трахала Кация и Т. Флавия Арулена³. С разрешения префекта Египта Юния Руфа в консульство Л. Нения Кальпурния Торквата Асперната и Т. Секстия Магия Латерана в июльские календы в XIII год [правления] императора Цезаря Домициана Августа Германского в месяц элип в VII день⁴. Там М. Валерий сын Марка из Поллиевой трибы Квадрат лично и в присутствии тех, которые должны были подписаться, засвидетельствовал и подтвердил, поклявшись Юпитером Всеблагим Величайшим и гением святейшего императора Цезаря Домициана Августа Германского, что в продолжение военной службы родились у него все трое детей—Л. Валерий Валент, Валерия Геракла и Валерия Артемия и что они записаны на медной доске и награждены римским гражданством по милости наилучшего из принцевов.

¹ В 87/88 г.

² 28 декабря 93 г.

³ 68 и 69 гг.

⁴ 1 июля 94 г.

Перев. и прим. *Е. М. Штаерман.*

№ 79. ПИР ТРИМАЛХИОНА

В романе «Сатирикон», приписываемом Петронию, римскому аристократу времени Нерона, дается карикатурное изображение разбогатевшего вольноотпущенника Трималхиона.

Земли у Трималхиона — соколу не облететь, денег — тьма тьмущая: здесь в каморке привратника больше серебра валяется, чем у иного за душой есть. А рабов-то, рабов-то сколько! Честное слово, едва ли десятая часть знает хозяина [в лицо]. В общем, он любого из здешних балбесов в тутовый лист свернет.

Нет того, чтобы он что-нибудь покупал на стороне: шерсть, померанцы, перец — все дома растет; куриного молока захочется — и то найдешь. Показалось ему, что домашняя шерсть недостаточно добротна, он пустил в стадо баранов, купленных в Таренте. Чтобы производить дома аттический мед, велел привезти из Афин пчел — кстати, и доморожденные пчелки станут лучше благодаря гречанкам; на днях еще он написал в Индию, чтобы ему прислали груздевых семян. Нет у него ни единого мула, рожденного не от онагра. Видишь, сколько подушек. Ведь все до единой набиты пурпурной или багряной шерстью. Душа радуется! Но и его товарищей — вольноотпущенников —

остерегись презирать. И они не без сока. Видишь вон того, ниже всех возлежащего. Теперь у него 800 000 сестерциев, а ведь вырос из ничего: недавно еще бревна на спине носил...

...Говорите вы все ни к селу ни к городу; почему никто не побеспокоится, что ныне хлеб кусаться стал. Честное слово, я сегодня хлеба найти не мог. А засуха-то все попрежнему. Целый год голодаем. Эдилы — чтобы им пусто было! — с пекарями стакнулись. Да, «ты мне, я тебе». А бедный народ страдает, а этим обжорам всякий день сатурналии. Эх, если бы у нас были еще те львы, которых я застал, когда только что приехал из Азии! Вот это была жизнь!.. В те поры хлеб не дороже грязи был. Купишь его на асс — вдвоем не съесть; теперь же он не больше бычьего глаза. Увы! С каждым днем все хуже; наша колония — словно телячий хвост, народ растет. А кто там виноват, что у нас эдил трехгрошовый, которому асс дороже нашей жизни. Он втихомолку над нами посмеивается. А в день получает больше, чем иной по отцовскому завещанию. Уж я-то знаю, за что он перехватил тысячу золотых. О если бы мы были настоящими мужчинами, ему бы не так привольно жилось. Нынче народ: дома — львы, на людях — лисицы. Что же касается до меня, то я проел все свои животы, и если голод продолжится, придется и домишко продать...

«Друзья, — сказал... Трималхион, — и рабы — люди; одним с нами молоком вскормлены, и не виноваты они, что участь их горькая. Однако по моей милости скоро все напьются вольной воды. Я их всех в завещании своим на свободу отпускаю. Филагиру, кроме того, завещаю его сожительницу и поместье. Кариону — домик, и двадцатину¹, и кровать с постелью. Фортунату² же делаю главной наследницей и поручаю ее всем друзьям моим. Все это я сейчас объявляю затем, чтобы челядь меня теперь любила так же, как будет любить, когда я умру».

Все принялись благодарить хозяина за его благодеяния. Он же, оставив шутки, велел принести экземпляр завещания и посреди всеобщего вопля сожаления прочел его от начала до конца. Потом, переводя глаза на Габину, проговорил: «Что скажешь, друг сердечный. Ведь ты воздвигнешь надо мною памятник, как я тебе заказал. Я очень прошу тебя: изобрази у ног моей статуи собачку мою, венки, сосуды с ароматами и все бои Петраита³, чтобы я по милости твоей еще и после смерти пожил. Вообще же памятник будет по прямому фасаду — сто футов, а по боковому — двести. Я хочу, чтобы вокруг праха моего были всякого рода плодовые деревья, а также обширный виноградник. Ибо большая ошибка украшать дома при жизни, а о тех домах, где нам дольше жить, не заботиться. А поэтому прежде всего желаю, чтобы в завещании было помечено: «Этот монумент наследованию не подлежит». Впрочем это уже мое дело предусмотреть в завещании, чтобы я после своей смерти

не претерпел обиды. Поставлю кого-нибудь из вольноотпущенников моих стражем у гробницы, чтобы у моего памятника никто не ходил за нуждой. Прошу тебя также вырезать на фронтоне мавзолея корабли, на всех парусах бегущие, а я будто в тоге-претексте⁴ на трибуне восседаю, с пятью золотыми кольцами на руках⁵, и из кошелька рассыпаю в народ деньги. Ибо, как тебе известно, я устраивал общественную трапезу и раздавал по два денария на человека. Хорошо бы, если ты находишь возможным, изобразить и самую трапезу и все гражданство, как оно ест и пьет в свое удовольствие. По правую руку помести статую моей Фортунаты с голубкой в руке, и пусть она на цепочке собачку держит. Мальчишку моего также, а главное — побольше винных амфор, хорошо запечатанных, чтобы вино не вытекало. Конечно, изобрази и урну разбитую и отрока, над ней рыдающего. В середине часы, так чтобы каждый, кто пожелает узнать, который час, волей неволей прочел бы мое имя. Что касается надписи, то вот прослушай внимательно и скажи, достаточно ли она хороша по твоему мнению:

«Здесь покоится Г. Помпей Трималхион Меценатион. Ему заочно был присужден почетный севират. Он мог бы украсить собой любую декурию Рима, но не пожелал. Благочестивый, мудрый, верный, он вышел из маленьких людей, оставил 30 миллионов сестерциев и никогда не слушал ни одного философа. Будь здоров. И ты также».

...Веселитесь, прошу вас, друзья, ибо я таким же, как вы, был, да вот благодаря уму своему до всего дошел. Смекалка делает человеком, все остальное ничего не стоит. Хорошо купишь, хорошо продашь. Пусть другой вам другое скажет. Я лопаюсь от счастья... Да, как я вам уже говорил, своему благоразумию обязан я богатством. Из Азии приехал я не больше вот этого подсвечника, даже каждый день по нем свой рост мерил; чтобы борода скорее росла, верхнюю губу ламповым маслом смазывал...

Итак, с помощью богов я стал хозяином в доме; заполнил сердце господина. Чего больше. Хозяин сделал меня сонаследником Цезаря⁶. Получил я сенаторскую вотчину. Но человек никогда не бывал доволен: вздумалось мне торговать. Чтобы не затягивать рассказа, скажу кратко — снарядил я пять кораблей. Вином нагрузил — оно тогда на вес золота было — и в Рим отправил. Но подумайте, какая неудача: все потонуло. Не выдумка, а факт: в один день Нептун проглотил тридцать миллионов сестерциев. Вы думаете, я пал духом. Ей-ей, я даже не поморщился от этого убытка. Как ни в чем не бывало, снарядил другие корабли, больше, крепче и удачнее, так что никто меня за слабого человека почесть не мог. Знаете, чем больше корабль, тем он крепче. Опять нагрузил я их вином, свининой, благовониями, рабами. Тут Фортуната доброе дело сделала — продала все свои драгоценности, все свои наряды и

мне сто золотых в руку положила: это были дрожжи моего богатства.

Чего боги хотят, то быстро делается. В первую же поездку округлил я десять миллионов. Тотчас же выкупил я прежние все земли своего патрона. Домик построил; рабов, лошадей, скота накопил; к чему бы я ни прикасался, все вырастало, как медовый сот. А когда стал богаче, чем вся округа, тогда — руки прочь: торговлю бросил и стал вести дела через вольноотпущенных. Я вообще от всяких дел хотел отстраниться, да отговорил меня подвернувшийся тут случайно звездочет...

...Вот какова моя судьба. И если удастся мне еще в Апулии имений закупить — цель жизни моей исполнена. Между тем, пока Меркурий бдит надо мной, я этот дом перестроил: помните, хижина была, а теперь храм. В нем четыре столовых, двадцать спален, два мраморных портика; во втором этаже еще помещение; затем моя собственная опочивальня, логово этой змеи⁷, прекраснейшая каморка для привратника, есть помещение для гостей.

Одним словом, когда Скавр приезжает, всегда у меня останавливается, хотя у его отца есть превосходное имение около моря. Многое еще имеется в этом доме — я вам все сейчас покажу. Верьте мне: асс у тебя есть, асса ты стоишь. Имеешь, еще иметь будешь. Так-то ваш друг: был лягушкой, а стал царем.

...Мы... пришли к дверям, на которых висело объявление, гласившее: «Если раб без приказа господского выйдет за ворота, то получит сто ударов».

У самого входа стоял привратник в зеленом платье, подпоясанный вишневым поясом, и чистил на серебряном блюде горох. Над порогом висела золотая клетка, из коей пестрая сойка приветствовала входящих.

Об этот порог я впрочем чуть не переломал себе ноги, пока, задрав голову, рассматривал все. По левую руку, недалеко от каморки привратника, была нарисована на стене огромная цепная собака, а над нею большими квадратными буквами написано: «Берегись собаки».

Товарищи меня обхохотали. Я же, оправившись от падения, не поленился пройти вдоль всей стены. На ней был нарисован невольничий рынок с вывесками, и сам Трималхион, еще кудрявый⁸, с кадуцеем в руках, ведомый Минервой, [торжественно] вступал в Рим. Все передал своей кистью добросовестный художник и объяснил надписями: и как Трималхион учился счетоводству, и как сделался рабом-казначеем.

Перев. А. Б. Рановича.

¹ Двадцатая часть выкупной суммы, которую отпущенный на волю раб вносил в казну.

² Жена Трималхиона

³ Знаменитый гладиатор.

⁴ Тога с красной каймой, которую носили сенаторы и высшие магистраты.

⁵ Золотой перстень был признаком принадлежности к сословию всадников.

⁶ То-есть сделал его своим наследником наряду с императором, которому знатные люди обычно завещали долю наследства.

⁷ Имеется в виду Фортуната, жена Трималхиона.

⁸ То-есть несовершеннолетний.

№ 80. МАНЦИЕВ ЗАКОН

Эта надпись представляет исключительный интерес, так как в ней подробно излагаются взаимоотношения между колонами, с одной стороны, и владельцем латифундий, крупными арендаторами, *conductores* (см. ниже) и управляющими (*vilici*) — с другой. Перечисляются все обязанности и повинности колонов, попутно отмечается, какие сельскохозяйственные культуры пользуются особыми льготами, какие преимущества предоставляются за обработку пустопорожных земель и т. п.

Надпись сделана колонами, пожелавшими зафиксировать тот статут, который установил прокуратор императора Траяна (поскольку последний именуется *Parthiens*, датой этого статута надо считать 115—117 гг.). Образцом для него послужил старый устав *lex Manciana*, до нас дошедший. По всей вероятности, Манций был последним владельцем латифундии, до ее перехода — путем конфискации или наследования — в собственность императора. Таким образом, рисуемые в нашей надписи отношения характерны и для более раннего периода — конца I в.

К сожалению, надпись сильно попорчена; к тому же она написана нумидийцами, плохо владевшими латинским языком, крайне небрежно; за недостатком места (камень исписан со всех четырех сторон) писцы, высекавшие надпись, без стеснения сокращали текст, не считаясь со смыслом. Многие поэтому в надписи остаются неясным, допуская различные толкования.

Под первой колонкой надписи указаны имена ее составителей:

«Этот закон написан магистром¹ Лурием Виктором, сыном Одилона, защитником Флавием Геминием, Феликсом, сыном Аннобала, сына Бирзила».

На благо Августу нашему императору Траяну принцепсу [и всему его дому]², лучшему, Германскому, Парфянскому. Дано прокураторами Лицинием Максимом и вольноотпущенником Августа — Фелициором по образцу Манциева закона. Кто из них³ [живет] в пределах Вилла Магна Вариана⁴, т. е. Мапалиа Сига, тем разрешается обрабатывать, по Манциеву закону, те поля, которые являются отрезками⁵, с тем, что кто их обрабатывает, получает их в собственное пользование. Из урожая, какой получится на этой земле, они, согласно Манциеву закону, должны будут сдать долю владельцам или кондукторам, или вилика-кам⁶ этого имения на следующих условиях: колоны сообщают по собственному исчислению сумму урожая по каждой культуре, которую надо будет доставить на гумно и молотье, кондукторам и вилика-кам этого имения, и если кондукторы и вилики этого имения... полагающиеся с колонов доли целого кондукто-

рам и виликам этого имения и добросовестно гарантируют подписанным документом, колоны должны будут сдать кондукторам и виликам этого имения долю этого урожая, которую сдать надлежит. Кто в имении Вилла Магна, или Мапалиа Сига, занимает или будет занимать господскую виллу, должен будет сдавать кондукторам и виликам этого имения долю целого урожая всякого рода и виноградников по Манциеву обычаю: пшеницы с гумна третью часть, ячменя с гумна третью часть, гороха с гумна четвертую часть, вина из чана третью часть, собранных олив третью часть, меду в пчелиных ульях по одному секстари⁷. Кто будет иметь больше пяти ульев, должен будет сдать в то время, когда был или будет сбор меда, хозяевам или кондукторам, или виликам этого имения. Если кто перенесет ульи, рои, пчел, посуду для меда из Вилла Магна, или Мапалиа Сига, на земле около нариев⁸ и оттого будет ущерб для владельцев или кондукторов, или виликов, то ульи, рои, пчелы, посуда для меда и мед, находящийся в этом имении, перейдут в собственность кондукторов и виликов целиком. Засохшие смоковницы, которые находятся вне сада, там, где сад находится внутри самой виллы, так чтобы не больше... колон по собственной оценке должен будет сдать долю собранных фруктов кондуктору и виликам этого имения. Старые фиговые и оливковые плантации, которые посажены до издания этого закона, должны по обычаю сдать урожай кондуктору или виликам его. Если какая-либо фиговая плантация посажена после, то урожай этой фиговой плантации в течение трех урожаев подряд разрешается присвоить по своему усмотрению тому, кто насадил; после пятого урожая он должен будет сдавать, согласно вышеуказанному закону, кондукторам или виликам этого имения. Насаждать и обрабатывать виноградники разрешается на месте старых виноградников⁹ с тем условием, что в течение пяти ближайших сборов после насаждения тот, кто насадил, присваивает по своему усмотрению урожай этих виноградников, а после пятого сбора со времени насаждения они должны будут сдавать кондукторам или виликам третью часть урожая, согласно Манциеву закону. Оливковую плантацию разрешается заводить и возделывать в таком месте, где обрабатывается неводеланное поле, с тем, что от этого насаждения оливковой плантации, заложенной таким образом, в течение ближайших десяти сборов урожай поступает к насадившему по его усмотрению, после десяти сборов он должен будет отдать третью часть собранных олив кондукторам или виликам этого имения... в имении Вилла Магна, или Мапалиа Сига, есть или будут [полей?] вне тех полей, которые заняты виллой, то урожай таких полей они должны сдавать кондукторам или виликам, надсмотрщики должны будут взыскивать. За скот, который будет пастись внутри имения Вилла Магна, или Мапалиа Сига, они должны будут с каждой головы дать по четыре асса кондукторам или виликам владельцев этого имения.

Если кто-нибудь из имения Вилла Магна, или Мапалиа Сига, срубит, подрежет, унесет, заберет, сожжет, отсечет плод, стоящий или висящий, зрелый или незрелый, то проистекающий убыток кондуктором или виликом этого имения относится за счет колона... столько должен будет отдать. Если кто в имении Вилла Магна, или Мапалиа Сига, посадил или посадит плодовые деревья, то пользование этим надземным¹⁰... Кто на невозделанном возделал или возделает почву и там... построил или построит здание, а затем тот, кто возделал, перестал или перестанет возделывать, то с того времени, как эта почва перестала или перестанет обрабатываться, право на обработку у того, кто его имел или будет иметь, сохраняется или сохранится только в течение ближайших двух лет от того дня, когда он перестал или перестанет обрабатывать. После двух лет кондукторы и вилики их¹¹... относительно той земли, которая в предшествующий год была обработана и [затем] заброшена, кондуктор или вилик этого имения пусть заявит тому, в чьем пользовании находится земля... на следующий год... без жалоб по истечении двух лет кондуктор или вилик должен сдать в обработку¹². Ни один кондуктор или вилик не вправе жителя этого имения¹³... Колоны, которые будут жить в пределах Вилла Магна, т. е. Мапалиа Сига, должны ежегодно на каждого человека предоставить владельцам или кондукторам, или виликам этого имения по два рабочих дня — на пахотные работы по 2 и на жатву... всякого рода¹⁴. Колоны, постоянные жители этого имения, [должны] в течение... года [сообщить] кондукторам или виликам свои имена... для несения каждым охраны¹⁵... (дальнейшее неясно).

Перев. и прим. А. Б. Рановича.

¹ Нечто вроде выборного старосты колонов.

² Слова, помещенные в скобках и нарушающие контекст, надписаны впоследствии поверх строки.

³ Прокураторы, механически копируя, начинают с середины, не заботясь о разъяснении, кого они разумеют под словами «из них».

⁴ *Варий* — вероятно, один из прежних владельцев имения «Большая вилла».

⁵ Римляне при землеустройстве нарезали землю правильными квадратами или прямоугольниками.

⁶ *Кондукторы* — крупные арендаторы, пользовавшиеся трудом рабов или колонов. *Вилик* — управляющий (из рабов) имением непосредственно от владельцев.

⁷ *Секстар* — 0,55 литра; один улей давал от 6 до 18 секстаров.

⁸ Термин этот нигде больше не упоминается; он означает, повидимому, земельные участки вне имения; чтобы колоны не уклонялись от уплаты медового налога, переноса улья за пределы имения, закон устанавливает за это штраф в виде конфискации всего хозяйства.

⁹ При Домициане был издан закон, запрещающий насаждение новых виноградников, ввиду перепроизводства винограда. Напротив, разведение оливок поощряется.

¹⁰ По отдельным словам, сохранившимся в испорченных строчках, видно, что речь идет о праве передачи по наследству прав колона на надзем-

ные блага, плоды и т. п. на не находящейся в его владении или пользовании земле.

¹¹ Повидимому, «вправе распорядиться землею по-своему».

¹² Смысл этого пункта: если участок заброшен, кондуктор уже в первый год предупреждает колону, что если он в течение двух лет не возобновит возделывание участка, то лишается права на него; в случае формального, при свидетелях, отказа со стороны колона кондуктор или виллик отдает участок новому колону, и прежний работник не вправе заявлять претензии или жалобы.

¹³ Здесь резчик пропустил несколько слов, надо дополнить: «обременить повинностями сверх нижеуказанных» (или вроде того).

¹⁴ То-есть на каждый вид работы (пахота, сев, уборка) по два дня на человека.

¹⁵ Имеется в виду не охрана от расхищения, а надзор над сообщением правильных данных о фактическом урожае.

№ 81. ЗАКОН АДРИАНА

«Закон Адриана», надпись на латинском языке, найдена в Африке в Айн-Весселе, на трех сторонах цоколя жертвенника. Надпись интересна как свидетельство о запустении земли и о мероприятиях императоров — от Адриана до Септимия Севера — по заселению ее.

За благополучие и благосостояние имп. Цез. Л. Септимия Севера Пия Пертинакса Авг. и имп. Цезаря М. Аврелия Антонина Авг. и Л. Септимия Севера Гет. Цез. и Юлия Домны Авг., матроны лагерей — Патрокл, вольноотпущенник Августов, поставил жертвенник закона божественного Адриана и нанес на него нижеследующий закон.

(Копия Адрианова закона, изложенная на жертвеннике.)

Речь прокураторов: «Так как наш Цезарь, в неустанных работах, коими постоянно печется о пользе человеческой, приказывает возделывать все участки земли, которые годны под оливки, виноградники и зерновые культуры, поэтому с позволения его провидения дается всем возможность занять и те участки, которые находятся в сданных в наем центуриях территории Бландианской и Уденской не в тех частях, которые присоединены к Тусдританской территории из Лемиианской и Домицианской и не обрабатываются арендаторами. Гем, кто займет [эти земли], дается то право пользования и передачи по наследству, которое предусмотрено законом Адриана о пустопорожних землях и о таких, которые остались невозделанными в течение десяти лет, а из Бландинской и Уденской территории большая часть урожая не... [неясно]. Если кто займет места, заброшенные арендаторами, он даст обычную третью часть урожая. Из тех областей, которые присоединены к Тусдританской территории из Лемиианской и Домицианской, он даст столько же. От оливок, которые кто-либо вновь насадит в ямах или привьет к дикой оливе, в течение ближайших десяти лет не будут взыскиваться никакие доли урожая, а от фруктов — в течение ближайших семи лет и никакие другие плоды не попадут никогда в раздел, кроме тех, которые будут

проданы владельцами. Те сухие части урожая¹, какие каждый должен будет отдать, он в течение ближайших пяти лет даст тому, в чьей аренде находится занятая им земля; после этого срока — фиску.

Перев. и прим. А. Б. Рановича.

¹ Сухой, обмолоченный хлеб.

№ 82. ДОГОВОР О ПОКУПКЕ РАБЫНИ

(C.I.L., III, 936, № VI)

(Надпись эта, датированная 17 марта 139 г., найдена в Дакии)

Максим сын Батона купил и приобрел в собственность у Дазия сына Верзана Пируста из Кавиертия девушку шести лет по имени Пассия, или каким бы другим именем она ни называлась, за 205 денариев. Засвидетельствовано, что эта девушка здорова, честна от пороков и мошенничества, не беглая и не бродяга. Если кто-нибудь овладеет этой девушкой или честью ее, кроме Максима сына Батона, или того, кто имеет законное право владеть и иметь этот предмет, то должен дать столько денег, за сколько она куплена, и еще столько же. Поклялись в законности сделки Максим сын Батона и Дазий сын Верзана Пируста из Кавиертия. Дазий сын Верзана засвидетельствовал, что он получил 205 денариев от Максима сына Батона за вышеуказанную девушку. Составлено в Карте в XVI календы апреля во вторичное консульство Тита Элия Цезаря Антонина Пия и Бруттия Презента в присутствии Максима Венета декуриона, Мазурия Месса декуриона, Ликкая сына Эпикада, Эпикада сына Плорента, называемого также Мико, Дазия сына Верзана, самого продавца.

Перев. Е. М. Штаерман.

№ 83. ДЕКРЕТ О ВОИНСКИХ ПОЧЕСТЯХ

(Anné épigraphique, 1903, № 368)

(Надпись найдена в Сирии, в Баалбеке)

Гаю Велею сыну Сальвия Руфу, примипиларию XII Македонского легиона, префекту отрядов девяти легионов: I Вспомогательного, II Вспомогательного, VIII Августова, IX Испанского, XIV Двойного, XX Победоносного, XXI Неотразимого, трибуну XIII городской когорты, главнокомандующему Африканским и Мавретанским войсками, которые должны держать в повиновении находящиеся в Мавретании племена; награжденному во время иудейской войны императорами Веспасианом и Титом венком за овладение неприятельским валом, ожерельями, браслетами, бляхами; а также венком за восхождение на стену неприятельского города, двумя почетными копьями и военными значками за участие в войне с маркоманами, квадами и сарматами, против которых он совершил поход через царство Децебала, царя даков; прокуратору императора Цезаря Августа в провинциях Панно-

нии и Далмации, а также прокуратору провинции Реции с правом приговаривать к смертной казни. Будучи послан в Парфию, он привел обратно к императору Веспасиану сыновей царя Антиоха Эпифана и Каллиника с большим количеством податей. Марк Элий, сын Марка... родом из Аквилеи, ветеран XV Аполлонова легиона.

Перев. Е. М. Штаерман.

№ 84. ДЕКРЕТ ИМПЕРАТОРА КОММОДА О КОЛОНАХ БУРУНИТАНСКОГО ПОМЕСТЬЯ

Надпись на камне, содержащая жалобы колонов, резолюцию императора и последующее распоряжение прокуратора.

Первый столбец неразборчив.

...Ты видишь превышение власти прокуратора, которое он проявлял не только с нашим противником Аллием Максимом, но почти со всеми арендаторами, против закона и в ущерб твоим доходам; в то время, когда мы в течение стольких лет ходатайствуем, умоляем и ссылаемся на ваше божественное предписание, он не только уклонился от разбора нашей жалобы, но даже по коварному наущению того же влиятельнейшего кондуктора Аллия Максима позволил себе послать солдат в то же Бурунитанское поместье¹, схватить и мучить некоторых из нас, других заключить в тюрьму, и даже некоторых римских граждан он приказал избить розгами и дубинами за ту якобы нашу вину, что, собираясь в столь тяжелой в меру нашей ничтожности и столь явной обиде умолять твое величество, мы будто бы написали нескромное письмо. Явность этой несправедливости к нам, Цезарь, можно, конечно, усмотреть и из того, что... И это заставило нас, несчастнейших людей, вновь обратиться с мольбой к твоему божественному провидению. Мы просим, таким образом, священнейший император, чтобы ты помог. Как предусмотрено статьей Адрианова закона, пусть отнято будет даже у прокураторов, не говоря уже о кондукторах, право увеличивать доли [отчисления] с земли и трудовую и гужевую повинность; пусть мы, как это сказано в письмах прокураторов, находящихся в твоём архиве Карфагенской области, должны будем ежегодно не больше двух дней [отработки] при пахоте, двух при севе, двух при уборке и чтобы так было без всякого спора, как общее правило, всюду в отношении наших соседей в качестве постоянного порядка до настоящего времени и подтверждено вышеназванными письмами прокураторов. Помогите, и хотя мы, маленькие деревенские людишки, с трудом добывающие пропитание трудом своих рук, не можем сравняться у твоих прокураторов с влиятельнейшим, безмерно щедрым кондуктором, который по условиям аренды известен при всех сменах [прокураторам], сжался и своим священным рескриптом удостоил предписать, чтобы мы давали не больше, чем должны согласно закону

Адриана и письменным распоряжениям твоих прокураторов, чтобы благодаря благодеянию твоего величества мы, твои домоладцы — крестьяне, питомцы твоих имений, больше не притеснялись кондукторами земель фиска.

(пропуск)

(Постановление): Имп. Цезарь М. Аврелий Коммод Антоний Август, Сарматский, Германский, величайший — Лурию Лукуллу и прочим², [кому ведать надлежит]. Пусть прокураторы, соблюдая мою дисциплину и мое распоряжение, не требуют больше, чем три раза по два [дня] работы, пусть от вас ничего не взыскивают несправедливо, вопреки установленному порядку. И другой рукой³. Подписал. Скрепил...

(Исполнение постановления): Копия письма превосходительного мужа прокуратора: Туссаний Аристон и Хризанф — Андронику привет. Согласно священного решения господина нашего, святейшего императора, которое Лукулл на поданное прошение... (неразборчиво 6 строк).

И другой рукой⁴: Желаем тебе, святейшему, жить хорошо. Прощай. Дано в Карфагене накануне сентябрьских ид⁵.

(Опубликование надписи): Благополучно закончена и освещена⁶ в иды мая в консульство Аврелиана и Корнелиана⁷, по печением К. Юлия... Салакутия магистра.

Перев. и прим. А. Б. Рановича.

¹ *Saltus Burunitanus* является императорским именем, которое в административном отношении не входило в состав муниципии и управлялось особыми прокураторами, преимущественно из вольноотпущенников и рабов. В данном случае прокуратором был, видимо, упоминаемый дальше Андроник.

² Постановление императора на прошении колонов адресовано Лукуллу (вероятно, дворцовому коменданту — префекту претория), который доложил прошение.

³ Император собственноручно ставил, конечно, только подпись.

⁴ Собственноручная приписка на подлиннике письма Аристона и Хризанфа.

⁵ 13 сентября.

⁶ То-есть надпись.

⁷ Эти консулы по другим источникам неизвестны.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ И В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

В настоящей главе дается материал по истории Северного Причерноморья и Кавказа, который имеет непосредственное отношение к истории Рима. В экономической и политической жизни Римского государства области юга нашей страны начинают играть значительную роль со времени войны с Митридатом Евпатором, царем Понта (I в. до н. э.).

Для правильного понимания соотношения сил, сложившегося в Северном Причерноморье, необходимо учитывать роль местного населения — скифов, тавров, синдов, сарматов и др. Особое внимание следует уделить характеристике сильного скифского государства в Крыму с центром в Неаполе Скифском. Анализ экономики Северного Причерноморья, развитие там товарного производства необходимо давать в свете указаний товарища Сталина в его классической работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Товарищ Сталин пишет: «Нельзя рассматривать товарное производство, как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий. Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его...» (И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 15).

Античные авторы сообщают нам о необыкновенно плодородной почве Причерноморья (док. № 85) и о выгодном географическом положении городов, находившихся в устьях рек и обладавших хорошими гаванями. Митридат VI Понтийский использовал все средства, чтобы включить богатейшие области Причерноморья в состав своих владений. Следует указать, что понтийскому царю пришлось встретиться в Северном Причерноморье с большими трудностями — с нападениями скифов и с восстанием рабов во главе с Савмаком. Особое внимание при анализе этого события следует обратить на социальный состав восставших и подчеркнуть, что дольше всего восстание продолжалось в городах Феодосии и Пантикапее, где было сосредоточено

наибольшее количество рабов, как работавших в мастерских, так и занятых обработкой земель. Савмак объявил себя царем и управлял Боспорским царством два года. Лишь с большим трудом восстание было подавлено полководцем Митридата Евпатора Диофантом.

После неоднократных поражений в борьбе с Римом Митридат бежит на север, под защиту скифских и сарматских племен. Об этом подробно рассказывается у Аппиана в его сочинении, специально посвященном Митридату Евпатору (док. № 87, 88).

Во взаимоотношениях с Боспорским царством следует отметить упорную тенденцию римлян посадить своих ставленников на Боспорский престол, что встречало активное сопротивление греческих городов и местного населения. В эпоху Цезаря был убит римский ставленник Митридат Пергамский, погибший в борьбе с наместником Боспора Асандром. Во времена Августа на Боспоре погиб в борьбе с племенем аспургиан римский ставленник Полемон. В этот период Боспор чеканит золотую монету, а боспорские цари, и в первую очередь Аспург, правивший с 10 по 36 г. н. э., проводят независимую от Рима политику.

Важно остановиться на восстании Митридата VII, царя Боспорского, против Рима. Об этом событии мы знаем из подробного изложения в «Анналах» Тацита (док. № 89). Восстание против Рима широко распространилось — кроме Боспорского царства, восстали и местные племена, в том числе племя сираков.

Следует отметить при анализе этого документа позицию римского императора Клавдия, который не захотел вести войну против населения Северного Причерноморья, «где цари так воинственны, народы кочевые, почва бесплодна». Интересно, что Митридат, привезенный в качестве пленника в Рим, «держал речь смелее, чем дозволяло его положение».

Сравнительно скоро после восстания Митридата VII в Понте имело место и другое восстание, направленное против римлян. Восставшие во главе с рабом Аникетом (док. № 91) перебили римский гарнизон, находившийся в Трапезунде, и уничтожили флот римлян.

Нужно подчеркнуть, что это антиримское движение приобрело такой широкий размах, что император Веспасиан для подавления его вынужден был направить войска под командой Виргидия Гемина.

Во второй половине II в. и первой половине III в. н. э. Северное Причерноморье, и в первую очередь Боспорское царство, переживает эпоху подъема. Объясняется это прежде всего тем, что в экономике греческих государств значительно повышается роль местного производства, достигшего к этому времени высокого уровня развития. С середины III в. н. э. Северное Причерноморье вступает в период упадка. Нужно подчеркнуть, что этот кризис являлся частью того процесса, который переживала вся империя с середины III в., в силу экономического и политического ослабления бывшая уже не в состоянии охранять свои границы от вторжения иноземных племен. Первыми из припонтийских областей подверглись нападению готов города западного Причерноморья, а затем и Боспорское царство. Евтропий, живший в конце IV в., рассказывает нам о том, что Понт и Азия в середине III в. были опустошены готами. Имеются сведения у античных авторов этого времени и о тяжелом внутреннем положении греческих государств Северного Причерноморья в эту эпоху. Следует подчеркнуть, что, несмотря на ухудшение экономического и политического положения областей Северного Причерноморья, они сохраняли свою самостоятельность и не были включены в число римских провинций.

Окончательный удар существованию Боспорского царства и других греческих городов Северного Причерноморья был нанесен вторжением гуннов в конце IV в., описание которых оставил нам Аммиан Марцеллин (док. № 110). Античный мир Северного Причерноморья разделил участь Римской империи, он распался в результате внутреннего социально-экономического кризиса, усугубленного борьбой против него местного населения.

№ 85. ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И КАВКАЗА

(Страбон, География, VII, 4, XI, 2)

За исключением гор, которые тянутся вдоль моря до Феодосии¹, весь полуостров (Таврический) представляет плодородную равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом: поле здесь, вспаханное любым сошником, дает урожай сам-тридцать. Что касается до размеров дани, то жители платили Митридату 180 тысяч медимнов², а вместе с азиатскими частями, что около Синдики³, они платили 200 талантов серебра. В прежние времена отсюда вывозился к эллинам хлеб, подобно тому как соленая рыба доставлялась из Мэотиды⁴. Рассказывают, что Левкон⁵ из Феодосии послал афинянам 2 100 000 медимнов⁶. Эти жители полуострова специально назывались земледельцами, в отличие от обитавших над ними номадов⁷, которые питались мясом разных животных, преимущественно кониной... На реке Фасис лежит одноименный с ней город, торговый центр колхов⁸, защищенный с одной стороны рекой, с другой — озером, с третьей — морем. Отсюда два или три дня плавания до Амиса и Синопы⁹, так как побережье около устьев рек очень илесто. Край этот богат всякими плодами, кроме меда, который большей частью горчит; есть здесь и все, необходимое для судостроения. Много такого материала произрастает на месте, а кроме того сплавляется по рекам. Здесь производится также много льна, конопли, воска и смолы. Льняные изделия даже славятся и вывозятся в другие страны.

Перев. Ф. Г. Мищенко и В. С. Соколова.

¹ Феодосия — город на восточном побережье Крыма.

² Медимн — см. прим. № 3 на стр. 10.

³ Синдика — порт, расположенный в районе Анапы.

⁴ Мэотида — сейчас Азовское море. В данном случае — области, к нему прилегающие.

⁵ Левкон II — архонт боспорский (царствовал с 250 г. до н. э.).

⁶ 2 100 000 медимнов зерна приблизительно равняется 5 млн. 250 тыс. пудов.

⁷ Номады — кочевники.

⁸ Жители Колхиды, теперь западной части Грузии.

⁹ Греческие города на южном берегу Черного моря.

№ 86. ВОССТАНИЕ САВМАКА НА БОСПОРЕ

(Декрет в честь Диафанта IPE, 1² № 352)

Декрет в честь Диафанта был найден в 1877 г. при раскопках в Херсонесе, датируется концом II в. до н. э. Там описываются события, связанные с деятельностью Диафанта, полководца Митридата Евпатора, в Северном Причерноморье. Жители греческого города Херсонеса, расположенного на Крымском полуострове, под угрозой нашествия скифов попросили помощи у понтийского царя Митридата, и тот отправил к ним войско под

командованием Диофанта. В благодарность за оказанное им содействие жители Херсонеса поставили этот дошедший до нас декрет. В этом документе имеется важное свидетельство о восстании скифов-рабов во главе с рабом Савмаком, которое было с большим трудом подавлено Диофантом. Факт этого восстания бесспорно установлен советскими учеными академиками А. Жебелевым и В. В. Струве.

...[херсонесцы] предложили: так как Диофант, сын Асклепиодора, гражданин Синопы¹, наш друг и благодетель, пользуясь доверием и уважением, как никто, со стороны царя Митридата Евпатора, постоянно оказывается виновником всего хорошего для нашего города, направляя царя на самое прекрасное и славное. Будучи им привлечен и приняв на себя войну против скифов, Диофант прибыл в наш город и мужественно со всем войском переправился на ту сторону². Когда скифский царь Палак внезапно напал на Диофанта с большим полчищем, он, быв тем самым вынужден выстроить свое войско в боевой порядок, обратил в бегство скифов, считавшихся до тех пор непобедимыми, и таким образом, устроил так, что царь Митридат Евпатор первый водрузил над ними трофей. Покорив соседних тавров³ и основав на том месте город⁴, Диофант отлучился в боспорские местности и там в короткое время совершил много великих дел. Снова вернувшись в наши места и взяв с собою граждан цветущего возраста, Диофант продвинулся в центр Скифии, и, после того как скифы сдали ему царские укрепленные пункты Хабеи и Неаполь, вышло так, что почти все скифы стали подвластны царю Митридату Евпатору. Благодарный народ за все это почтил Диофанта приличествующими почестями, как освобожденный уже от владычества варваров. Когда скифы, обнаружив врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили [утвердившееся] положение вещей, это заставило царя Митридата Евпатора снова отправить Диофанта с войском [в Херсонес]. Диофант, хотя время склонялось к зиме, взял своих воинов и самых сильных их [херсонесских] граждан, двинулся против наиболее укрепленных пунктов скифов, но был задержан непогодой, поворотил в приморские местности, захватил Керкиниту и «укрепления» и приступил к осаде жителей Прекрасной гавани⁵. Тогда Палак, полагая, что время ему содействует, собрал всех своих, а сверх того привлек на свою сторону племя ревксинов⁶... Диофант сделал разумную диспозицию [своих сил]. И вышло так, что была победа для царя Митридата Евпатора прекрасная и достопамятная на все времена: из пехоты [вражеской] почти никто не спасся, из конницы же немногие спаслись бегством⁷. Не оставаясь ни минуты в бездействии, Диофант с войском в начале весны пошел на Хабеи и Неаполь. Со всем тяжелым...бежать, а остальных скифов принудил совещаться о своем положении.

Диофант отправился в боспорские местности и устроил там мощные дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора.

Когда скифы, с Савмаком во главе, произвели государственный переворот и убили выкормившего их (т. е. скифов) боспорского царя Перисада, на Диофанта же составили заговор, последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним [херсонесскими] пражданами судно и, прибыв [в Херсонес], призвал на помощь граждан. [Затем], имея ревностного сотрудника в лице послывавшего его царя Митридата Евпатора, Диофант, в начале весны [следующего года], прибыл [в Херсонес], с сухопутным и морским войском, и, присоединив к нему отборных [херсонесских] воинов, разместившихся на трех судах, двинулся [морем] из нашего города [Херсонеса], овладел Феодосией и Пантикапеем, покарал виновников восстания. Савмака же, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство [т. е. в Понт], и снова приобрел власть [над Боспором] для царя Митридата Евпатора...

Перев. С. А. Жебелева с исправлением В. В. Струве.

¹ Синопа — греческий город, расположенный на южном побережье Черного моря.

² То-есть с южного берега Севастопольской бухты, где был расположен Херсонес, на ее северный берег.

³ На южном берегу Таврического полуострова, между Херсонесом и Феодосией.

⁴ Евпаторию.

⁵ Все эти пункты, принадлежавшие Херсонесу, были захвачены скифами. *Керкинитида* — теперешняя Евпатория; *Прекрасная гавань* — Акмечеть; *укрепления* расположены были на западном берегу Крыма.

⁶ Роксоланов.

⁷ У Страбона (VII, 306) говорится, что армия Диофанта состояла всего из 6000 человек, одних же роксоланов было почти 50 000. Последняя цифра, разумеется, во много раз преувеличена с целью тем самым подчеркнуть доблесть греков.

№ 87. ПЛАНЫ МИТРИДАТА ПОНТИЙСКОГО В БОРЬБЕ С РИМОМ

(Аппиан, Митридатовы войны, 101, 102)

Митридат, оттесненный только со своею личною охраной к круче и бежавший, оказался с несколькими наемными всадниками и с тремя тысячами пехоты, которые тотчас последовали за ним в укрепление Синорегу, где у него было спрятано много денег. Он дал подарки и плату за год тем, которые бежали вместе с ним. С 6000 талантов он устремился к истокам Евфрата, чтобы там перейти в область колхов. Быстро двигаясь и день и ночь, он уже на четвертый день перешел Евфрат, в течение трех следующих он стоял на месте и вооружал тех, кто был с ним или к нему подходил. Затем он вторгся в Хотенейскую Армению; там он прогнал хотенейцев и иберов, хотевших помешать ему стрелами и пращами, и перешел реку Апсар. Иберов, живущих в Азии, одни считают предками, другие — колонистами европейских иберов, третьи же — только одноименным с ними племенем: у них ничего нет общего ни по нра-

вам, ни по языку. Митридат перезимовал в Диоскурах — этот город колхи считают доказательством того, что диоскуры плыли вместе с аргонавтами. Там Митридат задумал не малое дело, и не такое, на которое мог бы решиться человек, находящийся в бегстве: он задумал обойти кругом весь Понт и скифов припонтийских и, перейдя Мэотийское болото, напасть на Боспор и, отобрав страну, где властвовал сын его, Махар, оказавшийся по отношению к нему неблагодарным, вновь оказаться перед римлянами и воевать с ними уже из Европы, тогда как они будут в Азии, поставив между собою и ими тот путь, который, как считают, был назван Боспором («путем быка»), потому что его переплыла Ио, когда она, обращенная ревностью Геры в корову, должна была бежать.

Как ни фантастичен был план, за который ухватился Митридат, однако он стал прилагать старания его выполнить. Он прошел через земли скифских племен, воинственных и враждебных, частью договариваясь с ними, частью принуждая их силою: так, даже будучи беглецом и в несчастии, он вызывал к себе почтение и страх. Он прошел мимо гениохов, [дружески] принявших его; ахейцев же обратил в бегство и преследовал. Говорят, что когда ахейцы возвращались из-под Трои, они бурей были занесены в Понт и много страдали от варваров, как эллины; они послали на родину за кораблями, но так как на них не обратили никакого внимания, они рассердились на все эллинское племя, и всех эллинов, которых брали в плен, они стали убивать по обычаю скифов, — сначала, в гневе, всех, с течением же времени только самых красивых из них, а потом тех, на кого падет жребий. Вот что рассказывают о скифских ахейцах. Когда Митридат вступил в область Мэотиды, в которой много правителей, то все они приняли его (дружески), ввиду славы его деяний и его царской власти, да и военная сила его, бывшая еще при нем, была значительна; они пропустили его, и обменялись взаимно многими подарками; Митридат заключил с ними союз, задумав другие, еще более удивительные планы: итти через Фракию в Македонию, через Македонию в Пэонию, а затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы. Для укрепления этого союза он отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей. Когда его сын Махар узнал, что он совершил столь огромный путь в столь короткое время и прошел через столько диких племен и через так называемые «скифские запоры», до тех пор для нас непроходимые, он отправил к нему послов, чтобы оправдаться перед ним, якобы он по необходимости служит римлянам; но, узнав, что Митридат находится в крайнем гневе, он бежал на мыс [Херсонес], находящийся в Понте, сжегши корабли, чтобы отец не мог его преследовать. А когда Митридат послал против него другие корабли, он, предупредив его, лишил себя жизни. Всех его друзей, которых он сам дал ему, когда тот уходил управлять

этой страной, Митридат казнил; тех же из приближенных своего сына, которые служили ему как личному другу, он отпустил невредимыми.

Перев. С. П. Кондратьева.

№ 88. БОРЬБА МИТРИДАТА ЕВПАТОРА С РИМОМ

(А п п и а н, Митридатовы войны, 109)

Потеряв столько детей и укрепленных мест и лишенный почти всего царства, уже являясь совершенно небоеспособным и не рассчитывая добиться союза со скифами, Митридат тем не менее даже тогда носился с планом, не ничтожным или соответствующим его несчастьям: он задумал, пройдя через область кельтов, с которыми он для этой цели давно уже заключил и поддерживал союз и дружбу, вместе с ними вторгнуться в Италию, надеясь, что многие в самой Италии присоединятся к нему из-за ненависти к римлянам; он знал, что так поступил и Ганнибал, всюя в Испании, и вследствие этого был особенно страшен римлянам; он знал, что и недавно почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к ним и была в долгой и ожесточенной войне с ними и вступила в союз против них со Спартаксом — гладиатором, человеком, не имевшим никакого значения. Принимая все это в соображение, он намеревался двинуться в область кельтов. Но хотя этот план, может быть, оказался бы для него блестящим, но его войско колебалось вследствие, главным образом, самой грандиозности этого предприятия; не хотелось им также отправиться в столь длительное военное предприятие, в чужую землю и против людей, которых они не могли победить даже на своей земле. О самом Митридате они думали, что, отчаявшись во всем, он предпочитает умереть, совершив что-либо значительное, как прилично царю, чем окончить свои дни в бездействии. Но пока они оставались при нем и сохраняли спокойствие: ведь даже в несчастьях царь являл себя не как человек ничтожный и презренный.

Перев. С. П. Кондратьева.

№ 89. БОРЬБА БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ПРИ МИТРИДАТЕ VII

(Т а ц и т, *Анналы*, XII, 15—21)

Когда Митридат Боспорский¹, после потери своих владений блуждавший по разным местам, узнал, что римский полководец Дидий² с главными своими силами удалился, а в Новом царстве остались молодой и неопытный Котис и немногие когорты под начальством римского всадника Юлия Аквилы, то он, презирая того и другого, стал подстрекать окрестные племена и привлекать к себе перебежчиков; наконец, собрав войско, он изгоняет царя дандаридов³ и захватывает его царство. Когда это стало известно и нападение Митридата на Боспор ожидалось с часу на

час, то Аквила и Котис, не надеясь на собственные силы, потому что царь сираков⁴ Зорсин возобновил враждебные к ним отношения, также стали искать помощи извне и с этой целью отправили послов к Эвнону, стоявшему во главе племени аорсов⁵. Нетрудно было склонить его к союзу, указывая на римское могущество в противоположность мятежнику Митридату. Итак было условлено, что Эвнон будет действовать конницей, а римляне возьмут на себя осаду городов.

Затем они выступают правильным строем, фронт и тыл которого занимают аорсы, центр—римские когорты и жители Боспора, вооруженные по-нашему. Они прогнали неприятеля и вступили в дандаридский город Созу⁶, покинутый Митридатом из-за ненадежного настроения его жителей; решено было занять его и оставить гарнизон. Отсюда они идут далее на сираков и, перейдя реку Панду⁷, окружают город Успу⁸, расположенный на возвышенности и укрепленный стенами и рвами; впрочем, стены его, построенные не из камня, а из плетней и прутьев с насыпанной между ними землей, представляли слабую защиту против нападений. Осаждающие, выведя башни выше стен, факелами и копьями приводили в смятение осаждаемых, и если бы ночь не прекратила сражения, то взятие города было бы начато и завершено в один день.

На следующий день осажденные прислали посольство с просьбой пощадить свободных граждан, предлагая за это десять тысяч рабов. Победители отвергли это предложение, потому что избивать сдавшихся считали бесчеловечным, а конвоировать такую массу людей — трудным; поэтому решили, чтобы они лучше пали по праву войны, и солдатам, взбравшимся уже по лестницам, был подан сигнал к резне. Избиением успийцев был внушен страх остальным, которые уже ни в чем не видели безопасности, коль скоро сила оружия, укрепления, загражденные или возвышенные местности, реки и города не останавливают победителей. Зорсин долго думал о том, следует ли заботиться о Митридате в его затруднительном положении или о родном царстве; наконец, когда одержала верх польза его племени, он дал заложников и пал ниц перед изображением императора к великой славе римского войска, которое, одержав бескровную победу, как стало известно, находилось на расстоянии трех дней пути от реки Танаиса. Но при возвращении счастье нам изменило: некоторые из судов, [войска возвращались морем], были отнесены к берегам тавров и захвачены варварами, причем были убиты начальник когорты и большинство людей вспомогательного отряда.

Между тем Митридат, не видя никакой помощи в оружии, стал раздумывать о том, к чьему милосердию прибегнуть. Брата Котиса, давно ему изменившего и потом сделавшегося врагом, он боялся; а среди римлян никто не имел такого значения, чтобы его обещания могли иметь большую цену. Поэтому он обратился к Эвнону, который не питал к нему личной ненависти и был

силен недавно заключенной с нами дружбой. Итак, надев скромное платье и приняв вид, наиболее подходивший к его положению, он входит во дворец Эвнона и, припав к его коленам, говорит: «Митридат, которого римляне столько лет ищут на суше и на море, является к тебе добровольно. Поступай, как тебе угодно, с потомком великого Ахемена⁹; это — одно, что не отняли у меня враги».

Эвнон, тронутый его знатностью, превратностями судьбы и полной достоинства просьбой, поднимает его с колен и хвалит за то, что именно народ аорсов и его, Эвнона, позвал он себе на помощь. Тут же он отправил послов с письмом к императору, в котором писал, что сходство положений прежде всего порождает дружбу императоров римского народа с царями великих племен, а с Клавдием, кроме того, его соединяет общность победы. Лучший конец войны бывает тот, когда он завершается прощением; так, ничто не отнято у побежденного Зорсина; для Митридата, провинившегося сильнее, он не просит ни власти, ни царства, а только того, чтобы его не вели в триумфальном шествии и не предали смертной казни.

Клавдий, хотя вообще и был снисходителен к знатым чужестранцам, задумался над вопросом, правильнее ли принять Митридата как пленного, под условием прощения, или требовать его выдачи оружием. В пользу второго решения склоняла его горечь оскорблений и жажда мести; но, с другой стороны, являлись соображения, что войну пришлось бы вести в местностях бездорожных, на море без гаваней; к тому же цари там воинственны, народы кочевые, почва бесплодна; медленность может возбудить недовольство, а поспешность — вовлечь в опасности; не велика будет слава в случае победы, но велик позор в случае неудачи. Поэтому лучше взять предложенное и спасти изгнанника, для которого при его несчастном положении чем дольше будет жизнь, тем больше наказание. По этим соображениям Клавдий написал Эвнону, что хотя Митридат заслужил самое тяжкое наказание и у него, [Клавдия], нет недостатка в силах, чтобы привести это наказание в исполнение, но предками заповедано, что с каким упорством следует действовать против врагов, с такой же милостью относиться к молящим о пощаде: ибо получать триумфы можно только над народами и царствами цельными, [т. е. не покоренными раньше].

После этого Митридат был выдан и привезен в Рим прокуратором Понта Юнием Килоном; перед императором он, как говорили, держал речь смелее, чем позволяло его положение; его слово распространилось в народе в следующем виде: «Я не прислан к тебе, а возвратился сам; если не веришь, то отпусти меня и ищи». Он сохранил неустрашимый вид и тогда, когда был выставлен возле кафедры на зрелище народу, окруженный стражей¹⁰. Килону были определены знаки консульской власти, а Аквиле — преторской.

Перев. взят из ВДИ, 1949, № 3, стр. 213—216.

¹ События эти имели место в 49 г. н. э.

² *Дидий Галл* был также проконсулом Сицилии и Азии, легатом Британии.

³ Племя дандариев, на основании эпиграфических источников, можно отнести к мэотийским племенам.

⁴ Сарматское племя сираков обитало, судя по данным Страбона, к северу от Кавказских гор.

⁵ Аорсов Страбон помещает между Мэотидой и Каспийским морем.

⁶ Локализуется между нижним течением реки Кубани и берегом Азовского моря. У других авторов не упоминается.

⁷ Другими авторами не упомянута. Вероятно, один из правых притоков реки Кубани.

⁸ Ближе неизвестен. Наименование это, должно быть, сопоставлено со скифским племенным именем *исеп*.

⁹ Будучи правнуком, или праправнуком, Митридата VI Понтийского, Митридат причисляет себя к династии Ахеменидов, к которой принадлежал его знаменитый предок.

¹⁰ Митридат прожил в Риме вплоть до времени императора Гальбы, который велел его казнить за участие в заговоре Нимфидия.

№ 90. НАДПИСЬ ПЛАВТИЯ СИЛЬВАНА

Эпитафия в честь Тиберия Плавтия Сильвана Элиана, бывшего во времена правления Нерона легатом провинции Мезии, найдена в Тудере, в Италии (опубликована в *CIL.*, XIV, 3608). Его успешное управление провинцией Мезией было отмечено затем в правление императора Веспасиана.

Тиберию Плавтию сыну Марка Сильвану Элиану, понтифику, члену коллегии августалов, дуумвиру по чеканке монеты, квестору Тиберия Цезаря, легату V македонского легиона в Германии, претору города, легату и спутнику Клавдия Цезаря в Британии, консулу, проконсулу Азии, пропретору Мезии, куда он переехал в качестве данников более ста тысяч задунайских жителей с их женами, детьми, вождями и царями. Он подавил поднявшееся среди сарматов волнение, хотя большую часть войска он отослал в экспедицию в Армению. Ранее неизвестных или враждебных римскому народу царей, на том побережье, которое он охранял, он заставил впредь поклоняться римским знаменам. Царям бастарнов и роксоланов он отослал сыновей их братьев-даков, захваченных в плен или вырванных из рук врагов; от некоторых из них он принял заложников, чем укрепил и продлил мир в провинции. Он также заставил скифского царя снять осаду с Херсонеса, который находится за Борисфеном. Он первый из этой провинции облегчил снабжение римского народа хлебом, благодаря [доставке] большого количества пшеницы. Посланного легатом в Испанию и затем назначенного префектом города, сенат почтил его триумфальными отличиями по инициативе императора Цезаря Веспасиана; слова из его речи приведены ниже: он так управлял Мезией, что не должен был бы отличаться от моего, его почетные триумфальные отличия разве лишь в том, что они должны быть шире, как это по обычаю следует для префекта города. Его император Цезарь Август Веспасиан сделал вто-

рично консулом во время исполнения им должности префекта города.

Перев. В. Н. Дьякова.

№ 91. ВОССТАНИЕ АНИКЕТА ПРОТИВ РИМЛЯН

(Т а ц и т, История, III, 47, 48)

В Понте внезапно поднял оружие раб-варвар, бывший некогда начальником царского флота. Это был Аникет, отпущенник Полемона, пользовавшийся прежде большой силой и досадовавший на перемену, из-за которой царство превратилось в провинцию. Именем Вителлия¹ привлекая на свою сторону народы, жившие по берегам Понта, и пообещав богатую добычу бедноте, он во главе довольно значительной шайки внезапно ворвался в Трапезунт, исстари славный город, построенный греками в конце понтийского побережья. Там была перебита когорта, составлявшая прежде царский вспомогательный отряд; потом ее солдаты, пожалованные римским гражданством, стали носить знамена и оружие по нашему образцу, но сохранили греческую леность и распущенность. Аникет поджег и флот, издеваясь над опустелым морем, так как Муциан перевел в Византий отборнейшие либурнские суда и всех солдат. Поэтому-то варвары горделиво разъезжали по морю, быстро построив суда, называемые камарами, с высокими боками и широким дном, сплоченным без медных или железных связей. При бурном море они соответственно подъему волн увеличивают верхи судов досками, пока они не закроются, наподобие кровли. Так эти суда и колышутся среди волн, имея с обеих сторон одинаковые носы и переменные весла, так что для них безразлично и безопасно причаливать той или иной стороной.

Это восстание обратило на себя внимание Веспасиана, и он выбрал отряды из легионов и начальника для них — испытанного воина Виргидия Гемина. Последний, напав на расстроенного и рассеянного в погоне за добычей неприятеля, загнал его на корабли. Затем, наскоро построив либурники², он в устье реки Хоба нагоняет Аникета, считавшего себя в безопасности под прикрытием царя седохезов³, которого он склонил к союзу деньгами и дарами. И действительно, сначала царь защищал просителя угрозами и оружием; но когда ему выставили на выбор награду за выдачу или войну, он, по свойственному варварам вероломству, условился погубить Аникета и выдал перебежчиков. Так был положен конец войне с рабами.

Перев. взят из ВДИ, 1949, № 3, стр. 221.

¹ *Авл Вителлий* был провозглашен императором в 69 г. н. э., убит в борьбе с Веспасианом, другим претендентом на престол. За кратковременный период пребывания у власти поощрял грабежи и разбой солдат своей армии.

² Легкие гребные суда, называвшиеся так по имени племени либурнов на иллирийском побережье.

³ Название этого племени у других авторов не встречается.

КРИЗИС III ВЕКА

В III в. Римская империя переживает тяжелый экономический и политический кризис, причиной которого было глубокое противоречие между производственными отношениями и характером производительных сил.

В III в. н. э. в экономике и сельском хозяйстве Римской империи происходят значительные сдвиги. По характеристике Киприана, автора III в. (док. № 93), бывшего очевидцем этих событий, «весь мир, как бы разделенный на два противоположных лагеря, залит кровью». Для этого времени характерен рост крупного землевладения, массовое распространение колоната. До нас дошли многочисленные надписи из разных концов империи, характеризующие положение колонов в III в. н. э.

Нужно отметить, что положение колонов еще ухудшалось от многочисленных поборов, повинностей и постоев солдат (док. № 94). Надписи, один из важнейших исторических источников, сообщают о различных злоупотреблениях (док. № 95), причем колоны фактически не пользуются никакими правами. Злоупотребления эти столь велики, что, как говорится в одной надписи из Фригии (док. № 96), «гибнет урожай и земля пустеет».

Необходимо охарактеризовать то положение, которое отводится колонам в Дигестах (док. № 97). Ставится вопрос о том, приравнивается ли колон к инвентарю, служащему для обработки земли.

Упадок сельского хозяйства в III в. согласовался с упадком торговли, с общим обнищанием населения Италии и провинций. С III в. начинаются также стихийные массовые выступления рабов и колонов.

Политическая история этой эпохи характеризуется в первую очередь усилением роли армии, выдвигавшей на императорский престол своих ставленников. В свою очередь новые императоры всячески старались поддерживать выдвинувшие их войска. Так, например, Дион Кассий говорит, что им-

ператор Септимий Север дал следующее завешание детям перед смертью: «Будьте дружны между собой, обогащайте солдат, об остальном не заботьтесь» (XVI, 15, 2).

Большая часть императоров пришедшей к власти династии Северов (193—235 гг.) опиралась на войско. Например, Септимий Север провел ряд важных реформ, касающихся армии. Получили привилегии ветераны, которые были освобождены от ряда повинностей. Солдаты пограничных легионов получили земельные наделы и право вступать в брак. Изменился и состав преторианской гвардии — она была набрана Септимием Севером уже не исключительно из италиков, а из жителей провинций, в том числе и восточных. В значительной степени преторианская гвардия была лишена тех преимуществ, которыми она пользовалась раньше. Характеризуя военные реформы Септимия Севера, нужно отметить, что они значительно облегчили проникновение в армию населения провинций и даже племен, живших на границах империи.

Как большинство императоров, опиравшихся в своей политике на войско, Северы открыто проводят антисенатскую политику, роль сената теперь совершенно аннулируется. Особенно остро конфликт между сенатом и императором сказывается во времена правления Каракаллы (211—217 гг.), сына и преемника Септимия Севера. Из мероприятий этого императора нужно подробно остановиться на его эдикте 212 г. о даровании прав римского гражданства всем свободным жителям Римской империи (док. № 92). Представляет интерес оценка эдикта Дионом Кассием (XXVII, 9). «Он [Каракалла] сделал римлянами всех своих подданных на словах — чтобы оказать им благодеяние, на деле же, — чтобы отсюда к нему притекало больше налогов, так как перегрины большинство их не платят.»

Особого значения этому декрету в античной историографии не придавалось. Причиной было отчасти то, что уже с эпохи республики римляне широко раздавали права римского гражданства (см., например, надпись Селевка Розосского — док. № 63). К III в. н. э. процесс этот достиг широкого распространения. По эдикту Каракаллы значительная часть населения империи получила права римского гражданства.

В эпоху Северов продолжается бюрократизация управления. Несмотря на все усиливающиеся черты кризиса в экономике и сельском хозяйстве, империя в состоянии еще отражать нападения варварских племен от границ империи. Значительно ухудшается положение империи во второй половине III в., на которую падает период господства так называемых «солдатских императоров» (235—283 гг.). Следует отметить, что после убийства Александра Севера, последнего представителя династии Северов, на императорский престол выдвигаются ставленники легионов, которые, в свою очередь, опирались прежде всего на войско. Некоторые из этих императоров проводили открыто антисенатскую политику. К числу последних следует отнести императора Гая Юлия Вера Максимиана (235—238 гг.).

Одновременно с политическим кризисом имели место многочисленные нападения племен почти по всей северной границе империи — готов, франков, аламанов. Особенно они усилились при императоре Марке Юлии Филиппе Арабе (244—249 гг.). Два года спустя после смерти последнего в битве с готами, вторгшимися во Фракию и Македонию, погиб преемник Филиппа Араба, Гай Мессий Траян Деций.

Время правления последующих императоров (особенно Валериана и Галлиена) также характеризуется беспрепятственными нападениями на границы империи. Рейн перешли германские племена — франки и аламаны; готы перешли Дунай и дошли до границ Ахайи, на африканские провинции напали мавретанские племена (док. № 101, 102). Восточной границе империи угрожали персы. Таким образом в III в. уже отчетливо проявились все черты того кризиса, который два века спустя привел к гибели Западную Римскую империю.

№ 92. ЭДИКТ КАРАКАЛЛЫ

Император Цезарь Марк Аврелий Север Антонин Август¹ говорит: [теперь же...] следует отсрочить всякие жалобы, устные и письменные, чтобы я поблагодарил бессмертных богов, что они этой победой... меня сохранили незридимым. Я полагаю, что я лучшим и наиболее благочестивым образом удовлетворю веление богов, если я всех чужестранцев, когда бы они ни вошли в круг моих подданных, приобщу к почитанию наших богов. Итак, я дарую всем чужестранцам во всей вселенной римское право гражданства, за исключением тех, кто происходит от сдавшихся. При этом я сохраняю все государственно-правовые различия существующих общин.

Перев. взят из «Хрестоматии», т. 2, изд. 1936 г.

¹ Император Каракалла (211—217 гг.).

№ 93. ХАРАКТЕРИСТИКА III ВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИПРИАНА

(Из послания Донату)

Фасций Цецилий Киприан был первоначально языческим ритором, а с 248 по 256 г. н. э. — епископом карфагенским. Он был учеником известного первого христианского латинского писателя Тертуллиана, но не разделял крайностей его учения. Киприан был казнен при императоре Валериане, в период его гонения на христиан. Церковь христианская признала Киприана «великомучеником» и «святым».

Смотри: дороги заняты разбойниками, моря заперты пиратами, всюду война, лагеря, кровавые ужасы. Весь мир орошен взаимно проливаемой кровью, и человекоубийство считается преступлением, только если его совершают отдельные лица, если же оно осуществляется публично, то считается доблестью. Безнаказанность за проступки обеспечивается не отсутствием виновности, а чудовищностью злодеяния.

...Преступления не только совершают, им обучаются...

...Пусть законы записаны на двенадцати таблицах, пусть они выставлены на меди для всеобщего сведения, перед лицом законов совершаются преступления, попираются права. Невинность не огорчается даже в том самом месте, где ее полагается защищать. Взаимные раздоры разгораются до неистовства, нет мира и среди тог, и форум оглашается криками вражды. Там наготове и меч, и копье, и орудия пытки: щипцы, и дыба, и огонь. К единому человеческому телу применяется больше казней, чем сколько у него членов. Кто же оградит от всего этого? Патрон? но он вероломец и обманщик. Судья? но он торгует своими приговорами. Кто поставлен для пресечения преступлений, тот сам их допускает, и, чтобы погубить невинного обвиняемого, сам судья становится виновным.

Нет никакого страха перед законами, никакого уважения ни к следователю, ни к судье. Что продажно, то не внушает страха.

И тех, кого ты считаешь богачами, переходящих от одного увеселения к другому, вытесняющих бедняков из своего соседства, беспрельдно расширяющих во всех направлениях свои поместья, обладающих большим количеством золота и серебра, у которых несметные богатства в деньгах, ссыпанных в кучи или зарытых в землю, и тех, среди всего их богатства, терзают беспокойство и опасения, как бы его не похитил грабитель.

Перев. В. С. Соколова.

№ 94. ПОЛОЖЕНИЕ КОЛОНОВ ВО ФРАКИИ (IGRR, I, 738)

Императору Цезарю М. Антонию Гордиану, Пию Счастливому Августу прошение от селян скаптопаренов, они же греситы... «Мы живем и владеем землей в вышеназванном селе, весьма благоустроенном, благодаря обладанию горячими водами и своему расположению между двумя находящимися во Фракии лагерями. Издревле жители не имели обид и потрясений и без напряжения вносили подати и выполняли прочие распоряжения; когда же со временем кое-кто начал прибегать к силе и производить насилия, тогда и село начало приходить в упадок. Когда в двух милях от нашего села совершаются прославленные празднества, прибывающие туда на пятнадцать дней ради празднества не остаются на месте празднования, но оставляют его, прибывают в наше село и заставляют нас предоставлять им помещения и многое другое для их надобностей, без уплаты денег. Вдобавок солдаты, посылаемые в другое место, отклоняются от собственных дорог, прибывают к нам и тоже вынуждают нас предоставлять им помещения и провиант, не давая никакой платы. Прибывают же большей частью для пользования водами правители провинции, а также твои прокураторы. И вот, представителей власти мы очень часто принимали по необходимости, прочих же мы не в силах вынести и многократно обращались к правителям Фракии, которые, следуя божественным предписаниям, приказали не чинить нам обид, ибо мы заявили, что не можем больше выдержать, но намерены оставить свои отчие очаги из-за чинимых над нами насилий, ведь воистину от большого числа домохозяев мы дошли до чрезвычайно малого. И некоторое время распоряжения правительства возымели действие, и никто нас не притеснял ни в смысле постоев, ни в отношении предоставления провианта; но с течением времени очень многие опять дерзнули въестся к нам, презирая наши частные интересы. И вот, так как мы уже не в силах сносить тяготы и воистину мы рискуем бросить, как и остальные, свои отчие очаги, мы ради этого просим тебя, непобедимый Август, чтобы ты своим божественным

предписанием приказал каждому итти своими путями, а не, оставляя прочие селения, прибывать к нам и не заставлять нас даром выдавать им провиант и предоставлять помещение, чего мы не обязаны делать, так как правители многократно приказывали, чтобы не предоставлять помещений никому, кроме лиц, присылаемых правителями и прокураторами по делам службы. Если же нас будут притеснять, мы убежим со своих родных мест и казна понесет величайший ущерб; удостоившись милосердия—твоего божественного провидения и оставшись на своей земле, мы сумеем платить священные подати и вносить прочие платежи»¹.

¹ Далее в надписи следует материал о расследовании дела. Отсюда мы узнаем, что селение находилось в округе города Лавталии (во Фракии), что здесь были горячие ключи, куда приезжали для отдыха и лечения, что ежегодно с 1 октября здесь происходило пятнадцатидневное празднество, что жалобы крестьян справедливы, так как в результате постоев и вымогательств крестьяне дошли «до крайней нужды». В заключение в надписи приводится постановление императора (на латинском языке), предлагающего передать жалобу для расследования легату провинции, прежде чем вынести решение по ней.

Перев. и прим. А. Б. Рановича.

№ 95. ПОЛОЖЕНИЕ КОЛОНОВ В ЛИДИИ В III В. Н. Э.

(Надпись из императорского имения близ Филадельфии)

«...Чтобы создать видимость оправдания такой их наглости, они захватили девять человек и заключили их в оковы, заявляя, что отправят их к превосходительным вашим прокураторам, так как превосходительный Элий Аглай исполняет также обязанности проконсула. У одного из этих девяти они исторгли как выкуп за спасение более 1000 аттических драхм и отпустили, прочих же они оставили в оковах, и мы не знаем ясно, божественнейший из императоров, отошлют ли они их живыми к превосходительному Аглаю, или поступят с ними, как с прежними. И вот мы, несчастные люди, лишенные средств к жизни и своих близких, сделали единственное, что было в наших возможностях, — заявили об этом вашему прокуратору, надзирающему за порядком, Аурелию Маркиану, и вашим превосходительным прокураторам в Азии. Мы молим ваше божественное непревзойденное величество, о божественнейший из бывших когда-либо императоров, обратить внимание на страдания крестьянства, так как нам чинят препятствия сборщики налогов и их представители, угрожающие нам, оставшимся, смертельной опасностью, и мы не можем из-за чинимых препятствий ни землю обрабатывать, ни выполнять платежи и повинности в будущем. Мы просим вас милостиво внять нашей мольбе и предписать управителю народа и превосходительным вашим прокураторам учинить суд за содеянное преступление, запретить им доступ в господские имения и [прекратить] притеснения, применяемые к нам сборщиками и теми, кто под

предлогом выполнения должности и литургий притесняет и терзает нас; ведь все наше [имущество], унаследованное от предков, подлежит контролю и ведению священного фиска по уставу земельному. Скажем правду вашей божественности: если от вашей небесной десницы не будет возмездия за наглые деяния и помощи на будущее, мы, оставшиеся, не в силах снести алчность под вышесказанными предлогами, вынуждены будем бросить отчие очаги и могилы предков и ради спасения жизни переселиться на частновладельческую землю: они, эти злодеи, больше щадят живущих там, чем ваших крестьян; [придется нам] стать беглецами с господских земель, на которых мы родились и выросли, и, оставаясь земледельцами со времен предков, верой служили за счет господина»¹.

¹ Из надписи видно, что на императорской земле сидели наследственные колонны, обязанные, согласно «земельному уставу», не только платить за аренду земли, но и выполнять другие повинности; что, будучи лично свободны (их привлекают к несению литургий и исполнению различных должностей) и пользуясь правом передвижения, они фактически бесправны, и сборщики могут измываться над ними и чинить над ними расправу. Бороться против гнета колонны могли лишь слезными прошениями императорским прокураторам и самим императорам или бегством с земли

Перев. и прим. А. Б. Рановича.

№ 96. О ПОЛОЖЕНИИ КОЛОНОВ ВО ФРИГИИ

В III В. Н. Э.

«Императору Цезарю М. Юлию Филиппу благочестивому, счастливому Августу и М. Юлию Филиппу, лучезарнейшему Цезарю, прошение от Аврелия Эглекта по поручению общины арагвенских поселенцев и колоннов, [входящих в Аппианский] дем, объединения [тоттеанов и соенцев¹] через Т. Виния Дидима, воина. В то время как в ваши блаженнейшие времена, о благочестивейшие и безупречнейшие из когда-либо бывших царей, все ведут спокойную и мирную жизнь, только мы терпим противное [нынешним], блаженнейшим временам и направляем к вам это наше моление, ручаясь за справедливость нашей просьбы в следующем. Мы — ваше священнейшее имение и как бы целостный народ, прибегающие к вам и ставшие просителями вашей божественности, угнетаемы сверх невообразимой меры и являемся объектом вымогательства со стороны тех, кому надлежит охранять общественные интересы. Живя в глубине страны и не находясь под властью военной, мы, однако, терпим бедствия, несовместимые с вашими счастливейшими временами. Нас притесняют те, которые, будучи посланы в Аппианский округ, уклоняются от больших дорог; к тому же солдаты и вельможи из правящих в городе и ваши цезарианцы², прибывающие сюда, отклонившись от проезжих дорог, оторвав нас от работы и забирая на ангарии наших рабочих волов, взыскивают то, что им не следует, и выходит, что мы угнетены и терпим немалую обиду. Обо всем этом

мы уже обращались к вашему величеству, Август, когда ты был в должности префекта претория, и о том, как твоя божественность была тронута этим, явствует из приводимого твоего решения: «Я предписал правителю провинции, чтобы он расследовал то, что вы излагаете в прошении, и он примет меры, чтобы больше не было места для жалоб». Так как от этой резолюции нам не было никакой пользы и нам приходится в деревне платить, что с нас не причитается, и к нам являются какие-то люди, вопреки справедливости попирающие нас ногами, равно как и цезарианцы немало нас притесняют, выходит, что мы губим урожай и земля пустует...»

¹ Соа в конце III в. имела городское устройство, так как в надписи IGRR, IV, 605 Соа имеет буле.

² Представители фиска по управлению конфискованными имуществами и взысканию налогов. Адриан называет их тиранами.

Перев. и прим. А. Б. Рановича.

№ 97. ДИГЕСТЫ О ПОЛОЖЕНИИ КОЛОНОВ

(Дигесты¹, XXXIII, 7, 12, § 3)

Ульпиан

Спрашивается, включается ли в завещанный инвентарь [также] раб, который работал в поле на положении колона [quasi colonus]. Лабеон и Пегас правильно отвечают: нет, ибо он находился в имении не в качестве предмета инвентаря [pro instrumento].

(Дигесты, XXXIII, 7, 18, § 4)

Павел

Когда был поставлен вопрос о виллике и высказывалось сомнение, входит ли он в состав инвентаря, Сцевола разъяснил, что, если [земля] обрабатывается не за твердо установленную арендную плату [pensionis], а за счет хозяина, его надлежит [включать в инвентарь].

¹ *Дигесты* — сборник отрывков из произведений римских юристов, расположенных в систематическом порядке; в зависимости от содержания отрывка делился на 50 книг. Каждая книга состояла из титулов, получивших соответствующие заглавия, а каждый титул из отдельных фрагментов, сохранивших мнение того или другого юриста.

Перев. и прим. А. Б. Рановича.

№ 98. ЖИЗНЬ И ТРУД ЖНЕЦА (III В. Н. Э.)

(CIL, VIII, № 11824)

(Надпись найдена в Мактарисе в Нумидии)

Я родился у бедных ларов, мой отец маленький человек, он не имел ни состояния, ни дома. Будучи им рожден, я жил обработкой моей земли, и никогда не было отдыха ни мне, ни земле. И когда год приводил созревание жатвы, я был первым жнецом

стеблей. Когда отряд мужчин с серпами выходил в путь, направляясь или в нумидийскую Цирту, или на поля Юпитера, я, жнец, опережал всех в полях, оставив за своей спиной тесную родину. Дважды шесть жатв я резал под яростным солнцем, затем я был назначен руководителем работ. Одиннадцать лет я водил отряды жнецов, и наши руки жали нумидийские поля. Эта работа и скучная напряженная жизнь укрепили меня и сделали господином, приготовили мне дом и виллу, и дом мой не лишен никаких богатств. И наша жизнь принесла плод почестей и среди декурионов был записан и я. Избранный в совет, я сидел, как подобает его члену в храме, из деревенщины сам стал цензором. И я произвел детей и видел юношей и дорогих внуков. За заслуги жизни я прожил славные годы, которым не повредил злой язык никаким обвинением. Учитесь, смертные, прожить жизнь без вины. Такой конец жизни заслужил тот, кто жил без обмана. Богам манам. Гай Мульций Максим прожил 80 лет...

Перев. Е. М. Штаерман.

№ 99. РАЗМЕРЫ ПОШЛИН НА ТОВАРЫ И СКОТ В НУМИДИИ В III В. Н. Э.

(CIL, VIII, № 4508)

(Надпись из Зарая в Нумидии, 202 г.)

В III консульство Л. Септимия Севера и М. Аврелия Антонина¹, благочестивых Августов, установлен закон о пошлинах после ухода [стоявшей там] когорты². Пошлины на поголовье: за раба 1½ денария, за жеребца или кобылу 1½ денария, за мула мужского или женского рода 1½ денария, за осла и быка 1½ денария, за свинью сестерций, за поросенка дупондий³, за барана и козла сестерций, за козленка и ягненка дупондий; скот на ярмарке беспошлинно. Пошлины на иноземную одежду: плащ для трапезы 1½ денария, тройная туника 1½ денария, простое одеяло ½ денария, пурпуровая накидка 1 денарий, за остальные африканские одежды по ½ денария за штуку. Пошлины на одежды из кожи: за обработанную кожу ½ денария, за кожу с волосами дупондий, овечью или козью кожу дупондий, за седло мягкое . . . грубое ½ денария, за 10 фунтов клея дупондий, за 10 фунтов губок дупондий. Закон о пошлинах на стада скота: рабочий скот беспошлинно, за остальной скот согласно поголовной пошлине . . . за амфору вина и за амфору консервов дупондий, за 100 фунтов пальмы ½ денария, за 100 фунтов фиг . . . за 10 модиев орехов . . . за древесную смолу . . . за 100 фунтов . . . перец . . .

Перев. Е. М. Штаерман.

¹ Марк Аврелий Антонин Август — полное имя императора Каракаллы (находился у власти 211—217 гг.).

² *Когорта* — воинское подразделение, состояло приблизительно из 500 чел. и равнялось $\frac{1}{10}$ части легиона.

³ *Дупондий* — медная монета, особенно распространенная в Риме в эпоху поздней империи, равна двум ассам.

№ 100. ОХРАНА КОЛЛЕГИЙ ИМПЕРАТОРОМ В III В. Н. Э.

(Fontes, I, 87)

(Надпись найдена в Штирмаркте в Норике. Сделана в 206 г.)

Император Цезарь Л. Септимий Север Пертинакс благочестивый Август и император Цезарь Марк Аврелий Антонин благочестивый Август... преимущества, которые даны славнейшим советом (города) или по приказанию какого-либо принцепса коллегии суконщиков, не следует осмеливаться подрывать. Но то, что утверждено их мудростью, да соблюдают они и пусть заставляют нести общественные повинности тех, кто пользуется своими богатствами без обязанностей, чтобы не все члены коллегии пользовались без разбора данными коллегиям привилегиями; но в отношении тех, кто, как установлено, обладает большими средствами, следует, по словам... применять в качестве противоядия, несение повинностей, чтобы из-за них не уменьшилось количество; впрочем, маленькие люди пусть пользуются освобождением, что не должно вести к ослаблению объединения... в честь М. Секунда Секундина отца доску поставил согласно декрету коллегии лоскутников и принес в дар Сальвенской республике перед октябрьскими идами во второе консульство императора Антонина и Геты.

Перев. Е. М. Штаерман.

№ 101. НАПАДЕНИЯ ПЛЕМЕН НА ГРАНИЦЫ НУМИДИИ В III В. Н. Э.

(CIL, VIII, 9047)

Надпись найдена в Мавретании Цезарейской, в городе Аузии, поставлена 25 марта 260 г. Она, как и некоторые другие надписи из городов Мавретании и Нумидии, указывает, что в Африке во второй половине III в. имело место длительное восстание местного населения и вторжения африканских племен¹, живших за границей провинции. Это движение, развивавшееся параллельно движению багаудов в Галлии, явилось одним из важных этапов восстаний рабов и колонов, приведших к гибели Римской империи.

«К. Горгилию сыну Квинта Морциолу² римскому всаднику, префекту I Астурийской когорты в провинции Британии, префекту Испанской когорты в провинции Мавретании Цезарейской, секретарю в управлении военной службы, начальнику когорты отборных мавретанских всадников, находящихся на территории [города] Аузии, декуриону двух колоний Аузии и Русгунии и патрону провинции за его выдающуюся любовь к согражданам

и исключительную преданность родине и за то, что благодаря его доблести и бдительности мятежник Фараксен со своими приверженцами был пойман и убит. Совет Аузиенской колонии, освободившись от осады [племени] баваров. Посвящено в VIII апрельские календы в год провинции CCXXI».

¹ Союз пяти племен, живших на северо-востоке Мавретании Цезарейской, по свидетельству Аврелия Виктора и Евтропия, поднял восстание, которое с трудом было подавлено только Максимианом.

² Известный землевладелец и агроном.

Перев. и прим. *Е. М. Штаерман.*

№ 102. НАПАДЕНИЙ ПЛЕМЕН НА ГРАНИЦЫ НУМИДИИ В III В. Н. Э.

(CIL, VIII, 2615)

(Надпись найдена в Ламбезе в Нумидии, относится к 260 г.)

«Юпитеру Всеблагову величайшему и остальным бессмертным богам и богиням, Гай Марциний Децион, светлейший муж, пропретор двух Августовых провинций Нумидии и Норика. Когда четверо баварских царей, соединившись, вторглись в провинцию Нумидию, сначала в область Милева, затем в пограничную область Мавретании и Нумидии, и в третьих в область квинквентанеев¹ он перебил и обратил в бегство племена Мавретании Цезарейской, а также фараксинские племена², опустошавшие провинцию Нумидию, причем он взял в плен их пресловутого вождя».

¹ Союз пяти племен, живших на северо-востоке Мавретании Цезарейской.

² Очевидно, названы так по имени их вождя мятежника Фараксена, который здесь и подразумевается в словах «пресловутый вождь».

Перев. и прим. *Е. М. Штаерман.*

ВОССТАНИЯ РАБОВ И ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Вступлением на престол сына вольноотпущенника Диоклетиана (284—305 гг.) началась в истории Рима эпоха поздней империи. Политической формой власти этого времени стал доминат (от латинского слова *dominus* — господин), характеризующийся неограниченной властью императора. Окончательно были устранены все последние остатки римского республиканского устройства. Характеризуя доминат как политическую форму правления, нужно проанализировать отличие его от принципата, когда император, хотя бы формально, называл себя «первым среди равных».

Стремление к усилению центральной власти было вызвано, в первую очередь, активизацией движения рабов и колонов, неустойчивым положением на границах империи. В тесной связи с этими явлениями стояло и общее ухудшение экономического положения империи. Поэтому Диоклетиан провел ряд реформ, пытаясь укрепить расшатавшееся здание Римской империи. Анализируя реформы Диоклетиана — административную, военную, податную и финансовую — нужно исходить из характеристики общего социально-экономического положения империи в это время. Рекомендуется более подробно остановиться на одном из интереснейших документов — эдикте Диоклетиана о ценах (док. № 103), который сообщает тот максимум цен, выше которого они быть не могли. Нужно остановиться на оценке этого документа в античной историографии, и в частности привести мнение современника Диоклетиана Цецилия Фирмиана Лактанция о том, что «Диоклетиан вызвал различными несправедливыми мероприятиями громадную дороговизну и пытался особым законом установить цены на все товары. Тогда по ничтожным поводам было пролито много крови; товары, страха ради, скрывались; дороговизна стала гораздо большей, пока закон, в силу самой необходимости, после гибели многих не был отменен». И действительно, несмотря на попытку Диоклетиана укрепить экономику империи с по-

мощью стабилизации цен, декрет этот не имел достаточного распространения в первую очередь потому, что в нем не учитывались специфические особенности экономики различных районов империи и цены устанавливались одинаковые для всех. Таким образом анализ реформ Диоклетиана показывает, в каком тяжелом экономическом положении находилась империя.

В результате суровой эксплуатации рабов и колонов в различных частях империи вспыхивают восстания. В Галлии, например, имело место восстание багаудов (док. № 104), которое началось в III в., а было подавлено лишь к концу V в. н. э. У античных авторов мы находим об этом только кратко упоминания, тем не менее даже по отрывочным данным можно судить о том, какой широкий размах приняло движение.

Нужно подчеркнуть, что, несмотря на массовый характер этого восстания, в котором принимали участие рабы и колоны, движение не имело определенной программы и было стихийно. Источники сообщают нам, что движение распространилось и на северную Испанию.

При анализе истории поздней римской империи значительное внимание следует уделить реформам императора Флавия Валерия Константина (306—337 гг.). Показательно, что в области социально-политической Константин продолжал реформы, начатые Диоклетианом. Окончательно отделена была гражданская власть от военной и завершена реформа армии: деление войск на пограничные части и подвижную армию.

Положение колонов в эту эпоху становится особенно тяжелым. В источниках более позднего времени — кодексах Юстиниана и Феодосия — находим мы данные о положении колонов уже со времени Константина (док. № 105). Закон 332 г. запрещал переход колонов из одного имения в другое, приравнивая это к бегству. Тем самым было завершено окончательное закрепощение колонов.

Результатом этого был тот факт, что колоны часто присоединялись к восстаниям рабов и племен, совершавших нападения на границы империи. В последние десятилетия империи натиск этих племен особенно усиливается. Аммиан Марцеллин рассказывает нам о поселении готов на территории Римской империи (док. № 106), о восстаниях готов и рабов (док. № 107), и, наконец, об осаде Адрианополя готами (док. № 108), которую он сравнивает с битвой при Каннах, так как и в том, и в другом случае Римское государство потерпело жестокое поражение. Ослабевшая Западная Римская империя не в состоянии уже была дальше защищать свои границы. Значительную опасность, кроме готских племен, представляли для ослабевшей Римской империи также племена аланов (док. № 109) и гуннов (док. № 110).

Положение усложнялось также и тем, что в Италии и провинциях происходило бесконечное количество восстаний рабов и колонов (док. № 111), нередко проходивших под знаменем религиозной борьбы (док. № 112, 113).

В 410 г. Рим был захвачен и разграблен вестготами, а в 476 г. был свергнут последний римский император. Так, по словам товарища Сталина, «Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» (И. В. Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии. Соч., т. 13, стр. 296).

№ 103. ЭДИКТ ДИОКЛЕТИАНА О ЦЕНАХ

Этот эдикт известен нам из текстов отдельных надписей, найденных в течение XVIII и XIX вв. в Кари, Египте и на островах Средиземного моря. Надписи сделаны на латинском и греческом языках. Указ о ценах был обязателен для всех областей империи. Он был издан в 302 г., появление его объяснялось чрезвычайно высокими ценами на товары первой необходимости. Этим эдиктом устанавливался *taximum*, который не должен был превышать цены во время правления Диоклетиана.

Закон этот широкого распространения не получил и, видимо, был отменен уже в 305 г., после ухода Диоклетиана от власти.

Наше государство, по воле бессмертных богов, памятуя о счастливо оконченных войнах, можно поздравить с наступлением спокойной эры существования и мирного развития, добытых после больших трудов и лишений. Хранить верно государство и заботиться об общественном благе есть долг римского достоинства и величия.

Пусть мы, с помощью божеской милости прекратившие грабежи варварских народов, наводнявших нашу страну, на вечные времена добытый мир окружим защитой справедливости.

Если бы там, где без конца свирепствовала алчность, не щадившая человеческого рода, возраставшая не годами, месяцами и днями, но часами и минутами, могли обуздать доводы разума или если бы общее благо можно было легко примирить с этой необузданной распущенностью, которой оно подрывается, то, может быть, было бы уместно скрывать и затушевывать зло, при наличии к тому же силы и терпения ко злу.

Но так как бешеная жадность равнодушна ко всеобщей нужде и так как у бессовестных спекулянтов считается религией в вихре жадности, в горячке наживы отступать от разрушения благосостояния всех скорее в силу необходимости, чем добровольно, так как далее не могут спокойно смотреть на это положение дел те, кого крайняя нужда довела до понимания переживаемого тяжелого момента, то нам, в силу отеческой заботливости о людях, надлежит вмешаться, чтобы справедливо судить о вещах, чтобы то, что люди тщетно стараются осуществить, было достигнуто для общего умиротворения нашими средствами. Насколько показывает общее мнение и сама действительность говорит за это, поздно приходит на помощь наша забота.

Когда мы взвешивали обстоятельства и колебались принять найденные средства, то можно было ожидать в силу законов природы, что люди, запутавшиеся в тягчайших преступлениях, сами будут стараться исправиться. Мы сочли за благо факты вопиющего грабежа не подвергать обсуждению тех преступных элементов общества, которые ежедневно становятся хуже, которые с какой-то душевной слепотой впадают в преступления против общества, на которых лежит тяжелое обвинение в жестокой бесчеловечности, в том, что они враги и отдельного человека, и общества в целом.

Итак, мы обращаемся к мероприятиям, уже давно ставшим необходимыми, и равнодушны к жалобам, чтобы вмешательство нашей исцеляющей руки не оказалось запоздалым или тщетным и не расценивалось бы как нечто маловажное бессовестными людьми, которые, зная нашу многолетнюю терпеливость, не пожелали ею воспользоваться во благо. Кто так закоснел душой и лишен всякого человеческого чувства, чтобы не знать и не чувствовать, что вакханалия цен как на предметы, поступающие на

базары, так и на предметы, находящиеся в постоянной продаже в городах, так распространялась, что необузданную жадность не смягчают ни обилие товаров, ни бывающий временами урожай, что люди такого сорта, которые специально этим заняты, несомненно в душе всегда стремятся к тому, чтобы даже вопреки движению звезд подчинить себе воздух и погоду и, в силу присущей им несправедливости не могут допустить, чтобы небесные дожди питали счастливые нивы и обещали будущие урожаи; что некоторые считают убытком для себя, если по милости неба земля дает изобилие земных плодов.

Жители наших провинций! Забота об общем благе заставляет нас положить предел корыстолюбию тех, которые всегда стремятся божественную милость подчинить своей выгоде и задерживать развитие общего благосостояния, а также приобретать в годы неурожая, давая ссуды для посева и пользуясь услугами мелких торговцев, которые обладают, каждый в отдельности, такими несметными богатствами, что они были бы достаточными насытить целый народ, и преследуют личную выгоду и гонятся за разбойничьими процентами. Мы должны объяснить причины, которые заставили нас отказаться от долгого нашего терпения, чтобы (хотя трудно убеждением или законодательным актом уничтожить разбушевавшуюся во всем мире стихию наживы) мероприятия наши более справедливо расценивались, чтобы люди, потерявшие меру, осознали необузданную жадность своих помыслов, как известного рода клеймо.

Кто не знает враждебную общественному благу наглость, с которой в форме ростовщичества встречаются наши войска, перебрасываемые по соображениям общественной безопасности не только по деревням, но и по городам, на всем пути своего следования, ростовщики назначают цены на продаваемые предметы не только в четырехкратном или восьмикратном размере, но и в таком размере, что никакими словами это нельзя выразить. Кто не знает, что иногда воины ценой почетного подарка и жалованья приобретают один предмет. Кто не знает, что жертвы всего государства на содержание войск идут на пользу хищников-спекулянтов.

Таким образом, оказывается, что наши воины награды за военную службу и свои пенсии ветеранов передают хищникам. Так и получается, что хищники изо дня в день грабят государство, сколько желают, руководясь всей совокупностью обстоятельств выше изложенных; как это диктует сама человечность, признали мы, что цены на товары надо установить, что несправедливо, когда очень многие провинции наслаждаются счастьем желанной дешевизны и привилегией изобилия, а предельную цену, чтобы если дороговизна появится, [от чего да хранят нас боги], жадность, которая, как разбросанные поля, не может быть объята и ограничена, нашла бы себе сдержку в наших постановлениях, в нашем умеряющем законе.

Итак, мы постановляем, чтобы цены, указанные в прилагаемом перечне, по всему государству так соблюдать, чтобы каждый понял, что у него отрезана возможность их повысить. Конечно, в тех местах, где царит изобилие всего, не следует нарушать счастье дешевых цен, о которых так заботятся, подавляя корыстолюбие. Продавцам и покупателям, у которых в обычае посещать порты и обезжаты чужие провинции, надлежит в будущем так себя ограничить, чтобы, зная, что во время дороговизны установленные цены они не могут повысить, они бы так рассчитали все обстоятельства дела, чтобы было ясно, что они поняли, что никогда по условиям транспорта товары нельзя продавать выше таксы. Как известно, у наших предков был обычай запугать преступающих закон угрозой наказания, потому что редко благодетельное мероприятие само по себе усваивалось и всегда вразумительный страх почитался лучшим наставником долга. Поэтому мы постановляем, что если кто дерзко воспротивится этому постановлению, тот рискует своей головой. Пусть никто не считает, что закон суров, так как каждому предоставлена возможность избежать опасности через сохранение умеренности. Той же опасности подвергается человек, который из жадности к наживе будет соучастником в деле нарушения этого закона. В том же будет обвинен и тот, кто, владея необходимыми для пропитания и пользования средствами, скроет их. Наказание должно быть серьезнее для того, кто искусственно вызывает недостаток продуктов, чем для того, кто нарушает закон.

Мы предоставляем всех от непослушания. Что постановлено в интересах всех, должно быть сохраняемо добровольно и с полным благоговением. Такое постановление обеспечивает пользу не отдельным общинам, народам и провинциям, но всему государству, на гибель которого совершали преступления те немногие лица, жадность которых не могли смягчить ни время, ни собранные богатства.

ПЕРЕЧЕНЬ ЦЕН *,

выше которых никто не может взимать

(Цены даются в денариях, но это не денарий республиканской или раннеимператорской эпохи, но гораздо менее ценная разменная монета, бывшая тогда в обороте. Мерой сыпучих тел служит модий.)

§ I. О хлебных и кормовых семенах

Пшеница	100	Очищенные бобы	100
Ячмень	100	Неочищенные бобы	60
Рожь	60	Чечевица	100
Пшено	100	Вика	80
Просо	50	Очищенный полевой	
Индийское просо	50	горох	100
Очищенная полба	100	Неочищенный полевой	
Полба	30	горох	60

Овечий горох	100	Семена для сена	30
Овёс	30	Семена для клевера	150
Рожки	100	Конопляное семя	80
Лупин	60	Семена вики	80
Вареный лупин	4	Мак	150
Сушеные турецкие бобы	100	Тмин	150
Льняное семя	150	Семя редьки	150
Сезам	200	Горчица	150
		Приготовл. горчица	150

§ VII. О заработной плате

Деревенский батрак со столом за 1 день	25
Каменщик »	50
Столяр »	50
Плотник »	50
Обжигатель извести »	50
Работник по мрамору »	60
» по мозаике »	60
Маляр за 1 день со столом	75
Художник-маляр »	150
Тележник »	50
Кузнец »	50
Пекарь »	50
Морской плотник »	60
Плотник для речных судов »	50
Погонщик верблюдов, ослов »	25
Пастух со столом за 1 день	20
Ветеринар за стрижку мулов	6
Брадобрей за 1 человека	2
За стрижку 1 овцы со столом	2

§ VIII. О заработной плате металлистов

Меднику плата за работу по меди	8
За изготовление посуды	6
» » фигур, статуй	4
За железную обивку	6
Носильщику воды за 1 день	25
Точильщику и полировщику за старую саблю	25
За старый шлем	25
За топор	6
За двойной топор	8
За лезвие сабли	100

§ IX. О труде пергаментщика и переписчика

Пергаментщику за пергамент величиной в квадратный фут	40
Переписчику за 100 строк лучшего письма	25
За 100 строк обыкновенного письма	20
Переписчику документов или вообще копиисту за 100 строк	10

§ XI. О плате за обучение

Учителю гимнастики за 1 ученика в месяц	50
Воспитателю за 1 ребенка в месяц	50
Начальному учителю за мальчика	50

Учителю арифметики в месяц	75
Стенографу »	75
Переписчику »	50
Учителю греческого, латинского языка	200
Учителю риторики или софисту	250
Адвокату или опытному юристу за подачу жалобы	250
За производство следствия	1000
Архитектору за 1 ученика в месяц	100

Перев. и комментарии *С. И. Архангельского.*

* Печатается со значительным сокращением.

№ 104. ДВИЖЕНИЕ БАГАУДОВ

(По данным Евтропия, Аврелия Виктора, Аммиана Марцеллина, Сальвиана)

Е в т р о п и й, IX, 20, 3. «Таким образом [Диоклетиан] овладел высшей властью в римской державе. Когда крестьяне в Галлии устроили восстание и дали своей партии название багаудов, а вождями у них были Аманд и Гелиан, то Диоклетиан отправил для покорения их Цезаря Максимиана Геркулия, который усмирив поселян в легких стычках и водворил мир в Галлии».

А в р е л и й В и к т о р, «Цезари», 39, 17, 19. «Именно, когда Диоклетиан узнал, что Гелиан и Аманд, собрав шайку поселян и разбойников, которых жители именуют багаудами, опустошают на широком пространстве поля и нападают на многие города, тотчас отдает приказ Максимиану, верному другу, хотя и полудеревенскому, однако хорошему и талантливому военачальнику. Ему впоследствии от культа божества дано было прозвище Геркулия... Отправившись в Галлию, он разбил врагов, принял сдавшихся и в скором времени все успокоил».

А м м и а н М а р ц е л л и н, XXVIII, 2, 10. «Между тем в Галлии наглый разбой все усиливался на всеобщую гибель; особенно стали не безопасны большие дороги, и все, что обещало какую-нибудь наживу, расхищалось самым дерзким способом». [Мало того, восстание перекинулось в северную Испанию.] В хронике Идатия (V в.) имеется целый ряд отдельных указаний на это. Так, под годом 441 стоит: «Астурий, вождь того и другого войска, посланный в Испанию, избивает множество Терраконских Багаудов»; [под годом 443:] «К Астурию, начальнику того и другого войска, посылается в качестве преемника зять его Меробауд, человек благородного происхождения, по заслугам в красноречии или особенно по занятиям поэзией заслуживающий сравнения с древними... За короткое время своей власти он сокрушает надменность Арацеллитанских Багаудов»; [под годом 449:] «Базилий в доказательство своего отменного дерзновения, когда Багауды собрались в Тириассонской церкви, убивает их, объединенных союзом. Здесь и епископ той же церкви Лев умер на том месте, раненный теми, кто был с Базилем»; [под годом 454:] «Фредерик, брат царя Теудерина, убивает Терраконских Багаудов на основании приказа Рима». (По свидетельству Зосима, в 407 г. один

римский полководец вынужден был выкупить у Багаудов свободный переход через Алыпы предоставлением им всей добычи. Продолжающийся гнет римских наместников провинций давал Багаудам все новых и новых приверженцев.)

С а л ь в и а н, «Об управлении божьем», V, 6. Теперь у меня речь о Багаудах, которые, ограбленные дурными и кровавыми судьбами, удрученные, умерщвленные, утратив право на римскую свободу, потеряли также уважение к римскому имени. Им ставится в вину их несчастье, мы ставим им в вину название их бедствия, ставим в вину имя, которое сами создали: именно мы называем их мятежниками, называем погибшими тех, кого побуждали быть преступными. От чего другого они стали Багаудами, как не от наших несправедливостей, от неоднократной бесчестности судей, от их проскрипций и грабежей? Судей, которые название общественной повинности обратили в [орудие] приобретения личной выгоды и податные налоги сделали своей добычей; которые, наподобие хищных зверей, не управляли порученными им, но пожирали их и питались не только грабежом людей, как это в обычае у большинства разбойников, но терзанием их, и, наконец, так сказать, кровью их. И таким образом вышло, что задавленные и убиваемые разбоями судей люди стали как бы варварами, так как им не позволялось быть римлянами. Они успокоились на том, что стали не тем, чем были, так как им не позволялось быть тем, чем они были раньше, и они были вынуждены защищать по крайней мере жизнь, так как видели себя уже окончательно потерявшими свободу. Или что другое происходит теперь, как не то, что произошло тогда, т. е. те, кто еще не Багауды, принуждены быть ими. Именно, поскольку это касается и обид, их побуждают к желанию быть Багаудами, но глупость их служит помехою, чтобы они не были ими. Стало быть, таким образом, они являются как бы пленниками, сдавленными вражеским ярмом: они терпят муку по необходимости, не по желанию; душой они стремятся к свободе, но несут наивысшее рабство». «Среди этого ограбляются бедняки, стонут вдовы, затаптываются сироты настолько, что многие из них, имея не темное происхождение и благородное воспитание, убегают к врагам, чтобы не умереть от мучения общественного преследования, т. е. ища у варваров римской человечности, так как у римлян они не могут сносить варварской бесчеловечности. И хотя от тех, к кому они убегают, они разнятся обычаем, разнятся языком, различаются, так сказать, самой вонью варварских тел и одеяний, однако они предпочитают терпеть среди варваров несходный склад жизни, чем среди римлян свирепость несправедливости. Таким образом, они повсюду переселяются или к готам, или к Багаудам, или к другим где-либо властвующим варварам и не раскаиваются в переселении: ибо они предпочитают жить свободными под внешностью рабства, чем быть пленниками под внешностью свободы. Таким образом, имя рим-

ских граждан, некогда не только дорого ценимое, но дорого покупаемое, теперь добровольно отвергается и избегается, и считается не только презренным, но даже отвратительным. И какое может быть большее доказательство римской несправедливости, как не то, что большинство — люди честные и знатные, которым римское происхождение должно было бы служить к величайшему блеску и почету, принуждены, однако, жестокостью римской несправедливости к тому, чтобы не желать быть римлянами. Отсюда следует, что даже те, кто не убегает к варварам, все же принуждены быть варварами, какова большая часть испанцев и немалая галлов, одним словом, все, кого в целом римском мире римская несправедливость заставила уже не быть римлянами».

Перев. взят из «Хрестоматии», т. 2, изд. 1936 г.

№ 105. РИМСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО IV—V ВВ. О ТЯЖЕЛОМ ПОЛОЖЕНИИ КОЛОНОВ

(Кодексы Юстиниана и Феодосия)

а. Кодекс Юстиниана, XI, титул 50: в каких случаях приписные колонны могут выступать с обвинениями против своих господ.

1. [325 г.] Император Константин Август Максиму, викарию Востока. Если господин взимает с колона больше того, что тот привык [давать] и что взималось в прежнее время, то пускай колон обращается к ближайшему судье и донесет о содеянном; при этом кто будет уличен в том, что требует больше, чем привычно получал раньше, тому это должно быть воспрещено на будущее время, причем он предварительно должен вернуть то, что вынул сверх меры.

2. [396 г.] Императоры Аркадий и Гонорий Августы Небредию, комиту Азии. Колонны, занесенные в ценз, правда, свободны от того, к чему их не принуждает уплата налогов; но, с другой стороны, они как бы узами рабства прикреплены к тем обязанностям, которые связаны с уплатой ежегодных налогов, и с их положением. Поэтому невозможно допустить, чтобы [колонны] осмеливались по суду тревожить тех, кто, несомненно, наподобие господина, может продать их самих вместе с имением. На будущее время мы запрещаем это своеволие, чтобы никто на суде не осмеливался затрагивать имя господина; и пусть они [колонны] знают, что кому принадлежат они сами, тому принадлежит и все их имущество. Ведь если неоднократно было постановляемо, чтобы никто из колоннов не мог без ведома господина имения ни продавать, ни иначе отчуждать что-либо из своего достояния, то каким образом может на равных правах выступать против [господина] тот, кому закон не позволяет даже иметь собственность и, разрешив ему только приобретать, но не отчуждать, тем самым заставляя его приобретать и владеть для своего господина? Но, как в гражданских делах людям этого рода мы запрещаем вы-

ступать против своих господ и патронов, за исключением случая чрезмерных взиманий, — в каких случаях прежние императоры даровали им право выступать по суду, — так и в уголовных делах у них не отнимается право обращаться в суд по поводу противозаконного поступка, совершенного против них и их семейств.

б. Кодекс Феодосия, XIII, 10, 3 (356 г.)

Император Констанций Август Дальтицию, консуляру Эмили. Если кто захочет продать поместье или подарить, тот не может удержать путем частных соглашений у себя колонов для перемещения их в другие места. В самом деле, те, кто считает колонов полезными, должны или удерживать их, [колонов], вместе с поместьем, или — если разуверились в выгоде поместья — должны оставить их [там], чтобы они принесли пользу другим. Дан в майские календы в IX консульство Констанция Августа и II консульство Юлиана Цезаря.

в. Кодекс Юстиниана, XI, 48, 7 (371 г.)

Подобно тому как нельзя продавать крепостного без земли, так же нельзя продавать сельских и занесенных в ценз рабов. И пусть — в виде обманной выдумки и насмешки над законом, что часто делается по отношению к крепостным, — с передачей малой доли земли покупателю не прекращается обработка целого имения. Но если имение целиком или определенная часть его переходит к кому-либо, то одновременно должно также перейти столько рабов и крепостных, сколько у прежних господ и владельцев было или в целом имении, или в [соответствующей] части.

— «Социальная история средневековья», т. 1, стр. 15—17.

г. Кодекс Юстиниана, XI, 48, 23

Император Юстиниан Август Иоанну, префекту претория. Достаточно бесчеловечно, чтобы земля, с самого начала имевшая приписных колонов, лишилась своих, так сказать, членов и чтобы колоны, пребывая на других землях, причиняли землевладельцам величайший ущерб. Поэтому мы постановляем: подобно тому, как в сословии куриалов никто не может освободиться на основании давности, так и находящийся на положении приписного колона не может добиться свободы на основании или чрезвычайно значительного истекшего промежутка времени, или продолжительного занятия торговлей; он должен оставаться приписным и быть прикрепленным к земле. А если скроется или задумает удалиться, то он, наподобие раба, должен считаться... украденным и его должно признать прикрепленным к своему положению и отбыванию податной повинности вместе со своим потомством, если даже оно родилось у него на чужой земле, без всякого расчета на освобождение. Далее, так как закон Анастасия предписывает, чтобы люди, пробывшие на положении колонов

в течение 30 лет, оставались, правда, свободными, но не имели возможности, покинув землю, переходить в другие места, и на основании этого задавался вопрос, должны ли дети их обоего пола быть на положении колонов, хотя бы они и не провели 30 лет в поместьях или в деревне, или же только их родители, которые в течение 30 лет были прикреплены к этому положению, — мы постановляем: дети колонов на основании вышеупомянутого закона, правда, должны быть всегда свободными и не должны терпеть ухудшения своей судьбы, но не могут иметь права, оставив свою деревню, переселиться в другую и должны быть всегда прикреплены к земле, которую однажды приняли их отцы для обработки. А владельцы имений, в которых обосновались такие колоны, должны воздержаться от каких-либо новшеств и насилий, а если таковые будут доказаны на суде, то сам правитель провинции, в которой совершится это, должен принять всякие меры и к возмещению ущерба, если таковой последовал, и к соблюдению старого обычая в уплате сборов, но и в этом случае колонам не должно быть предоставлено право покинуть поместье, где они находятся...

«Социальная история средневековья», т. 1, стр. 20—21.

№ 106. ПОСЕЛЕНИЕ ГОТОВ НА ТЕРРИТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

(Аммиан Марцеллин, XXXI, 4, 1—11)

Аммиан Марцеллин родился в Антиохии в 330 г. н. э. Юность его прошла в военных походах, он участвовал в осаде столицы Персии Ктесифона при императоре Юлиане Отступнике (363 г. н. э.).

Последующие годы своей жизни (Аммиан умер около 400 г. н. э.) он жил в Риме. Там были написаны его «Деяния». По замыслу автора, они охватывают события с 96 г. до 378 г. н. э., т. е. со времени правления императора Нервы до смерти Валента.

Из 31 книги этого труда до нас дошли последние 18, в которых описываются события, современником которых был сам Аммиан Марцеллин. Это придает особую ценность его свидетельствам.

Особое внимание уделяет автор военной истории, в значительной мере подражая Тациту. Интересна и характеристика общественного строя различных племен, которую мы находим у Аммиана Марцеллина.

Итак, они [готы] под предводительством Алавива заняли берега Данубия и, отправив послов к Валенту, униженно просили принять их, обещая жить спокойно и подавать помощь по обстоятельствам.

Пока происходили эти события вне пределов империи, расхаживали грозные слухи о том, что среди северных народов совершаются новые передвижения в необычайных размерах, и шла молва, что на всем пространстве от маркоманнов и квадов до самого Понта множество неведомых варварских народов, будучи прогнано из своих обиталищ внезапным натиском, придвинулись к Истру с женами и детьми.

Вначале это известие было принято нашими с пренебрежением по той причине, что в тех пределах по отдаленности театра военных действий привыкли получать известия, что войны или закончены, или, по крайней мере, на время успокоены.

Но когда дело стало выясняться в его истине и слухи были подтверждены прибытием посольства варваров, которое настойчиво просило о принятии бездомного народа на правый берег реки, то воспринято оно было скорее с радостью, чем со страхом. Искушенные в своем деле льстецы преувеличенно возносили счастье императора, которое предоставило ему совершенно неожиданно столько рекрутов из отдаленных земель, так что он может получить непобедимое войско, соединив воедино и свои, и чужие силы, а государственная казна получит огромные капиталы от военной подати, которая из года в год платилась провинциями.

В этой надежде отправлены были разные лица, чтобы устроить переправу диких полчищ. Принимались тщательные меры к тому, чтобы не был оставлен никто из этих будущих разрушителей Римского государства, хотя бы даже он был поражен смертельной болезнью. Получив от императора разрешение перейти через Данубий и занять местности во Фракии, они переправлялись целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев. А так как река эта самая опасная из всех и уровень воды был выше обыкновенного вследствие частых дождей, то много народу тонуло, как те, кто при крайнем переполнении судов слишком решительно плыл против течения, так и те, кто бросался вплавь.

Так прилагались все старания к тому, чтобы навести гибель на римскую землю. Хорошо известно, что злосчастные устроители переправы варваров часто пытались определить их число, но оставили это после многих безуспешных попыток...

...Первыми были приняты Алавив и Фритигерн. Император приказал выдать им пока что провиант и предоставить земли для обработки.

В то время, когда открыты были заставы на нашей границе и варвары сыпались на нас толпами вооруженных людей, как Этна извергает свой пылающий пепел, и трудное положение государства требовало прославленных военными успехами полководцев, теперь именно, словно по вмешательству разгневанного божества, во главе военных сил стояли как на подбор люди с запятанным именем. На первом месте были Лупицин и Максим, первый — комит во Фракии, второй — дук, вызывавший к себе ненависть; оба они могли соперничать между собой в неосмотрительности.

Их зловерное корыстолюбие было причиной всех бед. Оставляя в стороне другие проступки, какие названные военачальники или другие, благодаря их попустительству, позволили себе совершить самым позорным образом в отношении перехо-

дивших к нам иноземцев, ничем дотоле не провинившихся, я расскажу об одном, столь же постыдном, как и неслыханном деянии, которое не могло бы быть признано извинительным даже в глазах судей, замешанных в этом деле.

Когда варвары, переведенные на нашу сторону, терпели голод, эти несправедливейшие дуки завели постыдный торг; за каждую собаку, которых отовсюду набирало их ненасытное корыстолюбие, они брали по одному рабу, и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин.

Перев. взят из ВДИ, 1949, № 3, стр. 307—308.

№ 107. ВОССТАНИЕ ГОТОВ И РАБОВ

(Аммиан Марцеллин, XXXI, 6, 2—7)

Неожиданно был готам доставлен императорский приказ, повелевавший перейти на Геллеспонт. Они без малейшей дерзости попросили выдать им путевые деньги и провиант и разрешить двухдневную отсрочку. Начальник города, который был сердит на них за разграбление его загородного имения, принял это враждебно и вооружил на их гибель всю чернь вместе с ремесленными рабочими, которых там очень много; приказав трубачам играть боевой сигнал, грозил всем им смертью, если они не выступят немедленно, как им было приказано.

Пораженные этим неожиданным бедствием и уstraшенные напором горожан, скорее стремительным, нежели обдуманном, готы стали недвижимо на месте: на них сыпались поношения и брань, в них попадали стрелы, и, раздраженные этим до крайности, они решились на открытый бунт. Перебив множество заправившихся вперед в дерзком задоре, они остальных обратили в бегство и перекололи различным оружием. Затем они вооружились снятым с убитых римским оружием и, когда поблизости появился Фритигерн, соединились с ним как покорные его союзники и стали теснить город бедствием осады. Долго они продолжали это трудное дело, делали приступы в разных местах; иные, совершавшие подвиги выдающейся отваги, гибли неотомщенные, многих убивали насмерть стрелы и камни, метаемые из пращей.

Тогда Фритигерн, видя, что не умеющие вести осаду люди терпят понапрасну такие потери, посоветовал уйти, не доведя до конца дела, оставив там достаточный отряд. Он говорил, что находится в мире со стенами, и давал совет приняться за опустошение богатых областей, не подвергаясь притом никакой опасности, так как не было еще никакой охраны.

Одоблив этот план царя, который, как они знали, будет деятельным сотрудником в задуманном деле, они рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно там, где можно было найти изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большим

вспоможением являлось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба.

К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушного согласия всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местам готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники.

Только самые недоступные или лежавшие далеко в стороне места остались не задетыми при их передвижениях. Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и все предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди матери младенцев и убивая их, брали в плен матерей, забирали вдов, зарезав на их глазах мужей, через трупы отцов тащили подростков и юношей, уводили, наконец, и много стариков, кричавших, что они довольно уже пожили на свете. Лишив их имущества и красивых жен, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплать пепел родного дома, уводили на чужбину.

Перев. взят из «Хрестоматии по античной литературе», т. II, М., 1949, стр. 568—569.

№ 108. ОСАДА АДРИАНОПОЛЯ ГОТАМИ В 378 Г. Н. Э.

(Аммиан Марцеллин, XXXI, 15)

На другой день¹ с рассветом победители², подобно диким зверям, которые еще более разъяряются от запаха крови, под влиянием пустых надежд на добычу, плотными рядами подступили к Адрианополю с намерением расправиться с этим городом хотя бы ценою крайней для себя опасности: от изменников и перебежчиков они узнали, что в этом городе, как в укрепленном и неприступном месте, находятся представители высшей власти, знаки императорского достоинства и сокровищница Валента. И чтобы не охладел их пыл от перерывов в действиях, они в четвертом часу дня, замкнув кольцо осады вокруг стен города, начали ожесточеннейший бой; наступающие, в силу прирожденной ярости, проявляли отвагу, не жалея самих себя; с другой стороны, и у защитников мужество возрастало благодаря собравшимся у них большим силам. И так как большому числу воинов и рабов из лагерной прислуги вместе с обозом не дали войти в город, они прижимались к стенам и сплошным рядам построек и бились с храбростью, насколько это позволяло неудобное для них место. Выдержки и ярости для боя у них хватило до девятого часа³; а потом внезапно триста наших пехотинцев, стоявших у самых заграждений, сплотившись клином, перешли на сторону варваров; те с жадной поспешностью окружили их и тотчас же [неизвестно, с какой целью] зарубили. Вследствие этого в дальнейшем было подмечено, что никто больше не задумывал

ничего подобного даже в случаях совершенно безнадежного для себя положения.

В дальнейшем ⁴ варвары в заносчивой форме потребовали у римлян сдачи и отправили им письмо с парламентаром. Так как посланный не решился войти в город, письмо было передано каким-то христианином; его прочли и оценили по достоинству: остаток дня и вся ночь были использованы для оборонительных сооружений. Именно, ворота изнутри были завалены огромными камнями, укреплены были в слабых местах стены, удобно были расставлены метательные орудия для бросания копий и камней, подвезено было достаточно питьевой воды, так как накануне некоторые из бойцов чуть не умерли от жажды.

Со своей стороны и готы, считая победу для себя трудной и обеспокоенные тем, что видели, как гибнут и подвергаются ранениям самые храбрые из них и уменьшаются частично их силы, придумали коварный план, который обнаружился во имя торжества Справедливости. Некоторых наших кандидатов ⁵, которые накануне перешли к ним, они убедили притвориться беглецами, возвращающимися к себе домой, и под таким предлогом добиться, чтобы их впустили в город. Проникнув туда, они должны были тайно поджечь город в какой-нибудь его части, чтобы осажденные, бросившись тушить огонь, отвлеклись от охраны стен, и город можно было бы взять. Кандидаты, по уговору, пошли на это: подойдя ко рву, они протягивали руки и молили, чтобы их пустили в город, как подлинных римлян. И они были впущены, так как не было на них никакого подозрения. Но когда их стали допрашивать о намерениях врагов, они давали сбивчивые ответы; следствием этого было то, что их подвергли кровавой пытке, они сознались, ради чего они проникли в город, и были казнены.

В результате боя город Адрианополь остался за римлянами.

¹ После битвы с готами, тервингами и грейтунгами, которую римляне проиграли и во время которой убит был император Валент.

² Готы.

³ Двенадцать денных часов отсчитывались римлянами между восходом и заходом солнца. Полдень приходился, таким образом, между шестым и седьмым часом; девятый час — примерно около двух часов дня.

⁴ Текст следующей фразы несколько испорчен, поэтому передаем ее содержание своими словами.

⁵ Кандидатами Аммиан называет молодых военнотружущих, еще не утвержденных в должности.

Перев. и прим. В. С. Соколова.

№ 109. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ОБРАЗ ЖИЗНИ АЛАНОВ

(Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 17—25)

Разделенные таким образом по обеим частям света, аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя, и теперь все вообще называются аланами за свои

обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение. У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и куда бы они ни пришли, то место и считают родным очагом. Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми.

Там есть вечнозеленые равнины попеременно с рощами плодовых деревьев; поэтому, куда бы они ни переселялись, они не терпят недостатка в пище для себя ни в корме для скота; это производит влажная почва и большое количество протекающих там рек. Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами. Поэтому-то и персы, по происхождению скифы, очень опытные в военном деле.

Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни; с целью грабежа или охоты они доезжают до Мэотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии. Как мирный образ жизни приятен людям спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. У них считается счастливым тот, кто выпускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых. У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О будущем они гадают странным образом: собирают прямые ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом ясно узнают, что им предвещается. Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами.

Перев. взят из ВДИ, 1949 г., № 3, стр. 304—305.

№ 110. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ГУННОВ

(Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 1—12)

Семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий, которые возбудила воинственная ярость обычным, все смешивающим пожаром, послужила, как нам известно, следующая причина. Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Мэотийскими болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости. При самом рождении делаются на щеках ребенка глубокие надрезы острым оружием для того, чтобы рост выступающих в свое время волос притуплялся образующими морщины рубцами, и таким образом они стареют безбородыми и лишенными всякой красоты, подобно евнухам; все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь чудовищным и страшным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов. При столь неприятном человеческом облике они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением. Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение как к гробницам, отрешенным от обычного людского обихода. У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; и на чужбине они не входят в жилища за исключением разве крайней необходимости; у них даже не считается безопасным находиться под кровлей. Они одеваются в одежды холщевые или сшитые из шкурок лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой; раз надетая туника устарелого цвета снимается или меняется не прежде, чем от долговременного гниения расползается в лохмотья. Головы они прикрывают кривыми шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом. Поэтому они плохо действуют в наших стычках; но зато, как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошаденкам и иногда сидя на них по-женски, они исполняют все обычные свои дела; на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон с разнообразными сновидениями. Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном положении. Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокращают все, что попадет на пути. Иногда, угрожаемые нападением, они вступают в битвы клинообразным строем, со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рас-

сыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты, нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а врукопашную, очертя голову, рубятся мечами и на врагов, сами уклоняясь от ударов кинжалов, набрасывают крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противника, отнять у него возможность усидеть на коне или уйти пешком. У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина; он взчат в одном месте, рожден далеко отсюда, вскормлен еще дальше. В перемирии они неверны и непостоянны, быстро увлекаются всяким дуновением новой надежды и во всем полагаются на свою необузданную храбрость. Подобно неразумным животным, они не имеют никакого понятия о чести и бесчестии; они уклончивы и темны в речах, никогда не связаны уважением к религии; они пылают неудержимой страстью к золоту и до такой степени непостоянны и вспыльчивы, что иногда в один и тот же день без всякого подстрекательства изменяют своим союзникам и снова примиряются без всякого посредничества.

Этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до аланов, прежних массагетов.

Перев. взят из ВДИ, 1949 г., № 3, стр. 301—303.

№ 111. ДВИЖЕНИЕ АГОНИСТИКОВ, ИЛИ ЦИРКУМЦЕЛЛИОНОВ

(Августин, Письма, IV, 18, 108)

Аврелий Августин (354—430 гг.) родился в провинции Африке. Образование получил в Риме, особенно усердно изучал идеалистическую философию Платона. В 391 г. вернулся в Африку, где занял место епископа города Гиппона.

В произведении «О граде божьем» Августин дает реакционное толкование современных ему событий, старается оправдать эксплуатацию человека человеком. Августин боится и резко осуждает народные движения, в частности, движение циркумцеллионов, что находит отражение и в его «Письмах».

Не хотят люди единения, поэтому мы обращаемся против бессовестных поступков ваших сторонников (не хочу говорить про-

тив ваших лично) к общественным законам, а против самих законов ополчаются циркумцеллионы, презирающие их с такой же яростью, с какой они направляли их против вас, когда сами неистовствовали. Не хотят единения, поэтому подымается дерзость поселян против их собственных владетелей, и беглые рабы, вопреки учению апостольскому, не только уходят от своих господ, но и угрожают им, и не только угрожают, но и разграбляют, совершая жесточайшие нападения, причем зачинщиками, вождями и главарями самого преступления являются ваши исповедники, агонистики, которые во славу Божию украшают ваше приношение и во славу же Божию проливают чужую кровь, так что вы, собрав своих приверженцев и тех, которые разбежались, даете по причине раздражения людей обещание вернуть добычу тем, у кого она была отнята. Но вы не хотите даже оказаться в силах исполнить это, чтобы не чувствовать себя слишком обязанными оказать противодействие той дерзости, которую ваши пресвитеры считают для себя необходимой. Ведь они хвалятся прежними своими заслугами перед вами, показывая и перечисляя те, которые оказали вам до выхода того закона, который, как вы торжествуете, вернул вам вашу свободу¹, потому что благодаря этим людям захватили ваши пресвитеры земли и храмы (базилики), разорив и изгнав наших, так что если вы будете слишком строги с ними, то покажется, что вы неблагодарны за оказанные вам благодеяния.

¹ Свобода донатистам была предоставлена еще раньше по закону императора Юлиана, о котором Августин пишет в письме 105, гл. II, п. 9: «Юлиан Отступник и враг Христа по просьбе ваших Рогатиона и Понтия предоставил партии Доната свободу гибели; тогда именно вернул он базилики еретикам, когда храмы — демонам, думая, что таким образом христианство может быть уничтожено на земле...»

Перев. и прим. В. С. Соколова.

№ 112. ВОССТАНИЕ РАБОВ ПОД ЗНАМЕНЕМ РЕЛИГИОЗНОЙ БОРЬБЫ

(Августин, Письма, IV, 15, 185)

Прежде чем эти законы были изданы вселенскими императорами, учение мира и единства во Христе постепенно распространялось, и каждый, кто с ним знакомился, со своей стороны примыкал к нему, поскольку хотел и мог, в то время как у тех скопища совершенно потерявших разум беспутных людей по разным поводам нарушали покой ни в чем не повинных людей. Какой господин не был вынужден бояться своего раба, если он отдавался под покровительство этих людей? Кто осмеливался хотя бы угрожать нарушителю порядка? Кто мог вызвать на суд какого-нибудь расхитителя имущества или должника, если он обращался к этим людям за помощью и защитой? Из страха перед

побоями, поджогами и даже самой насильственной смертью уничтожались [закладные?] таблички самых негодных рабов, с тем чтобы они могли уйти на свободу. Собственноручные расписки должников, с трудом с них полученные, возвращались им обратно. Кто пренебрегал суровыми их словами, того принуждали выполнять приказанное еще более чувствительными ударами бичей. Дома невинных людей, оказавших им сопротивление, срывались с землей или сжигались. Некоторые отцы семейств знатного рода и благородного воспитания или чуть живыми спасались от их побоища, или оказывались привязанными к ручным мельницам и должны были под ударами бича, подобно презренному скоту, вращать их по кругу. Какую помощь могли оказать против них какие-либо законы; разве имели какую-нибудь силу против них гражданские власти? Какое должностное лицо не терялось в их присутствии? Какой блюститель порядка проводил что-либо в жизнь, если это было им неудобно? Разве кто-нибудь пытался отомстить за тех, кто погиб от их побоищ? если только кто по своему безумию не навлекал на себя их казни, когда одни, чтобы вызвать против себя мечи этих людей, сами угрожали им смертью и получали за то от них смертоносный удар, другие добровольно приводили себя к смерти, бросаясь в пропасти, или в воду, или в огонь, и обрекали души свои на вечную гибель за то, что кончали жизнь самоубийством.

Перев. В. С. Соколова.

№ 113. О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЕРЕСИ ДОНАТИСТОВ (О п т а т, III, IV)

Публикуемый ниже отрывок из книги церковника IV в. Оптата «О ереси донатистов» — единственный в своем роде документ, показывающий социальную подоплеку ереси. Хотя ересь донатистов получила распространение в начале IV в., но она продолжает линию, намечавшуюся в ересь II и III вв., в частности, у монтанистов.

Итак, ты видишь, брат Парменион, на чей счет надо отнести все трудности в достижении единства. Вы говорите, что мы, католики, вызвали солдат; но если так, то почему же в проконсульской провинции тогда никто не видел вооруженных солдат? Туда явились Павел и Макарий, чтобы разъединить повсюду бедняков и каждого в отдельности призвать к единению. Но когда они приближались к городу Баган, другой Донат, [как мы выше указали], епископ этого города, желая поставить преграды единению и воспротивиться вышеназванным и приезжающим, разослал по соседним местам и по всем селениям вестников, созывая ревностных циркумцеллионов¹, чтобы они собрались в назначенное место. И вот тогда было вызвано стечение тех лю-

дей, безумие которых, повидимому, незадолго до того было воспламенено самими епископами. А когда такого рода люди до объединения бродили по отдельным местам, когда сами безумцы провозгласили «вождями святых» Аксидона и Фазира, никто не мог чувствовать себя в безопасности в своих владениях. Расписки должников потеряли силу: в то время ни один кредитор не был свободен взysкивать долги. Всех терроризовали письма тех, кто себя гордо называл «вождями святых», а если кто медлил исполнить их приказание, внезапно налетала безумная толпа, и надвигающийся террор окружал кредиторов опасностями. В результате те, которых следовало просить о снисхождении, в смертельном страхе сами должны были униженно просить. Каждый спешил потерять даже очень крупные долги, и уже одно то считалось выигрышем, если удавалось спастись от их насилий. Также и дороги не могли быть вполне безопасны, так как господ выбрасывали из экипажей, и они должны были бежать впереди своих рабов, усевшихся на места господ. По их решению и приказу рабы и господа менялись положениями. Отсюда возникала вражда к епископам нашей партии, и тогда они, говорят, написали военачальнику Таурину, что такого рода людей нельзя исправлять методами церковными, и поручили упомянутому военачальнику их проучить. Тогда Таурин, в ответ на их письмо, распорядился послать солдат в те районы, где обычно свирепствовали циркумцеллионы. В местности Октави многие были убиты, многие казнены; их трупы и донныне еще можно сосчитать по выбеленным алтарям или столам. Когда некоторых из них стали хоронить в базиликах, епископ принудил пресвитера Клара в Суббуленском районе уничтожить эти погребения. Впоследствии количество их возросло, и у Доната Багаленского нашлось откуда собрать безумствующую толпу против Макария. Это были люди того самого рода, которые в стремлении к ложному мученичеству сами на свою погибель вызывали на себя губителей. Поэтому были среди них такие, которые бросались с вершин высоких гор, сбрасывая свои дешевые душонки. Вот из таких людей этот епископ, [второй] Донат, набрал свои отряды. В страхе перед ними те лица, которые ведали казной для раздачи нищим, надумали, находясь в такой крайности, затребовать вооруженную силу от военачальника Сильвестра — не для того, чтобы над кем-либо совершить насилие, но чтобы воспрепятствовать той силе, которую набрал вышеупомянутый Донат. Таким образом случилось, что появились вооруженные солдаты. А что последовало за этим, то вы сами видите, кому это должно или можно приписать. Они имели там бесконечную толпу призванных и, насколько известно, у них был заготовлен достаточный запас провианта; они превратили базилику как бы в общественный амбар. Они ждали прибытия тех, на кого могли бы излить свое бешенство. И они сделали бы все, что диктовало им их безумие, если бы им не мешало наличие вооруженной силы. Ибо, когда при прибытии

солдат были, как обычно, вперед высланы квартирьеры, они не приняли их должным образом, вопреки предписанию апостола, который говорит: «Кому подать — подать, кому оброк — оброк, кому страх — страх, кому честь — честь. Не оставайтесь должны никому ничем». Посланцы и лошади их были избиты теми, кого ты обвеял опахалом ненависти. Они сами научили, как надо с ними расправиться, став зачинщиками насилия: они научили, чему их можно подвергнуть.

Пострадавшие солдаты вернулись в свою часть, и все были огорчены тем, что претерпели двое или трое. Все были вооружены. Начальство не могло сдержать разгневанных солдат. Так получилось то, что, как ты упомянул, стало препятствием для единения.

Перев. А. Б. Рановича.

¹ Странствующий, бродячий монах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I

Стр.

Возникновение Римского государства. Эпоха ранней республики.

№ 1.	Географический очерк Италии (Страбон)	7
№ 2.	Описание Италии (Полибий)	8
№ 3.	Древнейшее население Италии (Дионисий)	10
№ 4.	Легенда об основании Рима (Дионисий)	12
№ 5.	Легенда об основании Рима (Тит Ливий)	14
№ 6.	Реформа Сервия Туллия (Дионисий)	17
№ 7.	Происхождение трибуната (Тит Ливий)	19
№ 8.	Законы XII таблиц	21
№ 9.	Поражение римлян в Кавдинском ущелье (Тит Ливий)	33
№ 10.	Покорение римлянами Южной Италии (Полибий)	35

Глава II

Превращение Рима в сильнейшее государство Средиземноморья

№ 11.	Основание Карфагена (Юстин)	39
№ 12.	Договоры римлян с Карфагеном до начала пунических войн (Полибий)	40
№ 13.	Причины первой пунической войны (Полибий)	43
№ 14.	Захват Агригента (Полибий)	45
№ 15.	Надпись на колонне Дуилия	47
№ 16.	Мирный договор Рима с Карфагеном после первой пунической войны (Полибий)	48
№ 17.	Восстание наемников в Карфагене (Полибий)	49
№ 18.	Состав войска Ганнибала (Полибий)	51
№ 19.	Тактика Фабия Максима (Ливий)	52
№ 20.	Битва при Каннах (Ливий)	55
№ 21.	Переход Капуи на сторону Карфагена после поражения Рима в битве при Каннах (Ливий)	59
№ 22.	Переговоры Филиппа V с Ганнибалом о совместной борьбе против Рима (Ливий)	61
№ 23.	Условия мира с Филиппом Македонским (Ливий)	62
№ 24.	Превращение Греции в римскую провинцию (Ливий)	63

Глава III

Восстания рабов и демократическое движение в Риме во II—I вв. до н. э.

№ 25.	Доходы сельского хозяйства (Марк Порций Катон)	68
№ 26.	Обязанности виллика (Марк Порций Катон)	69
№ 27.	Пища и одежда рабов (Марк Порций Катон)	70

	Стр.
№ 28. Обработка земли (Марк Порций Катон)	70
№ 29. Об обращении с рабами (Диодор)	—
№ 30. Первое Сицилийское восстание рабов (Диодор)	71
№ 31. Масштабы первого Сицилийского восстания и его отклики в Малой Азии (Диодор)	75
№ 32. Восстание Аристоника (Страбон)	76
№ 33. Движение Гракхов (Аппиан)	—
№ 34. Реформы братьев Гракхов в оценке Плутарха	89
№ 35. Выступление и гибель братьев Гракхов (Веллей Патеркул)	98
№ 36. Надпись Попилия Лената	101
№ 37. Аграрный закон 111 года до н. э.	102
№ 38. Положение италиков во II в. до н. э. (Авл Геллий)	105
№ 39. Деятельность Ливия Друза (Аппиан)	106
№ 40. Союзническая война (Аппиан)	107
№ 41. Союзническая война (Флор)	110
№ 42. Борьба марианской и сулланской партий (Аппиан)	111
№ 43. Вражда Мария и Суллы (Плутарх)	115
№ 44. Диктатура Суллы (Аппиан)	119
№ 45. Восстание Спартака (Аппиан)	120
№ 46. Восстание Спартака (Плутарх)	123

Глава IV

Гражданские войны I в. до н. э. и падение Римской республики

№ 47. Римский денежный капитал в провинциях (Цицерон)	130
№ 48. Об управлении провинцией Азией (Письмо Марка Цицерона брату Квинту)	131
№ 49. Эксплуатация провинций (Цицерон)	135
№ 50. Советы, как достигнуть должности консула (Письмо Квинта Цицерона Марку брату)	137
№ 51. Заговор Катилины (Саллюстий)	141
№ 52. Заговор Катилины (Аппиан)	154
№ 53. Союз Цезаря, Помпея и Красса (Дион Кассий)	157
№ 54. Борьба Цезаря и Помпея (Юлий Цезарь)	160
№ 55. Движение Лжемария (Аппиан)	161
№ 56. Положение антицезарианской партии после убийства Цезаря (по письмам Цицерона)	162
№ 57. Мутинская война (Аппиан)	171
№ 58. Второй триумвират (Аппиан)	172
№ 59. Проскрипции после смерти Цезаря (Аппиан)	173
№ 60. Борьба с Секстом Помпеем (Аппиан)	176
№ 61. Соглашение с Секстом Помпеем (Аппиан)	177
№ 62. Гражданские войны в творчестве Горация	178
№ 63. Надпись Селевка Розосского	181

Глава V

Социально-экономическое и политическое положение Рима I—II вв. н. э.

№ 64. Триумф Октавиана по окончании гражданской войны (Веллей Патеркул)	187
№ 65. Разделение управления между принцепсом и сенатом (Дион Кассий)	188
№ 66. Эдикты Августа из Киренаики	189
№ 67. Деяния божественного Августа	194

	<i>Стр.</i>
№ 68. Послание императора Клавдия к александрийцам	197
№ 69. Следствие над рабами убитого в своем доме господина (Дигесты)	201
№ 70. Торговля солью и гипсом в Египте	202
№ 71. Восстание паннонских и рейнских легионов (Тацит)	203
№ 72. Восстание Такфарината в Нумидии (Тацит)	208
№ 73. Восстание Боудикки в Британии (Тацит)	210
№ 74. Трактат о сельском хозяйстве (Люций Юний Модерат Колумелла)	212
№ 75. Об управлении имением (Плиний Младший)	214
№ 76. О покупке имения (Плиний Младший)	215
№ 77. О продаже хлеба в неурожайный год	216
№ 78. Привилегии ветеранов при Домициане	217
№ 79. Пир Трималхиона	218
№ 80. Манциев закон	222
№ 81. Закон Адриана	225
№ 82. Договор о покупке рабыни	226
№ 83. Декрет о воинских почестях	—
№ 84. Декрет императора Коммода о колонах Бурунитанского поместья	227

Глава VI

Северное Причерноморье и Кавказ в конце республики и в эпоху империи

№ 85. Природные богатства Северного Причерноморья и Кавказа (Страбон)	231
№ 86. Восстание Савмака на Боспоре (Декрет в честь Дио- фанта)	—
№ 87. Планы Митридата Понтийского в борьбе с Римом (Аппиан)	233
№ 88. Борьба Митридата Евпатора с Римом (Аппиан)	235
№ 89. Борьба Боспорского царства за независимость при Митрида- те VII (Тацит)	—
№ 90. Надпись Плавтия Сильвана	238
№ 91. Восстание Аникета против римлян (Тацит)	239

Глава VII

Кризис Римской империи в III веке

№ 92. Эдикт Каракаллы	242
№ 93. Характеристика III века в произведениях Киприана (из по- слания Донату)	—
№ 94. Положение колонов во Фракии	243
№ 95. Положение колонов в Лидии в III в. н. э.	244
№ 96. Положение колонов во Фригии в III в. н. э.	245
№ 97. Дигесты о положении колонов	246
№ 98. Жизнь и труд жнеца (III в. н. э.)	—
№ 99. Размеры пошлин на товары и скот в Нумидии в III в. н. э.	247
№ 100. Охрана коллегий императорами в III в. н. э.	248
№ 101. Нападения племен на границы Нумидии в III в. н. э.	—
№ 102. Нападения племен на границы Нумидии в III в. н. э.	249

Глава VIII

Восстания рабов и падение Западной Римской империи

№ 103. Эдикт Диоклетиана о ценах	251
--	-----

№ 104. Движение багаудов (по данным Евтропия, Аврелия Виктора, Аммиана Марцеллина, Сальвиана)	256
№ 105. Римское законодательство IV—V вв. о тяжелом положении ко- лонов (Кодексы Юстиниана и Феодосия)	258
№ 106. Поселение готов на территории Римской империи (Аммиан Марцеллин)	260
№ 107. Восстание готов и рабов (Аммиан Марцеллин)	262
№ 108. Осада Адрианополя готами (Аммиан Марцеллин)	263
№ 109. Общественный строй и образ жизни аланов (Аммиан Мар- целлин)	264
№ 110. Общественный строй гуннов (Аммиан Марцеллин)	266
№ 111. Движение агонистиков, или циркумцеллионов (Августин)	267
№ 112. Восстание рабов под знаменем религиозной борьбы (Авгу- стин)	268
№ 113. О социальной сущности ереси донатистов (Оптат)	269

Переплет и заставки художника *Б. С. Никифорова*
Редакторы *М. А. Барг, И. С. Савельев*
Художественный редактор *М. Л. Фрам*
Технический редактор *Н. Н. Махова*

Корректор *А. Г. Нудлер*

Подписано к печати 6.IV 1953 г.

А01462

Бумага 60×92^{1/16}.

Бумажных листов 8,62.

Печатных листов 17,25.

Учетно-изд. листов 19,27

Тираж 50000 экз.

Цена без переплета 5 р. 20 к.

Переплет 80 к.

Заказ 250 м.

Типография треста Росполиграфпром,
гор. Калуга, пл. Ленина, 5

Типография
ТРЕСТА РОСПОЛИГРАФПРОМ
гор. Калуга, пл. Ленина, 5

КОНТРОЛЕР № 7

При обнаружении брака в книге
просим возвратить книгу вместе
с этим ярлыком.

Цена 6 руб.